МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК

«Маргарет Этвуд
начинает и выигрывает».
TIME

Лакомый кусочек
Маргарет Этвуд

Аннотация
Маргарет Этвуд. Лакомый кусочек
Часть первая
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Часть вторая
13
14
15
16
17
18

19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
Часть третья
31

Аннотация

«Лакомый кусочек» – сюрреалистический и смешной дебютный роман Маргарет Этвуд, написанный задолго до прославивших ее произведений, в котором, тем не менее, уже слышен ее неповторимый авторский голос.

Получив предложение руки и сердца, Мэриен перестает есть. Сначала она не может съесть стейк, потом яйца, потом овощи, а потом вообще ничего! А что еще хуже, Мэриен кажется, будто ее саму что-то снедает – не страсти и не эмоции. Но что же тогда? Или кто? Никто из окружения Мэриен не замечает происходящих с ней перемен, но однажды ее внутренний протест достигнет своего пика и вырвется наружу.

Маргарет Этвуд
Лакомый кусочек

Посвящается Дж.

В процессе приготовления торта необходимо следить за тем, чтобы не только рабочая поверхность (предпочтительно – мраморная доска), инструменты, ингредиенты, но и пальцы оставались прохладными…

Рецепт выпечки из слоеного теста в книге: И. С. Ромбауэр и М. Р. Беккер «Кулинарная библия»

Margaret Atwood
THE EDIBLE WOMAN
Copyright © O.W. Toad Ltd. 1976

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

1

Я точно знаю: в пятницу, когда я встала, со мной все было в порядке; ну разве что чувствовала себя непривычно вялой. Пошла на кухню приготовить завтрак, а Эйнсли уже торчала там — терла пол шваброй. Сказала, что накануне вечером побывала на кошмарной вечеринке. Она божилась, что, кроме студентов-стоматологов, там никого не было, и те довели ее до ручки, так что она с горя напилась.

— Ты не представляешь, какой это был отстой: двадцать раз выслушивать рассказы про десны и полость рта. Пришлось в красках описать им, какой у меня однажды абсцесс был — вот тут все оживились. У них прям слюни потекли от восторга. А многих мужиков интересовали вовсе не мои *зубы*, черт бы их побрал!

Она мучилась похмельем, отчего я повеселела: почувствовала себя такой здоровой! Налила ей стакан томатного сока, по-быстрому растворила в воде таблетку Алка-Зельтцера и, вполуха слушая ее жалобы, сочувственно поддакивала.

— Как будто мне мало этих разговоров на работе, — проворчала она.

Эйнсли проверяет неисправные электрические зубные щетки в компании производителя: она там временно. А ждет она открытия новой выставки в небольшой художественной галерее, правда, платят там мало, но она мечтает задружиться с художниками. В прошлом году, по ее словам, она мечтала о знакомстве с актерами, и кое с кем ей и впрямь удалось познакомиться.

— Эти стоматологи просто зациклены на зубах. Наверное, у всех в карманах пиджаков лежат круглые зеркальца на изогнутой ручке, и каждый раз, заходя в сортир, они вынимают их и обследуют свой рот — смотрят, нет ли у них кариеса.

Эйнсли задумчиво провела рукой по волосам — они у нее длинные и рыжие, вернее огненно-каштановые.

— Прикинь, а вдруг с таким придется целоваться? И он перед поцелуем скомандует: «Откройте пошире рот!» Какие-то они все одноколейные…

— Наверное, там было ужасно, — предположила я, доливая сок ей в стакан. — А ты не могла сменить тему?

Эйнсли удивленно подняла почти несуществующие бровки, которые с утра еще не успела подрисовать:

— Конечно нет. Я сделала вид, что мне жутко

интересно. И естественно, я не сказала, где работаю: эти профессионалы из себя выходят, если выясняется, что ты что-то смыслишь в их области. Ну, прямо как твой Питер, понимаешь?

Эйнсли частенько подкалывает Питера, особенно когда ей неможется. Но я великодушно промолчала.

— Тебе бы поесть перед работой, — посоветовала я, — лучше, когда в таком состоянии желудок чем-то заполнен.

— О боже, — вздохнула Эйнсли, — я больше так не могу. Еще один день посвятить электромеханизмам и ртам. У меня уже месяц ничего интересного не было — после того случая, когда одна дама вернула зубную щетку с выпадающими щетинками. А мы узнали, что она пользовалась пемолюксом.

В то утро я так старалась быть полезной Эйнсли, мысленно упиваясь своим моральным превосходством над ней, что даже не обратила внимания, что уже опаздываю — хорошо, она мне напомнила. В компании электрических зубных щеток никто не следит, когда ты появляешься на рабочем месте, но в моем офисе пунктуальность считается хорошим тоном. Мне пришлось заменить сытную яичницу стаканом холодного

молока и плошкой сухих хлопьев, после которых я, конечно, проголодаюсь задолго до обеда. Я мрачно сжевала ломтик хлеба, пока Эйнсли, еле сдерживая тошноту, молча наблюдала за мной. Потом я схватила сумку и пулей вылетела из квартиры. Эйнсли захлопнула за мной дверь.

Мы живем на верхнем этаже большого трехэтажного дома в старом благообразном квартале — наши комнаты, я думаю, раньше предназначались для прислуги. Между нами и входной дверью внизу два лестничных пролета, второй, тот, что ведет к нам, узкий и скользкий, а нижний — широкий и покрыт ковровой дорожкой, но удерживающие ковер металлические пруты совсем разболтались. В туфлях на шпильках — они предусмотрены нашим дресс-кодом — мне приходится спускаться по лестнице бочком, крепко держась за перила. В то утро я благополучно прошагала мимо ряда медных грелок для постели, подвешенных вдоль лестницы, увернулась от острозубых вентилей труб, торчащих из стены на площадке второго этажа, и успешно миновала потрепанный армейский флаг за стеклом и вереницу портретов каких-то стариков в овальных рамах, стерегущих нижний пролет. К моей радости, внизу никого не было. Спустившись на

первый этаж, я шагнула к двери, проскользнув между фикусом в горшке и столиком с кружевной салфеткой и круглым медным подносиком. Из-за бархатной занавески справа я услышала звуки пианино: девчонка наигрывала свои утренние этюды. «Кажется, пронесло», — подумала я.

Но прежде чем я успела схватиться за ручку, дверь бесшумно отворилась с улицы, и я поняла, что попалась. Наша домовладелица, обитающая внизу. На ней были садовые рукавицы — чистые, ни пятнышка, в руке она сжимала совок. Интересно, кого она сейчас зарыла во дворе.

— Доброе утро, мисс Макэлпин, — строго произнесла она.

— Доброе утро! — кивнула я и улыбнулась. Я никак не могу запомнить ее имя, и Эйнсли тоже. При виде нее мы обе впадаем в ступор. Я взглянула мимо нее на улицу, но она не сдвинулась с места и продолжала загораживать дверной проем.

— Вчера вечером я уходила на собрание, — сообщила домовладелица. У нее была привычка говорить обо всем обиняками. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и снова улыбнулась: когда же до нее дойдет, что я спешу? — Дочь рассказала мне, что в доме опять был пожар.

— Ну, не совсем пожар, — возразила я.

Девчонка восприняла упоминание о себе как повод прекратить играть, и теперь, откинув бархатную занавеску, стояла в дверях общей гостиной и пялилась на меня. Это нескладное существо лет пятнадцати учится в привилегированной школе для девочек, поэтому ей приходится ходить в зеленой тунике и таких же гольфах. Я уверена, что она вполне нормальная, но есть что-то идиотское в ленте для волос, которая обручем стискивает ей голову, торчащую над крупным туловищем.

Домовладелица стянула одну рукавицу и поправила шиньон.

— Да что вы? — ласково произнесла она. — Но ребенок говорит, было много дыма.

— У нас все под контролем. — Я уже не улыбалась. — Это свиные отбивные слегка подгорели.

— Понятно. Что ж, будьте добры, попросите мисс Тьюс постараться сделать так, чтобы в следующий раз дыма было поменьше. Боюсь, это доставляет ребенку беспокойство.

Она считает, что виновата Эйнсли: наверное, думает, у нее, как у дракона, дым валит из ноздрей. Но она никогда не останавливает Эйнсли в холле и не заговаривает с ней — только со мной. Подозреваю, она считает, что Эйнсли не достойна

ее внимания. Это, вероятно, оттого, что мы одеваемся по-разному. Эйнсли говорит, я одеваюсь так, словно выбираю себе камуфляж или защитную окраску, хотя по мне, что ж в этом плохого? Сама она предпочитает переливающийся розовый.

Естественно, на автобус я опоздала. Еще идя через лужайку, я заметила, как он уезжает через мост в шлейфе дыма из выхлопной трубы. Пока в ожидании следующего автобуса я стояла под деревом — на нашей улице полно деревьев, причем все они гигантские, — из дома выбежала Эйнсли и направилась ко мне. Она умеет быстро менять решения, а я вот не могу собраться с мыслями так скоро. Теперь она выглядела намного здоровее — возможно, благодаря макияжу, хотя с Эйнсли никогда не знаешь. Она сделала пучок на макушке, как делает всегда, собираясь на работу. В остальное время она носит их распущенными. На ней было ее любимое оранжевое с розовым платье без рукавов, которое, на мой вкус, чересчур туго обтягивало бедра. День обещал быть жарким и душным: я уже чувствовала, как меня окутал влажный кокон, словно тело сунули в пластиковый пакет. Может, и мне тоже надо было надеть платье без рукавов…

— Она меня подстерегла в холле, — сообщила

я. — И сделала замечание насчет дыма.

— Старая стерва, — отозвалась Эйнсли. — Ей-то какое дело? — В отличие от меня Эйнсли родилась не в маленьком городке и не привыкла к тому, что люди обожают совать нос куда не надо; с другой стороны, это ее абсолютно не смущает. Она понятия не имеет, чем это может обернуться.

— Не такая уж она и старая, — заметила я, взглянув на занавешенные окна первого этажа нашего дома, хотя точно знала, что хозяйка не может нас слышать. — К тому же дым учуяла не она, а ребенок. А она была на собрании.

— Небось на собрании христианок-трезвенниц, — съязвила Эйнсли. — Или канадских дочерей империи[1]. Но спорим, нигде она не была, а пряталась за своей бархатной занавеской, чтобы мы думали, будто ее нет, и учудили что-нибудь *этакое*. Она мечтает увидеть оргию.

— Так, Эйнсли, хватит паранойи.

Эйнсли уверена, что, когда нас нет дома, хозяйка поднимается и бродит по нашим комнатам, в ужасе заглядывая во все углы; она даже подозревает, что домовладелица рассматривает на свет наши письма, хотя и не осмеливается пока их

[1] Примечания: 1

Имеются в виду женские общественные организации: Христианский союз женщин за трезвость и Орден канадских дочерей империи.

вскрывать. Но что она действительно частенько делает, так это открывает нашим гостям еще до того, как они позвонят в дверь. Наверное, она считает себя вправе принимать меры предосторожности: когда мы подумывали снять на двоих квартирку наверху, она сразу нас предупредила, прозрачно намекая на прошлых съемщиков, что, какой бы образ жизни мы ни вели, ее невинная дочь-подросток должна быть ограждена от дурного влияния, и в этом смысле, по ее мнению, на двух девушек можно положиться больше, чем на двух молодых мужчин.

— Я стараюсь изо всех сил, — заявила хозяйка, вздохнув и покачав головой. Она сообщила, что ее муж, чей масляный портрет висел над пианино, оставил ей не так много денег, как хотелось бы. — Вы, конечно, понимаете, что у вашей квартиры нет отдельного входа?

Она подчеркивала скорее недостатки, чем преимущества нашего будущего жилья так, словно не горела желанием его нам сдать. Я ответила: мол, да, понимаем. Эйнсли ничего не ответила. Мы с ней заранее договорились, что все разговоры буду вести я, а Эйнсли будет сидеть и молчать с невинным видом — это она умеет, когда захочет: у нее розовато-белое детское личико, нос-пуговка

и большие голубые глаза, которые она может округлить, отчего они становятся похожими на два шарика для пинг-понга. Для таких случаев я ее даже уговариваю надеть перчатки.

Домовладелица снова покачала головой.

— Если бы не ребенок, я бы продала дом. Но я хочу, чтобы дочь росла в хорошем районе.

Я ответила, что понимаю ее, а она сказала, что район, конечно, уже не такой хороший, как раньше: большие особняки слишком дорого содержать, и многие владельцы были вынуждены продать их иммигрантам (при этих словах уголки ее рта чуть скривились), а те превратили их в многоквартирные дома под сдачу.

— Но до нашей улицы это еще не дошло, — продолжала она, — и я говорю ребенку, по каким улицам ей можно ходить, а по каким нельзя.

На что я заметила, что это мудрое решение. До подписания договора об аренде эта дама казалась довольно легкой в общении. И арендная плата невысокая, и дом неподалеку от автобусной остановки. Словом, для большого города такое жилье было просто находкой.

— Кроме того, — добавила я в разговоре с Эйнсли, — у нее есть полное право беспокоиться о дыме. А вдруг пожар? К тому же больше она ни-

каких претензий не предъявляла.

— Каких еще претензий? Мы же ничего такого и не *делаем*!

— Ну… — начала я.

Я подозревала, что наша хозяйка давно уже заприметила предметы бутылочной формы, которые мы то и дело приносили к себе наверх, хотя я изо всех сил пыталась замаскировать их под обычные покупки из продуктовой лавки. Она и правда никогда не запрещала нам ничего конкретного — это было бы слишком вопиющим нарушением ее закона о щепетильности, — но именно это и заставляет меня думать, что на самом деле нам запрещено вообще все.

— В ночной тишине, — сказала Эйнсли, когда подъехал автобус, — я слышу, как она буравит деревянные перегородки.

В автобусе мы не разговаривали. Не люблю разговаривать в автобусе. Предпочитаю смотреть на рекламные объявления. Кроме того, нас с Эйнсли мало что связывает, помимо домовладелицы. Я познакомилась с ней незадолго до того, как мы въехали в эту квартиру. Она была знакомой моей знакомой и одновременно со мной искала, с кем бы на пару снять квартиру — как оно обычно и бывает. Может быть, мне стоило воспользоваться

компьютером, хотя в общем все вышло как нельзя лучше. Мы ладим с ней благодаря сочетанию бытовых привычек и обходимся минимумом той ехидной враждебности, какая часто возникает в отношениях двух соседок. Наша квартирка не отличается идеальной чистотой, но мы по негласному соглашению стараемся поддерживать в ней порядок, не позволяя себе зарасти грязью: если я мою посуду после завтрака, Эйнсли делает это после ужина, если я подметаю пол в гостиной, Эйнсли вытирает кухонный стол. Мы все делаем по очереди, и обе понимаем, что если кто-то уклонится от своих обязанностей, то в доме сразу наступит разруха. Разумеется, у каждой из нас своя спальня, и то, что там происходит, касается исключительно ее обитательницы. Например, в спальне у Эйнсли пол напоминает болото, покрытое ряской из ношеной одежды, а пепельницы, стоящие то тут, то там, — камни, по которым это болото можно перейти. И хотя я считаю это пожароопасным, никогда об этом не говорю. И вот путем такого взаимного воздержания от упреков — полагаю, оно взаимное, потому что наверняка и я делаю то, что ей не нравится, — мы умудряемся поддерживать мирное сосуществование.

Мы доехали на автобусе до станции подземки,

где я купила себе пакетик арахиса, потому что уже проголодалась. Я предложила орешков Эйнсли, но она отказалась, и я сгрызла все по дороге в центр.

Мы сошли на предпоследней станции и вместе прошли пешком квартал: здания наших офисов располагаются в одном районе.

— Кстати, — заметила Эйнсли перед тем, как я свернула на свою улицу, — у тебя есть три доллара? У нас кончился виски.

Я пошарила в сумке и передала ей три доллара, не без ощущения несправедливости: мы делили пополам расходы на бутылки, но никак не их содержимое. Когда мне было десять лет, я написала сочинение о трезвости на конкурс воскресной школы Объединенной церкви и проиллюстрировала его фотографиями автокатастроф, диаграммами с данными о болезнях печени и графиками, демонстрирующими воздействие алкоголя на кровеносную систему; наверное, именно после этого у меня выработалась привычка после второй рюмки представлять себе нарисованный цветными карандашами стаканчик с противным на вкус теплым вином для причастия. Это ставит меня в невыгодное положение в отношениях с Питером: он любит, когда я стараюсь от него не

отставать.

Я торопливо шагала к своему офисному зданию, как вдруг поймала себя на мысли, что завидую Эйнсли с ее работой. Хотя моя была куда интереснее и лучше оплачивалась — ее работа была временной, она имела представление о том, чем ей хочется заниматься дальше. Она работала в светлом новом здании с кондиционером, а я — в мрачной кирпичной коробке с крохотными окошками. Кроме того, у нее была необычная должность. Знакомясь с новыми людьми, она всегда их удивляла, когда начинала им рассказывать, что тестирует неисправные электрические зубные щетки, и под конец всегда говорила: «Ну а чем еще в наше время заниматься девушке с высшим гуманитарным образованием?» А я все еще ищу свою профессию. И еще я думала, что обладаю большей квалификацией, чтобы справляться с обязанностями Эйнсли. Судя по тому, как выглядит ее спальня, у меня куда больше данных для работы с механическими приспособлениями, чем у Эйнсли.

Я добралась до офиса, опоздав аж на сорок пять минут. Никто не сказал мне ни слова, но все взяли на заметку.

2

В офисе стояла невыносимо влажная духота. Я проплыла мимо столов сотрудниц в свой угол и едва уселась за пишущую машинку, как сразу почувствовала, что голые ноги приклеились к черному кожзаму кресла. Система охлаждения опять сломалась, но поскольку она представляет собой простой вентилятор, который вращается в центре потолка и гоняет воздух, как суп ложкой, нет никакой разницы, работает он или нет. Впрочем, на теток в нашем офисе вид замерших лопастей вентилятора производил удручающее впечатление: создавалось впечатление, что в этом офисе никто ничего не делает, и неподвижность вентилятора лишь усугубляла общее дремотное состояние. Сотрудницы сидели за столами, надувшись, точно сонные жабы: моргая и беззвучно то раскрывая, то закрывая рты. Пятница в офисе — день тяжелый.

Я принялась лениво тыкать пальцами по влажным клавишам машинки, когда миссис Уизерс, диетолог, вошла в офис через заднюю дверь, замерла и оглядела помещение. На голове у нее

была ее обычная прическа под Бетти Грейбл[2], на ногах — ее обычные туфельки с открытым носом, и даже в платье без рукавов создавалось впечатление, что форму ее плеч держат пухлые подплечники.

— А, Мэриен, — заметила она, — ты как раз вовремя. Мне нужна еще одна контрольная дегустация для нашего исследования консервированного рисового пудинга, но никто из девочек, кажется, сегодня не голоден.

Она развернулась и поспешно направилась на кухню. Есть в диетологах нечто неувядаемое. Я отклеилась от кресла, чувствуя себя как доброволец, выступивший на шаг из ряда, но напомнила себе, что мне не помешает второй завтрак.

В крошечной чистенькой кухоньке миссис Уизерс объяснила мне возникшую проблему, одновременно разложив по трем стеклянным плошкам одинаковые порции консервированного рисового пудинга.

— Ты же работаешь с опросниками, Мэриен, и наверняка сможешь нам помочь. Мы все никак не можем решить, стоит ли давать фокус-груп-

---

[2] Примечания: 2

Бетти Грейбл (1916–1973) — популярная американская киноактриса, чья фирменная прическа — туго завитые локоны сверху и волнистые пряди сзади.

пе пробовать три вкуса сразу или предлагать каждый по отдельности в три захода. Или, может быть, надо предлагать дегустировать вкусы парами — скажем, ванильный с апельсиновым или ванильный с карамельным? Разумеется, нам важно получить по возможности непредвзятую оценку, поэтому многое зависит от того, какие сопутствующие впечатления получает дегустирующий — я имею в виду впечатления, связанные с цветом овощей, к примеру, или с цветом скатерти.

Я продегустировала ванильный пудинг.

— А как бы ты оценила цвет? — озабоченно спросила она, держа карандаш наготове. — Натуральный, слегка искусственный или явно ненатуральный?

— А вы не думали добавить сюда изюм? — поинтересовалась я, переходя к пудингу с карамельным вкусом. Мне не хотелось ее разочаровывать.

— Изюм — рискованно, — ответила она. — Многие его не любят.

Я поставила карамельный пудинг и взяла апельсиновый.

— Вы собираетесь подавать его разогретым? Или со сливками?

— Ну, предполагается, что его будут покупать

прежде всего люди, заинтересованные в экономии времени, и они, естественно, предпочитают употреблять пищу в холодном виде. Они, конечно, могут добавлять в него сливки, то есть мы ничего не имеем против сливок, хотя для питательности продукта это не имеет значения, пудинг уже обогащен витаминами, но сейчас нас интересует *чисто* вкусовая дегустация.

— Думаю, лучше давать на дегустацию продукты с разными вкусами по отдельности.

— Было бы совсем хорошо, если бы нам удалось провести дегустацию в середине дня. Но нам важна реакция всех членов семьи… — И она задумчиво постучала карандашом по краю стальной мойки.

— Да… Ладно, — сказала я. — Мне надо возвращаться.

Решать за них, что важно, а что нет, не входит в мои должностные обязанности. Иногда я задумываюсь, что вообще входит в мои должностные обязанности, особенно когда мне приходится обращаться к автомеханикам и задавать им вопросы про поршни и прокладки или раздавать на улице брецели недоверчивым пожилым дамам. Я знаю, зачем меня наняла фирма по изучению общественного мнения «Сеймур сёрвейз» — для

редактирования опросников, для превращения заумной и невразумительной прозы психологов, которые сочиняют эти опросники, в простые и четкие вопросы, которые понятны и тем, кто их задает, и тем, кто на них отвечает. Вопрос типа: «В какой перцентиль вы бы поместили ценность визуального воздействия?» — делу не поможет. Получив после колледжа эту работу, я сочла, что мне повезло: работа была лучше, чем многие другие, — но вот я работаю здесь уже четыре месяца, а границы моих должностных обязанностей все еще не вполне ясны.

Временами я пребываю в уверенности, что меня готовят для какой-то высокой должности, но поскольку у меня довольно туманные представления об организационной структуре компании «Сеймур сёрвейз», я понятия не имею, для какой. Наша компания, расположенная на трех этажах, смахивает на слоеный торт-мороженое: хрустящая корочка сверху, нижний твердый слой и в середине наш отдел — как слой тягучей нуги. На верхнем этаже сидит руководство вместе с психологами — их у нас называют «мужчины наверху», потому что там одни мужчины, которые ведут дела с нашими клиентами. Я мельком видела их кабинеты — там сплошь ковры, дорогущая ме-

бель да шелкографические репродукции картин «Группы семи»[3]. Под нами машинный зал: там стоят копировальные машины, электронно-вычислительные машины IBM для сбора и обработки информации. Я и там была, в этом похожем на заводской цех помещении, где сотрудники кажутся нервными и уставшими, а их пальцы перепачканы чернилами. Наш отдел связывает тех, кто сверху, с теми, кто снизу: в наши обязанности входит непосредственная работа с людьми, с интервьюерами. Маркетинговые исследования — это что-то вроде кустарного производства: мы как надомная мастерская, где изготавливают носки ручной вязки, здесь трудятся домохозяйки в свое свободное время, и платят им по выработке. Много они тут не зарабатывают, но им просто приятно ненадолго освободиться от домашних забот. Те, кто отвечают на вопросы анкет, вообще не получают ни гроша; и я частенько думаю: почему они этим занимаются. Наверное, под воздействием социальной рекламы, убедившей их, будто они могут улучшить качество продукции, которой они пользуются каждый день, и что их работа тут сродни научному исследованию. А

[3] Примечания: 3

«*Группа семи*» — сообщество канадских пейзажистов 1920–1930-х годов.

может, им просто нравится иметь возможность поболтать с людьми. Но, думаю, большинству просто лестно сознавать, что их мнение кого-то интересует.

Поскольку наш отдел имеет дело в основном с домохозяйками, все у нас, кроме несчастного паренька-курьера, — женщины. Нас рассадили в просторном зале, выдержанном в официальных зеленых тонах, с застекленной кабинкой в дальнем углу, где сидит миссис Боге́, руководитель нашего отдела, а в другом конце офиса стоят в рядок деревянные столы, за которыми сидят похожие на заботливых мамаш женщины, расшифровывают заполненные от руки нашими интервьюерами опросники и разноцветными карандашами ставят в нужных клеточках крестики и галочки — с ножницами в руках, с бутылочками клея, со стопками листков они похожи на престарелых первоклассниц. Остальные сотрудницы отдела сидят за разными столами по всему залу. Еще у нас есть уютная кухня-столовая, отгороженная от основного зала ситцевой занавеской, ею пользуются те, кто приносит из дома еду; есть электрочайник и кофеварка, хотя кое у кого имеются и собственные чайники; а еще в нашем распоряжении облицованная розовым кафелем

туалетная комната, где висящее над зеркалами объявление убедительно просит смывать упавшие в раковину волосы и чаинки.

Так до кого же я могу дорасти в «Сеймур сёрвейз»? Я не смогу влиться в компанию «мужчин наверху»; я не могу стать оператором в машинном зале или обработчицей опросников, потому что для меня это было бы понижением. Рассуждая гипотетически, я могла бы превратиться в миссис Богé или в ее ассистентку, но я сама понимаю, что это заняло бы уйму времени, да и не думаю, что мне бы понравилась ее работа.

Я как раз заканчивала переписывать опросник о проволочных мочалках — это было срочное задание, — когда заметила рядом миссис Грот из бухгалтерии. Она разговаривала с миссис Богé и, выйдя из ее стеклянного закутка, остановилась у моего стола. Низенькая крепенькая женщина с волосами матово-стального цвета.

— Так, мисс Макэлпин, — пророкотала она, — вы у нас работаете уже четыре месяца, а значит, вам пора оформить пенсионный план.

— Какой план? — Мне что-то говорили про пенсию, когда оформляли на работу, но я совсем про это забыла. — Не рано ли? То есть я не слишком молода для этого?

— Ну, чем раньше, тем лучше, вы так не думаете? — заметила миссис Грот.

Ее глаза за стеклами очков без оправы сверкнули: уж она-то не упустит шанс вычесть из моей зарплаты пенсионное отчисление.

— Что-то мне не хочется оформлять пенсионный план, — заявила я. — Но спасибо за предложение.

— Да, но поймите, это обязательно! — парировала она будничным тоном.

— Обязательно? То есть даже если я не хочу?

— Ну да. Видите ли, если никто не будет платить взносы в наш пенсионный фонд, никто потом ничего и не получит, не так ли? Так, вот необходимые документы, вам нужно только подписать — вот здесь.

Я поставила подпись. Но после того, как миссис Грот удалилась, я вдруг пала духом: меня все это расстроило куда больше, чем следовало бы. Не только от досады, что надо подчиняться каким-то правилам, которые меня не интересуют и не я выдумала, — к этому я привыкла еще в школе. Просто меня обуял суеверный страх из-за того, что я подписала официальную бумагу, поставила свою подпись под неким магическим документом, привязывающим меня к еще очень далекому

будущему, о котором я и думать-то была не готова. И теперь где-то вдали меня дожидалась некая женщина, с предопределенной биографией, проработавшая хренову тучу лет на «Сеймур сёрвейз» и заранее обеспечившая себе денежное вознаграждение. Пенсию. Я представила себе жалкую каморку с электрическим обогревателем у стены. Может, у меня тогда будет слуховой аппарат, как у одной моей двоюродной бабушки, которая так и не вышла замуж. Я буду разговаривать сама с собой, а дети на улице будут швырять в меня снежки. Однако я сказала себе: не дури, мир, вероятно, взорвется до всякого будущего, и напомнила себе, что завтра же могу уволиться и найти другую работу, если захочу, но и это не помогло. Я все думала о своей подписи, которая попала в папку, а папка отправилась в картотеку, а картотеку отправили куда-нибудь в архив в подвале и заперли там навсегда.

В пол-одиннадцатого я с радостью отправилась пить кофе. По-хорошему, следовало бы пропустить перерыв и компенсировать утреннее опоздание, но мне нужно было развеяться.

В отделе есть еще три девчонки, с кем я хожу пить кофе, им примерно столько же лет, сколько и мне. Иногда Эйнсли, когда устает тестировать

свои дефектные зубные щетки, сбегает с работы и присоединяется к нам. Не то чтобы мои коллеги ей особенно нравились, она эту тройню называет «офисными девственницами». Правда, девчонки не слишком похожи друг на друга — за исключением того, что все три крашеные блондинки: Эмми, машинистка, с торчащими, как иголки у дикобраза, мелированными прядями; Люси, как бы менеджер по связям с общественностью, — платиновая блондинка с элегантной укладкой; и австралийка Милли, ассистентка миссис Боге́, с выгоревшими на солнце медными коротко стриженными волосами. И, как они многократно признавались нам в кофейне, хрустя поджаренными слойками, все три были девственницами: Милли — из соображений практичности, почерпнутой из чужого опыта («Думаю, с расчетом на будущее, лучше подождать с этим до замужества, как считаете? От греха подальше»), Люси — из боязни общественного порицания («А что люди-то *скажут*?»), которая, похоже, коренилась в ее убеждении, что во всех спальнях страны стоят подслушивающие устройства и все кому ни лень сгрудились со своими наушниками на другом конце провода, а Эмми, наш офисный ипохондрик, — в силу убежденности, что в самый

ответственный момент ее стошнит, как наверняка и произойдет. Все трое любят путешествия: Милли долго жила в Англии, Люси дважды ездила в Нью-Йорк, а Эмми мечтает побывать во Флориде. Напутешествовавшись вволю, все три намеревались выйти замуж и остепениться.

— А вы слыхали, что опрос по слабительным в Квебеке отменили? — поинтересовалась Милли, когда мы уселись за столиком в паршивом, но удобно расположенном ресторане через улицу. — Планировалось, что это будет офигенно большой проект — продуктовый тест у них на производстве, опросник на тридцать две страницы.

Милли у нас всегда первой узнает новости.

— Хм, вот и хорошо, — фыркнула Эмми. — Не представляю, как можно задавать тридцать две страницы вопросов об *этом*. — И продолжала сосредоточенно сколупывать лак с ногтя на большом пальце. Эмми всегда выглядит так, словно она расползается по швам. По краям ее одежды вечно торчат нитки, помада слезает с губ сухими чешуйками, к одежде прилипают выпадающие светлые волосы, на плечах и спине перхоть; куда бы она ни пошла, за ней тянется шлейф каких-то клочков.

Я увидела вошедшую в кофейню Эйнсли и по-

махала ей. Она втиснулась за наш столик, сказала всем «Приветик» и убрала за ухо выбившуюся прядь волос. Офисные девственницы ответили, но без всякого энтузиазма.

— Они раньше уже делали такое, — заметила Милли. Она проработала в компании дольше всех. — И все было прекрасно. Они вроде как считают, что всякий, кого вы сумеете довести до третьей страницы вопросов, страдает зависимостью от слабительного, если вы понимаете, о чем я, и такие люди с удовольствием ответят на все вопросы.

— Что раньше уже делали? — спросила Эйнсли.

— На что спорим, что она не вытрет стол? — произнесла Люси довольно громко, чтобы официантка могла ее услышать. Она ведет затяжную битву с этой официанткой, которая ходит в дешевеньких сережках, с вечно недовольной гримасой и уже явно не девственница.

— Проводили в Квебеке исследование о слабительных, — шепнула я Эйнсли.

Подошла официантка, свирепо протерла столик, взяла у нас заказ. Люси устроила сцену из-за подгоревших слоек — на сей раз она решительно не хотела слоек с изюмом.

— В прошлый раз она принесла мне с изюмом, — сообщила она нам, — хотя я ей сказала, что терпеть его не могу. Я с детства не люблю изюм. Фу!

— А почему только в Квебеке? — спросила Эйнсли, выпуская табачный дым из ноздрей. — Тут какая-то психологическая подоплека? — Она изучала психологию в колледже.

— Господи, да откуда ж я знаю? — воскликнула Милли. — Наверное, в Квебеке люди больше страдают запорами. Они ж там картошку едят тоннами.

— А что, от картошки бывает сильный запор? — спросила Эмми, перегнувшись через столик. Она откинула со лба несколько прядок, и от ее головы отлетело облачко чешуек, которые медленно опустились на пол.

— Дело не только в картошке, — безапелляционно заявила Эйнсли. — Может, это из-за коллективного чувства вины. А может быть, из-за языковой проблемы. Они же чувствуют себя ущемленными в правах.

Девчонки смотрели на нее с нескрываемой враждебностью: наверняка решили, будто она выпендривается.

— Ну и жарища сегодня, — заметила Милли, —

у нас в офисе как в печке!

— А как у вас? — спросила я у Эйнсли, желая разрядить обстановку.

Она затушила окурок в пепельнице.

— О да! У нас тут такой переполох! Какая-то тетка захотела укокошить мужа, подстроив короткое замыкание в его зубной щетке. Один из наших ребят должен пойти в суд давать свидетельские показания; ну, то есть объяснить, что наши щетки при нормальных условиях эксплуатации не коротят. Он хочет и меня туда взять в качестве ассистента-специалиста, но он такой зануда. Могу себе представить, какое он бревно в постели.

Я сначала подозревала, что Эйнсли выдумала эту историю, но ее сияющие глаза были такие голубые и такие круглые, что всякие сомнения улетучились. Офисные девственницы поморщились. От манеры Эйнсли мимоходом вспоминать разных мужчин в своей жизни им всегда становилось неловко.

К счастью, прибыли наши заказы.

— Эта сука опять принесла мне слойку с *изюмом*! — взвыла Люси и длинными, идеально подпиленными блестящими ногтями начала выковыривать изюминки и складывать их на краю тарелки.

Когда мы шли обратно в офис, я пожаловалась Милли на пенсионный план.

— Я и не подозревала, что это обязаловка! Не пойму, с чего я должна отстегивать в их пенсионный фонд, а потом все эти старые подружки миссис Грот выйдут на пенсию и будут жить на мои кровные!

— Ох, да, это и меня поначалу сильно напрягло, — протянула Милли равнодушно. — Переживешь. Боже, надеюсь, у нас починили вентилятор!

3

Вернувшись в офис с обеда, я принялась наклеивать марки на конверты, а потом, лизнув полоску клея на клапане, запечатывала их для отправки участникам общенационального исследования о быстрорастворимом соусе для пудинга, причем все сроки рассылки уже прошли потому, что кто-то из копировальщиков распечатал один лист из опросника вверх ногами. Тут миссис Боге́ выползла из своей стеклянной норки.

— Мэриен, — сказала она, задыхаясь от негодования, — боюсь, что миссис Додж в Камлупсе[4] придется уволить. Она беременна. — Миссис Боге́ нахмурилась. Она считает беременность признаком нелояльности нашей компании.

— Очень жаль, — отозвалась я.

Огромная карта страны, утыканная красными пуговками канцелярских кнопок, отчего она напоминает кожу ребенка, больного скарлатиной, висит на стене прямо над моей головой, из-за чего обязанность отмечать нанятых и уволенных интервьюеров в разных городах лежит на мне. Я

---

[4] Примечания: 4

Камлупс — город центральной части Британской Колумбии.

вскарабкалась на стол, нашла на карте Камлупс и вынула кнопку с бумажным флажком, на котором стояла фамилия «Додж».

— Пока ты там, — сказала миссис Богé, — удали, пожалуйста, миссис Эллис из Блайнд-Ривера. Надеюсь, это временно, она очень хорошо себя проявила, но она мне написала, что во время интервью какая-то дама набросилась на нее с кухонным тесаком, ей пришлось выбежать из дома, она споткнулась на крыльце, упала и сломала ногу. Да, и добавь-ка одну новенькую — миссис Готье в Шарлоттауне. Надеюсь, она справится лучше прежней. С Шарлоттауном нам что-то не везет.

Когда я слезла со стола, она мило мне улыбнулась, что сразу заставило меня напрячься. Миссис Богé славится дружелюбным, почти усыпляющим, обхождением, которое действует почти безотказно на наших интервьюеров, и, когда ей что-то от тебя надо, она — сама любезность.

— Мэриен, — продолжала миссис Богé, — у нас возникла небольшая проблема. На следующей неделе мы проводим исследование по пиву — ну, ты в курсе, по телефону, — и наверху решили, что на этой неделе нам надо провести предварительный опрос. Их беспокоят формулировки.

Так вот, мы можем привлечь миссис Пилчер, она надежный интервьюер, но впереди длинные выходные, и нам бы не хотелось ее беспокоить. Ты же никуда не уезжаешь?

— А опрос нужно обязательно провести в эти выходные? — задала я бессмысленный вопрос.

— Да, нам необходимо иметь результаты ко вторнику. Тебе нужно опросить всего семь или восемь мужчин.

Мое утреннее опоздание обеспечило ей мощный инструмент убеждения.

— Отлично, — ответила я. — Опрошу их завтра.

— Тебе, разумеется, запишут сверхурочные, — бросила через плечо миссис Богé и пошла к себе, заставив меня гадать, было в ее замечании скрытое ехидство или нет. Все, что бы она ни говорила, всегда произносится ровным голосом, так что никогда не знаешь…

Я закончила облизывать конверты, взяла у Милли опросник по пиву и пробежалась по нему в поисках ляпов. Вводные вопросы о предпочтениях были довольно стандартными. Следующая группа вопросов касалась реакции тестируемых на музыкальные заставки по радио — это была часть рекламы нового бренда, который крупная пивоваренная компания собиралась вывести

на рынок. В какой-то момент интервьюер должен был попросить респондента набрать номер телефона, после чего в трубке звучала эта самая мелодия. Потом интервьюер задавал еще несколько вопросов: понравилась ли прозвучавшая песенка, стимулирует ли она желание совершить покупку и тому подобное.

Я сняла трубку и набрала указанный номер. Поскольку маркетинговое исследование было назначено только на следующую неделю, они могли забыть подключить этот номер к автоответчику, а мне не хотелось выглядеть дурой.

После нескольких звонков, зудения и щелчков в трубке раздался густой бас — он пел под аккомпанемент вроде бы электрогитары:

Лось, мой лось пришел
Из сурового края хвойных лесов,
Щекочущий вкус, пьянящий аромат,
Внезапный как снегопад…

А потом другой голос — почти такой же густой, как у певца, — вкрадчиво заговорил на фоне тихой мелодии:

Настоящий мужчина в настоящий мужской праздник, когда он на охоте, на рыбалке или про-

сто по старинке расслабляется, любит пиво с насыщенным мужским ароматом и богатым глубоким вкусом. Первый долгий глоток холодного напитка докажет вам, что пиво «Лось» — это то, что надо, чтобы ваша мечта о первоклассном пиве наконец-то сбылась. Ощутите дикую природу во вкусе изумительного пива «Лось».

Потом певец снова завел свою арию:

Щекочущий вкус, пьянящий аромат,
Пиву «Лось» ты будешь рад!
Пиво «Лось», пиво «Лось» —
По вкусу тебе это пиво пришЛОСЬ!

После финального аккорда в трубке раздался щелчок, и запись оборвалась. Все было нормально. Никто не перепутал очередность частей аудиодорожки.

Я вспомнила, как выглядели эскизы визуальной презентации нового пива, которые должны были появиться в журналах и на витринных плакатах: на этикетке были изображены лосиные рога, а под ними охотничье ружье и удочка крест-накрест. Рекламная песенка подчеркивала эту тему, по-моему, не слишком оригинально, но мне понравилось тонкое замечание о том, как

мужчина может «просто по старинке расслабляться». Таким образом, среднестатистический любитель пива — в майке, с дряблыми плечами и одутловатым брюшком — сумеет ощутить свою мистическую связь с изображенным на рекламных картинках бравым охотником-рыболовом в клетчатой куртке, поставившим сапог на лосиную тушу или держащим в руках крупную форель.

Я уже дошла до последней страницы опросника, как зазвонил телефон на моем столе. Питер. По его голосу я сразу поняла: что-то случилось.

— Слушай, Мэриен, у меня сегодня не получается с ужином.

— Да? — отозвалась я, желая услышать более подробные объяснения. Я была сильно разочарована: я-то надеялась, что вечером Питер меня повеселит. К тому же я опять проголодалась. Весь день я сидела на перекусах и теперь рассчитывала на сытный калорийный ужин. То есть придется довольствоваться разогретой едой из коробки, которую мы с Эйнсли держали в морозилке на всякий пожарный. — У тебя неприятности?

— Я знаю, ты поймешь. Триггер… — его голос сорвался, — Триггер женится.

— Да? — выдавила я. Чуть не сказала: «Очень

жаль» — но эти слова мне показались неуместными. Какой смысл выражать сочувствие, как будто произошло досадное недоразумение, когда на самом деле это трагедия вселенского масштаба. — Хочешь, вместе пойдем? — спросила я, подставляя ему плечо.

— Господи, нет! — вскрикнул он. — Так будет еще хуже. Увидимся завтра, ладно?

Он положил трубку, а я стала обдумывать последствия. Самое очевидное — завтра вечером Питеру понадобится тщательный уход. Триггер был одним из его старых друзей: точнее сказать, Триггер был последний из когорты старых друзей Питера, кто стойко воздерживался от женитьбы. Это было вроде эпидемии. Незадолго до нашего знакомства жертвой брака стали двое друзей Питера, а потом в течение каких-то четырех месяцев еще двое практически без боя сдали позиции. И Питеру с Триггером ничего не оставалось, как все лето вдвоем коротать время на своих холостяцких попойках, а если их окольцованным друзьям удавалось выторговать у жен свободный вечер, то, судя по мрачным отчетам Питера, такие встречи превращались в натужную демонстрацию фальшивой беззаботности, лишенной духа легкомысленного веселья. Они с Триггером

держались друг за дружку, как тонущие в шторм, причем каждый старался ободрить другого, в чем оба нуждались как никогда. Но теперь и Триггер пошел ко дну: утешитель оказался пустышкой. На юрфаке были, разумеется, и другие парни, но почти все они были женаты. Кроме того, все они в глазах Питера олицетворяли его послеуниверситетский серебряный век, а не более ранний золотой.

Мне было его жаль, но я также знала, что мне следует держать ухо востро. Если оба первых брака его друзей были неким знамением, то после двух-трех стаканов он начнет видеть во мне одну из расчетливых сирен — из тех, кто умыкнул у него Триггера. Я не рискнула спросить у него, как это ей удалось: он мог бы решить, что я вынашиваю какой-то коварный план. Самое лучшее — отвлечь его.

Пока я так размышляла, к моему столу подошла Люси.

— Сможешь ответить этой тетке вместо меня? У меня голова раскалывается, и я ни слова не могу придумать!

И она изящно приложила руку ко лбу, а в другой ее руке я заметила написанную карандашом на куске картонки записку. Я прочитала:

Уважаемые господа!

Хлопья были отменные, но вот что я нашла вместе с изюмом.

Искренне ваша,

(миссис) Рамона Болдуин.

Внизу скотчем была приклеена раздавленная муха.

— Это то самое исследование хлопьев с изюмом, — слабым голосом произнесла Люси. Она напрашивалась на мое сочувствие.

— Ага, ладно, — отозвалась я. — У тебя есть ее адрес?

Я сделала несколько вариантов ответа:

Уважаемая миссис Болдуин, мы выражаем искреннее сожаление, что в Ваших хлопьях оказался данный предмет, но такие оплошности случаются…

Уважаемая миссис Болдуин, приносим извинения за причиненное неудобство; спешим заверить Вас, что в целом содержимое пакета было абсолютно безопасно в санитарно-гигиеническом плане…

Уважаемая миссис Болдуин, выражаем Вам благодарность за то, что Вы обратили наше внимание на этот вопиющий случай, так как

мы всегда хотим знать, какие оплошности мы допускаем...

Самое главное было, и я это знала, ни в коем случае не употреблять слово «муха».

Телефон на моем столе опять зазвонил. Я никак не ожидала услышать в трубке этот голос.

— Клара! — воскликнула я, осознав, что совсем про нее забыла. — Как жизнь?

— Спасибо, хреново! Послушай, придешь сегодня на ужин? Мне необходимо видеть новые лица.

— Я с удовольствием! — Мой энтузиазм был почти искренним: уж лучше ужин с Кларой, чем еда из коробки. — В какое время?

— Да знаешь, когда сможешь, тогда и приходи. Мы тут не страдаем пунктуальностью. — Последние слова она произнесла с горечью.

Теперь, дав ей обещание, я стала быстро соображать, что бы это значило: Клара меня пригласила, чтобы развлечься и поплакаться, то есть как затейника и конфедантку в одном лице, а это меня совсем не радовало.

— Скажи, а можно я приду с Эйнсли? Ну, если, конечно, она не занята.

Я сказала себе, что Эйнсли не помешает полноценный ужин — она сегодня только пила с нами

кофе, — и еще я втайне хотела, чтобы она вместе со мной приняла на себя удар. Они с Кларой могли бы побеседовать о детской психологии.

— Конечно, почему нет? — согласилась Клара. — Чем больше народу, тем веселее. Вот наш девиз.

Я позвонила Эйнсли на работу и, аккуратно поинтересовавшись, какие у нее планы на ужин, выслушала ее рассказ о том, что она получила два приглашения и оба отвергла: одно от свидетеля на процессе против мужеубийцы, а другое — от студента-стоматолога, с которым познакомилась накануне вечером. О последнем она отозвалась довольно грубо: с этим она больше никогда никуда не пойдет. По ее словам, он пообещал ей, что на вчерашнюю тусовку придут художники.

— То есть у тебя никаких планов на вечер нет, — констатировала я факт.

— Ну, пока нет, — сказала Эйнсли. — Если ничего не нарисуется.

— Тогда, может, сходим к Кларе на ужин? — Я ожидала услышать отказ, но она смиренно согласилась. Мы договорились встретиться у станции подземки.

Я вышла из офиса в пять и направилась в облицованный розовым кафелем дамский туалет. Мне

нужно было несколько минут побыть в одиночестве и психологически подготовиться к общению с Кларой. Но там уже были Эмми, Люси и Милли — они расчесывали свои осветленные волосы и поправляли макияж. Три пары глаз сверкали в зеркалах.

— Идешь куда-то вечером, Мэриен? — спросила Люси нарочито будничным тоном. У нас с ней одна телефонная линия на двоих, и она, конечно, все знала про Питера.

— Да, — коротко ответила я, не желая делиться с ней информацией. Их жалкое любопытство меня нервировало.

4

Я шагала к станции метро в золотистом мареве духоты и пыльной взвеси. Было ощущение, что я иду под водой. Издалека я заметила возле телеграфного столба нечеткий силуэт Эйнсли, а когда подошла ближе, она повернулась ко мне, и мы влились в безмолвный поток офисных служащих, спускавшихся по лестнице в прохладу городского подземелья. Быстро сориентировавшись в вагоне, мы нашли свободные места и сели напротив друг друга, и я принялась читать рекламные объявления, скользя взглядом между пассажиров в проходе. Когда мы вышли из вагона и поднялись по пастельным коридорам наверх, городской воздух уже был не таким влажным.

Дом Клары располагался в нескольких кварталах к северу от станции. Мы шли молча, я все думала про пенсионный план и в конце концов решила не подписываться на него. Эйнсли не поняла бы, с чего это я так беспокоюсь: она не видела причины, почему я не могла бы потом сменить место работы и почему это должно обязательно стать окончательным вариантом. Потом я стала думать о Питере и о том, как он отреагировал на

новость о женитьбе друга, а расскажи я об этом Эйнсли, она бы только посмеялась. И я спросила, не стало ли ей лучше.

— Не беспокойся обо мне, Мэриен, — ответила она, — а то я начинаю чувствовать себя инвалидом.

Мне стало обидно, и я смолчала.

Дорога пошла в горку. Город стоит на берегу озера и террасами поднимается вверх по склонам холмов, хотя если остановиться, то городской ландшафт кажется плоским. Потому-то здесь и было попрохладнее. И гораздо тише; я считала, что Кларе повезло, особенно в ее положении, жить вдалеке от жары и шума делового центра. Хотя ей самой это казалось чуть ли не ссылкой: сначала они снимали квартиру недалеко от университета, но необходимость расширить жизненное пространство вынудила их переехать на север. Хотя они еще не добрались до пригорода с его современными бунгало и большими семейными автомобилями во дворах. Она жила на одной из старых улиц, но тут мало что привлекало взгляд, как на нашей: старомодные коттеджи на две семьи, длинные и узкие, с деревянными крылечками и чахлыми садиками сзади.

— Боже, ну и жара, — вздохнула Эйнсли, когда

мы свернули на аллейку к дому Клары.

Траву на крохотной, со спортивный мат, лужайке не косили уже довольно давно. На крыльце валялась кукла без головы, а в детской коляске лежал плюшевый мишка с вывороченными наружу ватными внутренностями. Я постучала, и через несколько минут за сетчатой дверью появился расхристанный Джо, который на ходу застегивал рубашку.

— Привет, Джо, — улыбнулась я. — Вот и мы. Как Клара?

— Привет, заходите. — Он шагнул в сторону, впуская нас в прихожую. — Клара в саду.

Обходя или переступая через разбросанные по полу вещи, мы прошли через весь дом с типовой планировкой: сначала гостиная, потом столовая с раздвижными дверями, наглухо отделявшими ее от соседних комнат, и потом кухня. Миновали ступеньки заднего крыльца, захламленного разнообразной стеклянной тарой — пивными, молочными и винными бутылками, бутылками из-под виски и детскими бутылочками с сосками, — и нашли Клару в саду: она сидела в круглом плетеном кресле с металлическими ножками. Одну ногу она задрала на другой такой же стул и держала свою младшенькую на коленях. Клара

— худышка, с каждой беременностью ее торчащий живот сразу бросается в глаза, и сейчас, на седьмом месяце, она смахивала на питона, проглотившего арбуз. По контрасту ее голова в ореоле светлых волос казалась маленькой и хрупкой.

— Приветик! — устало протянула она, когда мы спустились с крыльца и подошли поближе. — Привет, Эйнсли! Рада тебя видеть. Господи, ну и жарища.

Мы закивали в знак согласия, присели возле нее на траву, поскольку больше свободных стульев не было, и скинули обувь. Клара уже была босая. Говорить было трудно: всеобщее внимание было приковано к хныкающей малышке, и какое-то время был слышен только ее голос.

Мне показалось, что Клара позвонила, ища во мне спасения, но теперь я поняла, что ничем не смогу ей помочь, да она и не ждала от меня ничего такого. Меня вызвали просто быть свидетелем, а может, своего рода вентилятором, способным одним своим присутствием хоть немного развеять скуку.

Малышка перестала хныкать и загукала. Эйнсли молча выдирала травинки.

— Мэриен, — произнесла наконец Клара, — ты

не могла бы подержать Элейн? Она не любит ходить, а у меня уже руки отваливаются.

— Я ее подержу, — неожиданно сказала Эйнсли.

Клара отцепила девочку от себя и передала со словами:

— Давай, маленькая пиявка! Иногда мне кажется, что она вся покрыта присосками, точно осьминог.

Она привалилась к плетеной спинке стула, закрыла глаза и сразу стала похожа на диковинное растение — на набухший клубень, выпустивший наружу четыре белых корня и бледно-желтый цветочек. В листве дерева звенела цикада, и этот монотонно вибрирующий звук впивался в мозг, как горячая иголка солнечного света.

Эйнсли неловко сжимала малышку, с любопытством заглядывая ей в личико. Я невольно поймала себя на мысли: как же они похожи, эти два лица! Девочка смотрела на Эйнсли такими же, как у той, круглыми голубыми глазищами, но из чуть приоткрытых розовых губок пузырилась слюна.

Клара подняла голову и открыла глаза.

— Может, вам чего-нибудь принести? — спросила она, вспомнив, что играет роль хозяйки.

— Не надо, мы в норме, — поспешно ответила я, с тревогой представив себе, как она тяжело поднимается со стула. — Может быть, тебе что-то принести? — Мне было бы приятно заняться чем-то нужным.

— Джо скоро придет, — сказала Клара, словно извиняясь. — Поговорите со мной. Что у вас новенького?

— Да в общем, ничего, — ответила я и задумалась, что бы могло ее заинтересовать, но о чем бы я ей ни рассказала — о работе, или о местах, где я побывала, или о меблировке квартиры, — все это только послужило бы Кларе напоминанием о ее собственной застойной жизни, о недостатке пространства и свободного времени, о привычной рутине, состоящей из вызывающих клаустрофобию бытовых мелочей.

— А ты еще встречаешься с тем милым парнем? Такой красавчик. Как же его зовут… Он еще за тобой один раз заезжал.

— Ты имеешь в виду Питера?

— А кого же еще, — сварливо встряла Эйнсли. — Он ее монополизировал! — Она скрестила ноги и положила малышку себе на колени, чтобы закурить.

— Звучит обнадеживающе, — заметила Клара

мрачно. — Кстати, угадай, кто вернулся? Лен Слэнк. Звонил на днях.

— Да что ты! И когда? — Я рассердилась, что тот не удосужился мне позвонить.

— Неделю назад, так он сказал. Еще сказал, что хотел тебе позвонить, но не смог найти твой номер.

— Мог бы узнать в городской справочной, — сухо заметила я. — Но я бы с ним повидалась. Как он? Надолго сюда?

— Кто это? — вмешалась Эйнсли.

— Не тот, кто мог бы тебя заинтересовать, — отрезала я. Сложно найти двух людей, настолько не подходящих друг другу. — Наш старинный приятель по колледжу.

— Он уехал в Англию и устроился там на телевидение, — объяснила Клара. — Точно не знаю, чем он занимается. Парень приятный, но с женщинами лютует, любит соблазнять молоденьких. Говорит, все, кто старше семнадцати, ему уже не интересны.

— А, из таких… — протянула Эйнсли. — Они зануды. — И затушила сигарету в траве.

— Знаете, я, кажется, догадываюсь, зачем он вернулся, — продолжала Клара и немного оживилась. — Закрутил небось с новой девчонкой,

как в тот раз, когда еле ноги унес.

— А, — проговорила я, ничуть не удивившись.

Эйнсли тихо вскрикнула и резко поставила ребенка на землю.

— Платье мне обмочила, — укоризненно пояснила она.

— Ну, с ними бывает, — сказала Клара.

Малышка пустилась в рев, я опасливо подхватила ее и передала Кларе. Я не против помочь, но всему есть предел. Клара стала качать дочь.

— Ах ты негодный брандспойт, — замурлыкала она, — ты окатила мамину подругу, что это такое, а? Это отстирается, Эйнсли. Ну, не надевать же на тебя резиновые штанишки в такую-то жару, а, маленький ты гейзер? Никогда не верьте, кто бы что вам ни говорил про материнский инстинкт! — добавила она, печально глядя на нас. — Я вот никак не пойму, как можно любить детей, пока они не повзрослеют.

На заднем крыльце показался Джо с заткнутым за брючный ремень кухонным полотенцем на манер фартука.

— Кому-нибудь пивка перед ужином?

Мы с Эйнсли бодро ответили: «Да!» — а Клара попросила:

— Мне вермут, дорогой! Сейчас я ничего дру-

гого не могу пить, мой чертов желудок от всего начинает крутить. Джо, отнеси Элейн в дом и поменяй ей трусики.

Джо спустился на газон и взял Элейн на руки.

— Кстати, вы не видели Артура, а?

— О боже, куда, интересно, делся этот маленький негодяй? — спросила Клара, когда Джо уже скрылся в доме. Вопрос прозвучал риторически. — Полагаю, он просто узнал, как открыть заднюю дверь. Негодник… Артур, где ты, малыш? — лениво выкрикнула она.

В дальнем конце узкого садика на веревке висело, почти касаясь земли, выстиранное белье, которое вдруг раздвинули две чумазые ручки, и появился первенец Клары. Как и малышка, он был совсем голый, если не считать подгузника. Он застыл на месте, смущенно глядя на нас.

— Подойди, солнышко, мама хочет посмотреть, все ли у тебя в порядке, — продолжала Клара. — И не трогай руками чистое белье, — неуверенно добавила она.

Артур пробрался к нам по некошеной траве, высоко поднимая голые ножки. Наверное, трава щекотала ему кожу. Подгузник сполз и едва держался, словно на одной лишь силе воли, под вздутым животом с торчащим пупочком. Его

нахмуренное личико казалось очень серьезным.

Вернулся Джо с подносом.

— Я сунул мокрое в корзину с грязным бельем, — сообщил он. — Она играет с прищепками для белья.

Артур добрел до нас и, все еще хмурясь, встал около маминого стула.

— Почему у тебя такой забавный вид, а, чертенок? — спросила Клара и пощупала его подгузник сзади. — Так и знала, — вздохнула она. — Теперь понятно, с чего он затих. Муж, твой сын опять покакал. Не знаю где — в подгузнике ничего нет.

Джо отдал нам наши стаканы, присел и сказал Артуру твердо, но ласково:

— Покажи папе, где это лежит.

Артур взглянул на него, не зная еще, улыбнуться или заплакать. Наконец он медленно, точно призрак, зашагал в угол сада и там, присев на корточки перед сухими красными хризантемами, внимательно вгляделся в грядку.

— Молодец! — похвалил его Джо и вернулся в дом.

— Он прямо дитя природы, обожает какать в саду, — объяснила нам Клара. — Наверное, считает себя богом плодородия. Если бы мы не вычищали сад, тут было бы сплошное навозное

поле. Уж и не знаю, что он будет делать, когда начнутся снегопады. — Она прикрыла глаза. — Мы пытались приучить его к горшку, хотя, как пишут педиатры, ему еще рановато. Купили ему пластиковый горшок, а он понятия не имеет, для чего это. Надевает его себе на голову и так ходит по двору. Наверное, думает, что это боевой шлем.

Потягивая пиво, мы наблюдали, как Джо ушел в дальний конец сада и вернулся, держа что-то, завернутое в кусок газеты.

— Вот рожу — и перейду на пилюли, — пообещала Клара.

Когда Джо наконец приготовил ужин, мы переместились в столовую и, рассевшись вокруг массивного обеденного стола, принялись за еду. Малышка была уже накормлена и уложена спать в коляске на главном крыльце, а Артур сидел за столом на высоком креслице и, извиваясь всем телом, уворачивался от ложки с пудингом, которой Клара пыталась попасть ему в рот. На ужин дали сморщенные фрикадельки и разогретую лапшу из пакета с салатными листьями. А десерт я сразу узнала.

— Это новинка — консервированный рисовый пудинг, экономит уйму времени, — бросилась защищать его Клара. — Очень неплох со сливками.

И Артуру нравится.

— Ага, — кивнула я. — Скоро появится с апельсиновым и карамельным вкусами.

— Правда? — Клара на лету поймала ложкой выплюнутый Артуром пудинг и вернула ему в рот.

Эйнсли вынула сигарету из пачки и жестом попросила Джо дать ей прикурить.

— Скажи, — обратилась она к нему, — а ты знаком с их приятелем — Леонардом Слэнком? Что-то они про него ничего не говорят, тихушничают.

Джо весь ужин не сидел на месте, приносил-уносил тарелки, хлопотал на кухне. Поначалу вопрос Эйнсли как будто застиг его врасплох.

— А, да, помню его, вообще-то он приятель Клары.

Джо быстро прикончил свой пудинг и спросил у Клары, не требуется ли ей его помощь, но она пропустила его слова мимо ушей, потому что Артур швырнул свою плошку на пол.

— А что *ты* о нем скажешь? — не унималась Эйнсли, словно взывая к его житейской мудрости.

Джо задумался, устремив взгляд в стену. Он не любил отзываться о ком-либо негативно, я это знала, но еще я знала, что Лен ему не слишком

нравился.

— Он неэтичен, — выдавил он наконец. Джо преподает философию.

— Ну, это не совсем справедливо, — возразила я. По отношению ко мне Лен никогда не поступал неэтично.

Джо нахмурился. Он не очень хорошо знает Эйнсли, да и вообще всякую незамужнюю девушку считает легкой добычей, нуждающейся в защите. Раньше он несколько раз вызывался давать мне отеческие советы, а сейчас решился уточнить свое мнение.

— С такими, как он, лучше не… иметь дел, — строго заявил он.

Эйнсли коротко рассмеялась и невозмутимо выпустила струйку дыма.

— Кстати, вспомнила, — сказала я. — Дай-ка мне его номер.

После ужина мы втроем отправились в захламленную гостиную, пока Джо убирал со стола. Я предложила ему помощь, но он отказался, объяснив это тем, что лучше бы мне занять Клару разговорами. Клара расположилась на кожаном диване среди кучи смятых газет и закрыла глаза. И опять мне в голову не пришла ни одна мысль. Я сидела, тупо глядя в центр потолка, на гипсовую

лепнину, где некогда, наверное, висела на крюке тяжелая люстра, и стала вспоминать, какая Клара была в старших классах: высокая болезненная девочка, у которой всегда было освобождение от физкультуры. В спортзале она вечно сидела на длинной скамейке у стены и печально наблюдала, как мы, в синих тренировочных костюмах, бегаем, прыгаем и подтягиваемся — словно потные растрепанные девчонки были слишком непохожи на нее, и поэтому наши занятия казались ей забавным развлечением. В нашем классе, среди растолстевших от масляных чипсов подростков, она выглядела как недостижимое олицетворение трепетной и благоухающей женственности, словно из рекламы духов. В университете она приобрела чуть более здоровый вид, отрастила светлые волосы подлиннее и сразу стала вылитая средневековая девушка: она мне тогда напоминала дам в розовом саду, какими их изображали на старинных гобеленах. Конечно, внутренне она была другой, но на мое мнение о людях обычно сильно влияет их внешность.

Она вышла за Джо Бейтса в мае, в конце второго курса, и поначалу я думала, что у них идеальный брак. Джо тогда заканчивал университет, он был почти на семь лет ее старше, рослый, слегка

сутуловатый, с непокорной шевелюрой, он проявлял трогательную заботу о Кларе. Их взаимное обожание перед свадьбой было настолько романтичным, что иногда производило комичное впечатление: нам казалось, что Джо способен сорвать с себя пальто и накрыть им грязную лужу, чтобы Клара могла пройти, или пасть на колени и исцеловать ее резиновые сапожки. Все их дети были незапланированными: Клара встретила первую беременность с изумлением, не веря, что подобное могло с ней произойти; вторую — с испугом, а теперь, во время третьей беременности, она впала в угрюмый безвольный фатализм. Говоря о своих детях, она прибегала к метафорам, в которых фигурировали моллюски, облепившие днище корабля, или приросшие к рифам полипы.

Я смотрела на нее и со смущением чувствовала, как меня захлестывает волна жалости к ней; что еще можно для нее сделать? Возможно, предложить прийти как-нибудь и прибраться в доме. Клара, попросту говоря, всегда была жутко непрактичной, она никогда не умела справляться с самыми обычными повседневными делами — считать деньги в кошельке или приходить вовремя на лекции. Когда мы с ней жили в обще-

житии, она вечно застревала в своей комнате, не в состоянии найти парную обувь или чистое платье, и мне не раз приходилось вытаскивать ее из груды вещей, которые беспорядочно скапливались вокруг нее. Ее склонность к беспорядку вовсе не была активной и творческой, как у Эйнсли, которая по настроению могла за пять минут посеять в комнате хаос; нет, у Клары эта склонность была пассивной. Она просто беспомощно стояла, глядя, как на нее накатывает вал хлама и мусора, не в силах ни остановить его, ни увернуться. И дети у нее были такие же. Ее тело, казалось, совсем ей не подчинялось, оно жило собственной жизнью, не слушаясь ее указаний. Я разглядывала яркий цветочный узор на ее халате для беременных: стилизованные лепестки и усики двигались в такт ее дыханию, как живые.

Мы ушли рано, когда визжащего Артура отнесли в кровать, — это произошло после, как выразился Джо, «аварии» за дверью гостиной.

— Это была не авария, — заметила Клара, открыв глаза. — Он просто любит писать, стоя за дверями. Интересно, почему он такой. Когда вырастет, он будет все скрывать, как тайный агент, или дипломат, или уж не знаю. Скрытный маленький негодник.

Джо проводил нас до двери, неся в руках охапку грязного белья для стирки.

— Приходите к нам снова. У Клары так мало знакомых, с кем можно поговорить по душам.

5

Мы шли к станции подземки в сгущающихся сумерках, со всех сторон доносился стрекот сверчков и приглушенный рокот телевизоров (в некоторых домах за занавесками мы видели голубоватое мерцание экранов), в воздухе висел запах теплого гудрона. Моя кожа скукожилась, словно меня погрузили в кастрюлю с влажным тестом. Я опасалась, что Эйнсли скучала у Клары: ее молчание красноречиво говорило, что она не в духе.

— Неплохой был ужин, — проговорила я, желая проявить солидарность с Кларой, которая, вообще-то, была моей давнишней подругой, не то что Эйнсли. — Джо делает успехи в кулинарии.

— И как она все это выдерживает?! — воскликнула Эйнсли с вообще-то не свойственной ей запальчивостью. — Она лежит на диване, а мужик всем рулит. Она позволяет обращаться с собой как с *вещью*!

— Ну, не забудь, она на седьмом месяце беременности. И у нее очень неважно со здоровьем.

— Это у *нее*-то? — возмутилась Эйнсли. — Да она пышет здоровьем! Это у него неважно. Он так

постарел с тех пор, как я с ним познакомилась, а это было всего-то четыре месяца назад. Она все соки из него высасывает.

— И что ты предлагаешь? — Эйнсли меня раздражала: она не могла поставить себя на место Клары.

— Ну, ей надо хоть *чем-то* заняться! Хотя бы чисто символически! Она ведь так и не получила диплома, да? Разве сейчас не идеальное время, чтобы написать его наконец? Масса беременных получают высшее образование.

Я вспомнила, как решительно была на это настроена бедная Клара после рождения первого ребенка: она считала, что просто взяла в университете академический отпуск. Но после второго уже стонала: «Не пойму, что мы делаем не так? Я всегда пыталась соблюдать осторожность!»

Она всегда отрицательно относилась к противозачаточным таблеткам — боялась, что они изменят ее личность, — но постепенно перестала быть столь непреклонной. Она прочитала французский роман (в переводе на английский) и книгу об археологических раскопках в Перу, говорила что-то о вечернем отделении. А в последнее время стала отпускать горькие замечания насчет того, что она «простая домохозяйка».

— Но, Эйнсли, — сказала я, — ты же сама всегда говорила, что наличие диплома ни о чем не говорит.

— Конечно, сам по себе диплом — ерунда, — ответила Эйнсли, — важно, что он символизирует. Ей надо навести порядок в мозгах и в жизни.

Вернувшись в квартиру, я стала думать о Лене и решила, что еще не поздно ему позвонить. Он снял трубку, и, после того как мы обменялись приветствиями, я сказала, что хотела бы с ним повидаться.

— Отлично! — с энтузиазмом отреагировал он. — Когда и где? Только давай в каком-нибудь месте попрохладнее. Я уж и забыл, какая тут летом жарища.

— Тогда тебе не стоило возвращаться, — колко заметила я, намекая, что мне известна причина его возвращения, и давая ему возможность ее обосновать.

— Пришлось ради собственной безопасности, — ответил он не без самодовольства. — Дай им палец, они всю руку отгрызут. — У него теперь появился легкий британский говорок. — Кстати, Клара сказала, что у тебя появилась новая соседка по квартире.

— Она не в твоем вкусе, — ответила я.

Тут в гостиную вошла Эйнсли и села на диван спиной ко мне.

— А, ты хочешь сказать, старовата — как ты?

Моя «старость» всегда была мишенью его шуток. Я расхохоталась.

— Ну, скажем, завтра вечером, — предложила я. И тут меня осенило, что Лен может отвлечь Питера от печальных мыслей. — Давай в полдевятого в «Парк-плазе». Я приду с другом, познакомитесь.

— А, — оживился Лен, — парень, о котором мне рассказала Клара. Но это же не серьезно?

— О нет, совсем нет. — Я постаралась его ободрить.

Когда я положила трубку, Эйнсли спросила:

— Это ты с Леном Слэнком разговаривала?

Я кивнула.

— Как он выглядит? — равнодушно спросила она.

Я не могла не ответить.

— Ну, обычно. Вряд ли ты бы сочла его привлекательным. У него светлые вьющиеся волосы и очки в роговой оправе. А что?

— Да так, интересно. — Эйнсли встала с дивана и пошла на кухню. — Выпить хочешь? — крикнула она оттуда.

— Нет, спасибо, но принеси мне стакан воды.

Я переместилась в кресло у открытого окна, откуда дул легкий ветерок.

Она вернулась со стаканом виски со льдом и протянула мне стакан с водой. Сама села на пол.

— Мэриен, я должна тебе кое-что сказать.

Она произнесла это таким серьезным голосом, что я сразу всполошилась.

— Что-то случилось?

— У меня будет ребенок, — тихо сказала она.

Я судорожно глотнула воды. Невозможно было даже представить себе, что Эйнсли могла так ошибиться в подсчетах.

— Не верю!

Она рассмеялась:

— Нет, я не хочу сказать, что залетела. Я хочу сказать, что собираюсь забеременеть.

У меня гора с плеч свалилась, но я была в замешательстве.

— Ты хочешь сказать, что собираешься выйти замуж? — спросила я, сразу вспомнив о невезучем Триггере. Я пыталась решить, кто из них двоих был бы больше интересен Эйнсли, но безуспешно. Насколько я ее знала, она всегда была решительной противницей брака.

— Так и знала, что ты это скажешь, — насмешливо скривилась она. — Нет, я не собираюсь

замуж. В этом беда многих детей: у них слишком много родителей. Ты же не будешь говорить, что в доме, где рулят Клара и Джо, созданы идеальные условия для ребенка? Сама подумай, насколько у их детей перепутались образы матери и отца. Да они уже погрязли в комплексах. И в основном по вине этого мужчины!

— Но Джо же изумительный! — вскричала я. — Он для нее практически все делает. Как бы Клара жила без него?

— Вот именно! — подхватила Эйнсли. — Ей бы пришлось самой справляться. И она бы справилась! И они бы росли абсолютно нормальными детьми. В наше время, кто разрушает семьи? Мужья! Ты обратила внимание — она даже не кормит грудью.

— У малышки режутся зубки, — возразила я. — Большинство перестает кормить, когда у детей лезут зубы.

— Ерунда! — сумрачно произнесла Эйнсли. — Могу поспорить, это ее Джо склонил. В Южной Америке младенцев кормят грудью гораздо дольше. А в Северной Америке мужчины просто ненавидят наблюдать нормальную природную связь между матерью и младенцем, они ощущают себя ненужными. Любая женщина, если у нее

не остается иного выбора, будет кормить грудью максимально долго. Я вот точно буду.

Тут мне показалось, что наша дискуссия свернула куда-то не туда: мы углубились в теоретические дебри, обсуждая вполне практическую вещь. Я сделала личный выпад:

— Эйнсли, но ты же ничего не знаешь про детей. Ты их даже не особенно любишь, я же слышала, как ты говорила, что они грязные и шумные.

— Не любить чужих детей, — парировала Эйнсли, — вовсе не значит не любить своего собственного ребенка.

С этим я не могла поспорить. Я пришла в полное замешательство: даже не знала, чем обосновать свои возражения по поводу ее плана. Самое худшее — в том, что она и впрямь могла его осуществить. Причем она всегда была способна достичь желаемого очень быстро. Хотя, по моему мнению, кое-что из желаемого ею — а тут как раз был такой случай — выглядело безрассудным. И я решила воззвать к здравому смыслу.

— Ладно, — сказала я, — согласна. Но зачем тебе ребенок, Эйнсли? Что ты будешь с ним *делать*?

Она взглянула на меня с отвращением.

— Каждая женщина должна родить по крайней мере одного ребенка. — Она произнесла это

тоном диктора из радиорекламы, который веско утверждал, что каждая женщина должна иметь по крайней мере один фен. — Это куда важнее секса. Это способствует реализации твоей женской природы.

Эйнсли обожает читать популярные книжки по истории примитивных культур: они валяются среди ее одежды, разбросанной по полу. В колледже она ходила на спецкурс антропологии.

— Но почему именно сейчас? — спросила я, торопливо ища аргументы для возражений. — А как же твоя работа в художественной галерее? Планы знакомства с художниками? — Я вывесила перед ней эти вопросы, как морковку перед ослом.

Эйнсли вытаращила глаза.

— А какая связь между рождением ребенка и работой в художественной галерее? Ты всегда думаешь в плоскости или-или. Но важна *цельность*. А почему именно сейчас… Должна тебе сказать, я об этом долго думала. Тебе не кажется, что в жизни нужна какая-то цель. И разве не надо рожать детей, пока ты молодая? Когда они доставляют тебе радость. Кроме того, научно доказано, что дети здоровее, если матери рожают их в возрасте от двадцати до тридцати.

— И ты оставишь ребенка у себя? — Я оглядела

гостиную, подсчитывая в уме, сколько времени, энергии и денег потребуется, чтобы упаковать и вывезти мебель. В обстановке нашей квартиры большинство крупных вещей были моими: круглый кофейный столик, вытащенный с чердака родственников, раскладной ореховый стол, которым мы пользовались, когда принимали гостей, — тоже подарок, мягкое кресло и кожаный диванчик, который я нашла в магазине Армии спасения и обила заново. Огромный постер со звездой немого кино Тедой Бара и яркие бумажные цветы принесла Эйнсли, как и пепельницы, и надувные резиновые подушки с геометрическими узорами. Питер сказал, что нашей гостиной недостает единства стиля. Я никогда раньше и не думала, что наша совместная жизнь — это навсегда, но теперь ясно поняла, какая угроза нависла над столь желанной мне стабильностью. Столы крепче впились ножками в пол; мне вдруг стало невыносимо думать о том, что этот массивный кофейный столик нужно будет спустить по нашей узкой лестнице, а плакат с Тедой Бара снять со стены, и под ним оголится трещина в штукатурке, а резиновые подушки сдуть и запихнуть в чемодан. «Интересно, — подумала я, — сочтет ли домовладелица беременность Эйнсли нарушени-

ем контракта об аренде и поводом для судебного иска против нас».

Эйнсли сердито насупилась.

— Естественно, оставлю. А какой смысл городить огород, если не оставлять ребенка?

— Значит, говоря попросту, — продолжала я, допив воду, — ты сознательно решила завести незаконного ребенка и сама его вырастить.

— О, мне лень *объяснять*. И зачем ты используешь это жуткое буржуазное слово? Рождение ведь само по себе законно, так? Ты просто ханжа, Мэриен, вот откуда все беды нашего общества.

— Ладно, я ханжа, — согласилась я, уязвленная до глубины души: а мне-то казалось, что у меня мозгов побольше, чем у многих прочих. — Но раз общество такое, какое есть, не думаешь ли ты только о себе? Не обрекаешь ли ты ребенка на страдания? У тебя хватит средств его содержать? Как ты будешь реагировать на предрассудки и так далее?

— Как вообще может измениться общество, — произнесла Эйнсли с достоинством крестоносца, — если в нем нет лидеров? Я буду просто говорить правду. Да, я знаю: меня будут провожать косыми взглядами и шушукаться за спиной, но многие относятся к этому вполне толерантно,

я уверена, даже у нас. Ну, то есть мне не будет так же несладко, как если бы я забеременела случайно или что-то в таком роде.

Мы сидели молча несколько минут. Но, похоже, достигли взаимопонимания в главном.

— Ладно, — нарушила я молчание. — Я вижу, ты все обдумала. А кто будет отцом? Я понимаю, это маленькая техническая деталь, но тебе придется с кем-то вступить в отношения, хотя бы ненадолго. Ты же не можешь просто выпустить бутон, как цветок.

— Ну, вообще-то, — теперь она говорила с серьезным видом, — я и об этом думала. У него должна быть приличная родословная, он должен быть красавчиком, и было бы неплохо, если бы я нашла понимающего мужчину, готового мне помочь, который не заморачивался бы идеей женитьбы. В этот момент Эйнсли напоминала, отчего мне стало как-то не по себе, практичного фермера, рассуждающего о разведении коров.

— Есть кто на примете? — поинтересовалась я. — Может, тот студент-стоматолог?

— Боже сохрани! У него безвольный подбородок.

— А свидетель по делу об убийстве электрической зубной щеткой?

Она вздернула бровь.

— По-моему, он глуповат. Я бы, конечно, предпочла художника, но это очень рискованно в генетическом плане. Сейчас у них у всех, боюсь, сбой в хромосомах от частого употребления ЛСД. Я надеюсь выловить прошлогоднего Фредди, этот, по крайней мере, не будет кобениться, правда, он чересчур тучный, и к концу дня у него вечно вылезает колючая щетина. Не хочу иметь пузатого ребенка.

— И с жесткой щетиной, — добавила я, пытаясь быть хоть чем-то ей полезной.

Эйнсли бросила на меня раздраженный взгляд.

— Ты все зубоскалишь. Но если бы люди почаще задумывались о том, какие свойства и черты они передают своим детям, может быть, они бы не совершали глупостей. Мы же знаем: человеческий род вырождается, а все потому, что люди бездумно, вслепую передают свои слабые гены, и, как утверждает наука, они не подвергаются естественному отбору, как было раньше.

У меня голова пошла кругом от ее лекции. Я знала, что Эйнсли ошибается, но она приводила вполне разумные аргументы. И я решила отправиться спать, пока она меня не переубедила.

У себя в спальне я присела на кровать, упер-

шись спиной в стену, и задумалась. Поначалу я сосредоточилась на мысли о том, как бы ее отговорить, а потом мне стало все равно. Она приняла решение, и хотя я могла тешить себя надеждой, что это просто мимолетный каприз, который скоро пройдет, мое-то какое дело? Мне просто придется приспособиться к новой ситуации. Возможно, когда мы переедем, я найду себе новую соседку; но правильно ли будет оставить Эйнсли одну? Мне не хотелось вести себя безответственно.

Я легла спать в растрепанных чувствах.

6

Звонок будильника вытряхнул меня из сна, в котором я глядела вниз и видела, как моя ступня начинает растворяться, словно плавящееся желе, но я успела натянуть на ноги резиновые бахилы как раз перед тем, как концы моих пальцев на руках стали прозрачными. Я бросилась к зеркалу посмотреть, что с моим лицом, но в этот миг я проснулась. Обычно мне не запоминаются сны.

Эйнсли еще спала, поэтому я в одиночестве сварила себе яйцо, выпила стакан томатного сока и чашку кофе. Потом облачилась в костюм, приличествующий маркетинговому интервью, — строгая юбка, блузка с длинными рукавами и туфли на низком каблуке. Я намеревалась начать пораньше, но не слишком рано, потому что мужчины, которые любят поспать в выходные подольше, наверняка еще будут в постели. Я достала карту города и изучила ее, мысленно вычеркивая районы, которые, насколько мне было известно, уже выделили для опроса. Я сделала себе тост, налила вторую чашку кофе и определила варианты маршрутов движения.

Мне нужно было опросить семь или восемь

мужчин, которые обычно выпивают за неделю среднюю норму пива и которые захотят отвечать на мои вопросы. Найти таких будет, видимо, довольно сложно — из-за длинных выходных. Я по своему опыту знала, что мужчины куда неохотнее женщин соглашаются играть в эти игры с маркетинговыми опросниками. Улицы по соседству отпадали: до нашей домовладелицы могли дойти слухи, что я интересовалась у соседских мужчин, много ли пива они пьют. К тому же я подозревала, что обитатели нашего района скорее пьют виски, чем пиво, плюс тут было немало вдовушек-трезвенниц. Район съемных домов к западу тоже исключался: я уже как-то пробовала провести там дегустацию картофельных чипсов, но тамошние домовладелицы встретили меня весьма негостеприимно. Они решили, что я переодетая правительственная служащая, выпытывающая, сколько у них реально съемщиков, чтобы повысить им налог с аренды. Я подумала, не обойти ли мне дома, где снимают жилье студенты, но вспомнила, что отвечать на вопросы анкеты должны потребители, соответствующие возрастному цензу.

Я села на автобус, вышла около станции метро, записала в отчет потраченную на билет сумму

как «расходы на транспорт» и перешла улицу. Потом прошла под уклон к большому пустырю, а вернее, парку, где не росло ни единого дерева. В одном углу пустыря была оборудована бейсбольная площадка, на которой никто не играл, оставшаяся его часть была сплошь покрыта травой, теперь уже пожелтевшей и сухо хрустящей под ногами. День сегодня обещал быть таким же, как и вчера, — безветренным и душным. Небо было безоблачным, но не ясным: вязкий воздух тяжело висел, словно невидимая пелена пара, поэтому цвета и очертания предметов вдалеке казались размытыми.

В дальнем конце парка находилась асфальтовая эстакада, я поднялась по ней и вышла на тихую улочку со стоящими впритирку небольшими, довольно обшарпанными домиками — двухэтажными коробками с деревянными наличниками на окнах и на кровле. У некоторых домиков наличники были недавно покрашены, ярко контрастируя с побитыми ветрами и дождем реечными фасадами. Этот район города был из тех, что десятилетиями медленно ветшал, а потом вдруг снова взбодрился и в последние годы стал опять преуспевающим. Кое-кто из бывших обитателей благополучного пригорода купил

здесь дома и сделал в них косметический ремонт: выкрасил элегантной белой краской, проложил мощеные дорожки к крыльцу, поставил на лужайке елки и туи в цементных кадках и повесил фонари над входными дверями. Обновленные таунхаусы гляделись щеголевато рядом со скромными соседями, словно с безответственным легкомыслием игнорировали и быстротечность времени, и неумолимость обветшания, и суровость ненастья. Собираясь провести опрос в этом районе, я решила пройти мимо преображенных домов: в них явно жили любители сухого мартини.

Вид ряда закрытых дверей внушает робость, если знать, что предстоит подняться по ступенькам, постучать и попросить об услуге ответить на вопросы. Я оправила юбку, смахнула пылинки с плеч и сочла, что выгляжу достаточно официально и в то же время дружелюбно. Я зашагала к следующему кварталу, повторяя про себя вопросы, пока во мне не созрела решимость начать, наконец, интервью. В конце квартала я заметила новенькие с виду здания. На них-то я сделала последнюю ставку: внутри будет прохладно, и там я скорее всего смогу компенсировать недостающие интервью, если понадобится.

Я позвонила в первую дверь. Кто-то невидимый рассмотрел меня через белую полупрозрачную занавеску, потом дверь распахнулась, и я увидела женщину с точеными чертами лица, в цветастом фартуке с нагрудником. На ее лице не просматривалось ни следа макияжа, даже губной помады, а на ногах у нее были черные шнурованные туфли на толстых каблуках, которые сразу заставили меня вспомнить слово «ортопедический» и подвальный этаж универмага, где распродают со скидкой всякое барахло.

— Доброе утро, я представляю компанию «Сеймур сёрвейз», — отчеканила я с фальшивой улыбкой. — Мы проводим небольшой опрос, и надеюсь, ваш муж будет любезен и согласится ответить на несколько моих вопросов.

— Вы что-то продаете? — спросила она, поглядев на мой карандаш и стопку листков бумаги.

— Нет-нет! Мы не имеем отношения к торговле. Наша компания занимается маркетинговыми исследованиями, и мы просто задаем вопросы. Это помогает улучшить качество продукции, — брякнула я зачем-то. Ну, теперь я вряд ли получу тут то, что мне требуется.

— И о чем? — спросила она, подозрительно поджав губы.

— Вообще-то, это опрос о пиве, — ответила я жизнерадостным голосом, изо всех сил стараясь, чтобы слово «пиво» прозвучало как «пудинг».

Тут выражение ее лица резко изменилось. «Откажет», — подумала я. Но она, помедлив, отошла в сторону и произнесла голосом, напомнившим мне остывшую овсяную кашу:

— Входите.

Я оказалась в безупречно чистой прихожей с кафельным полом и сразу вдохнула ароматы мебельного лака и отбеливателя, а она исчезла за дальней дверью прихожей, затворив ее за собой. Раздалось невнятное мурлыканье беседы, потом дверь снова отворилась, и из нее вышел высокий седой мужчина с сурово нахмуренным лицом, а за ним показалась та самая женщина. На мужчине был черный пиджак, хотя день стоял жаркий.

— Так, юная леди, — обратился он ко мне, — я не собираюсь взывать к вашей совести, потому как я вижу, что вы — милая девушка и являетесь лишь невинным средством, используемым для достижения возмутительной цели. Но я бы попросил вас передать вот эти брошюры своим работодателям. И да будут умягчены их сердца! Чрезмерное насаждение пития и пьянства есть зло и грех пред лицом Божиим.

Я взяла брошюры, которые он мне всучил, но все же моя лояльность к «Сеймур сёрвейз» заставила меня возразить:

— Наша компания, чтоб вы знали, никак не связана с *продажей* пива.

— Это одно и то же, — упрямо заявил он, — это все одно и то же. «Кто не со Мною, тот против Меня», сказал Господь. И не пытайтесь обелить окрашенные гробы этих торговцев людским несчастьем и вырождением!

Он уже собрался уйти и сказал мне на прощание:

— Вы сами можете их почитать, юная леди. Разумеется, вы никогда не оскверните свои губы алкоголем, но ни одна душа не может остаться неукоснительно чистой и устоять против искушения. Возможно, сие семя не упадет ни при дороге, ни на места каменистые.

Я тихо выдавила «Спасибо», и уголки губ мужчины раздвинулись в улыбке. Его жена, наблюдавшая сцену проповеди с выражением скупого удовлетворения, шагнула вперед и открыла мне дверь, а я вышла, подавив рефлекторное желание пожать им обоим руки, как делают прихожане, покидая церковь.

Начало не задалось. Бредя к соседнему дому, я

рассматривала брошюры. «ТРЕЗВОСТЬ» — наставляла одна. Другая была озаглавлена еще более зажигательно: «ПИТИЕ И ДЬЯВОЛ». Наверное, он священник, решила я, хотя явно не англиканский и скорее всего не из Объединенной церкви Христа. Вероятно, из какой-то малоизвестной секты.

В соседнем доме никто мне не открыл, а в следующем дверь отворил мальчуган, весь вымазанный шоколадом, который сообщил, что папа еще в кровати. И только оказавшись в следующем доме, я быстро поняла, что тут мои поиски наконец увенчаются успехом. Входная дверь стояла нараспашку, и мужчина, который вышел ко мне вскоре после того, как я нажала кнопку звонка, был среднего роста, но крупного телосложения, можно сказать, толстяк. Когда он открыл сетчатую дверь, я заметила, что он в одних носках, и на нем надеты только майка и шорты-бермуды. Лицо у него было багровое.

Я объяснила ему цель своего прихода и показала карточку с напечатанной на ней шкалой среднестатистического потребления пива в неделю. Все данные были пронумерованы от 0 до 10. Компания взяла на вооружение эту методику, потому что встречаются мужчины, которые стыдятся называть точный объем выпиваемого ими

за неделю пива. Мужчина в бермудах выбрал цифру 9, предпоследнюю в колонке. Мало кто выбирает 10: все любят считать, что, возможно, есть люди, выпивающие больше, чем они.

Когда мы дошли до этого пункта, мужчина предложил:

— Заходите в гостиную, присядьте. Наверное, устали ходить по домам на такой жаре. Жена пошла по магазинам.

Я села в кресло, а он уменьшил громкость телевизора. Я заметила на полу около его кресла полупустую бутылку пива конкурирующего с «Лосем» бренда. Он сел напротив, улыбаясь и отирая носовым платком лоб, и начал отвечать на предварительные вопросы с видом эксперта, выносящего профессиональную оценку. Прослушав по телефону рекламное объявление, он задумчиво почесал волосатую грудь и с энтузиазмом выдал ответ, ради которого целая армия рекламных агентов готова ежедневно возносить к небесам молитвы. Мы закончили, я записала его имя и адрес, чтобы наши интервьюеры не опрашивали людей повторно, но когда я поднялась и начала его благодарить, он двинулся ко мне с пивной ухмылкой.

— Неужели такая милая девочка, как ты, долж-

на бегать по городу и спрашивать мужиков о пиве? — мазнув по мне влажным взглядом, произнес он. — Тебе лучше сидеть дома с крепким парнем, который может о тебе позаботиться.

Сунув в протянутые ко мне руки пару брошюрок о трезвости, я выскользнула из дома.

Я провела еще четыре полных интервью без происшествий, выяснив по ходу дела, что в опросник надо внести еще один пункт: «Домашнего телефона нет… Конец интервью» и «Не слушает радио», и еще, что мужчины, которые на ура воспринимают рекламный радиоролик, не слишком благосклонно реагируют на слово «щекочущий», воспринимая его в смысле «слишком легкий» или, как выразился один, «чересчур фруктовый». Пятое интервью я провела с тощим лысеющим парнем, который так боялся высказать свое мнение по любому поводу, что слова из него пришлось вытягивать, как зубы разводным ключом. Всякий раз, когда я задавала очередной вопрос, он краснел, его кадык дергался, а лицо искажала гримаса страдания. Прослушав радиоролик и мой вопрос: «Как вам понравился этот ролик? Очень — средне — не очень?», он несколько минут хранил напряженное молчание и наконец тихо выдавил: «Да».

Мне осталось провести еще два интервью. Но я решила проигнорировать коттеджи и отправилась к квадратному многоквартирному дому. Чтобы попасть внутрь, я прибегла к обычному своему методу: нажала сразу все кнопки домофона и дождалась, когда какая-то заблудшая душа открыла мне входную дверь.

Как же приятно было оказаться в прохладном вестибюле. Я поднялась по лестнице, покрытой еще не совсем изношенной ковровой дорожкой, и постучала в первую дверь с номером 6. Мне это показалось странным, потому что на этой двери, исходя из ее расположения, должен был бы висеть номер 1.

После моего стука ничего не произошло. Я постучала снова, чуть погромче, подождала и уже собралась было двинуться к соседней квартире, как дверь бесшумно отворилась внутрь, и я увидела паренька лет пятнадцати — тот пристально смотрел на меня.

Он потер согнутым пальцем глаз, как будто я подняла его с постели. Он был худой, как скелет, и ребра у него торчали, как у истощенных мучеников на средневековых гравюрах. Обтягивающая ребра кожа была почти бесцветной, не белой, конечно, но оттенка застиранного постельного

белья. Он был босой. На нем не было ничего, за исключением штанов цвета хаки. Его глаза, которые почти закрывала копна прямых черных волос, упавших на лоб, глядели нарочито печально, словно он долго тренировался, чтобы придать им такое выражение.

Мы молча пялились друг на друга. Он явно не собирался ничего говорить, а я не знала, с чего начать. В этой ситуации опросник у меня в руках был совершенно бесполезен, более того, он мог показаться пареньку угрожающим. Наконец я собралась с мыслями и натужно проговорила:

— Привет! Твой папа дома?

Он продолжал глазеть на меня, не выказывая ни тени эмоций.

— Нет. Он умер.

— О… — Я стояла, слегка покачиваясь. Из-за контраста между жарой снаружи и прохладой здесь у меня закружилась голова. Время, казалось, замедлило бег, сказать мне было нечего. Но я не могла сдвинуться с места. А он так и замер в дверях.

Потом, через несколько минут, показавшихся часами, мне пришло в голову, что он не так юн, как кажется. Под глазами у него были темные круги, а около уголков век я заметила тонкие

морщинки.

— Тебе и правда только пятнадцать? — спросила я так, будто он сообщил мне свой возраст.

— Мне двадцать шесть, — горестно ответил он.

Я заметно вздрогнула, словно его голос нажал на невидимую педаль газа во мне, и я скороговоркой выдала приветственный текст о том, что я представляю маркетинговую компанию «Сеймур сёрвейз» и что мы ничего не продаем, а помогаем улучшать качество продукции, и я хочу задать ему пару несложных вопросов о том, сколько пива он обычно выпивает за неделю, а сама при этом размышляла, что, судя по его виду, он ничего не пьет, кроме воды, и ест только корку хлеба, которую ему кидают в клетку, где он сидит на цепи. Но он вроде бы отнесся к моим словам с сумрачным интересом, с каким любой бы отнесся к дохлой собаке, и я поспешно протянула ему карточку со шкалой еженедельного потребления пива и попросила выбрать цифру. Он с минуту изучал карточку, потом перевернул оборотной стороной и посмотрел, но там было пусто, и тогда он закрыл глаза и произнес: «Номер шесть».

Это соответствовало объему потребления от семи до десяти бутылок пива в неделю, достаточно много, чтобы задавать ему вопросы из опросника,

о чем я и сообщила.

— Тогда входи, — сказал он.

Переступив порог его квартиры, я ощутила укол тревоги, но дверь с деревянным стуком уже захлопнулась за моей спиной.

Мы оказались в не очень большой гостиной в форме правильного квадрата: за проемом в одной стене виднелась кухонька, а от другой стены начинался коридор, ведущий к спальням. Жалюзи на довольно маленьком окне закрыты, отчего комната как бы купалась в сумерках. Стены, насколько можно было судить в полумраке, белые и голые. Ни фотографий, ни картин на них не висело. Пол застлан хорошим персидским ковром с узором в виде крупных завитков и бутонов коричневого, зеленого и пурпурного цветов, куда более приятным на вид, чем ковер в гостиной нашей домовладелицы, доставшийся ей по наследству от дедушки. Вдоль одной стены тянулся книжный стеллаж — из тех самоделок, которые мастерят из досок и кирпичей. Кроме стеллажа обстановку гостиной составляли три старинных мягких кресла, одно плюшевое, багровое, другое обитое бледно-зелено-голубым штофом, а третье выцветшего пурпурного цвета. Возле каждого стоял старинный торшер. И все пустые поверх-

ности в комнате были завалены листами бумаги, блокнотами, раскрытыми и закрытыми книгами с торчащими из них карандашами и бумажными закладками.

— Ты здесь один живешь? — спросила я.

Он остановил на мне скорбный взгляд.

— Это зависит от того, какой смысл, — нараспев произнес парень, — ты вкладываешь в слово «один».

— Понятно, — вежливо отозвалась я. И прошлась по комнате, стараясь создать у него впечатление беспечной бойкости, при этом довольно неуверенно лавируя между креслами, торшерами и кучами бумажного барахла на полу. Я направлялась к пурпурному креслу — единственному, не заваленному ворохом бумаг.

— Там нельзя сидеть, — с упреком произнес он за моей спиной. — Это место Тревора. Ему не понравится, что ты заняла его кресло.

— А… Тогда на красном можно?

— Ну, в нем Фиш сидит, — сказал он, — но он не будет возражать. Во всяком случае, я так думаю. Но там лежит его рукопись, смотри, не перепутай листы.

Я не поняла, каким образом, просто сев на бумаги, могу привести их в больший беспорядок,

но ничего не сказала. Я стала гадать, кто же такие Тревор и Фиш — может, воображаемые партнеры по игре, — и еще мне было интересно, не соврал ли он про свой возраст. В полумраке гостиной он вообще выглядел лет на десять. Он важно глядел на меня, втянув голову в плечи, скрестив руки на груди и обхватив ладонями локти.

— А ты сидишь, как я понимаю, в зеленом.

— Да, — ответил он. — Но я в нем не сидел уже недели две. На нем выложено все, что нужно.

Мне захотелось подойти к зеленому креслу и поглядеть, что же он там выложил, но я напомнила себе, что нахожусь тут по делу.

— И где же мы тогда сядем?

— На полу. Или на кухне. Или у меня в спальне.

— Нет, только не в спальне, — поспешно возразила я.

Я прошла по полу, шагая прямо по бумагам, и заглянула в кухонный отсек за стенкой. Мне в нос ударил странный запах: там в каждом углу стояли мешки с мусором, а все остальное пространство занимали кастрюли и чайники, частью чистые, а частью давно не мытые.

— Думаю, на кухне нет места, — предположила я и, нагнувшись, начала расчищать ковер от бу-

маг — так собирают грязь с поверхности пруда.

— Думаю, не стоит тебе этого делать, — подал он голос. — Некоторые бумаги не мои. Ты можешь их перепутать. Лучше нам пойти в спальню.

Ссутулившись, он пересек комнату и пошел по коридору. Делать было нечего — я последовала за ним.

Его спальня походила на вытянутую коробку с белыми стенами, и здесь, как и в гостиной, царил полумрак: жалюзи тоже были плотно закрыты. Мебели не было никакой, кроме гладильной доски с утюгом, в углу на полу валялась шахматная доска и несколько разбросанных шахматных фигур, еще я заметила пишущую машинку и картонную коробку вроде бы с грязным бельем, которую он, когда я вошла, ударом ноги задвинул в стенной шкаф. И еще была узкая кровать. Он натянул серое солдатское одеяло на скомканные простыни, забрался на него и, скрестив ноги, сел в углу. Он включил бра над кроватью, вынул сигарету из пачки, которую сразу же сунул обратно в штаны, закурил и замер с сигаретой в сложенных ладонях — ни дать ни взять голодающий будда, воскуряющий благовония.

— Можем начать, — сказал он.

Я присела на край кровати — больше в спальне

сесть было не на что — и стала зачитывать опросник. При каждом вопросе он откидывал голову назад, упирался затылком в стену и, закрыв глаза, отвечал, после чего открывал глаза и, устремив на меня взгляд, выслушивал следующий вопрос, причем я не могла точно сказать, насколько внимательно.

Дойдя до рекламного радиоролика, мы отправились в кухню к телефону, и он набрал номер. Я вышла, а он пробыл там так долго, что мне показалось, прошла целая вечность, так что мне даже пришлось вернуться и удостовериться, что все в порядке: он стоял, прижав трубку к уху, а его губы искривились в подобии улыбки.

— Прослушать надо только один раз, — укоризненно сказала я.

Он нехотя повесил трубку на рычаг.

— А можно я после твоего ухода снова наберу этот номер и прослушаю ролик? — произнес он робко и просительно тоном маленького мальчика, выпрашивающего лишнюю конфетку.

— Можно, — кивнула я, — но только не на следующей неделе, ладно?

Мне не хотелось, чтобы он занимал линию, когда начнут звонить плановые респонденты.

Вернувшись в спальню, мы приняли те же по-

зы, что и раньше.

— Теперь я буду повторять фразы из ролика, а ты скажешь, какие мысли у тебя возникают после каждой из них.

В этой части опросника использовалась методика свободных ассоциаций с целью определить спонтанные реакции на ту или иную ключевую фразу.

— Первое, что скажешь про «насыщенный мужской аромат»?

Он откинул голову к стене, закрыл глаза и после паузы задумчиво произнес:

— Пот, кроссовки, спортивная раздевалка в подвале, мужские трусы с защитной накладкой.

Интервьюер всегда должен дословно записывать ответы респондента, я так и поступила. И подумала: а не подложить ли мне потом это интервью в стопку плановых, чтобы внести хоть какое-то разнообразие в монотонную работу кого-то из наших дам с цветными карандашами — возможно, миссис Вимерс или миссис Гандридж. Она зачитает его вслух остальным, и те отметят, что ответ дан всесторонний, и им будет о чем поговорить по крайней мере в трех перерывах на кофе.

— А как тебе «долгий глоток холодного напит-

ка»?

— Не особо. Хотя постой. Это птица, белая, падающая с большой высоты, ее подстрелили прямо в сердце, зимой. Перья летят во все стороны, медленно опускаются вниз… Это вроде тех тестов на ассоциации к словам, которые дает психиатр. — Парень открыл глаза. — Они мне всегда нравились. Это интереснее, чем тесты с картинками.

— Думаю, они применяют один и тот же принцип, — сказала я. — А что скажешь про «здоровый вкус — этот дар от всего сердца»?

Мой респондент обмозговывал ответ несколько минут.

— Сердечный приступ. Нет, это неправильно. — Он наморщил лоб. — А, вот. Это сказка про людоедов. — Он впервые за время интервью занервничал. — Я узнал шаблон, такой встречается в «Декамероне» и пару раз в сказках братьев Гримм. Муж убивает любовника жены или, наоборот, вырезает сердце и делает из него жаркое или пирог с мясной начинкой и подает его на серебряном блюде, а другой ест. Хотя тут нет никакой связи со «здоровым», так? Шекспир, — добавил он уже более спокойно. — У Шекспира есть нечто подобное. В «Тите Андронике» есть од-

на сцена, правда, еще идут споры, действительно ли Шекспир написал эту пьесу…

— Спасибо. — Я деловито записала его ответ.

Теперь я уже не сомневалась, что он компульсивный невротик и что лучше мне сидеть тихо и не показывать страха. Правда, я не слишком испугалась — не было похоже, что он склонен к насилию, — но мои вопросы безусловно заставили его напрячься. А вдруг он сейчас на грани срыва, и в таком состоянии от любой моей фразы может легко слететь с катушек. Психи они такие, подумала я, вспомнив о паре историй, которые мне рассказывала Эйнсли; любая мелочь, вроде случайного слова, может их вывести из себя.

— А теперь «щекочущий вкус, пьянящий аромат, внезапный, как снегопад»?

Эти слова погрузили его в долгие раздумья.

— Вообще никаких мыслей, — заметил он. — Тут концы с концами не сходятся. Первое словосочетание заставляет подумать о человеке со стеклянной головой, по которой бьют палочкой, — это как поющие бокалы. Но какая связь с «внезапным, как снегопад»? Мне кажется, — сделал он печальный вывод, — для вас это утверждение бесполезно.

— Отлично! — похвалила я и подумала, как

бы на этот опросник ответила вычислительная машина IBM. — И последнее: «Ощути пикантный укус дикой природы».

— О, — тут его голос исполнился энтузиазма, — тут все просто. Эти слова меня сразу поразили, как только я их услышал. Это цветной фильм про собак или лошадей. «Укус дикой природы» — речь, конечно, идет о собаке, метисе волка и хаски, которая трижды спасает своему хозяину жизнь — однажды во время пожара, второй раз во время наводнения, а в третий раз при нападении на него плохих людей, — в наши дни это скорее белые охотники, чем индейцы, но в конце концов ее убивает из винтовки жестокий траппер, и хозяин ее оплакивает. Возможно, он зарывает труп собаки в снегу. Панорамный кадр заснеженного леса на закате. Затемнение.

— Отлично, — повторила я, лихорадочно записывая каждое его слово, стараясь ничего не пропустить. — Так, мне неловко это спрашивать, но все же… насколько, по-твоему, эти фразы применимы к описанию пива? Ответь по шкале: очень хорошо применимы — средне — совсем не применимы.

— Не могу сказать. — Он сразу потерял интерес к опросу. — Я не пью это пойло. Только виски.

Никакое пиво не может сравниться с виски.

— Но, — с удивлением заметила я, — ты же на карточке шкалы потребления выбрал цифру шесть. Это соответствует семи-десяти бутылкам пива в неделю.

— Ты же попросила меня выбрать цифру. А шесть — мое счастливое число. Я даже попросил поменять мне номер квартиры. На самом деле я живу в первой. К тому же это занудство меня утомило. Было ощущение, что я с кем-то беседую.

— Это значит, что я не смогу учесть твое интервью, — свирепо произнесла я. На мгновение я забыла, что опрос был понарошку.

— О, а тебе понравилось, — криво улыбнулся он. — Но знаешь, каждый второй ответ полная туфта. Хотя ты должна признать, я тебя развлек.

Меня распирало от раздражения. Я-то ему так сочувствовала, считая, что этот страдалец находится на грани нервного срыва, и вот на тебе: он признался, что все это было представлением чистой воды. Я могла встать и уйти, выразив свое неудовольствие, или признать, что он прав. Я нахмурилась, решая, что предпринять, но тут услышала, как хлопнула входная дверь и раздались голоса.

Он подался вперед и прислушался, потом снова

привалился к стене.

— Это Фиш и Тревор. Мои соседи по квартире. Та еще парочка зануд. Тревор — суперзануда: он будет в шоке, увидев, что я у себя в спальне сижу без рубашки в обществе девушки с большой буквы «Д».

Со стороны кухоньки раздалось шуршание пакетов с едой, и чей-то бас протянул:

— Боже, ну и жарища!

— Думаю, мне пора, — заторопилась я.

Если и те двое такие же чудаки, как этот, пожалуй, мое терпение лопнет. Я собрала листки опросника и встала — и в этот момент голос произнес:

— Эй, Дункан, пивка хочешь? — И в дверях показалось лицо с кудлатой бородой.

Я возмущенно ахнула.

— Так ты все-таки пьешь пиво?

— Боюсь, что пью. Извини. Не хотел по-быстрому сворачивать интервью. Оно было невыносимо занудным, и я просто сказал все, что я о нем думаю. Фиш, — обратился он к бородачу. — Это Златовласка.

Я сдержанно улыбнулась. Я не блондинка.

Над головой бородача показалась еще голова: белое лицо, редеющие светлые волосы, небесно-

голубые глаза и изящный точеный нос. При виде меня у него отвалилась челюсть.

Пора было бежать.

— Спасибо, — холодно, но учтиво бросила я сидящему на кровати. — Вы мне очень помогли.

Он улыбнулся, наблюдая, как я выхожу из спальни. Оба его соседа, пропуская меня, в испуге отпрянули от дверного косяка. Дункан крикнул мне вслед:

— Слушай, на фига тебе такая дебильная работа? Я думал, только старые толстые тетки занимаются подобной ерундой!

— О! — ответила я с достоинством, не собираясь ни оправдываться перед ним, ни объяснять, что у меня высокий — ну ладно, более высокий — профессиональный статус в маркетинговой компании. — Всем хочется кушать. Да и чем еще в наше время заниматься девушке с гуманитарным образованием?

Выйдя на улицу, я поглядела на опросник. Записи его ответов казались почти неразборчивыми при ярком солнечном свете: мои каракули слились на странице в сплошное серое пятно.

7

Строго говоря, мне еще не хватало полтора интервью, но для итогового отчета и для правки опросника и этого было вполне достаточно. Кроме того, мне не терпелось принять ванну и переодеться, прежде чем идти к Питеру: интервью заняли куда больше времени, чем я планировала.

Я вернулась в квартиру и швырнула опросники на кровать. Потом пошла искать Эйнсли, но ее дома не оказалось. Я собрала в охапку мочалку, мыло, зубную щетку и пасту, надела купальный халатик и спустилась вниз. В нашей квартирке нет своей ванной, чем и объяснялась низкая арендная плата. Возможно, дом был выстроен еще до того, как ванными стали оборудовать все квартиры, а может быть, тогда считалось, что прислуге ванная без надобности; как бы там ни было, нам приходилось пользоваться ванной на втором этаже, а это иногда создавало свои трудности. Эйнсли вечно бросает свои кольца где попало, что домовладелица считает осквернением своего храма. Она оставляет на самых видных местах забытые Эйнсли дезодоранты, и лосьоны

для лица, и щетки для волос, и губочки для снятия макияжа. На Эйнсли это никак не действует, а вот меня бесит. Иногда я спускаюсь вниз после того, как Эйнсли помылась, и мою за ней ванну.

Сейчас мне хотелось вволю понежиться в горячей воде, но не успела я смыть с кожи пленку пота, пыль и смрад автобусных выхлопов, как домовладелица начала скрестись и кашлять за дверью. Так она дает понять, что ей нужно срочно войти в ванную: она никогда не стучится и не говорит об этом. Я снова поднялась наверх, оделась, выпила чашку чаю и отправилась к Питеру. Застекленные предки, поджав бледные губы над стоячими воротниками, следили со своих пожелтевших дагерротипов, как я спускаюсь по ступенькам.

Обычно мы ужинали где-нибудь в центре, а когда оставались дома, план обычно такой: по пути к Питеру я покупаю что-нибудь на ужин и готовлю у него на кухне — забегаю в одну из убогих лавчонок, которые частенько можно найти в старых жилых кварталах. Конечно, он мог бы заехать за мной в своем «Фольксвагене», но обычно такие поездки его раздражают, к тому же мне не хотелось давать домовладелице пищу для досужих домыслов. Я не знала, пойдем мы

ужинать в ресторан или останемся дома, — Питер ничего на этот счет не сказал, — поэтому на всякий случай зашла в продуктовый. Наверное, после вчерашней свадьбы у него похмелье, и вряд ли он настроен на ужин в ресторане.

Дом Питера довольно далеко от меня, и добираться до него общественным транспортом через весь город то еще удовольствие. Это к югу от нас и к востоку от университета, в обветшалом, почти трущобном, районе, который через несколько лет планируется застроить жилыми многоэтажками. Несколько новых зданий уже возведено, но будущий дом Питера все еще строится. Питер — единственный жилец в недостроенном доме, он там на временном договоре аренды и платит лишь треть той суммы, которую ему придется платить после завершения строительства. Въехать в недостроенный дом на таких щадящих условиях ему удалось благодаря клиенту, которому он помог провернуть какие-то махинации с договорами аренды. Питер первый год работает адвокатом-стажером и еще не успел заработать солидные деньги — например, он еще не может позволить себе снимать квартиру за полную цену; он сейчас трудится в небольшой адвокатской фирме, но продвигается в ней семимильными

шагами.

Все лето, когда бы я ни приходила, мне нужно было пробираться к его квартире мимо пирамид бетонных блоков перед входом в подъезд, мимо груд накрытых пыльным брезентом стройматериалов на первом этаже, и подниматься пешком по лестнице, нередко переступая через корыта с цементом, стремянки и штабеля водопроводных труб, потому что лифты в здании еще отключены. Иногда меня останавливали рабочие, которые понятия не имели, что в недостроенном здании обитает какой-то Питер, и прогоняли со словами, что посторонним вход на стройплощадку воспрещен. И мне приходилось вступать с ними в спор и доказывать существование некоего мистера Уолландера, а однажды я добралась вместе с ними до седьмого этажа и продемонстрировала им Питера во плоти. Я знала, что ни одна живая душа не станет здесь работать в субботу вечером: у строителей наверняка такие же выходные, как и у всех. Обычно они работали спустя рукава, что Питера вполне устраивало, потом была забастовка или массовое увольнение, из-за чего все работы были приостановлены. Питер надеется, что так оно и будет идти ни шатко ни валко: ведь чем дольше продолжается строительство, тем

дольше он будет экономить на аренде.

В целом дом уже построен, осталось нанести последние штрихи. Все двери и нижние окна уже застеклены, и на всех мылом нацарапаны знаки — чтобы люди не наткнулись на стекла. Двери поставили несколько недель назад, и Питер заказал набор ключей для меня — скорее по необходимости, чем для удобства, потому что домофоны еще не подключили. Внутри все блестящие поверхности — покрытые плиткой полы, крашеные стены, зеркала, светильники, — которые позже придадут зданию дорогой лоск и поместят в прочную раковину комфорта, еще не начали отгораживать интерьер от внешнего мира. Повсюду виднелась грубая серая подкорка здания — первичная стяжка пола и предварительно оштукатуренные стены, из розеток торчали длинные провода, точно оголенные нервы. Я осторожно поднималась по ступенькам, стараясь не касаться замызганных перил, думая о том, что уже привыкла ассоциировать выходные с этим недостроем, с запахом свежеструганного дерева и сухого цемента. Поднимаясь с этажа на этаж, я проходила мимо раззявивших пасти будущих квартир, пустых, еще без дверей. Подъем был длинный. Дойдя до квартиры Питера, я

запыхалась. Скорей бы уж запустили лифты.

Квартира Питера, естественно, была практически закончена. Он бы ни за что не стал жить без нормальных полов и электричества, какой бы низкой ни была аренда. Его клиент-застройщик использует эту квартиру как образец и показывает ее потенциальным арендаторам, заранее предупреждая Питера по телефону. Эти смотрины не создают Питеру неудобств: он часто отсутствует и не возражает, когда чужие заходят осмотреть его жилье.

Я толкнула дверь, вошла и положила продукты в холодильник. Судя по шуму льющейся воды, Питер принимал душ. Он часто это делает. Я прошла в гостиную и выглянула в окно. Квартира удобно расположена: из окон открывается приятный вид на озеро или город — причем с такой высоты видна только мозаика темных улочек и двориков, а чем там занимаются люди, отсюда не разобрать. Питер еще не обставил гостиную. Тут есть диван в скандинавском стиле, кресло ему под стать, современный музыкальный центр — и больше ничего. Он говорит, что разумнее подождать и потом купить хорошие вещи, чем забивать комнату дешевым барахлом, — он этого не любит. Наверное, Питер прав, но, конечно,

будет лучше, когда он приобретет что-нибудь еще: два предмета мебели в пустом просторном помещении выглядят грустно и одиноко.

Когда приходится кого-то ждать, я становлюсь беспокойной, начинаю бесцельно ходить туда-сюда. Вот и сейчас я вошла в спальню и тоже выглянула в окно, хотя там пейзаж примерно такой же. Питер почти закончил спальню, как он мне сказал, хотя, на мой вкус, обстановка в ней довольно спартанская. На полу большая овечья шкура, в углу простая массивная кровать, тоже большая — хоть и не новая, но в хорошем состоянии — и всегда аккуратно застеленная покрывалом. У окна скромный письменный стол, квадратный, темного дерева и офисное кожаное кресло с высокой качающейся спинкой, тоже подержанное и, как говорит Питер, очень удобное для работы. На письменном столе лампа на регулируемой ножке и пресс-папье, россыпь карандашей и ручек и еще выпускной портрет Питера в рамке. Над столом висят полки, на нижней — его книги по юриспруденции, батарея дешевых детективов на верхней и разные книги и журналы на средней. Рядом на стене — деревянная панель с крючками, на которых красуется оружие Питера: его маленький арсенал

включает два ружья, пистолет и несколько устрашающего вида ножей. Он говорил мне, как все это называется, но я забыла. Никогда не видела, чтобы Питер чем-то пользовался, хотя, конечно, в городе для этого возможностей немного. Скорее всего раньше он часто ходил на охоту с друзьями. Тут же висят фотоаппараты Питера — их стеклянные глаза накрыты кожаными крышками. Еще в спальне стоит большой платяной шкаф с зеркалом в полный рост, в шкафу хранится вся одежда Питера.

Видимо, он услышал, как я брожу по квартире, и крикнул из ванной:

— Мэриен? Это ты?

— Да, — крикнула я в ответ. — Привет!

— Привет! Налей себе что хочешь! И мне — джин с тоником, ладно? Я буду через минуту.

Я знала, где что стоит. В кухонном шкафу отдельная полка отведена под бутылки со спиртным, и он никогда не забывает наполнить водой формочки для льда. Я отправилась на кухню и аккуратно смешала нам напитки, причем украсила край его стакана лимонной долькой, как он любит. У меня обычно уходит много времени на это дело: в отличие от прочих я всегда отмеряю нужное количество спиртного.

Шум воды в душе прекратился, потом по полу зашлепали мокрые ноги, и когда я обернулась, Питер, с которого вовсю капала вода, уже стоял в дверях кухни, завернувшись в красивую темно-синюю простыню.

— Приветик, — повторила я. — Твой стакан на стойке.

Он молча шагнул вперед, взял у меня из пальцев мой стакан, отхлебнул из него добрую треть и поставил на стол позади меня. Потом обвил меня руками.

— Ты меня всю вымочишь, — тихо заметила я и прижала еще холодные от кубиков льда пальцы к его голой пояснице, но он не поежился. После душа его кожа была теплая и скользкая.

Он поцеловал мое ухо.

— Пойдем в ванную, — предложил он.

Я устремила глаза через его плечо на душевую занавеску — она была пластиковая, серебристого цвета с розоватыми лебедями, плавающими в пруду по трое среди белоснежных кувшинок; рисунок был совсем не во вкусе Питера, но он купил эту шторку в спешке и выбрал первую попавшуюся не слишком ужасную. Интересно, зачем ему понадобилось звать меня в ванную. Идея не показалась мне удачной — я предпочита-

ла заниматься этим в кровати и точно знала, что у маленькой и неудобной ванны твердые стенки и острые края, но не стала возражать: пожалела из-за Триггера. Правда, я схватила напольный коврик и подложила себе под спину, чтобы края ванны не так врезались мне в плечи.

Я думала, что Питер будет в депрессии, но, хотя он явно был не в своей тарелке, ни в какую депрессию не впал. Зачем все-таки понадобилось идти в ванную, я не могла понять. Я стала вспоминать его реакцию на два других обескураживших его брака. После первого он уложил меня на овечью шкуру на полу в спальне, после второго — на колючее одеяло в чистом поле, до которого мы ехали четыре часа кряду и где я то и дело опасалась появления фермера со стадом коров. Я решила, что и теперь сработал тот же самый алгоритм. Возможно, так он пытался себе доказать, что все еще молод душой и такой же безбашенный, как раньше, или так бунтовал против безрадостной жизни с грязными чулками в раковине и застывшим в сковородках беконным салом, как он ее себе представлял по опыту своих женатых друзей. Такие странные и внезапные фортели навели меня на мысль, что ему нравилось вести себя именно так, потому

что он об этом где-то прочитал, но я не могла понять, где именно. Историю с полем, сообразила я, он нашел в каком-то мужском журнале; я даже вспомнила, что одно время он пристрастился носить клетчатую куртку. Овечью шкуру его надоумил использовать эротический журнал — какая-нибудь статейка о страсти в пентхаусе. Но ванна откуда? Вполне возможно, из какого-нибудь детектива с убийством, он обожает читать такую, как он ее называет, «эскапистскую литературу»; правда, в таких детективах в ванне, скорее, кого-то топят. Женщину. Такой поворот сюжета дает издателям отличный повод эффектно оформить обложку: абсолютно голая женщина в ванне, чуть прикрытая куском мыла или резиновой уточкой, или с кровавым пятном на груди, чтобы обложка прошла цензуру, с плавающими по поверхности воды прядями волос, ее тело в белоснежном склепе, холодное, как айсберг, потому что она мертва, и ее пустые глаза устремлены в упор на читателя. Ванна как гроб. Вдруг у меня в голове промелькнула мысль: а что, если мы оба уснем, и кран сам собой откроется, из него потечет теплая вода, но мы и не заметим, и вода постепенно наполнит ванну и убьет нас? Вот будет сюрприз для клиента Питера, когда тот

придет утром показывать квартиру очередной группе будущих съемщиков: пол залит водой, и два голых трупа, лежащих в обнимку в ванне. «Самоубийство, — решат все. — Умерли ради любви». А летними ночами наши привидения, обернутые в банные простыни, будут являться на лестничных пролетах жильцам многоквартирного здания…

Устав от вида розовых лебедей, я повернула голову и стала разглядывать серебристую лейку душа. Я ощущала аромат мокрых волос Питера — аромат чистоты и мыла. От него всегда пахло мылом, не только после душа. Этот запах ассоциировался у меня со стоматологическим кабинетом и медикаментами, но мне он нравился. Питер никогда не пользовался противно приторными лосьонами после бритья или другими мужскими заменителями парфюма.

Я видела его руку, обнявшую меня: волоски на ней росли рядами. Рука была под стать ванной: чистая и белая, как новенькая, а кожа необычно гладкая для мужчины. Лица его я не видела, потому что его голова лежала у меня на плече, но я попыталась себе его представить. Он был, как заметила Клара, «красавчик» — вот что, видимо, сразу меня в нем и прельстило. На него

обращали внимание, но не потому, что у него была мужественная или яркая внешность, но потому что она олицетворяла собой доведенную до совершенства заурядность — как моложавые ухоженные лица на рекламе сигарет. Иногда мне в его лице недоставало естественного изъяна: бородавки или родинки, или налета грубоватости, чего-то такого, на чем бы взгляд мог задержаться, а не просто скользнуть.

Мы познакомились на банкете после моего окончания колледжа. Он был знакомым знакомого, и мы сели вместе в тенечке и ели мороженое. Он держался довольно скованно и спросил, чем я собираюсь заниматься дальше. Я что-то начала ему плести про свои планы, причем в моем изложении они выглядели куда четче, чем в моей голове, и уже позднее он признался мне, что вот этот ореол независимости и здравого смысла его и привлек: он увидел во мне девушку, которая не станет посягать на его свободную жизнь. Недавно у него был неприятный опыт с, как он тогда выразился, «особой совсем другого рода». На таком принципе выстраивания своей жизни мы и сошлись, и меня это вполне устраивало. Мы сразу восприняли друг друга без иллюзий, благодаря чему и поладили. Конечно, мне при-

ходилось подстраиваться под его меняющиеся настроения, но так бывает с любым мужчиной, а его настроение менялось так явно, что трудностей у меня не возникало. За лето он стал моей приятной привычкой, и поскольку мы виделись только по выходным, первоначальный глянец наших отношений не успевал поблекнуть.

Впрочем, первый раз, когда я пришла к нему в квартиру, чуть было не стал последним. Питер потчевал меня своим обалденным музыкальным центром и бренди, полагая, что он коварен и неотразим, и я позволила ему заманить себя в спальню. Мы поставили свои бокалы на письменный стол, а потом Питер, сделав неловкое движение рукой, смахнул на пол один из бокалов, и тот разбился вдребезги.

— Да оставь ты эту фигню! — воскликнула я, вероятно, не слишком дипломатично, но Питер тут же включил свет, принес веник и совок и стал собирать осколки, причем самые крупные он поднимал аккуратно и методично двумя пальцами, как голубь — крошки с земли. Атмосфера была безнадежно испорчена. Мы скоро распрощались, довольно раздраженно, и он не звонил мне целую неделю. Ну, теперь у нас все гораздо лучше.

Питер потянулся и зевнул, больно придавив

мою руку к фаянсовой стенке. Я поморщилась и мягко вытащила ее из-под его тела.

— Ну как тебе? — спросил он небрежно, не отрывая губ от моего плеча. Он всегда задавал мне этот вопрос.

— Изумительно, — промурлыкала я, а он что, не видел? Как-нибудь мне надо будет ответить: «Отвратительно» — хочу посмотреть, что он сделает. Но я заранее знала, что он мне не поверит. Я подняла руку и погладила его мокрые волосы, потом слегка почесала шею сзади, ему это было приятно, не ах, но нравилось.

Может быть, он решил залечь со мной в ванне, чтобы самоутвердиться? Я пыталась понять, что бы это значило. Аскетизм? Современный вариант ношения власяницы или возлежания на доске с гвоздями? Умерщвление плоти? Но, разумеется, все это было не в характере Питера: он любил бытовой комфорт, и к тому же если чья плоть и умерщвлялась, то не его: он-то был сверху.

А может быть, этот поступок должен был продемонстрировать его мальчишескую бесшабашность, вроде прыжка в бассейн в одежде или жонглирования рюмками на вечеринке? Но и это не соответствовало темпераменту Питера. Я была рада, что у него больше не осталось друзей-

холостяков, а то в следующий раз он попытается запихнуть нас в платяной шкаф или залезть внутрь кухонной мойки и застыть там в экзотической позе.

А может, — эта мысль заставила меня похолодеть — он вознамерился самоутвердиться за мой счет? И перед моим мысленным взором распахнулись многочисленные окна возможностей: неужели он воспринимал меня как аксессуар санузла? Но кем же он меня тогда считает?

Он стал пальцами завивать мне волосы на затылке.

— Тебе пойдет кимоно, — шепнул он мне на ухо и куснул за плечо. Я усмотрела в этом признак того, что он не на шутку раздухарился: обычно Питер не кусается.

В ответ я тоже укусила его за плечо, а потом, удостоверившись, что рычаг подачи воды переключен на душ, дотянулась до крана ногой — у меня гибкие ноги — и включила холодную струю.

8

В полдевятого мы поехали на встречу с Леном. Настроение Питера, каким бы оно ни было раньше, опять незаметно изменилось, причем я не смогла интерпретировать эту перемену и сочла за лучшее не вступать с ним в разговор. Мы ехали в молчании. Питер смотрел на дорогу, не притормаживая, сворачивал в переулки и, как многие водители, что-то злобно бурчал себе под нос. Он не был пристегнут…

Поначалу новость, что я договорилась о встрече с Леном, его не обрадовала, не помогли даже слова: «Думаю, он тебе понравится».

— Кто это такой? — подозрительно поинтересовался Питер.

Если бы я не знала его как облупленного, я могла бы решить, что он ревнует. Но Питер не ревнивый.

— Старый знакомый, — ответила я с невинным видом. — По колледжу. Недавно вернулся из Англии. Он вроде продюсер на телевидении или что-то в этом роде.

Я знала, что Лен вовсе не так высоко взлетел

в телевизионной иерархии, но Питера очень впечатляют должности. Поскольку я решила, что Лен должен отвлечь Питера от грустных мыслей, мне хотелось сделать вечер приятным для всех.

— А, он из этих… творческих. Наверняка, гомик.

Мы беседовали за кухонным столом и ели копченое мясо с горошком — горошек я вынула из морозилки, он лежал в пластиковом пакете, который нужно было бросить на три минуты в кипящую воду. Питер отказался ужинать в ресторане.

— А вот и нет, — с жаром возразила я, защищая Лена. — Совсем наоборот.

Питер оттолкнул от себя тарелку и спросил сварливо:

— Послушай, ты можешь хоть раз что-то *сама* приготовить?

Я обиделась. Это было нечестно. Я как раз люблю готовить, но специально не делала этого в квартире у Питера, опасаясь, что он увидит в этом посягательство на личное пространство. Кроме того, раньше он обожал копченое мясо, оно же очень питательное. Я собралась было сделать резкое замечание, но прикусила язык. В конце концов, Питер и так страдал. И я спросила:

— Как тебе свадьба?

Застонав, он откинулся на спинку стула, закурил и с загадочным видом уткнул взгляд в стену. Потом встал и смешал себе еще один джин с тоником. Он начал было мерить шагами кухоньку, но она была чересчур узкая, и он вернулся за стол.

— Боже, — протянул он, — бедняга Триггер. Он выглядел ужасно. И как он допустил, чтобы его так глупо поймали? — Он продолжал сыпать бессвязными фразами, и в его рассказе Триггер представал последним из могикан, благородным и свободолюбивым, как последний динозавр, обреченный судьбой стать добычей более слабого вида, как последний дронт, оказавшийся слишком глупым, чтобы избежать клетки. Потом он перешел на невесту, назвав ее злонамеренной хищницей, коварно засосавшей Триггера в семейную трясину (тут я мысленно представила себе ее в виде пылесоса), изрек напоследок несколько скорбных фраз, предрекая свое одинокое будущее, и умолк. Под «одиноким» он имел в виду жизнь без друзей-холостяков.

Я проглотила последнюю горошину. Раньше я уже дважды слышала эту самую речь или нечто подобное, и знала, что сказать мне нечего. Согласиться с ним — тогда его депрессия усугубится, а

не согласиться, так он станет подозревать, что я на стороне невесты. Когда он произнес эту тираду впервые, я развеселилась, начала острить и даже попыталась его утешить.

— Ну теперь-то уж ничего не попишешь, — рассудила я тогда. — Но ведь может так случиться, что все у него будет хорошо. В конце концов, она же не младенца совратила. Ему ведь двадцать шесть?

— Это *мне* двадцать шесть, — мрачно ответил Питер.

Так что на сей раз я ничего не сказала. Только подумала: «Хорошо, что Питер разразился этой речью до нашей встречи с Леном». Я встала и подала ему мороженое в креманке, что он воспринял как выражение моего сочувствия, обнял меня за талию и печально прижал к себе.

— Боже, Мэриен, — пробубнил он, — не знаю, что бы я делал, если бы ты меня не понимала. Многие женщины не поняли бы, но ты такая чуткая.

Я нагнулась над ним и гладила его волосы, пока он ел мороженое.

Мы оставили машину там, где обычно: в переулке за «Парк-плазой». Зашагали к входу в отель, я продела руку Питеру под локоть, и он рассеянно

улыбнулся. Я улыбнулась в ответ и обрадовалась: хорошо, что он не пребывает в мрачнейшем расположении духа, таком, когда только что не зубами скрежещет, — и тут он положил другую свою руку на мою. А мне захотелось тоже положить другую свою руку сверху, и я подумала, что когда моя рука окажется над его, он вынет свою и положит сверху, а потом я выну свою и положу сверху — так мы в школе играли на переменках. И я с нежностью сжала его ладонь.

Мы дошли до «Парк-плазы», и Питер галантно открыл мне тяжелую, с зеркальным стеклом, дверь, как делает всегда. Он вообще очень щепетилен в таких мелочах: он и дверцы машины для меня распахивает. Иногда кажется, что он вот-вот щелкнет каблуками и отдаст мне честь.

Пока мы ждали лифт, я разглядывала наше отражение в гигантском зеркале. Питер был одет нарочито неброско: коричневато-зеленый летний костюм, покрой которого подчеркивал функциональную соразмерность его фигуры. Все аксессуары были подобраны в тон костюму.

— Интересно, Лен уже там? — спросила я, не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале. Пожалуй, я вполне соответствую ему по росту.

Открылись двери лифта, и Питер бросил де-

вушке-лифтеру в белых перчатках: «На крышу, пожалуйста». Кабина мягко поплыла вверх. Вообще «Парк-плаза» — это отель, но наверху есть бар, одно из излюбленных мест Питера, где можно посидеть и спокойно пропустить стаканчик — потому-то я и предложила Лену встретиться там. Когда сидишь на самой верхотуре, возникает ощущение вертикали, что редко бывает в городе. Помещение хорошо освещено: здесь нет той кромешной тьмы, как в других таких же заведениях, и тут чисто. Никто, похоже, не напивается до безобразия, и можно нормально говорить, не вопя друг другу в уши: нет ни ревущих колонок, ни живой музыки. Кресла удобные, интерьер оформлен в стиле восемнадцатого века, и все бармены знают Питера в лицо. Эйнсли рассказывала, что однажды, когда она была там, кто-то пригрозил покончить с собой, спрыгнув вниз со стены патио перед баром, но не исключаю, что она придумала эту байку.

Мы вошли. Народу было немного, и я сразу же заметила Лена за одним из черных столиков в зале. Мы подошли, и я представила ему Питера, они обменялись рукопожатием: Питер коротко, а Лен радушно. Около нашего столика вырос официант, и Питер заказал нам два джина с тоником.

— Мэриен, как же я рад тебя видеть! — произнес Лен и, перегнувшись через столик, поцеловал меня в щеку: эту привычку, решила я, он приобрел в Англии, потому что раньше так не делал. Лен немного располнел.

— Как тебе Англия? — спросила я. Мне хотелось, чтобы он заговорил и развлек немного Питера — потому что тот сидел, надувшись.

— Да вроде ничего. Очень много народу везде. И каждый раз натыкаешься на кого-нибудь отсюда. Иногда возникает мысль, а зачем вообще туда ехать: от чертовых туристов продыху нет. Впрочем, я жалею, — продолжал он, обращаясь к Питеру, — что мне пришлось уехать. У меня была интересная работа и кое-что интересное помимо работы. Но с этими женщинами, когда они начинают висеть у тебя на хвосте, надо держать ухо востро. Они спят и видят, чтобы ты их *взял в жены*! Так что тут, главное, сделать свое дело — и наутек. Облапошить их до того, как они облапошат тебя, и бежать без оглядки. — И он широко улыбнулся, сверкнув безупречно отбеленными зубами.

Лицо Питера заметно прояснилось.

— Мэриен говорит, ты работаешь на телевидении.

— Да, — кивнул Лен, и положив свои непропорционально крупные руки на столик, стал рассматривать квадратные ногти. — Сейчас у меня здесь нет работы, но мне надо найти что-то стоящее. Здесь нужны люди с моим опытом. В службе новостей. Я бы хотел делать в нашей стране хорошую политическую программу, качественную, но вы даже не представляете, сколько бюрократических препон надо преодолеть, чтобы хоть чего-то добиться.

Питер расслабился: человек, которого интересует работа в новостях, — вероятно, думал он, не может быть гомиком.

Тут кто-то тронул меня за плечо, и я обернулась. За моей спиной стояла незнакомая девушка. Я уже открыла рот спросить, что ей нужно, как вдруг Питер произнес:

— О, это же Эйнсли. А ты не сказала, что она тоже придет.

Я снова взглянула на девушку: и правда Эйнсли!

— Боже ты мой, Мэриен, — задыхаясь, театрально зашептала она, — ты не сказала, что это *бар*! Надеюсь, меня не попросят показать свидетельство о рождении.

Лен и Питер поднялись из-за столика. Я предста-

вила ее Лену, преодолевая сильное внутреннее сопротивление, и она села в свободное кресло. Судя по выражению лица Питера, он был озадачен. Он был знаком с Эйнсли, но она ему не нравилась, потому что она придерживалась «неопределенно-радикальных» взглядов, как выразился Питер после того, как Эйнсли прочитала ему лекцию о пользе высвобождения бессознательных влечений. В политическом плане Питер — консерватор. Она обидела его, назвав одно из высказанных им суждений «традиционалистским», а он ей отомстил, назвав какое-то ее суждение «нецивилизованным». И теперь он, наверное, подозревал, что она задумала какую-то пакость, но не определив, какую именно, пока не собирался ее подначивать. Ему требовалось веское подтверждение его подозрений.

Подошел официант, и Лен поинтересовался у Эйнсли, что ей заказать. Задумавшись на мгновение, она робко произнесла:

— А можно мне… просто стакан имбирного лимонада?

Лен просиял.

— Я знал, что ты снимаешь квартиру с кем-то на пару, Мэриен, но ты мне не говорила, что она настолько юная!

— Она под моим присмотром, — коварно заявила я, — по просьбе ее родителей.

Я была просто в ярости. Ведь Эйнсли поставила меня в крайне неловкое положение. Можно было поломать ей всю игру, сообщив, что она уже закончила колледж и на самом деле старше меня на несколько месяцев, или же держать язык за зубами и принять участие в ее проделке. Я прекрасно понимала, с какой целью она заявилась: Лен был потенциальным кандидатом, и она решила изучить его поближе, осознав, что ей в любом случае не удастся заставить меня их познакомить.

Официант принес имбирный лимонад. Сначала я удивилась, как это он не попросил ее показать свидетельство о рождении, но потом сочла, что любой мало-мальски опытный официант способен понять, что скромно одетая девушка, какой бы юной она ни выглядела, не зайдет в бар и закажет простую газировку, если она на самом деле несовершеннолетняя. Обычно подозрения вызывают расфуфыренные подростки, а Эйнсли вовсе не была расфуфырена. Откуда-то из недр своего гардероба она выудила белую летнюю рубашку в розовую и голубую клеточку с оборкой на шее. Волосы собрала в хвостик, закрепив на затылке розовым бантиком, на запястье красовался сереб-

ряный браслетик с подвесками. Макияжем она не стала злоупотреблять: веки были аккуратно, не слишком заметно, покрыты тенями, отчего ее глаза стали чуть не вдвое больше, круглее и голубее. Она даже пожертвовала своими длинными овальными ногтями: обгрызла их чуть не под корень, и теперь они были неровные, как у школьницы. Сразу стало понятно: она настроена серьезно.

Заведя с Эйнсли беседу, Лен засыпал ее вопросами с явным намерением выпытать у нее все, что можно. Она потягивала свой имбирный лимонад и отвечала коротко и робко. Она явно боялась вывалить ему больше необходимого в присутствии Питера, в котором видела угрозу для себя. Когда же Лен поинтересовался, чем она занимается, Эйнсли дала вполне честный ответ:

— Я работаю в компании по производству электрических зубных щеток, — и при этих словах, очень правдоподобно изобразив смущение, запунцовела.

Я чуть не поперхнулась.

— Прошу прощения. — Я встала. — Хочу выйти на патио, подышать свежим воздухом.

На самом деле мне нужно было решить, как поступить — вообще-то, я сочла неэтичным

позволить Эйнсли облапошить Лена, — и она, должно быть, это почувствовала, потому что, когда я вышла из-за столика, бросила на меня предупреждающий взгляд.

Выйдя на воздух, я положила руки на парапет, который доходил мне почти до ключиц, и стала глядеть на город. Внизу подо мной плыл поток огоньков, который натыкался на темное пятно парка и потом огибал его, и еще один, перпендикулярно первому, двигался в разные стороны, исчезая далеко во мраке. Что я могла сделать? Мне-то вообще какая разница? Я знала, что, вмешавшись, нарушу некую негласную договоренность, и Эйнсли мне наверняка как-нибудь отомстит через Питера. Она была мастерица в таких делах.

Далеко на восточном горизонте сверкнула молния. Похоже, надвигалась гроза.

— Вот и отлично, — сказала я громко. — Воздух очистится.

Даже если я и не предприму каких-то осмысленных шагов, мне нужно постараться сохранять самообладание и не брякнуть случайно чего-нибудь. Я прошлась по патио раза два, пока не поняла, что готова вернуться, и с легким удивлением заметила, что меня покачивает.

Наверное, в мое отсутствие снова подходил официант, потому что я увидела перед своим креслом очередной джин с тоником. Питер был настолько поглощен беседой с Леном, что оставил без внимания мое возвращение. Эйнсли помалкивала, потупив глаза и позвякивая кубиком льда в стакане с имбирным лимонадом. Я внимательно изучила ее внешность в нынешней версии: розовая и белая, она смахивала на сидящую в рождественской витрине большую пухлую куклу с упругой моющейся кожей, стеклянными глазищами и искрящимися искусственными волосами.

Я прислушалась к голосу Питера: он звучал как будто издалека. Он рассказывал Лену историю, связанную, как мне показалось, с охотой. Я знала, что раньше Питер увлекался ей, любил ходить с большой компанией старых друзей, но мне он мало что об этом рассказывал. Он как-то обмолвился, что они никого не убивали, кроме ворон, кротов и прочих мелких хищников.

— …В общем, я ее вспугнул и — бабах! Один выстрел, прямо в сердце. Остальные кролики бросились врассыпную. Поднимаю я эту крольчиху с земли, а Триггер говорит: «Ты же сможешь ее освежевать? Просто вспарываешь ей брюхо,

хорошенько встряхиваешь, и внутренности сами вываливаются». Достаю я свой нож — у меня хороший нож, немецкая сталь, — вспарываю ей брюхо, беру за задние лапы и так трясу, как будто хочу душу вытрясти. Кровь, внутренности — во все стороны, и я тоже весь в этом дерьме, представляешь, с веток свисают кроличьи кишки и все деревья вокруг красные от крови…»

Он рассмеялся. Лен обнажил зубы. У Питера изменился тембр голоса — до неузнаваемости. Но тут в моей голове промелькнул девиз «ТРЕЗВОСТЬ»: нельзя, предупредила я себя, чтобы мое восприятие Питера было искажено под воздействием алкоголя.

— Боже, ну и весело же было. Хорошо, что мы с Триггером захватили с собой старые фотоаппараты, и эту картину удалось запечатлеть во всей красе. Вот что я хотел спросить: ты же по роду занятий наверняка разбираешься в фотоаппаратуре… — И они с Леном пустились самозабвенно обсуждать японские объективы.

Питер говорил все громче и быстрее — теперь было просто невозможно уследить за потоком его слов. Я отвлеклась от их разговора и стала разглядывать картину с лесным пейзажем. Она представилась мне слайдом, демонстрируемым

на стене через проектор в темной комнате: цвета сочные — зеленый, бурый, красный, и ярко-голубое небо. Ко мне спиной стоит Питер в клетчатой рубашке, с ружьем на плече. Группа его закадычных друзей, тех, с кем я никогда не встречалась, окружили его, их лица озарены солнечными лучами, пробивающимися сквозь кроны непонятных деревьев, и забрызганы кроличьей кровью, а губы искажены веселым смехом. Но крольчиху на картине я не увидела.

Прижав ладони к черной столешнице, я подалась вперед. Мне хотелось, чтобы Питер повернулся и заговорил со мной, хотелось услышать его обычный голос. Но он ко мне не повернулся. Я стала смотреть на три других отражения в черной полированной поверхности, похожей на дождевую лужу: одни подбородки, ничьих глаз не видно, кроме глаз Эйнсли — она спокойно смотрела на стакан с лимонадом. Через какое-то время я с легким удивлением обнаружила, что около моей руки на столике образовалась большая капля. Я потрогала ее кончиком пальца и слегка размазала по поверхности, прежде чем поняла, что это слеза. Выходит, я плакала! Я ощутила, как внутри беспорядочно, как головастик, задергалась паника. Это что еще такое — я сейчас

сорвусь и устрою сцену? Никогда!

Я соскользнула с кресла, стараясь действовать незаметно, пересекла бар, осторожно лавируя между столиками, и отправилась в дамскую комнату. Удостоверившись предварительно, что там, кроме меня, никого нет — только свидетелей мне не хватало! — я заперлась в розовой кабинке и несколько минут поплакала. Я не понимала, что со мной и почему я плачу; мне это показалось абсурдным: ведь раньше со мной такого не бывало.

— Возьми себя в руки, — шептала я, — не будь дурой!

Я посмотрела на рулон туалетной бумаги — он, беспомощный, белый и мягкий, обреченно дожидался, когда я закончу плакать. Я оторвала несколько квадратиков и высморкалась.

Послышались шаги, и к двери кабинки приблизились чьи-то ноги. Затаив дыхание, я устремила взгляд на туфли под дверью моего убежища. «Должно быть, это Эйнсли», — подумала я.

— Мэриен! — позвала она. — Ты в порядке?

— Да! — ответила я. Вытерла глаза и вышла. — Так. — Я постаралась придать своему голосу уверенность. — Уже прицелилась?

— Пока не знаю, — невозмутимо ответила Эйнсли. — Сначала надо понять, что он за фрукт. Ты

же, конечно, ни слова не скажешь.

— Не скажу, — сказала я. — Но это неэтично с твоей стороны. Это все равно что ловить птиц на клей или приманивать рыб фонарем.

— Я же ничего с ним не *сделаю*, — сердито заявила она. — И не причиню ему никакого вреда.

Она сняла с затылка розовый бантик и причесалась.

— А с тобой-то что? Я видела, как ты расплакалась за столом.

— Ничего. Ты же знаешь, я не могу много пить. Наверное, тут слишком влажно. — Я уже полностью успокоилась.

Мы вернулись к столику вдвоем. Питер с пулеметной скоростью рассказывал Лену о разных способах делать автопортреты: используя отражение в зеркале, кнопку автоспуска, которая позволяет установить камеру и затем быстро занять нужное положение перед объективом, а еще с помощью спуска на длинном кабеле или воздушного спуска с грушей. Лен вставлял замечания о правильной фокусировке изображения, но через несколько минут после того, как я снова заняла свое кресло, бросил на меня выразительный взгляд, как бы говоря, что он разочарован моим выбором. И как ни в чем не бывало вернул-

ся к разговору с Питером.

Что он имел в виду? Я смотрела то на одного, то на другого. Не переставая говорить, Питер мне улыбнулся, нежно, но как-то отстраненно, а потом я, кажется, поняла. Он воспринимал меня как сценическую бутафорию: я была для него бессловесным аксессуаром, двухмерным предметом. Он меня не игнорировал, как мне, вероятно, казалось (а иначе чем еще объяснить мое смехотворное бегство в туалет?), а зависел от меня! И Лен посмотрел на меня с таким выражением, потому что подумал, будто я намеренно пытаюсь держаться в тени, стараюсь казаться невидимой, а если это так, то, значит, мои отношения с Питером гораздо серьезнее, чем я их описала. Лен никогда никого не склонял к браку, особенно тех, кто ему нравился. Но мою ситуацию он не понял, он ее неверно интерпретировал.

Внезапно меня вновь охватила паника. Я схватилась за край столика. Квадратное помещение бара с его стянутыми тесьмой шторами, толстым ковровым покрытием и хрустальными канделябрами таило в себе нечто неприятное: в шепчущем воздухе витала мягкая угроза. «Держись! — приказала я себе. — Не двигайся». Я украдкой бросала взгляд на двери и окна, мысленно измеряя рас-

стояния. Надо отсюда выбираться.

Освещение замигало, и один из официантов объявил: «Время, джентльмены!» Раздалось шарканье ножек отодвигаемых кресел.

Мы спустились на лифте вниз. Едва мы вышли из кабины, как Лен предложил:

— Еще рано, давайте зайдем ко мне, выпьем по одной. Заодно покажу мой телеконвертер.

— Отлично. Я с радостью! — отозвался Питер.

Пройдя через стеклянные двери, я взяла Питера под руку, и мы пошли вперед. Эйнсли завладела Леном и шла с ним позади нас на приличном расстоянии. На улице было прохладнее, дул легкий ветерок. Я отпустила руку Питера и побежала.

9

Я бежала по темному тротуару. Прошла минута, прежде чем я с удивлением заметила, что мои ноги перешли с шага на бег, и недоумевала, как это произошло, но не остановилась.

Остальные были так поражены, что на мгновение потеряли дар речи. Потом Питер крикнул мне вслед:

— Мэриен! Куда это, черт возьми, ты собралась?

В его голосе послышалась ярость: и это был непростительный грех, потому что он позволил себе орать на меня при всех. Я не ответила, но обернулась и на бегу поглядела через плечо. Питер и Лен помчались за мной. Но вскоре оба остановились, и я услышала, как Питер сказал:

— Сбегаю за машиной, обгоню ее и заеду спереди. А ты проследи, чтобы она никуда не свернула.

Он развернулся и кинулся в противоположном направлении. Это меня расстроило: я-то ждала, что Питер бросится меня догонять, но не тут-то было: за моей спиной послышался тяжелый галоп Лена. Я повернула лицо вперед — и как раз

вовремя, чтобы не столкнуться со стариком, выползшим из ресторана, а потом опять оглянулась. Эйнсли постояла в нерешительности, не зная, за кем ей увязаться, но в конце концов побежала следом за Питером. Я заметила, как ее розовато-белая фигурка метнулась за угол.

Я сбилась с дыхания, но у меня была хорошая фора на старте. И теперь можно было сбавить скорость. Фонарные столбы, мимо которых я пробегала, казались вешками на моем маршруте, и для меня было достижением, своего рода доказательством успеха то, что я оставляла их за собой один за другим. В это время бары и рестораны уже закрывались, и на улицах было много людей, я приветственно улыбалась им и даже махала, и от того, с каким изумлением они смотрели мне вслед, я с трудом сдерживала хохот. Меня обуял восторг скорости: это было похоже на игру в салки.

— Эй, Мэриен! Постой! — то и дело выкрикивал Лен.

Потом из-за угла передо мной вынырнула машина Питера. Чтобы попасть на главную улицу, ему, видимо, пришлось объехать кругом весь квартал. Очень хорошо, подумала я, теперь ему придется пересечь улицу и заехать на дальний

ряд, так что заблокировать меня ему не удастся.

Машина ехала навстречу мне по противоположной стороне улицы, но тут в потоке машин образовался разрыв, и Питер, резко газанув, сделал лихой разворот. Теперь его машина, оказавшись вровень со мной, притормозила, и я заметила в заднем окне круглое лицо Эйнсли, которая пялилась на меня, как луна.

И тут вдруг все перестало быть игрой. На меня угрожающе надвигалась тупая металлическая туша автомобиля. А угроза была в том, что Питер не погнался за мной бегом, а сел в машину, словно надел на себя броню; впрочем, его выбор был вполне логичным. Вот сейчас машина остановится, распахнется дверца и… куда же мы поедем?

К этому моменту я уже миновала магазины и рестораны и оказалась среди стареньких домов, стоящих поодаль от проезжей части, большинство которых, я знала, уже давно не жилые, а переоборудованы в стоматологические кабинеты и ателье. Передо мной выросли распахнутые чугунные ворота. Я юркнула в них и побежала по гравийной аллее.

Вероятно, это был какой-то частный клуб. Над входом торчал козырек, все окна были освещены. Остановившись в сомнении перед дверью, я

услышала со стороны тротуара приближающиеся шаги Лена, и тут дверь медленно отворилась.

Нельзя было, чтобы меня тут поймали: как-никак это частная собственность. Я перепрыгнула через зеленую изгородь вдоль подъездной аллеи и дала стрекача по диагонали через лужайку, надеясь спрятаться в тени. Я представила себе картину: Лен доходит до конца аллеи и сталкивается с разгневанными пожилыми дамами в вечерних платьях, — и меня тут же ненадолго одолели угрызения совести. Он же мой друг. Но… он принял не мою сторону и теперь должен ответить по всей строгости.

Спрятавшись во мраке возле дома, я стала обдумывать сложившуюся ситуацию. Позади меня был Лен. Справа от меня — дом, слева и за домом угадывалось нечто более осязаемое, чем ночная тьма, и оно преграждало мне путь. Это оказалась кирпичная стена, тянувшаяся от чугунных ворот. Казалось, она стоит не только перед фасадом, но и опоясывает весь дом. Придется через нее перелезать.

Я продралась к стене сквозь колючие кусты. Стена была мне по плечо. Я сняла туфли и перекинула их на ту сторону. Потом, подтянувшись, стала карабкаться, хватаясь за ветки деревьев и

упираясь пальцами ног в выбоины кирпичной кладки. Тут раздался хруст. Кровь стучала у меня в висках.

Добравшись до вершины стены, я закрыла глаза, встала на колени лицом к дому и, ощутив легкое головокружение, грохнулась назад.

Потом я почувствовала, как чьи-то руки подняли меня с земли, усадили и встряхнули. Это был Питер: он шел за мной, не отставая, и ждал со стороны переулка, зная наверняка, что я буду перелезать через стену.

— И что это на тебя нашло? — бросил он сердито. В свете фонарей выражение его лица казалось не то злобным, не то встревоженным. — Ты в порядке?

Я прильнула к нему и, подняв руку, дотронулась до его шеи. Я почувствовала огромное облегчение оттого, что меня поймали и держат в объятиях, и что наконец я услышала нормальный голос Питера и точно знала, что он настоящий. Я невольно рассмеялась.

— В полном, — произнесла я, не в силах сдержать смех. — Конечно, я в порядке. Я не знаю, что на меня нашло.

— Тогда надень туфли, — протягивая их мне, скомандовал Питер. Он был раздражен, но не

хотел устраивать сцену при всех.

Лен взобрался на стену и шумно спрыгнул вниз. Он тяжело дышал.

— Поймал ее? Хорошо. Давайте-ка по-быстрому сделаем ноги, пока они не вызвали полицию.

Машина стояла неподалеку. Питер открыл для меня переднюю дверцу, и я залезла внутрь. Лен сел сзади рядом с Эйнсли. Мне он только сказал:

— Вот уж не думал, что ты из этих истеричек!

Эйнсли ничего не сказала. Питер отъехал от тротуара и свернул за угол, Лен показывал ему дорогу. Я бы с удовольствием отправилась домой, но мне не хотелось в тот вечер еще больше действовать Питеру на нервы. Я выпрямилась и сложила руки на коленях.

Мы припарковались у многоэтажки, где жил Лен: насколько я смогла различить в темноте, это была темная кирпичная развалюха с пожарными лестницами снаружи. Лифта в здании не было, и нам пришлось топать по скрипучей лестнице с темными деревянными перилами. Мы чинно поднимались парами.

Его квартирка оказалась крошечной, с большой комнатой, откуда одна дверь вела в ванную, а другая — в кухню. Внутри царил легкий беспорядок: чемоданы на полу, повсюду разбросаны книги

и одежда: Лен явно еще находился в процессе переезда. Кровать, выполняющая еще и функцию дивана, стояла слева от входной двери. Я скинула туфли и забралась на нее с ногами. Только теперь мои легкоатлетические упражнения дали о себе знать, и все тело болело от усталости.

Лен щедро разлил коньяк по трем бокалам для нас, порылся на кухне в поисках кока-колы для Эйнсли, потом поставил пластинку. После чего они с Питером принялись возиться с камерами, прилаживая к ним съемные объективы, глядя в окошечко видоискателя и обсуждая разные режимы выдержки. Я была как выжатый лимон. Меня переполняло чувство горького раскаяния, но ему не было выхода. Если бы я осталась наедине с Питером, наверное, все было бы по-другому: он бы мог меня простить.

От Эйнсли не было никакого проку. Я чувствовала, что она будет продолжать как ни в чем не бывало гнуть свою линию: мол, нас, маленьких девочек, все должны видеть, но не слышать. Она устроилась на круглом плетеном стуле — точно таком же, как у Клары во дворе, с той лишь разницей, что у этого была еще стеганая вельветовая подушка сочного желтого цвета. Знаю я эти подушки. Они крепятся к сиденью резинкой и

имеют свойство, если ты вертишься на стуле, выезжать из-под тебя и загибаться вверх. Но Эйнсли сидела неподвижно, держа стакан с кока-колой на коленях и, заглядывая внутрь, изучала свое отражение на поверхности коричневой жидкости. По ее виду было невозможно сказать, весело ей или скучно: своей терпеливой невозмутимостью она напоминала насекомоядное растение на болоте, которое, раскинув свернутые трубочкой листья, чуть наполненные водой, дожидается, когда на них сядет муха, чтобы съесть ее и переварить.

Я сидела, откинувшись к стене, и попивала коньяк, мужские голоса и звуки музыки набегали на меня, как прибой. Наверное, под тяжестью моего тела кровать чуть отъехала от стены; во всяком случае, совершенно бездумно я отвернулась от людей в комнате и стала глядеть вниз, в темную щель между стеной и кромкой кровати. Что-то меня привлекло в прохладе тьмы.

«Наверное, там очень тихо, — думала я, — и не так влажно». Я поставила свой бокал на телефонный столик рядом с кроватью и украдкой обвела взглядом комнату. Все были при деле, никто не заметит.

Через минуту я втиснулась между кроватью

и стеной, став незаметной, — правда, нельзя сказать, что поза была удобная. «Нет, так не пойдет, — подумала я, — надо сползти под кровать. Там я буду чувствовать себя как в палатке». Мне не пришло в голову выбраться обратно. Я тихо-тихо, используя тело, как рычаг, еще дальше отодвинула кровать от стены, приподняла край покрывала и проскользнула под кровать, словно письмо, сунутое в щель почтового ящика. Но расстояние от каркаса до пола оказалось слишком маленьким, и мне пришлось лежать плашмя. Я снова придвинула кровать вплотную к стене.

Мне было жутко тесно. К тому же я лежала на пухлом слое крупных комков пыли, похожих на кусочки плесневелого хлеба (я сначала злобно подумала: ну и свинья этот Лен, совсем не подметает под своей кроватью, но потом сама же за него и вступилась: он же в этой квартире давно не жил, и эта пыль наверняка осталась от того, кто обитал здесь раньше). Но полумрак, подернутый оранжевыми бликами света, который струился сквозь защищавшее меня с четырех сторон покрывало, прохлада и одиночество были мне приятны. Пронзительная музыка, резкие взрывы смеха и убаюкивающий рокот голосов заглушались матрасом и доносились словно из-

далека. Несмотря на пыль и тесноту, я была рада, что мне не надо сидеть там наверху с ними, в оглушающем грохоте и изнуряющей духоте. Хотя я находилась всего фута на два или три ниже их, я мысленно называла комнату «там наверху». А сама я была как бы под землей. Вырыла себе личную нору. И упивалась собой.

Мужской голос — наверное, Питера — произнес:

— Э, а где Мэриен?

И другой ответил:

— Может, в сортире?

Я улыбнулась. Приятно было сознавать, что, кроме меня никто не знает, где я.

Моя поза, впрочем, причиняла все больше неудобства. Мышцы шеи болели, мне хотелось вытянуться, и еще — чихнуть. Я надеялась, что они скоро забеспокоятся, куда я пропала, и начнут меня искать. Я уже забыла, зачем вообще забралась под кровать. Смех да и только: вот вылезу вся в хлопьях застарелой пыли…

Но совершив такой дурацкий поступок, я уже не хотела отступать. Будет унизительно, если я выползу из-под кровати, вся с ног до головы в пыли, словно жук-долгоносик, вылезший из бочки с мукой. Тем самым я словно признаюсь, что

совершила глупость. Так что буду тут до упора, пока меня отсюда силой не вытащат.

Злость на Питера за то, что пока я, скрючившись, лежала под кроватью, он сам преспокойно расхаживал по комнате, дышал полной грудью и разглагольствовал про выдержку, заставила меня вспомнить события последних четырех месяцев. Все лето мы двигались по определенной траектории, хотя ощущения движения не было: мы внушили себе, будто мы стоим на месте. Эйнсли предупреждала, что Питер безраздельно мной завладевает, и не понимала, почему, как она выразилась, я не хочу «расширить дело». Ей-то было просто так рассуждать, а я не могла преодолеть ощущения, что крутить с несколькими мужчинами одновременно неэтично. И тем не менее я пребывала в некоем вакууме. Мы с Питером избегали разговоров о будущем, потому что оба знали: это бессмысленно, мы не были по-настоящему привязаны друг к другу. И конечно, это было прекрасное объяснение того, почему я устроила демарш, отправившись в дамскую комнату, а потом устроив забег по улице. Я пыталась убежать от реальности. Но вот теперь, в этот самый момент, пришла пора взглянуть реальности в лицо. Пришла пора решать, чего же

мне хочется.

Кто-то тяжело уселся на кровать и вмял меня в пол. Я глухо охнула.

— Что за хрень! — вскрикнул сидящий и вскочил. — Под кроватью кто-то есть!

Я услышала, как они вполголоса совещаются, а потом Питер громко — гораздо громче, чем нужно — позвал:

— Мэриен! Это ты под кроватью?

— Да, — отозвалась я спокойно, решив все спустить на тормозах.

— Ну, тогда вылезай, — продолжал он заботливо. — Нам пора домой.

Они обращались со мной как с капризным ребенком, который спрятался в комоде и ждал, что его будут уговаривать оттуда вылезти. Я негодовала, но в то же время мне было смешно. Я даже подумала заявить: «Не буду вылезать!» — но решила, что это может стать для Питера последней соломинкой, а Лен вполне мог сказать: «Да ладно, пусть себе там лежит до утра! Господи, я не возражаю. Вот как надо их дрессировать. Какая бы вожжа ей под хвост ни попала, она там полежит-полежит и остынет». Поэтому я ответила:

— Не могу! Я застряла!

Я попробовала пошевелиться, но тщетно:

и впрямь застряла.

Над моей головой продолжалось совещание:

— Мы сейчас приподнимем кровать, — крикнул Питер, — и ты вылезешь, поняла?

Я услышала, как они обмениваются указаниями. Похоже, их операция по моему вызволению станет грандиозным инженерным подвигом. Раздалось шарканье ног по полу, пока они занимали свои позиции. Потом Питер произнес: «Взяли!» — кровать вздыбилась, и я спиной вперед выползла наружу — в точности как рачок из-под сдвинутого камня на дне.

Питер помог мне подняться. Мое помятое платье было все в клочьях пыли. Оба принялись, смеясь, отряхивать меня.

— Какого черта тебя туда понесло? — недоумевал Питер.

По тому, как медленно и неуверенно они снимали с меня крупные хлопья пыли, было видно, что они изрядно нагрузились бренди, покуда я коротала время под кроватью.

— Там было очень тихо! — съязвила я.

— Надо было сказать мне, что ты застряла, — посетовал Питер, проявив великодушную галантность. — Я бы тебя вытащил. Ну у тебя и видок! — Он явно ощущал свое превосходство и

от души веселился.

— О, — ответила я, — не хотела тебя отвлекать от беседы. — К этому моменту я наконец поняла, какое чувство испытываю к нему: это была ярость.

Игла моей гневной интонации, вероятно, проткнула оболочку эйфории Питера: его холодный взгляд испытующе скользнул по мне. Он схватил меня за руку повыше локтя, точно арестовывал за переход улицы в неположенном месте, и обратился к Лену:

— Думаю, нам и правда пора. Было очень здорово. Надеюсь, мы найдем повод встретиться. Мне интересно твое мнение о моем штативе.

Сидящая в дальнем углу комнаты Эйнсли отлепилась от вельветовой подушки и поднялась.

Я отбросила руку Питера и произнесла ледяным тоном:

— Я к тебе не собираюсь. Я иду домой, — и выбежала из комнаты.

— Как знаешь, — буркнул Питер, но зашагал за мной следом, бросив Эйнсли на произвол судьбы.

Сбегая по узкой лестнице, я слышала за спиной голос Лена:

— Эйнсли, может, пропустим еще по одной? Я

тебя провожу до дому, а эти влюбленные голубки пусть сами займутся выяснением отношений.

И тревожно протестующий голос Эйнсли:

— Ой, ну не знаю, стоит ли мне…

Оказавшись на улице, я почувствовала себя гораздо лучше. Я вырвалась — от чего, к чему, я и сама не знала. И пускай я понятия не имела, почему так поступаю, по крайней мере, я не сидела сиднем. Я приняла какое-никакое решение, и что-то в моей жизни закончилось. После этого взрыва непокорности, после этого открытого и внезапного для меня самой и досадного представления, ни о каком примирении и речи не могло идти. И хотя я уходила от Питера, я не ощущала никакого раздражения к нему. Мне в голову пришла абсурдная мысль, что у нас с ним были в общем мирные отношения: ведь до сего дня мы ни разу не ссорились. У нас просто не было повода для ссоры.

Я оглянулась: Питера не было видно. Я шла по безлюдным улицам, мимо стареньких многоквартирных домов, к ближайшему проспекту, где можно было сесть на автобус. В столь поздний час (а сколько же сейчас времени?) автобуса придется ждать очень долго. От этой мысли мне стало не по себе: холодный ветер усилился, и с каждой

минутой молнии сверкали все ближе. Вдалеке громыхал гром. А на мне было тоненькое летнее платье. Я не знала, хватит ли мне денег на такси, остановилась, чтобы пересчитать, и выяснила, что не хватит.

Я шла минут десять, мимо закрытых, тускло освещенных магазинов, и вдруг заметила, как впереди, в ста ярдах от меня, притормозила машина Питера. Он вышел и стал дожидаться меня на тротуаре. Я шагала, не сбавляя темпа, не меняя направления. Теперь уж точно не было никакого смысла убегать. Нас же больше ничего не связывало.

Когда я поравнялась с ним, он шагнул мне наперерез.

— Не будешь ли ты так любезна позволить мне, — произнес он с железобетонной учтивостью, — отвезти тебя домой? Не хочу, чтобы ты вымокла до нитки.

Пока он говорил, с неба упали первые капли. Я колебалась. Зачем он это делает? Возможно, для него это был тот же самый формальный ритуал — почти автоматический рефлекс, — который заставлял его открывать дверцу автомобиля, и в таком случае я могла бы точно так же автоматически принять этот знак внимания, не

представлявший для меня никакой опасности; но что на самом деле последует, если я сяду к нему в машину? Я внимательно посмотрела на него: было видно, что он явно выпил лишнего, хотя почти безупречно себя контролировал. Его глаза слегка остекленели, это правда, но стоял он прямо и не пошатывался.

— Ну, — с сомнением произнесла я, — вообще-то, мне хочется пройтись. Но все равно спасибо.

— О, Мэриен, перестань! Не будь ребенком! — грубовато произнес он, хватая меня за руку.

Я позволила ему довести себя до машины и усадить на переднее сиденье. Думаю, я делала это неохотно, но мне очень не хотелось мокнуть под дождем.

Питер сел за руль, захлопнул дверцу и включил зажигание.

— А теперь, может, расскажешь мне, что вся эта фигня значит? — злобно спросил он.

Мы свернули за угол, и тут ливануло вовсю, потоки дождя под порывами ветра хлестали в лобовое стекло. В любой момент мы могли попасть, как говаривала моя двоюродная бабушка, под ливень, переходящий в потоп.

— Я не просила доставлять меня домой, — уклончиво заметила я.

Я-то была уверена, что это никакая не фигня, но в то же время четко понимала, что это могло показаться фигней всякому, кто наблюдал за нами со стороны. И мне не хотелось вступать с ним в дискуссию, потому что сейчас она зашла бы в тупик. Я сидела, выпрямившись на переднем сиденье, и смотрела в окно, но не видела почти ничего.

— Не понимаю, какого черта ты испортила такой прекрасный вечер, — произнес он, пропустив мое замечание мимо ушей. Раздался раскат грома.

— Ну уж тебе-то я ничего не испортила, — возразила я. — Ты же упивался *самим собой*.

— Ах, вот оно что. Мы недостаточно тебя развлекали! Наша беседа тебе была скучна, и мы мало уделяли тебе внимания. Ну, в следующий раз будем знать, как избавить тебя от нашей скучной компании.

Мне его слова показались несправедливыми. В конце концов, Лен — мой друг.

— Ты забыл, что Лен — *мой* друг! — Мой голос дрогнул. — Не вижу причин, почему я не могу поболтать с ним, когда он только что вернулся из Англии.

Еще не закончив фразу, я уже поняла, что на-

прасно приплела Лена, дело же было совсем не в нем.

— Эйнсли вела себя совершенно нормально. Почему же ты не могла? Проблема с тобой в том, — свирепо процедил он, — что ты просто не желаешь быть женственной.

Его одобрительная оценка поведения Эйнсли была как удар под дых.

— Да *на хрен* мою женственность! — заорала я. — Женственность тут ни при чем. Просто ты вел себя как грубая скотина!

Больше всего Питера раздражали обвинения в непреднамеренной грубости, и мне это было известно. Эти обвинения низводили его до уровня персонажей рекламы дезодорантов.

Он посмотрел на меня, прищурившись, точно прицеливался в мишень. Потом скрипнул зубами и свирепо вжал педаль газа в пол. Дождь уже лил как из ведра, и дорога впереди, когда на мгновение проглядывала сквозь мельтешащие дворники, казалась сплошной водной гладью. Когда я завопила, мы как раз ехали под уклон, и тут вдруг машина, внезапно прибавив скорость, пошла юзом, пару раз крутанулась на месте, задом въехала на чью-то лужайку перед домом и судорожно остановилась. Я услышала треск.

— Ты маньяк! — взвыла я: после удара о бардачок меня отбросило назад, но я поняла, что жива. — Ты же мог нас убить! — Наверное, в тот момент я думала о себе во множественном числе.

Питер опустил стекло и высунулся наружу. Потом захохотал.

— Я слегка подровнял им живую изгородь, — сообщил он и нажал на газ.

Колеса несколько мгновений крутились вхолостую, выплескивая веером грязь и оставляя на земле (это я уже заметила потом) две глубокие борозды; под скрежет трансмиссии мы кое-как переползли через край лужайки и вернулись на проезжую часть.

Теперь меня трясло от страха, холода и ярости.

— Сначала ты затаскиваешь меня к себе в машину, — верещала я, — бросаешь на меня испепеляющие взгляды, потому что тебя терзает чувство вины, и, наконец, ты пытаешься меня *убит*ь!

Питер все еще хохотал. Его волосы были мокрые, даже на несколько секунд оказавшись под дождем, и прилипли к голове, а струйки воды стекали по лицу.

— Утром они проснутся и увидят, что в ланд-

шафте их сада что-то изменилось, — усмехаясь, произнес он.

— Тебя, похоже, жутко забавляет возможность умышленно нанести урон чужой недвижимости, — заметила я саркастически.

— Не будь брюзгой! — весело парировал Питер.

Он явно наслаждался тем, что счел дерзким проявлением мужской удали. А меня раздражало то, что он приписывает самому себе результат работы задних колес своей машины.

— Питер, ты можешь хоть на минуту стать *серьезным*? Ты же ведешь себя как ребенок-переросток.

Но он предпочел проигнорировать мои слова.

Машина рывком затормозила.

— Приехали, — сообщил он.

Я взялась за дверную ручку, намереваясь, как мне думалось, высказать последнее неопровержимое замечание и броситься к дому, но он положил ладонь мне на локоть.

— Лучше подожди, пока не утихнет.

Он выключил зажигание, и мерно шуршащие дворники замерли на стекле. Мы молча сидели, вслушиваясь в шумы грозы. Ее эпицентр находился прямо над нашими головами: слепящие молнии то и дело разрывали черные тучи, и

следом за ветвистыми вспышками почти сразу же тотчас оглушительно трещал гром, как будто сотни деревьев в огромном лесу с треском расщеплялись и гулко падали. А в коротких промежутках мы слышали в немой тьме, как дождь барабанит по машине, и тонкие ручейки струились по закрытым стеклам.

— Хорошо, что я не позволил тебе одной добираться до дому, — произнес Питер тоном человека, который принял твердое и единственно верное решение. Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

А когда салон машины осветился дрожащим всполохом молний, я повернулась к нему и увидела, что он смотрит на меня: на его лице лежали странные тени, а глаза сверкали, точно у зверька на дороге, которого вдруг осветили автомобильные фары. Его взгляд был внимательный и слегка угрожающий. Он склонился ко мне и проговорил:

— На тебе какой-то пух. Сиди не двигайся.

Его пальцы погрузились мне в волосы: он стал неловко, но бережно вытаскивать застрявшие в волосах клочья пыли.

Я вдруг обмякла, словно намокшая салфетка. Уткнулась лбом в его лоб и закрыла глаза. У него

была холодная и мокрая кожа, в его дыхании ощущался коньячный запах.

— Открой глаза, — сказал Питер.

Я открыла. Мы все еще сидели, прижавшись лбами друг к другу, и в следующее мгновение, когда вокруг все опять ярко осветилось, мне почудилось, что я заглядываю в множество глаз.

— У нас восемь глаз, — тихо произнесла я.

Мы рассмеялись, он притянул меня к себе и поцеловал. Я обхватила руками его спину. Так мы некоторое время умиротворенно сидели, а вокруг бушевала гроза. Я ощущала лишь невероятную усталость и дрожала от холода.

— Сама не пойму, что на меня нашло сегодня, — прошептала я.

Он гладил меня по волосам — прощая, понимая, и как всегда, у него это получалось немного снисходительно.

— Мэриен. — Я почувствовала, как он сглотнул. Но не могла точно сказать: это его тело содрогнулось или мое; он крепче сжал меня в объятиях. — Как думаешь, мы сможем… как думаешь, а если нам пожениться?

Я отшатнулась от него.

Исполинский голубоватый электрический разряд грохнул совсем рядом, осветив салон

машины. И когда мы взглянули друг на друга в этой короткой световой вспышке, я увидела себя, крохотную, овальную, отраженную в его глазах.

10

Когда я проснулась в воскресенье утром — скорее уже днем, — в голове у меня было пусто, словно кто-то ложечкой выскреб внутренности моего черепа, как манго, оставив для размышлений одну кожуру. Я недоуменно оглядела комнату, едва узнавая ее, хотя прожила в ней несколько месяцев. Моя одежда валялась на полу или висела на спинке стула мятыми лоскутами, словно изодранное взрывом одеяние огородного пугала, а во рту было сухо, как будто мне туда затолкали рулон ваты. Я поднялась с кровати и, пошатываясь, поплелась на кухню.

В распахнутое кухонное окно с улицы било солнце и задували порывы свежего воздуха. Там уже находилась Эйнсли. Сидя на стуле с высоко поднятыми коленками, в которые она уперлась подбородком, и чуть подавшись вперед, она внимательно разглядывала что-то расплескавшееся перед ней на столе. Ее волосы рассыпались по плечам. Со спины она казалась сидящей на утесе русалкой — русалкой в заношенном зеленом махровом халате. На столе валялись остатки ее завтрака — корявая морская звезда банановой

кожуры, похожие на обломки ракушек кусочки яичной скорлупы, коричневые крошки от тоста — точно выброшенные на берег прибоем веточки. Я подошла к холодильнику и достала коробку томатного сока.

— Привет! — обратилась я к спине Эйнсли.

«Интересно, — думала я, — меня не стошнит от вида яйца?»

Она обернулась.

— Так!

— Ты нормально добралась? Ну и гроза была вчера! — Я налила себе в высокий стакан томатного сока и залпом выпила.

— Ну да, — отозвалась она. — Я уговорила его вызвать мне такси. Я успела домой как раз до начала грозы, выкурила сигарету, выпила двойного скотча и залегла спать. Господи, я была совершенно без сил. Когда вот так сидишь весь вечер, не шевелясь и не проронив ни слова, это выматывает хуже некуда. А когда ты слиняла, я не знала, как унести ноги. Это было все равно что спасаться от гигантского кальмара, но я смогла — а все потому, что притворилась перепуганной дурой. На этой стадии очень важно так вести себя, понятно?

Я заглянула во все еще горячую кастрюлю на

конфорке.

— Тебе больше не нужна вода для яиц? — Я включила конфорку.

— А что с тобой? Я волновалась. Решила, что ты и впрямь напилась или еще что. Ты только не обижайся, но вчера ты вела себя как последняя идиотка.

— Мы помолвлены, — сообщила я с неохотой.

Ясное дело, что она этого не одобрит. Я осторожно опустила в кипяток яйцо, и оно тотчас треснуло. Вынутое из холодильника, яйцо было еще слишком холодное.

Эйнсли вздернула свои тонюсенькие бровки. Но вроде бы мои слова не сильно ее удивили.

— На твоем месте я бы вышла замуж в Штатах — там легче получить развод в случае острой необходимости. Я хочу сказать, ты же его не слишком хорошо знаешь, так? Но, по крайней мере, — продолжала она чуть оживленнее, — скоро Питер будет зарабатывать кучу денег, и ты, когда родишь, сможешь жить отдельно от него, даже если не получишь развода. Но, надеюсь, вы же не завтра поженитесь? По-моему, ты не понимаешь, что делаешь!

— Подсознательно, — возразила я, — мне, возможно, уже довольно давно хотелось выйти за

Питера.

Мои слова заставили ее умолкнуть. Словно она узрела божество.

Я принялась рассматривать яйцо в кипящей воде: сквозь трещину оно выпустило желеобразное белое облако и стало похоже на раскрывшуюся устрицу. «Наверное, сварилось», — подумала я и ложкой выудила из кипятка. Я включила кофеварку и расчистила себе местечко на клеенке. Усевшись за стол, я смогла наконец увидеть, что так пристально рассматривала Эйнсли. Она сняла со стены календарь — на нем была изображена девчушка в старомодном капоре: она сидела на качелях, с корзинкой вишен в руках, а внизу у ее ног бегал белый щенок — я каждый год получаю такие календари от троюродного брата, который владеет станцией техобслуживания у нас в городке, — и, разложив его на столе, делала загадочные пометки карандашом.

— Что ты делаешь? — спросила я, разбила яйцо о край тарелки и сунула внутрь большой палец. Еще не сварилось. Я вылила содержимое яйца в тарелку и размешала.

— Разрабатываю стратегию, — безразличным тоном ответила она.

— Послушай, Эйнсли, я просто не понимаю, как

ты можешь так равнодушно об этом думать, — произнесла я, разглядывая ровные ряды черных чисел.

— Но мне же нужен отец для моего ребенка! — Ее интонация подразумевала, что я пытаюсь вырвать кусок хлеба изо рта у всех вдов и сирот мира, воплощением которых она стала в это самое мгновение.

— Хорошо, принято. Но почему Лен? Я хочу сказать, с ним может быть очень непросто; как-никак он же мой *друг*, и ему недавно пришлось пережить массу неприятностей. Я бы не хотела, чтобы он страдал. У тебя что, нет других кандидатов?

— Сейчас нет. Во всяком случае, нет никого, кто бы казался отличным представителем породы, — рассудительно заявила она. — И к тому же я хочу родить весной. Я хочу, чтобы у меня был весенний ребенок. Или ранним летом. Тогда мы сможем устраивать его дни рождения в саду, а не в доме, в саду не так шумно…

— А ты изучила, кто его предки? — едко осведомилась я, подхватив ложкой последний кусок вареного яйца.

— О да! — с энтузиазмом воскликнула Эйнсли. — Мы как раз о них говорили перед тем, как

он начал приставать ко мне. Я узнала, что его отец учился в колледже. Во всяком случае, по отцовской линии у него в роду нет явных болванов, и аллергиям никто не подвержен. Мне хотелось узнать у него группу крови и резус-фактор, но я решила, что это будет слишком нарочито и подозрительно, как считаешь? Кроме того, он работает на телевидении! А значит, в нем, хоть и немного, есть что-то от творческой натуры. Я мало что узнала о его бабушках и дедушках, но нельзя так уж зацикливаться на генеалогии, а то можно всю жизнь провести в поисках. К тому же генетика вообще обманчивая штука. У некоторых гениальных людей дети ничем себя не проявили.

Она решительно отметила в календаре какую-то дату и, нахмурившись, стала ее разглядывать. Эйнсли смахивала на генерала, обмозговывающего направление главного удара.

— Что тебе точно понадобится, — сказала я, — так это план твоей спальни, вернее, нет — контурная карта! Или спутниковая фотография. Тогда ты сможешь рисовать на ней стрелочки и пунктирные линии и помечать крестиком места расстановки мебели.

— Прошу, не ерничай! — строго заметила Эйнс-

ли.

Она что-то подсчитывала в уме.

— Когда это должно произойти? Завтра?

— Погоди секунду, — шикнула она и продолжала считать. — Нет, с этим надо повременить. Хотя бы месяц. Пойми, я должна быть уверена, что с первого раза все получится. Или хотя бы со второго.

— С первого раза?

— Да! Я все рассчитала. Хотя могут возникнуть проблемы, все упирается в его психологию. Готова поспорить, он из тех парней, кого легко спугнуть, если действовать слишком напористо. Надо поводить его на длинном поводке. Потому что как только он почует неладное, я тебе точно говорю: он сразу же заведет старую песню про то, что, «знаешь, а может, нам больше не стоит встречаться» и «не хотелось бы, чтобы у нас было что-то серьезное, мы же не хотим себя связывать по рукам и ногам» — ну и так далее. И в следующий миг он просто испарится. А я не смогу вызвать его, когда это действительно будет необходимо, он же еще и обвинит меня в том, что я пытаюсь его монополизировать, или заявляю на него *права,* или что-то в таком духе. Но пока ему нечего мне предъявить, я могу им пользоваться,

когда мне надо.

Мы поразмышляли над ситуацией еще немного.

— И с местом встречи тоже пока еще не все ясно, — продолжала она. — Ведь все должно произойти как бы незапланированно, само собой. Это же должен быть момент страсти. Он должен пробить мою оборону, а я должна изнемочь от желания, ну и так далее. — Эйнсли коротко усмехнулась. — А если это дело спланировать заранее, типа назначить ему встречу в мотеле, то это не прокатит. Так что, либо у него, либо здесь.

— Здесь?

— В случае необходимости, — твердо сказала Эйнсли, отъезжая на стуле назад.

Я молчала: мысль о том, что Леонарда Слэнка соблазнят под той же крышей, где обитает наша домовладелица со своим семейным древом в рамке под стеклом, сильно меня смущала: да это же будет почти что святотатство.

Напевая себе под нос и прихватив календарь, Эйнсли отправилась в свою комнату. А я стала думать о Лене. У меня вновь возникли угрызения совести оттого, что я готова позволить отвести его, в венке из полевых цветов, на заклание, ни намеком не предупредив о грозящей беде.

«Разумеется, в каком-то смысле он сам напросился, — думала я, — а Эйнсли вроде бы твердо решила ничего не требовать от того, кого она выделила в толпе, чтобы удостоить сомнительной анонимной чести». Если бы Леонард был обычным дамским угодником, я бы так не переживала. Но он, конечно же, был куда более сложной и тонкой личностью, размышляла я, отпивая кофе из кружки. Да, он, безусловно, был коварным соблазнителем и бегал за каждой юбкой, кто бы спорил, но Джо был не прав, когда заявил, что Лен неэтичен. В каком-то смысле, он своего рода вывернутый наизнанку моралист. Он любил порассуждать так, будто всех интересуют только секс и деньги, но когда кто-то олицетворял проповедуемые им теории, это вызывало у него гневное осуждение. Присущая ему смесь цинизма и идеализма проявлялась лишь в его склонности «портить», как он это называл, неопытных девиц, которых он противопоставлял вполне зрелым представительницам женского пола. Предпочтительно непорочные и недосягаемые особи привлекали скрытого в нем идеалиста; но стоило ему добиться обладания ими, как в нем пробуждался циник, который считал их испорченными и выбрасывал.

— Она оказалась такой же, как и все они, — говаривал Лен с грустью.

А к женщинам, которых он считал по-настоящему недостижимыми, например женам своих друзей, он относился с преданным обожанием. Он доверял им безмерно просто потому, что сам никогда бы не подверг их своему циничному тесту: для него они были не только недосягаемые, но и слишком старые. Клару, например, он боготворил. Временами он выказывал особую нежность, чуть не слащавую сентиментальность, по отношению к людям, которые ему нравились, а таковых было немного, но при всем этом женщины постоянно обвиняли его в женоненавистничестве, а мужчины — в мизантропии, и не исключено, что ему было свойственно и то и другое.

И все же я не видела, каким образом намерение Эйнсли его использовать могло бы нанести ему непоправимый ущерб, да и вообще какой бы то ни было урон, а посему я мысленно вверила Лена в руки его решительных и многомудрых ангелов-хранителей — ведь были же у него такие, — допила свой кофе и пошла одеваться. Потом позвонила Кларе, чтобы сообщить свои новости; реакция Эйнсли меня не вдохновила.

Клара отреагировала более радостно, но и двусмысленно.

— О, хорошо! — сказала она. — Джо будет в восторге. Он как раз недавно говорил, что пора бы тебе остепениться.

Меня это укололо. В конце концов, мне же не тридцать пять, когда уже не на что надеяться. Клара выразилась так, будто я просто решилась поступить осмотрительно. Но я уже давно поняла, что сторонние наблюдатели отношений женщины и мужчины не в состоянии их понять. Остаток нашей беседы мы обсуждали ее проблемы с пищеварением.

Стоя у кухонной раковины и моя посуду после завтрака, я услышала шаги на лестнице: к нам кто-то поднимался. Это был еще один трюк с нашими неожиданными гостями, применявшийся домовладелицей: она впускала людей тихо, не объявляя нам о посетителях, причем особенно в периоды, когда мы были совершенно не готовы кого-то принимать, например воскресным днем, и, несомненно, она это проделывала в надежде, что нас застукают за каким-то неприглядным занятием или застигнут врасплох — например в бигудях или в банных халатах на голое тело.

— Привет! — раздался с лестницы бодрый го-

лос. Это был Питер. Ему давно уже было даровано право заявляться к нам экспромтом.

— А, *привет*! — отозвалась я будничным, но радушным тоном. — Как раз мою посуду, — зачем-то добавила я, когда из-за приоткрытой двери показалась его голова. Я оставила грязную посуду в раковине и вытерла руки насухо.

Он вошел в кухню.

— Боже, судя по тяжелому похмелью, с которым я сегодня проснулся, я вчера набрался до поросячьего визга. Да, я напился в хлам! Утром у меня изо рта несло, как от кроссовок победителя «Ролан Гаррос».

Он проговорил это одновременно извиняющимся и горделивым тоном.

Мы опасливо глядели друг на друга. Если кто-то из нас планировал дать задний ход, то сейчас был самый момент для этого: вчерашнее можно было свалить на законы органической химии. Но никто не сдал позицию. Наконец Питер выдавил довольную, хотя и нервную улыбку.

— О, это просто ужасно, — произнесла я заботливо. — Ты *много* выпил вчера. Сделать тебе кофе?

— Не откажусь. — Он подошел ко мне и чмокнул в щеку. — Кстати, извини, что я сначала не

позвонил, просто мне захотелось тебя увидеть.

— Да все в порядке, — ответила я.

Питер явно страдал от похмелья. Он был небрежно одет, хотя и не умеет делать это естественно. Это была выверенная небрежность: тщательная небритость, носки в цвет пятен на спортивной рубашке. Я включила кофеварку.

— Так! — произнес он почти с таким же нажимом, что и Эйнсли, но имея в виду совсем другое. Как будто он демонстрировал мне новенькую сверкающую машину. Я ответила нежной сверкающей улыбкой, то есть хотела изобразить нежность, но губы занемели, словно под слоем яркой дорогой помады.

Я налила кофе в две кружки, достала молока и села на свободный стул. Он накрыл мою руку своей.

— Знаешь, я не собирался делать то, ну, что сделал вчера вечером, — совсем не собирался.

Я кивнула: ведь я тоже не собиралась.

— Полагаю, я все время уклонялся от этого.

И я уклонялась.

— Но думаю, ты права насчет Триггера. А может, я как раз хотел, сам того не осознавая. Мужчине же надо когда-то остепениться. Мне ведь двадцать шесть.

Теперь я увидела Питера в новом свете: стоя на кухне, он менялся на глазах, превращаясь из безбашенного молодого холостяка в спасителя, укротителя хаоса, гаранта стабильности. Где-то в подвалах компании «Сеймур сёрвейз» невидимая рука стирала мою подпись на заявлении о пенсионном плане.

— И теперь, когда все определилось, я чувствую, что моя жизнь станет гораздо счастливее. Мужчина не может порхать до бесконечности. А в перспективе это будет лучше и для моей практики, ведь клиентам нравится, если у тебя есть жена. Люди с подозрением относятся к адвокатам, остающимся холостяками после определенного возраста, все начинают думать, что ты гомосек или еще что-то. — Он помолчал и продолжил: — А что касается тебя, Мэриен, то я же знаю, что всегда смогу на тебя положиться. Многие девушки слишком взбалмошные, а ты очень благоразумная. Тебе, может быть, это неизвестно, но я всегда считал, что это важнейшее достоинство той, кого бы я хотел иметь в качестве жены.

Я себе не казалась такой уж благоразумной. Я скромно потупила взор и стала рассматривать крошку от тоста, которую пропустила, вытирая стол. Я не знала, что сказать. Ответить ему: «Ты

тоже очень благоразумный» — казалось неуместным.

— Я тоже счастлива, — пробормотала я. — Давай переместимся с нашим кофе в гостиную.

Он последовал за мной. Мы поставили кружки на круглый кофейный столик и устроились на диванчике.

— Мне нравится эта комната, — заметил он, оглядываясь по сторонам. — Здесь по-домашнему уютно. — Он обнял меня за плечи. Мы сидели в, как мне хотелось думать, блаженной тишине. Нам обоим вдруг стало неловко. Мы утратили все представления друг о друге, все повадки, к которым привыкли и которые могли бы направить нас сейчас по верному руслу. И еще не выработав новых представлений о себе, мы не знали, что сказать или как поступить.

Питер усмехнулся своим мыслям.

— Что смешного? — спросила я.

— Ничего особенного. Когда я утром подошел к машине, то заметил, что под днищем застряли сломанные ветки, и я специально поехал мимо той лужайки. Мы проделали аккуратную прореху в их изгороди. — Ему все еще нравилось думать о вчерашнем приключении.

— Ты большой глупыш! — нежно произнесла я.

Во мне уже зашевелился инстинкт собственницы. Выходит, этот субъект принадлежит *мне*! Я уткнулась головой в его плечо.

— Когда хочешь устроить свадьбу? — брякнул Питер.

Моим первым поползновением было ответить ему с уклончивым легкомыслием, как я всегда и поступала, когда он задавал мне серьезные вопросы: «Может, в День сурка?» Но вдруг услышала незнакомый мне бархатный голос, который тихо произнес: «Я бы предпочла, чтобы ты сам решил. Давай ты будешь принимать все важные решения». Мне это было самой удивительно. Я никогда еще не говорила ему ничего даже отдаленно похожего. И самое смешное, что я не шутила.

11

Питер пробыл у меня недолго. Он сказал, что ему нужно еще немного поспать, и посоветовал мне сделать то же самое. Но я совсем не устала. Меня переполняла нервная энергия, которая не иссякала, пока я бесцельно курсировала по квартире. Тот день был исполнен той печальной пустоты, которая у меня с самого детства ассоциировалась с воскресными днями, — это ощущение возникало из-за безделья.

Я домыла посуду, разложила чистые ножи, вилки и ложки по отделениям в ящике кухонного буфета, хотя и знала, что долго они там не пролежат. Устроившись в гостиной, в очередной раз пролистала журналы, обращая внимание на знакомые заголовки, теперь приобретшие новый смысл: «ПРИЕМНЫЙ РЕБЕНОК: ЗА И ПРОТИВ», «ВЫ ВЛЮБЛЕНЫ — ЭТО ВЗАПРАВДУ? Тест из двадцати вопросов» и «КОНФЛИКТЫ МЕДОВОГО МЕСЯЦА». Потом потрогала рычажки на тостере: в последнее время в нем все подгорало. Когда зазвонил телефон, я так и подпрыгнула, но оказалось, просто ошиблись номером. Наверное, мне стоило обсудить ситуацию с Эйнсли, которая

уединилась у себя в спальне, но почему-то я решила, что никакой пользы от этого не будет. Мне хотелось сделать что-то такое, что будет иметь результат, но я не знала, что именно. Наконец, решила потратить вечер на поход в прачечную.

Мы, естественно, не пользовались стиральной машиной нашей домовладелицы. И даже не знали, есть ли она у нее. Она в принципе не позволяла ничему столь плебейскому, как выстиранное белье, осквернять ухоженную территорию ее лужайки за домом. А может, просто ни она, ни ее ребенок не загрязняли свою одежду: вполне возможно, что все их вещи были снабжены невидимыми пластиковыми чехлами. Мы ни разу не спускались к ней в подвал и даже не слышали, что у нее в доме таковой имеется. И вполне вероятно, что стирка, в ее иерархии ценностей, считалась занятием, о котором всем известно, но которое никто уважающий себя не обсуждает.

Поэтому, когда куча заношенной одежды разрасталась до необъятных размеров, а в ящиках шкафов ничего чистого не оставалось, мы отправлялись в прачечную самообслуживания. Или я ездила одна: я не могла так же долго тянуть со стиркой, как Эйнсли. Туда лучше ходить вечером в воскресенье, чем по рабочим дням. В это время

гораздо меньше старичков, тщательно выполаскивающих свои некогда шикарные сорочки, и меньше старушек в широкополых шляпках и белых перчатках, собирающихся к подружкам-сверстницам на чашку чая. До ближайшей к нам прачечной надо проехать одну остановку на автобусе. Суббота — неудачный день для поездки, потому что автобусы забиты покупателями, и это все те же старушки в шляпках и белых перчатках, хотя не столь аккуратные, а еще по субботам случается наплыв любителей вечерних киносеансов. Я предпочитаю воскресные вечера: меньше людей. Терпеть не могу, когда на меня пялятся и мой набитый мешок с грязной одеждой слишком бросается в глаза и сразу выдает: ага, едет в прачечную.

В тот вечер я с нетерпением ждала этой поездки. Мне хотелось поскорее покинуть квартиру. Я разогрела и проглотила замороженный ужин и переоделась для прачечной: джинсы, свитер, клетчатые спортивные тапки, которые я зачем-то купила и с тех пор никуда больше не надевала — и порылась в кошельке в поисках четвертаков. Я засовывала грязную одежду в мешок, когда вошла Эйнсли. Она почти весь день просидела у себя за закрытой дверью, занимаясь бог знает какими

ритуалами черной магии: то ли варила приворотное зелье, то ли лепила восковых кукол Леонарда и колола их булавками в нужных местах. И вот ее осенила некая интуитивная догадка.

— Приветик! Идешь в прачечную? — спросила она с наигранным равнодушием.

— Нет, — ответила я хмуро. — Разрубила Питера на кусочки, спрятала их в ворохе грязного белья и вот хочу похоронить в овраге.

Она, видимо, сочла мое замечание пошлым. Даже не улыбнулась.

— Слушай, не возражаешь, если я подкину тебе кое-что из моего? Все равно ты идешь. Там немного.

— Отлично, — с облегчением отозвалась я. — Неси.

Это у нас обычная практика. Вот почему Эйнсли никогда не ходит одна в прачечную.

Она ушла и вернулась через несколько минут с охапкой нижнего белья всех цветов радуги.

— Эйнсли! Ты же сказала, немного!

— А тут и есть немного, — сварливо ответила та. Но когда я твердо заявила, что все это не влезет в мой мешок, она разделила белье на две кучки.

— Спасибо! Ты меня выручила! До встречи!

Я волокла мешок за собой по лестнице, внизу

взвалила себе его на плечо и выскользнула из двери, попутно поймав застывший взгляд домовладелицы, которая украдкой высунулась из-за бархатной занавески, отделявшей ее гостиную от прихожей. Так, я знаю, она с немым укором осуждала вопиющую демонстрацию нашей нерадивости. Все мы, читала я ее мысли, являемся воплощением нечистоплотности.

Я села в автобус и поставила мешок с одеждой рядом на сиденье, надеясь, что со стороны он смахивает на ребенка и не вызовет негодования у пассажиров, решивших съездить по делам в выходной. Я все не могла забыть случившееся со мной ранее происшествие: когда я выходила из автобуса, какая-то закутанная в черные шелка старушенция в лиловой шляпке вцепилась мне в плечо. Дело было тоже в воскресенье. Ее возмутило не только то, что я нарушаю четвертую заповедь[5], но и то, что я неподобающе одета для такого дня: Иисус, напомнила она мне, никогда бы мне не простил клетчатых спортивных тапок. Я принялась изучать цветной рекламный плакат над окном: на нем была изображена молодая женщина с тремя парами ног, вышагивающая в

[5] Примечания: 5
Запрещает работать в «день Господень» — воскресенье.

утягивающем корсете. Должна признаться, меня такое возмущает. Это как-то слишком напоказ. Поначалу я не могла понять, на кого рассчитана подобная реклама и кто бы купил этот товар, и вообще — проводилось ли хотя бы предварительное изучение рынка. Женские формы, размышляла я, должны привлекать мужчин, а не женщин, а мужчины обычно не покупают женские корсеты. Хотя, возможно, миниатюрная гибкая женщина — это образ самой себя; возможно, покупательницы считают, что они возвращают себе одновременно юность и изящество. Потом мои мысли перенеслись на прочитанную где-то фразу, что стильно одетая женщина всегда имеет в своем гардеробе корсет. Я задумалась над скрытыми смыслами слова «всегда». А затем до конца поездки размышляла о временных границах термина «средний возраст»: когда я его достигну? Может быть, я уже в него вступила? Словом, пришла я к выводу, с такими вещами надо быть поаккуратнее: они имеют обыкновение нагрянуть, когда их совсем не ждешь.

Прачечная самообслуживания располагалась на той же улице, что и станция подземки. Уже стоя перед огромной стиральной машиной, я обнаружила, что забыла порошок, и громко чер-

тыхнулась.

Посетитель, засовывавший белье в машину рядом, повернулся и бросил на меня равнодушный взгляд.

— Можете взять у меня, — предложил он, протягивая мне коробку.

— Спасибо! Почему бы им не поставить тут автомат со стиральным порошком. Странно, что они не додумались.

А потом я его узнала: это был парень, с которым я проводила опрос о пиве. Я стояла с коробкой в руке и думала: как он понял, что я забыла свой порошок? Я же ни слова об этом не сказала.

Он изучал меня внимательным взглядом.

— О, теперь я знаю, кто вы! Сначала не узнал. Без официальной одежды вы выглядите какой-то… беззащитной. — И он опять склонился над своей стиральной машиной.

«Беззащитной». Это хорошо или плохо? Я быстро проверила одежду: не разошлись ли швы, застегнуты ли молнии. Потом начала поспешно швырять ее в разные машины: темное — в одну, светлое — в другую. Мне не хотелось, чтобы он закончил стирку раньше меня — и мог бы потом за мной понаблюдать. Но он завершил процесс как раз в тот момент, когда я кидала в барабан

какие-то кружевные трусики Эйнсли.

— Это ваши? — с интересом спросил он.

— Нет, — покраснела я.

— Я и не думал. Они так не похожи на вас.

Это комплимент или оскорбление? Судя по равнодушной интонации, это просто наблюдение, и наблюдение вполне точное, подумала я с усмешкой.

Я захлопнула обе дверцы с толстым стеклом, бросила в прорези для монет четвертаки и дождалась шуршащего звука, сообщившего, что все в порядке, после чего отправилась к ряду стульев у стены и уселась. Придется просто сидеть и дожидаться конца цикла, подумала я: больше в этом районе в воскресенье делать нечего. Можно бы пойти в кино, но у меня с собой не было денег. Я даже забыла прихватить книжку. И о чем я только думала, выходя из квартиры? Обычно я ничего не забываю.

Он сел рядом.

— Одно плохо с этими общественными стиральными машинами, — заговорил он. — Вечно находишь в барабане волоски с чужого паха. Не то что бы меня это особенно волновало. Меня не смущают ни бактерии, ни микробы. Просто это неприятно. Хочешь шоколадку?

Я огляделась по сторонам: не слышит ли нас кто-нибудь. Нет, в прачечной не было ни души.

— Спасибо, не хочу.

— Я тоже не большой любитель шоколада, просто пытаюсь бросить курить.

Он снял фольгу с шоколадной плитки и стал медленно жевать. Мы смотрели на ряд сверкающих стиральных машин, а особенно пристально — на те три стеклянных окошка, похожих на иллюминаторы или аквариумы, за которыми крутилась наша одежда, и фрагменты ткани разной формы и разных цветов то появлялись, то исчезали, смешивались с другими фрагментами, снова появлялись, и снова исчезали в мыльной пене. Парень доел шоколад, облизал кончики пальцев, аккуратно сложил фольгу и положил себе в карман, а потом достал сигарету.

— Мне нравится на них смотреть, — сообщил он. — Я смотрю на работающую стиральную машину, как другие смотрят телевизор, — это действует успокаивающе, потому что всегда знаешь, чем все закончится, и не надо ломать голову. К тому же я могу немного поменять программу: если мне надоедает смотреть одно и то же, я всегда могу сунуть туда пару зеленых носков или еще что-нибудь цветное.

Он говорил монотонно и сидел, чуть ссутулившись, положив локти на колени и втянув голову в высокий воротник темного свитера, — похожий на втянувшую голову в панцирь черепаху.

— Я сюда частенько прихожу. Иногда мне просто нужно выйти из квартиры. И еще мне нравится гладить. Я вообще люблю разглаживать вещи. Избавляться от складок и морщинок — это позволяет чем-то занять руки. Но когда вещей для глажки больше не остается, я прихожу сюда. Чтобы после стирки было что гладить.

Он на меня даже не смотрел. Создавалось впечатление, что он разговаривает сам с собой. Я тоже нагнулась вперед, чтобы разглядеть его лицо. В голубовато-белом свете люминесцентных ламп прачечной, который, похоже, не создавал ни тени, ни полутонов, его кожа казалась бледной, как у призрака.

— Мне нужно вырываться на свободу из этой квартиры. Летом она как раскаленная темная печь, в такую жару даже утюг включать не хочется. Там и так места мало, а от жары пространство совсем скукоживается, соседи трутся о тебя локтями. Я ощущаю их присутствие даже у себя в спальне. Я знаю, чем они заняты. Фиш сидит в своем кресле, точно в окопе, и не шевелится,

даже если что-то пишет, потом рвет все в клочки, говорит, что получилась ерунда, и целыми днями пялится на разбросанные по полу обрывки бумаги. Однажды он встал на четвереньки и попытался склеить их скотчем, у него, естественно, ничего не вышло, и он закатил форменную истерику, стал нас обвинять в том, что мы пытаемся использовать его идеи, чтобы опередить его с публикациями, и воруем у него куски текста. А Тревор, когда не уезжает в летнюю школу и не устраивает из квартиры парную баню, готовя ужин из двенадцати блюд, при том, что я могу обойтись консервированным лососем, практикуется в итальянской каллиграфии пятнадцатого века, копирует виньетки и орнаменты, и безостановочно вещает об искусстве Кватроченто. У него феноменальная память на детали. Это, конечно, очень интересно, но, думаю, не очень важно, да и он, скорее всего, думает так же. А самое главное, они все бубнят и бубнят, все одно и то же, одно и то же, и ни к чему не приходят: они не могут ничего завершить. Конечно, и я ненамного лучше, я застрял на своей семестровой статье. Как-то я был в зоопарке и увидел там спятившего броненосца: он ходил восьмерками по клетке, бесконечно и строго по одной траектории. До сих пор слышу

металлический цокот его коготков по каменному полу. Говорят, все животные, которых держат в клетке, становятся такими, это форма приобретаемого ими психоза, и если потом их выпустить на волю, они не убегут, а будут выписывать те же самые кренделя, к каким привыкли в своих клетках. Так и ты — читаешь и читаешь один материал за другим и, прочитав двадцать статей, перестаешь понимать смысл прочитанного. А как подумаешь о том, сколько книг печатается за год, за месяц, даже за неделю, да это ж целая прорва! Слова… — Тут он наконец повернулся ко мне лицом, но странное дело, взгляд у него был пустой, несфокусированный, как будто он глядел на что-то у меня под кожей. — …Начинают утрачивать смысл.

Машины перешли в режим первого отжима, и барабаны завертелись с нарастающей скоростью, потом полилась новая порция воды для второго полоскания, и вещи в барабанах заплескались по новой. Он закурил еще одну сигарету.

— Я так понимаю, вы — студенты, — заметила я.

— Естественно, — печально ответил он. — Разве не ясно? Мы аспиранты. Факультет английского языка и литературы. Все трое. Иногда мне кажет-

ся, что все в городе такие, как мы. Мы настолько поглощены своими занятиями, что вообще никого не видим. Было так странно, когда ты третьего дня появилась у нас на пороге и оказалась не студенткой.

— А мне всегда казалось, что изучать литературу — это так увлекательно!

Вообще-то, мне не казалось, я просто пыталась поддержать беседу, но, еще не успев закрыть рот, осознала, как по-дурацки и по-девчачьи прозвучало мое замечание.

— Увлекательно! — фыркнул он. — Мне тоже так казалось. Это кажется увлекательным, если ты — многообещающий студент-энтузиаст. Все говорят: «Идите в аспирантуру, потом подзаработаете деньжат!», и ты идешь и думаешь: «Ну вот теперь я познаю истину». Но ты ровным счетом ни черта не узнаешь, а требования все возрастают и возрастают, и учеба становится все тухлее и тухлее, пока наконец не превращается в груду запятых и сносок мелким шрифтом, и очень скоро тебя ждет то же, что и везде: трясина, в которой ты увязаешь и не можешь вырваться, и тебя гложет одна мысль: как я умудрился сюда попасть? Если бы мы жили в Штатах, я мог бы найти себе оправдание, думая, что так смогу избе-

жать призыва в армию, а так, никакого разумного объяснения. И кроме того, все уже изучено, давным-давно описано, выловлено, и приходится выскребать днище пустой бочки вместе с аспирантами-долгожителями, с этими бедолагами, которые роются в старинных рукописях в поисках хоть чего-то нового, или как галерные рабы пыхтят над редким томом с малоизвестными сочинениями Джона Рёскина типа его писем-приглашений на ужин или театральных рецензий, или пытаются найти хоть какой-то смысл в опусах жалких графоманов, которых они выкопали на свалке литературной истории. Бедняга Фишер Смайт вымучивает диссертацию, сначала он хотел взять тему «Образ утробы у Д. Г. Лоуренса», но ему сказали, что это уже изучено. И сейчас он взялся за совсем уж безумную тему, которая, чем дальше он углубляется в нее, становится все более абсурдной… — Он замолчал.

— А о чем? — спросила я, желая его растормошить.

— Точно не знаю. Он даже не хочет с нами о ней говорить, ну, если только не надерется… Да никто не понимает, о чем он пишет. Вот почему он постоянно рвет свои записи на мелкие кусочки — перечитывает написанное, и сам ни черта

не понимает.

— А ты о чем пишешь? — Я даже вообразить не могла тему его диссертации.

— Я еще не дошел до этого рубежа. И не знаю, когда дойду и что тогда произойдет. Стараюсь об этом пока не думать. Пишу работу за позапрошлый год со скоростью одно предложение в день. Это в те дни, когда меня посещает вдохновение.

Машины издали громкие щелчки, перейдя в режим последнего отжима. Он угрюмо уставился на них.

— Тогда о чем твоя семестровая работа? — Я была заинтригована. И изменившимся выражением его лица, и его рассказом. Во всяком случае, мне не хотелось, чтобы он умолк.

— Да тебе же неинтересно, — ответил он. — Порнография у прерафаэлитов. Я и Бёрдслея тоже хочу взять.

— О! — В наступившей тишине мы попытались оценить возможную безнадежность его задачи. — Может быть, — с сомнением начала я, — ты не тем занимаешься. Может быть, тебе было бы интереснее заняться чем-то другим.

Он снова фыркнул и закашлялся.

— Мне надо бы бросить курить, — сказал он. — А *чем* еще я могу заняться? Когда ты уже залез

в это дело по уши, ты больше не годишься ни для чего другого. Что-то происходит с мозгами. У тебя слишком узкая специализация, и все это знают. Никто не рискнет взять тебя на работу в любой другой области. Я бы не смог хорошо рыть траншеи, потому что я сразу начну вгрызаться в канализационные сети, буду стараться рубить топором и извлекать из-под земли все эти хтонические символы — трубы, клапаны, фекальные отстойники… Нет-нет. Мне суждено вечно оставаться рабом в бумажных шахтах.

Мне нечего было ему возразить. Я посмотрела на него и попыталась представить себе его сотрудником «Сеймур сёрвейз» — даже в роли «мужчины наверху». Но безуспешно. Он явно не годился.

— Ты не местный? — спросила я наконец. Тема учебы в аспирантуре вроде бы была исчерпана.

— Конечно, все мы приезжие. Ведь никто тут не родился, так? Потому-то мы и получили эту квартиру. И так ясно, что мы бы не смогли снять ее за свой счет, а общежитий для аспирантов здесь нет. Если не считать это новое псевдобританское заведение с гербом на фасаде и монастырской стеной по периметру. Но *меня* бы туда никогда не пустили, да и в любом случае, жить там не лучше,

чем с Тревором. Тревор из Монреаля, семья вроде живет в Уэстмаунте[6], богатенькая. Но после войны им пришлось заняться коммерцией. У них фабрика по производству кокосового печенья, но у нас в квартире запрещено касаться этой темы. Это же бред какой-то: у нас горы кокосового печенья, мы его едим и делаем вид, что не знаем, откуда оно берется. Я терпеть не могу кокос. Фиш из Ванкувера, он скучает по морю. Ходит к озеру, забирается в воду, куда все городские предприятия сливают всякую дрянь, и пытается найти утешение, глядя на чаек и плавающие в озере грейпфрутовые корки, но ничего не помогает. Раньше они говорили с сильным акцентом, а теперь послушаешь их и не поймешь, откуда они. Попав в эту мозгорубку, ты через какое-то время теряешь местный говор.

— А ты сам откуда?

— Ты о моей малой родине никогда не слышала, — уклонился он от ответа.

Машины щелкнули и остановились. Мы вывалили выстиранную одежду в тележки и покатили их к сушильным машинам. Загрузив сушилки, вернулись на свои стулья. Смотреть теперь было

---

[6] Примечания: 6

Уэстмаунт — богатый пригород Монреаля.

не на что. Оставалось слушать шум вращающихся барабанов сушилок. Он закурил очередную сигарету.

В прачечную вошел бомжеватого вида старик, увидел нас и торопливо вышел. Наверное, искал место, где бы прилечь поспать.

— Все дело, — наконец нарушил он молчание, — в инерции. Никогда не знаешь, куда ты двигаешься. Тебя засасывает рутина. Ты захлебываешься в мелочах. На прошлой неделе я устроил в квартире пожар. Отчасти намеренно. Наверное, мне хотелось посмотреть, что они станут делать. А может, хотелось узнать, что буду делать я. Но по большому счету, просто ради разнообразия, чтобы полюбоваться пламенем и дымом. Но они его быстро потушили, а потом забегали как сумасшедшие восьмерками, ну в точности как два броненосца, и орали, что я спятил, и зачем я это устроил, и может, я не в силах выдержать эмоционального напряжения, и не сходить ли мне к психиатру. Но это не поможет. Я об этом знаю все, и помочь ничего не может. Эти ребята больше не в силах *убедить* меня ни в чем. Я слишком много про это знаю. Я и это уже испробовал. Они на меня не действуют. И пожар в квартире ни к чему не привел. Только теперь всякий раз, когда я

принюхиваюсь, Тревор вопит и выбегает во двор, а Фишер пытается найти статью про меня в своей хрестоматии по психиатрии для студентов-первокурсников. Они думают, что я сошел с ума. — Он бросил окурок на пол и, затушив его подошвой, добавил: — А я думаю, это они сошли с ума.

— Может быть, — осторожно предположила я, — тебе стоит съехать от них.

Он криво усмехнулся.

— А куда я подамся? Мне не по карману съем квартиры. Я там плотно застрял. К тому же они вроде как заботятся обо мне. — И он еще глубже втянул голову в плечи.

Я взглянула на его профиль — на высокую четко очерченную скулу, темную глазную впадину — и невольно восхитилась его взволнованным монологом, его откровенной исповедью: на такое я бы сама никогда не решилась. Мне это казалось безрассудным: как сырое яйцо, решившее вытечь из скорлупы: тут был риск растечься слишком широко и превратиться в бесформенную лужицу. Но судя по тому, как он сидел, сунув в рот новую сигарету, он вроде бы не ощущал никакой опасности.

Обдумывая с высоты времени эту ситуацию, я удивлялась своей бесстрастности. Беспокойство,

охватившее меня днем, улетучилось бесследно: я была умиротворена и безмятежна, как каменная луна, царящая над белизной прачечной. Я могла бы без труда протянуть руки, обнять это нахохлившееся нескладное тело и утешить его, нежно убаюкать. Вместе с тем в нем было нечто явно недетское, нечто, что выдавало в нем преждевременно постаревшего человека, настолько старого, что ему не помогло бы никакое утешение. И еще я подумала, вспомнив его двуличное поведение во время пивного интервью, что он вполне мог все это просто выдумать. А может, все так и было, но опять-таки он мог об этом рассказать, чтобы вызвать во мне материнское сочувствие — и он бы только хитро посмеялся надо мной и еще глубже спрятался в убежище своего свитера, не желая, чтобы его пожалели и приголубили.

Должно быть, он был оснащен неким научно-фантастическим суперчувствительным устройством — третьим глазом или локатором. Хотя он сидел, отвернувшись, и не видел моего лица, его голос произнес тихо и сухо:

— Сразу видно, тебе импонирует моя горячечная неуравновешенность. Я знаю, что она выглядит привлекательно, и я практикую та-

кое состояние: женщины любят инвалидов. Я пробуждаю в них Флоренс Найтингейл. Но будь осторожна. — Он скосил на меня хитроватый взгляд. — А не то совершишь разрушительную ошибку: голод сильнее любви. Вообще-то, Флоренс Найтингейл была людоедкой.

Моя безмятежность пошатнулась. Я почувствовала, как у меня по коже забегали мурашки подозрений. В чем именно он меня обвинял? Я беззащитна?

Я не могла найти нужных слов.

Сушилки перестали урчать. Я встала со стула.

— Спасибо за порошок, — произнесла я подчеркнуто учтиво.

Он тоже встал. Опять на его лице появилось выражение полного безразличия.

— Не за что.

Мы стояли рядом, молча доставая из барабанов высушенную одежду и засовывая ее в свои мешки. Потом взвалили их за спину и зашагали к двери. У выхода я задержалась, но он не выказал намерения открыть мне дверь, и я распахнула ее сама.

Оказавшись на улице, мы одновременно развернулись и едва не столкнулись. С минуту мы стояли в нерешительности друг перед другом, оба

начали что-то говорить и оба осеклись. А потом, словно кто-то дернул за рычаг, уронили свои мешки на тротуар и шагнули навстречу. В следующий миг я уже целовала его или он целовал меня — до сих пор не пойму. Я ощутила табачный вкус его рта. Было ощущение хрупкости и сухости, словно тело, которое я обнимала, и его лицо, прижатое к моему, сделаны из пергамента, натянутого на проволочные плечики для одежды, никаких других ощущений я уже и не помню.

Мы перестали целоваться и одновременно отшатнулись. И потом еще какое-то время разглядывали друг друга. После чего молча подняли мешки с чистой одеждой и, закинув их за спину, развернулись и отправились восвояси в противоположных направлениях. Наши действия напоминали дерганые движения лап пластиковых собачек на магнитах, которых мне в детстве часто вручали на разных конкурсах.

Не помню, как я доехала до квартиры, вот только в автобусе мое внимание привлекла реклама, изображавшая медсестру в белой шапочке и белом халате. У нее было румяное лицо, в руке она держала бутылочку и улыбалась с видом знатока. Надпись на плакате гласила: ПОДАРИ ЖИЗНЬ!

12

Ну вот. Я сижу на кровати в своей спальне, за плотно закрытой дверью, окна распахнуты. Сегодня День труда[7], и так же прохладно и солнечно, как и вчера. Так странно, что не надо идти утром в офис. Шоссе за городом с самого утра забиты транспортом: люди после выходных уже начали возвращаться из летних коттеджей, чтобы не попасть в вечерний час пик. К пяти часам транспортный поток начнет ползти по-черепашьи, и сквозь серое марево выхлопных газов будет тускло мерцать солнечный диск над растянувшейся на многие мили металлической рекой, урчащей моторами и хнычущими детьми. Но здесь у меня, как всегда, тишина да покой.

Эйнсли на кухне. Сегодня я ее, можно сказать, и не видела. Я слышу ее шаги за дверью, она бродит там и что-то мурлычет себе под нос. Я не рискую открыть дверь. В наших отношениях что-то изменилось, и я пока не могу понять что, но точно знаю, что теперь мне будет трудно с ней говорить.

---

[7] Примечания: 7
В Канаде отмечается в первый понедельник сентября.

Казалось, что пятница была очень давно, так много событий произошло с тех пор. Я все это хорошенько обдумала и поняла, что вела себя очень благоразумно, что не было очевидно в том момент. Подсознание торопливо бежало впереди сознания, а у подсознательного своя логика. Моя манера поведения, может быть, несколько противоречила моему характеру, но результаты ему вполне соответствовали. Принятое мной решение было, конечно, немного неожиданным, но теперь, хорошо его обдумав, я пришла к выводу, что на самом деле сделала важный шаг в верном направлении. Конечно, я всегда предполагала, и в старших классах школы, и в колледже, что когда-нибудь я, как все, выйду замуж и рожу детей. Двоих или четверых. Три — плохое число, и я не одобряю одного ребенка в семье: такие дети растут избалованными. У меня никогда не было таких дурацких мыслей относительно брака, как у Эйнсли. Она противница брачных союзов в принципе, но в жизни важно не придерживаться принципов, а приспосабливаться к ситуации. Как выразился Питер, нельзя порхать до бесконечности; не живущие в браке люди, достигнув среднего возраста, становятся неприкаянными чудаками или ворчунами. Я это поняла, повидав

немало подобных типов у нас в офисе. И хотя уверена, что мысль о замужестве незаметно сидела у меня в подсознании, я и подумать не могла, что это случится так скоро и именно таким образом. И конечно, я была привязана к Питеру куда крепче, чем могла бы себе признаться.

И нет никакой причины, по которой наш брак мог бы превратиться в подобие брака Клары. В их семье ни он, ни она понятия не имеют, каким образом управлять надежным крепким браком. Тут многое зависит от элементарных материальных вещей — мебели и еды, порядка в доме. Но мы с Питером сумеем разумно организовать семейный быт. Хотя, конечно, многие мелочи придется учитывать по ходу дела. Если подумать, Питер — просто идеальный выбор. Он привлекателен, он стремится к успеху, и еще он аккуратен, а это важное обстоятельство, если ты собираешься жить с кем-то под одной крышей.

Могу себе представить физиономии наших офисных девиц и дам, когда я им сообщу свою новость. Но пока им еще рано говорить, мне надо сохранять эту работу как можно дольше. Пока Питер не закончит стажировку, нам понадобятся деньги. Наверное, сначала нам придется снимать квартиру, но позже мы сможем переехать в дом,

уже наш собственный: вот где надо будет поддерживать чистоту и порядок.

Тем временем мне следует заняться чем-то конструктивным, а не сидеть сиднем. Прежде всего нужно трезвым взглядом перечитать мой пивной опросник и продумать отчет по его результатам, чтобы завтра утром на работе напечатать его на машинке — и забыть.

Потом, наверное, стоит вымыть голову. И прибраться в комнате. Обследую все ящики в платяном шкафу и выброшу оттуда весь лишний хлам; кроме того, в стенном шкафу висят платья, которые я почти не ношу? — от них тоже можно избавиться. Отнесу их в приемный пункт Армии спасения. Еще у меня скопилось полно бижутерии — дешевые украшения обычно дарят родственники на Рождество: заколки «под золото» в виде собачек и букетиков с вкрапленными стеклышками вместо глаз и лепестков. Еще есть картонная коробка с книгами, в основном учебниками, и письмами из дома, которые я уж точно не стану перечитывать, пара древних кукол — память о детстве. У самой старой куклы тряпичное туловище набито опилками (я знаю, потому что однажды сделала ей полостную операцию маникюрными ножницами), а руки, ноги

и голова сделаны из твердого материала вроде дерева. Пальцы на ее руках и ногах почти все отгрызены, волосы черные и короткие, несколько клочковатых кудряшек торчат из марлевой основы, почти совсем отклеившейся от черепа. Лицо куклы стало неузнаваемым, но на нем все еще виден открытый рот, бархатный красный язык внутри и два ряда фарфоровых зубов, которые всегда приводили меня в восторг. Одежда куклы сделана из куска старой простынки. Помню, я оставляла ей на ночь немного еды и утром была очень разочарована, видя, что она к ней не притронулась. Другая кукла поновее — у нее длинные светлые волосы, которые можно мыть, и скользкая каучуковая кожа. Я попросила ее на Рождество, потому что ее можно было купать. Обе уже утратили былую привлекательность, и я со спокойной душой могла их выбросить вместе с прочим барахлом.

Я все еще не могу понять, что нашло на того парня в прачечной, или объяснить мое собственное поведение. Может, это было своего рода наваждение, провал сознания вроде приступа амнезии. Но вряд ли я увижу его еще когда-нибудь — я даже имени его не знаю, — и в любом случае он никакого отношения не имеет к Питеру.

После того как я приберусь в комнате, надо будет написать домой. Они обрадуются — ведь так давно этого ждали. Пригласят нас обоих приехать в гости на выходные — и как можно скорее. Я, кстати, еще не знакома с родителями Питера.

Через минуту я встану с кровати и пройду по солнечной лужице на полу. Я не могу себе позволить пробездельничать остаток дня, хотя это приятно — просто сидеть в тихой комнате, глядеть на пустой потолок, уткнувшись спиной в прохладную стену и свесив ноги через край кровати. Ощущение почти такое же, как бывает на надувном матрасе, когда, покачиваясь на волнах, смотришь в ясное небо над головой.

Надо собраться. У меня масса дел.

Часть вторая

13

Мэриен с безучастным видом сидела за офисным столом. Она рисовала в блокноте. Нарисовала стрелу с маленькими перышками, а потом решетку. Ей дали задание придумать опросник для маркетингового интервью о сменных бритвенных лезвиях, и она уже дошла до момента, когда интервьюер должен предложить своей жертве обменять использованное лезвие на новое. На этом пункте работа застопорилась. Теперь она придумывала заковыристый сюжет: президент компании по изготовлению бритвенных лезвий обладал чудодейственным лезвием, которое в его семье передавалось из поколения в поколение и которое не только самозатачивалось после очередного использования, но и выполняло любое желание владельца после каждого тринадцатого бритья… Президент, однако, не слишком бережно хранил это фамильное сокровище. Однажды он забыл убрать его в обитый бархатом футляр и оставил лежать на полочке в ванной, и одна из горничных, желая выказать свое прилежание и рвение… (что произошло дальше, было довольно запутанно: это волшебное лезвие каким-то обра-

зом оказалось в комиссионном магазине, где его приобрел ничего не подозревающий покупатель и…). Президенту в тот день срочно понадобились деньги. И он стал торопливо бриться каждые три часа, чтобы побыстрее дойти до тринадцатого бритья, но каково же было его удивление, когда… Выяснив, что произошло, он приказал бросить провинившуюся горничную в колодец, полный использованных бритвенных лезвий, а сам направил в город армию частных детективов-женщин, притворявшихся сотрудницами маркетинговой службы «Сеймур сёрвейз», которые сверлили взглядом всех и каждого, мужчин и женщин, и, заметив у кого-то на лице поросль, кричали: «Новые бритвенные лезвия в обмен на старые!» — в отчаянной попытке установить приобретателя бесценной бритвы…

Мэриен вздохнула, нарисовала в углу покрытого каракулями листка маленького паучка и вернулась к своей машинке. Она напечатала без изменений абзац из рукописного варианта опросника — «Мы хотим изучить состояние вашего бритвенного лезвия. Отдайте нам лезвие, которое в настоящий момент вставлено в ваш станок. Взамен мы даем вам это лезвие» — добавив только «Будьте любезны» перед «отдайте». Она не

смогла перефразировать просьбу так, чтобы она не звучала странно, но по крайней мере ее можно было сделать более вежливой.

В офисе сегодня был переполох. Тут всегда либо царили шум и гам, либо стояла мертвая тишина, и вообще-то Мэриен отдавала предпочтение первому. Ведь в таких условиях она могла меньше работать: все носились по офису и наперебой вопили, и ни у кого просто не было возможности заглядывать ей через плечо и высматривать, чем она занята. У нее даже возникало ощущение сопричастности: раз или два она позволила себе проникнуться всеобщим безумием и даже с удивлением обнаружила, насколько это забавно. Но после помолвки, зная, что не будет сидеть в этом офисе до скончания века (они это обсудили, и Питер сказал, что, конечно, она может продолжать работать и после свадьбы, если ей хочется, по крайней мере какое-то время, хотя по сугубо финансовым соображением в этом не было необходимости — он считал бесчестным жениться, будучи не в состоянии обеспечить жену, но она решила работать), она могла абстрагироваться от всеобщего безумия и взглянуть на своих коллег со стороны. Более того, она поняла, что просто не в состоянии оставаться с ними на одной волне,

даже если ей этого и хотелось. В последнее время ее нередко хвалили за способность сохранять спокойствие в авральных ситуациях.

— Какое счастье, что у нас есть Мэриен, — говорили ее коллеги, успокаивая себя чашкой чая и, тяжело дыша, отирая вспотевшие лбы влажными салфетками. — Она *всегда* держит себя в руках. Ведь так, дорогая?

«Сейчас, — подумала Мэриен, — они носятся по офису, точно стадо броненосцев в зоопарке». Броненосцы на мгновение заставили ее вспомнить о парне в прачечной самообслуживания, которого она с тех пор не видела, хотя уже несколько раз ходила туда со смутной надеждой встретить его. Что не удивительно: он явно страдал нервным расстройством и вполне мог загреметь в какую-нибудь психушку…

Она проследила взглядом за Эмми, которая метнулась к картотеке и начала лихорадочно рыться в папках. На этот раз все занимались общенациональным опросом о гигиенических прокладках, и кто-то на Западе допустил жуткий ляп. Нужно было провести, как они выражались, «три волны» маркетинговых исследований: первую — путем рассылки предварительных писем с целью набрать массив респондентов, желающих

участвовать в будущих индивидуальных опросах второй и третьей волны, когда предполагалось в ходе личных интервью задавать более конкретные вопросы. И, как надеялась Мэриен, за закрытыми дверями. Все исследования и особенно некоторые планируемые вопросы казались ей серьезным испытанием профессионального хладнокровия, хотя Люси во время перерыва на кофе отметила, что в наше время в этом нет ничего предосудительного, ведь прокладки — вполне респектабельный продукт, который можно купить в любом супермаркете и рекламу которого печатают в лучших журналах страны, и как здорово, что наконец-то об этом решили заговорить в открытую, отказавшись от стыдливости и викторианского ханжества. Милли, само собой, заявила, что это, конечно, просвещенная точка зрения, но подобные опросы всегда проходят со скрипом, потому что приходится не только уламывать людей, открывших тебе дверь, отвечать, но и прилагать неимоверные усилия, чтобы найти интервьюеров, которые согласились бы задавать такие вопросы: многие, особенно в маленьких городках, придерживались устаревших взглядов, а кое-кто даже увольнялся, когда их просили проводить такие опросы (сложности

всегда возникали с домохозяйками, которым и деньги-то не очень были нужны, им быстро наскучивало это занятие, или они уставали, или беременели и увольнялись, так что приходилось им на замену нанимать новых интервьюеров и обучать с нуля), а самое лучшее было рассылать им стандартные официальные письма на бланке и призывать внести свой неоценимый вклад в благо всех женщин мира — то есть, размышляла Мэриен, попытаться воззвать к образу сердобольной и благородной сиделки, таящемуся в душе всякой истинной женщины.

Но на сей раз случилось непоправимое. В западной части страны, кто бы там ни отбирал по местной телефонной книге будущих респонденток, которых должна была охватить первая волна опроса (а *кто* же там этим занимался? Миссис Лич из Фоум-Ривера? Миссис Хэтчер из Уотруса? Никто уже и не помнил, и как предположила Эмми, там просто перепутали папки), сделал свою работу не слишком прилежно. Вместо ожидаемой лавины ответов по почте пришло лишь несколько заполненных опросников. Милли и Люси теперь их изучали, сидя напротив Мэриен, и пытались разобраться, что же пошло не так.

— Ясен пень, кто-то из них обратился к муж-

чинам! — фыркнула Милли. — Вот опросник с пометкой «Хи-хи!» от мистера Лесли[8] Эндрюса.

— Вот чего я никак не пойму: некоторые опросники вернулись от женщин, которые отметили квадратик «НЕТ» в каждом варианте ответов. *Чем* же они, интересно знать, пользуются? — желчно воскликнула Люси.

— Ну, вот этой даме за восемьдесят.

— А эта пишет, что на протяжении семи лет кряду была постоянно беременна.

— Не может быть! Бедняжка! — завздыхала Эмми, которая слушала их разговор. — Она же себе здоровье угробит.

— Уверена: эта старая дура миссис Лич — или миссис Хэтчер, да неважно кто, — опять послала опросники в индейские резервации, — хмыкнула Люси. — А я же ее *предупреждала*: не делайте так! Одному богу известно, чем они там пользуются.

— Мхом, — уверенно отозвалась Милли. Это было уже не в первый раз, когда на Западе допустили серьезную ошибку. Она еще раз перебрала стопку опросников. — Нам придется провести опрос заново. Клиент нас по головке не погладит. Все наши данные можно выбросить в мусорку, и

---

[8] Примечания: 8
В английском языке это и мужское и женское имя.

я даже не хочу думать про сроки сдачи.

Мэриен взглянула на офисные часы. Скоро обеденный перерыв. Она нарисовала череду лун в разных фазах: несколько лунных серпов, несколько полных дисков, потом несколько лунных серпов, обращенных в другую сторону, а потом ничего — новолуние. Для красоты в одном лунном серпе она пририсовала звездочку. Она установила точное время на наручных часиках, которые отставали от офисных всего на две минуты, и завела их — Питер подарил ей эти часы на день рождения. Потом напечатала очередной вопрос. Она проголодалась и подумала почему — уж не потому ли, что пришло время обеда? Она встала из-за стола, пару раз крутанула свое офисное кресло, чтобы поднять сиденье повыше, снова села и напечатала еще один вопрос; она устала, жутко устала манипулировать словами. Наконец, уже не в силах высидеть за столом перед пишущей машинкой ни минутой больше, она громко объявила:

— Давайте сходим пообедаем.

— Ну… — с сомнением протянула Милли, взглянув на часы. Она все еще тешила себя иллюзорной надеждой *исправит*ь ситуацию с заваленным опросом на Западе.

— Да, давай, — согласилась Люси. — А то я свихнусь. Мне надо срочно выйти на воздух. — Она двинулась к вешалке. Эмми пошла следом. Милли, заметив, что остальные уже одеваются, неохотно отложила стопку опросников.

На улице дул холодный ветер. Девушки подняли воротники и плотно запахнули пальто на груди, прижав к шее руки в перчатках. Они торопливо шагали двумя парами мимо других спешащих на обед офисных работников; их каблучки звонко цокали по голому тротуару: снег еще не выпал. Сегодня им пришлось идти дольше обычного: Люси предложила сходить в более дорогой ресторан, чем та забегаловка, куда они обычно ходили, и ощущая острый голод, вызванный проблемой неудачного опроса, все согласились.

— О-о-о-о! — взвыла Эмми под порывами кусачего ветра. — Я не переношу такую погоду. У меня кожа сохнет и шелушится! — Но в дождь у нее болели ноги, а на ярком солнце слезились глаза или кружилась голова и вылезали веснушки. В спокойную погоду, теплую и пасмурную, ее мучили приливы крови к лицу и кашель.

— Самое лучшее средство — кольдкрем, — со знанием дела сообщила Милли. — У моей бабули

тоже была сухая кожа, и это ее спасало.

— Но я слыхала, от него вылезают прыщи, — пожаловалась Эмми.

Ресторан был оформлен в претенциозном стиле тюдоровской Англии — с мягкими кожаными стульями и открытыми потолочными балками. После недолгого ожидания в дверях они в сопровождении девушки-администратора в черном шелковом костюме прошли к свободному столику. Сняв пальто, расселись. Мэриен заметила, что на Люси новое платье — строгое, темно-лиловое, из плотного трикотажа, с яркой серебряной заколкой у выреза. Так вот почему ей захотелось сегодня прийти сюда, поняла Мэриен.

Внимательные глаза Люси скользили из-под длинных ресниц по сидящим за соседними столиками — в большинстве это были бизнесмены с безучастными лицами, которые жадно поглощали еду и торопливо ее запивали, чтобы как можно скорее покончить с обеденным перерывом и вернуться в свои офисы, заработать еще немного денег, побыстрее дотянуть до конца рабочего дня и разъехаться по домам, к женам и детям, к семейным ужинам, и как можно быстрее разделаться со всем этим тоже. Глаза Люси накрасила лиловыми тенями, в тон платью, на губах была

светло-лиловая помада. Элегантна, как всегда. В последние два месяца Люси посещала все более дорогие места (Мэриен недоумевала, как она могла себе это позволить). Она прокладывала себе путь и появлялась, точно переливающаяся всеми цветами радуги блесна с десятком крючков, в столь же блестящих заведениях подобные этому — фешенебельных ресторанах и коктейль-барах, обставленных горшками с рододендронами, куда, как можно ожидать, забредают многообещающие мужчины, хищные, как щуки, но с большим матримониальным потенциалом. Правда, подходящие особи не клевали, уплывали охотиться в другие места или же попадались на совсем другие приманки — неприметную пластиковую побрякушку, простенькую латунную безделушку или же на еще более богато украшенную блесну, тягаться с которой Люси уже не могла. В этом ресторане и в других таких же не было смысла рисоваться в роскошных платьях и строить глазки стайкам клоунов, которым не было никакого дела до лиловых красоток.

Подошла официантка. Милли заказала пирог с говядиной и почками — нормальный сытный обед. Эмми заказала салат с творожным сыром, который собиралась запить таблетками — ро-

зовой, белой и оранжевой, — выложенными на столе рядом со стаканом воды. Люси суетилась, пыхтела, несколько раз меняла решение и наконец заказала омлет. А Мэриен удивила себя. В офисе она не могла дождаться обеда, была готова слопать три порции, а теперь вдруг чувство голода прошло. И она взяла себе простой сэндвич с сыром.

— Как Питер? — поинтересовалась Люси.

До этого она поковыряла вилкой свой омлет и посетовала, что он как резиновый. Ее заинтересовал Питер. Он в последнее время привык звонить Мэриен в офис, рассказывал, что успел сделать за день и какие у него планы на вечер, а если Мэриен не оказывалось на месте, то оставлял ей сообщения через Люси, потому что у Люси и Мэриен был общий номер. Люси говорила, что он ужасно вежливый и что у него интригующий голос.

Мэриен наблюдала, как Милли поглощает свой мясной пирог: она ела, методично отправляя в рот кусок за куском, как будто складывала вещи в чемодан.

Наверное, покончив с пирогом, она скажет — или должна сказать: «Ну вот, все аккуратно уложено», — и закроет рот, как крышку чемодана.

— Он в порядке, — коротко ответила Мэриен.

Они с Питером договорились, что она пока не станет рассказывать коллегам об их решении. Вот она все тянула и тянула, день за днем, но теперь Люси, задав вопрос, словно дернула ее за язык: ей захотелось огорошить их новостью — и она не смогла удержаться. Пусть, рассудила она, девчонки поймут, что в жизни еще есть на что надеяться.

— Мне надо вам кое-что сказать, — произнесла она. — Но пока что об этом лучше никому не знать.

Мэриен дождалась, когда три пары глаз оторвутся от тарелок и сосредоточатся на ней, и объявила:

— Мы помолвлены.

Она широко улыбнулась и заметила, как поменялось выражение их глаз: любопытство сменилось смятением. Люси выронила вилку и выдохнула:

— Нет! — И поспешно добавила: — Это просто чудесно!

Милли:

— О! Просто здорово!

Эмми торопливо проглотила очередную таблетку.

Потом посыпались возбужденные вопросы, на которые Мэриен спокойно отвечала, выдавая им кусочки информации, как детям раздают конфетки: понемногу, не все сразу, иначе девицам станет плохо. Радостное ликование, которое, как она полагала, должно было вызвать ее объявление, оказалось, во всяком случае для нее, недолгим. Как только прошел первый шок, разговор снова стал отвлеченным и безличным, как вопросы в маркетинговом опроснике: их интересовали подробности свадьбы, будущее жилье, посуда, что им подарят, что она наденет.

Наконец Люси спросила:

— Мне всегда казалось, что он убежденный холостяк — ты сама так говорила. И как же тебе удалось его заарканить?

Мэриен перевела взгляд от внезапно ставших несчастными лиц коллег, с нетерпением ждавших ее ответа, на сложенные крест-накрест в тарелках ножи и вилки.

— Честно говоря, сама не знаю, — проговорила она, стараясь надлежащим образом изобразить скромную невесту.

Она и правда не знала. Она уже пожалела, что разоткровенничалась, эффектно доложив им о свершившемся факте, но не подумав о его убеди-

тельном обосновании.

Почти сразу же после того, как они вернулись с обеда, позвонил Питер. Люси передала трубку Мэриен, шепнув:

— Твой! — немного оробев от присутствия на другом конце провода настоящего будущего жениха.

Заговорив в трубку, Мэриен почувствовала, как зашевелился воздух от поворота трех светловолосых голов и от навострившихся трех пар ушей.

Питер был, как всегда, лаконичен.

— Привет, милая! Как ты? Слушай, сегодня я не смогу. Неожиданно поступило дело, довольно крупное, мне надо над ним поработать.

Он говорил таким тоном, словно обвинял ее в том, что она мешает ему работать, и ее это покоробило. Она вообще не планировала увидеться с ним посреди недели, но он сам ей позвонил накануне и предложил поужинать, и она намеревалась провести с ним сегодняшний вечер.

— Нестрашно, дорогой, — ответила Мэриен довольно резко. — Но было бы неплохо, если бы я узнавала об изменившихся планах не в последнюю минуту.

— Я же сказал: дело пришло *неожиданно*, — раздраженно заметил Питер.

— Ну, не надо так кипятиться!

— Я не кипячусь, — злобно отрезал он. — Ты же знаешь, я очень хочу тебя увидеть, но и ты должна понять… — И далее весь их разговор свелся к взаимным уступкам и извинениям.

«Надо учиться достигать компромисса, — подумала Мэриен, — и прямо сейчас, не откладывая». И сделала шаг в этом направлении:

— Тогда завтра?

— Послушай, милая, я, правда, пока не знаю. Сама понимаешь, все будет зависеть от того, как пойдет дело. Я дам тебе знать, ладно?

Произнеся «пока!» сладким голосом для любопытных ушей и положив трубку, Мэриен почувствовала ужасную усталость. Надо бы последить за своим языком в разговорах с Питером и обходиться с ним более бережно, на работе у него сейчас явно напряженно…

— Что-то я становлюсь бесчувственной, — упрекнула она себя, повернувшись к пишущей машинке.

Закончив составлять опросник о бритвенных лезвиях, она перешла к другому проекту: нужно было написать инструкции для тестирования нового продукта — сухого собачьего корма, и тут телефон снова зазвонил. Это был Джо Бейтс.

Мэриен подсознательно ждала его звонка. Она поприветствовала Джо с наигранным энтузиазмом: в последнее время она беспардонно уклонялась от обязательств перед подругой, не принимая приглашений прийти к Бейтсам на ужин, хотя Клара очень хотела ее видеть. Ее беременность затянулась сначала на неделю дольше положенного, потом на две, и Клара жаловалась по телефону, что постепенно превращается в гигантский тыквообразный плод.

— Я едва могу встать, — хныкала она.

Но Мэриен просто не могла посвятить еще один вечер разглядыванию вздувшегося живота Клары и обсуждению загадочных внутренних процессов. В прошлый раз в попытке разрядить обстановку она пыталась весело отшутиться явно невеселыми шутками: «Может, у младенца три головы!» или «А может, там у тебя и не ребенок вовсе, а какой-то паразитический нарост, вроде древесного гриба, или пупочной бородавки, или гигантской мозоли…»

После того вечера она сочла, что ее визиты наносят Кларе моральный урон, и решила вообще к ней не ходить. И в порыве заботливости, вызванной чувством вины, в тот раз взяла с Джо обещание, что он сразу ей сообщит, если будут

какие-то новости, и даже героически предложила посидеть с остальными детьми в случае необходимости; и теперь в трубке звучал его бодрый голос:

— Слава богу, все позади. Это тоже девочка, десять фунтов семь унций[9], я ее отвез в больницу сегодня в два часа ночи. Мы боялись, что она родит прямо в такси.

— Это просто замечательно! — воскликнула Мэриен и добавила несколько стандартных для такой ситуации вопросов и поздравлений. Она узнала у Джо номер палаты и время посещений и записала все это в блокнотике. — Передай, что я заеду к ней завтра.

Она подумала, что теперь, когда Клара наконец-то сдулась до своего нормального размера, с ней легко можно поболтать, и ей больше не будет казаться, что она обращается к раздувшейся горе плоти с крошечной головкой; к муравьиной матке, на которой лежит тяжкое бремя всего муравьиного сообщества; к получеловеческому существу, в котором, как ей иногда чудилось, таится ватага разных людей, совершенно ей незнакомых. Она решила, под влиянием мимо-

---

[9] Примечания: 9
Приблизительно 4700 г.

летного чувства, купить ей букет роз — в знак возвращения настоящей Клары, снова вступившей в безраздельное владение своим хрупким телом.

Мэриен вернула телефонную трубку на место и откинулась на спинку кресла. Секундная стрелка настенных часов медленно бежала по кругу под стрекот пишущих машинок и цокот каблуков. Она ощущала, как время кружит незаметно вокруг нее, вокруг ее ног, вокруг ее тела, поднимает его из офисного кресла и несет медленно и неумолимо с неотвратимостью стекающего вниз по горному склону ручья к уже не столь далекому дню, который они вместе выбрали, — в конце марта? — когда закончится нынешняя фаза ее жизни и начнется новая. Где-то кто-то согласовывал все необходимые процедуры: родственники энергично договаривались заняться то тем, то другим, так что ей не о чем было беспокоиться. Она отдалась во власть потока, она доверилась ему, зная, что он вынесет ее куда нужно. Теперь надо было только пережить тот важный день, это будет веха, которую надо установить на берегу, или дерево, не слишком отличное от прочих, кроме того, что оно будет поставлено в определенном месте, не ближе и не дальше, с той лишь

целью, чтобы отмерить пройденную дистанцию. Ей хотелось миновать это дерево как можно скорее. И чтобы убыстрить бег секундной стрелки, она допечатала до конца опросник о сухом собачьем корме.

К концу дня миссис Богé вылезла из своей стеклянной норки. Вздернутые вверх брови и все ее лицо изображали крайнюю степень ужаса, но взгляд, как обычно, был совершенно спокоен.

— Боже ты мой! — обратилась она ко всем присутствующим — в этом заключалась ее принципиальная политика управления коллективом в периоды несерьезных производственных кризисов. — Ну и денек! У нас не только проблемы на Западе, но и новые неприятности с этим ужасным «любителем женского белья»!

— Опять этот мерзкий тип! — воскликнула Люси, с отвращением наморщив свой напудренный носик.

— Да, — подтвердила миссис Богé. — И это удручает.

Она сжала ладони вместе и потрясла ими в воздухе, изобразив женское отчаяние. Сама-то она явно не была удручена.

— Похоже, он теперь стал действовать в при-

городах, а именно — в Этобико[10]. Мне сегодня оттуда звонили две дамы и жаловались. Он, вероятно, обычный и даже приятный человек, совершенно безвредный, но для репутации компании это очень плохо.

— А что он делает? — спросила Мэриен. Она раньше никогда не слышала про «любителя женского белья».

— Он из тех, кто названивает женщинам по телефону и говорит всякие гадости, — сообщила Люси. — Он и в прошлом году так делал.

— Беда в том, — скорбно продолжала миссис Богé, все еще сжимая руки перед собой, — что он представляется им сотрудником нашей компании. Как я слышала, у него располагающий голос. Очень официальный. Он говорит, что проводит опрос о нижнем белье, и я так думаю, что первые вопросы, которые он задает, звучат весьма правдоподобно. Называет бренды, виды белья, размеры и тому подобное. А потом начинает задавать все более интимные вопросы, женщинам это не нравится, и они бросают трубку. Ну и, конечно, они звонят нам с жалобами и даже обвиняют нас в предосудительном поведении, прежде чем я

---

[10] Примечания: 10

Этобико — западный пригород Торонто.

успеваю заверить их, что он у нас не работает и что интервьюеры нашей компании никогда не задают непристойных вопросов. Надо бы этого пакостника поймать и потребовать, чтобы он прекратил свои звонки, но его, разумеется, очень трудно отследить.

— Интересно, зачем он этим занимается? — подумала вслух Мэриен.

— Наверное, он сексуальный маньяк, — предположила Люси, нервно передернув лиловыми плечиками.

Миссис Богé нахмурилась и покачала головой.

— Но все говорят, что он очень *милый*. Вполне нормальный, даже интеллигентный. Не то что те жуткие типы, которые звонят и дышат в трубку.

— А может быть, это только доказывает, что среди сексуальных маньяков попадаются нормальные милые люди, — шепнула Мэриен Люси, когда миссис Богé вернулась к себе в закуток.

Надев пальто и выйдя из офиса, Мэриен прошла по коридору к лифту и спустилась в душной кабине на первый этаж. Ее мысли все еще вертелись вокруг «любителя женского белья». Она представила себе его интеллигентное лицо, его вежливые обходительные манеры, которыми он напоминал старомодного страхового агента

или гробовщика. Ей было любопытно, что за интимные вопросы он задавал и что бы она ему ответила, если бы он позвонил *ей* («А, вы, должно быть, «любитель женского белья»? Много о вас слышала… Думаю, у нас есть общие знакомые»). Она представила его себе: деловой костюм и строгий галстук с диагональными коричневыми и бордовыми полосками, начищенные до блеска ботинки. Возможно, его нормальный мозг свихнулся от рекламы корсета в автобусе — то есть он был жертвой общества. Общество тычет ему в глаза этими стройненькими, похожими на резиновых кукол, женщинами, настойчиво, даже навязчиво, предлагая любоваться их инструментами обольщения, а затем отказывается предоставить их ему в пользование. Решив купить один из таких аксессуаров, он обнаружил, что к нему не прилагается обещанное содержимое. Но вместо того чтобы рассердиться и метать громы и молнии в пустоту, он стоически пережил свое разочарование и решил, как и подобает здравомыслящему неглупому мужчине, отправиться на поиски своего облаченного в разрекламированное белье идеала женственности, который он так страстно возжелал, использовав для этого подручное средство телефонной коммуникации,

предложенное обществом. Вполне справедливый обмен: ведь общество было перед ним в долгу.

Когда она вышла из здания на улицу, в голову ей пришла новая мысль. А вдруг это Питер! Он вполне мог выбежать из своей адвокатской конторы в ближайший телефон-автомат и начать обзванивать домохозяек в Этобико. Так он выражал свой протест — против чего? Маркетинговых опросов? Домохозяек в Этобико? Галантерейных стимуляторов похоти? Или против жестокого мира, заключившего его в оковы неумолимых юридических обязательств и не позволяющего ему поужинать с ней? Ну конечно: он же у нее узнал название ее маркетинговой компании и смог все выяснить о процедуре официальных телефонных опросов. Возможно, это и было его истинное «я» — тот самый глубинный Питер, кто в последнее время занимал все ее мысли. Возможно, это именно то, что таилось глубоко в нем, скрывалось под маской, под многими масками. Та тайная личность, которая, вопреки ее догадкам и малоудачным попыткам распознать, так и осталась непостижимой: Питер — он-то и есть «любитель женского белья»!

14

Первое, что увидела Мэриен, когда ее голова, точно перископ подводной лодки, поднялась над ступеньками их лестницы, были голые ноги. Над ними возвышалась Эйнсли, которая стояла, полуодетая, на крошечной площадке перед их дверью и глядела на нее — и на ее обычно ничего не выражающем лице мелькали почти неуловимые тени удивления и недовольства.

— Приветик, а я думала, ты сегодня ужинаешь с Питером. — И она бросила укоризненный взгляд на пакет с купленной по дороге едой.

Прежде чем ответить, Мэриен преодолела последние ступеньки.

— Так планировалось, но все сорвалось. У Питера в офисе случился аврал.

Она отправилась на кухоньку и вывалила содержимое пакета на стол. Эйнсли последовала за ней и уселась на стул.

— Мэриен — театрально воскликнула она. — Это должно произойти сегодня вечером!

— Что произойти? — устало спросила Мэриен, ставя пакет молока в холодильник. Она даже не слушала.

— Это самое. С Леонардом. Ну, ты понимаешь.

Мэриен была настолько поглощена своими мыслями, что не сразу поняла, о чем говорит Эйнсли.

— Ах, это… — Задумавшись, она скинула пальто.

Она как-то не особенно следила за успехом развернутой Эйнсли кампании (или кампанию развернул Леонард?) в последние пару месяцев — не хотелось марать руки, — но ей вполне хватало отчетов, выводов и жалоб самой Эйнсли, чтобы быть в курсе событий на этом фронте; в конце концов, как бы ты ни старалась сохранять руки в чистоте, уши-то у тебя есть. Все шло не по плану. Похоже, Эйнсли перегнула палку. На первом свидании она усиленно корчила из себя малолетку-недотрогу, и Лен, получив от нее тогда решительный от ворот поворот, решил, что тут потребуется длительная и неспешная осада. Мол, если действовать нахрапом, чересчур жестко, девочку можно вспугнуть, а ее надо ласково и осторожно заманивать в западню. Соответственно, он несколько раз приглашал ее на обед, потом, постепенно, походы в ресторан сдвинулись на вечер, затем наступила фаза вечерних киносеансов, и во время одного просмотра ино-

странного фильма Лен наконец взял ее за руку. А однажды даже пригласил ее к себе в офис, на дневной чай. Позднее Эйнсли заявила, несколько раз истово поклявшись, что он вел себя с образцовой пристойностью. Ранее она ему призналась, что не пьет вообще, так что ей не удалось даже ни разу притвориться, будто Лен ее напоил. Он разговаривал с ней как с малолеткой, терпеливо объясняя ей всякие вещи и стараясь произвести на нее впечатление занимательными историями о работе на телестудии, и при этом всячески ее убеждал, что интересуется ею всего лишь как старший товарищ, желающий ей только добра, отчего Эйнсли хотелось истошно визжать. И ей нечего было сказать в ответ: она должна была делать вид, что ее умишко столь же невинен, как и ее личико. Короче, руки у нее были связаны. Она придумала себе образ и теперь была вынуждена строить свое поведение соответственно. Если бы она сама начала давать ему авансы или сболтнула бы чего лишнего, намекнув на наличие у нее ума, то сразу и бесповоротно разрушила бы свой образ юной глупышки. Поэтому ей оставалось лишь про себя кипятиться и проклинать судьбу, воспринимая подчеркнуто галантные маневры Лена со скрытым нетерпением и печально следя

по календарю, как самые перспективные дни пролетают впустую.

— Если это не произойдет сегодня вечером, — произнесла Эйнсли, — я просто не знаю, что делать. Больше я не вынесу — придется искать ему замену. Столько времени потрачено *зря*! — Она нахмурилась, насколько это позволяли ее зачаточные бровки.

— И где?.. — теперь Мэриен начала понимать, почему Эйнсли была так раздражена ее неожиданным приходом.

— Ну, он же, естественно, не позовет меня смотреть его фотообъективы, — жалобно протянула Эйнсли. — И к тому же, если бы я согласилась, это бы его насторожило. Мы сегодня идем в ресторан ужинать, и я подумала, может, потом пригласить его к себе на чашку кофе…

— То есть ты бы предпочла, чтобы меня не было дома… — уточнила Мэриен с нескрываемым неодобрением.

— Ну, было бы нелишне. В другой момент мне было бы наплевать — пусть хоть целый табун галопирует в соседней комнате или даже под кроватью прячется, да и ему тоже, но понимаешь, он должен думать, что я стесняюсь. Меня же нужно ласково завлечь в спальню. Завести туда шажок

за шажком.

— Да, понимаю, — вздохнула Мэриен. Осуждать ли поведение Эйнсли — в данный момент это уже ее не касалось. — Я просто думаю, куда мне пойти.

Лицо Эйнсли просияло. Она добилась, чего хотела; детали были неважны.

— А может, ты просто позвонишь Питеру и скажешь, что едешь к нему? Он не станет возражать, вы же помолвлены.

Мэриен обдумала этот вариант. Раньше, но она уж и не помнила, когда именно, она могла бы так поступить; ей было все равно, разозлится он или нет. Но сейчас, особенно после их разговора по телефону сегодня днем, это было бы крайне нежелательно. Даже если бы она тихонько сидела в углу его гостиной с книгой, он бы молчаливо укорял ее за то, что она относится к нему как к своей собственности или ревнует и мешает работать. Даже если бы она правдиво объяснила ему ситуацию. А ей этого не хотелось: хотя Питер с того первого вечера ни разу не видел Лена, но даже сменив статус с вольного холостяка на будущего жениха и, соответственно, изменив свои взгляды и круг общения, он все равно хотел сохранить своего рода клановую преданность ему, в связи

с чем могли бы возникнуть проблемы — если не для Эйнсли, то для нее уж точно. Это могло дать ему преимущество перед ней.

— Думаю, не стоит, — ответила Мэриен. — Сейчас у него работы выше крыши.

Ей и впрямь некуда было пойти. Клары дома не было. На улице слишком холодно, чтобы сидеть в парке или отправиться на прогулку. Или позвонить кому-то из офисных девственниц?

— Пойду-ка я в кино, — наконец решила она.

Эйнсли улыбнулась с облегчением.

— Чудно! — воскликнула она и ушла к себе одеваться. Через несколько минут высунула голову из-за двери:

— Можно я возьму ту бутылку виски в случае необходимости? Я ему скажу, что она твоя.

— Конечно, на здоровье! — ответила Мэриен.

Это была их общая бутылка. Она знала, что Эйнсли купит следующую. И даже если забудет, полбутылки виски — небольшая жертва ради удачной реализации ее плана. А то дело со всей этой нервотрепкой по поводу отсрочек слишком уж затянулось. Мэриен осталась на кухне и, перегнувшись через кухонную стойку, задумчиво поглядела в раковину: там она увидела четыре стакана, наполненные мутной водой, куски яич-

ной скорлупы и кастрюльку, в которой недавно готовились макароны с сыром. Она решила не мыть посуду, но, желая хотя бы символически навести чистоту, достала и выбросила в мусорное ведро скорлупу. Она терпеть не могла остатки.

Когда Эйнсли вернулась из своей спальни, в блузке и джемпере, с которыми контрастировали сережки в виде крошечных маргариток и мастерски подведенные глаза, Мэриен сообщила:

— Кино не будет идти всю ночь, так что я вернусь около половины первого.

«Пусть не надеется, что я буду ночевать в канаве», — подумала она.

— Надеюсь, к этому моменту ситуация уже благополучно разрешится, — решительно заявила Эйнсли. — А если нет, то в любом случае нас к этому времени тут не будет: мне придется выкинуть его в окно. А самой незаметно выскользнуть. Но если окажешься перед какой-то закрытой дверью и захочешь войти, на всякий случай сначала постучи.

Мэриен возмутилась, услышав слово «какой-то». Перед *какой-то* закрытой дверью…

— Послушай, — твердо сказала она. — Я не разрешаю переходить порог моей спальни!

— Но у тебя гораздо *аккуратнее,* — резонно

возразила Эйнсли. — И кроме того, если меня обуяет страсть и ноги подкосятся, не могу же я ему сказать: «Погоди-погоди, мы в чужой спальне!» Или как?

— Думаю, не сможешь, — сказала Мэриен. Она почувствовала себя несчастной бездомной. — Просто не хочу посреди ночи лечь в свою постель и обнаружить там еще кого-то.

— Вот что я тебе скажу, — произнесла Эйнсли тоном, не терпящим возражений, — если кульминация наступит в твоей спальне, я на дверную ручку повешу галстук, ладно?

— Чей галстук? — недоуменно спросила Мэриен. Она знала, что Эйнсли та еще барахольщица: у нее на полу вечно валялись какие-то фотографии, письма и высохшие цветы, но она не думала, что та коллекционирует еще и чужие галстуки.

— Его, чей же еще! — пожала плечами Эйнсли.

Перед мысленным взором Мэриен возник зал охотничьих трофеев с прибитыми к стенам чучелами голов и рогов.

— А почему не его скальп? — мрачно пошутила она. Как-никак Леонард же ей друг.

Эйнсли отбыла на свидание, а Мэриен обдумывала сложившуюся ситуацию, поедая в одиночестве разогретый ужин из коробки и

запивая его чаем. Потом стала ходить из угла в угол, дожидаясь, когда будет пора поехать на последний сеанс в кино. По дороге в кинотеатр она продолжала размышлять. Ей в голову закралась смутная мысль предупредить Лена, но она пока не понимала о чем и, главное, зачем. Она была уверена, что он ни за что не поверит, будто Эйнсли, на вид такая молоденькая и неопытная, на самом деле расчетливая женщина-вамп, которая вынашивает коварный план воспользоваться им как дешевой заменой процедуры искусственного оплодотворения, цинично игнорируя его самолюбие и личные интересы. Но у нее не было для этого никаких убедительных доказательств: Эйнсли вела себя в высшей степени осмотрительно. Мэриен даже подумывала разбудить Лена среди ночи телефонным звонком и, надев на трубку чулок, чтобы он не узнал ее голос, прошептать: «Берегись!» — но отвергла эту дурацкую затею. Он бы никогда не догадался, чего ему стоит поберечься. Написать анонимное письмо? Он решит, что это чудит какой-то чокнутый или бывшая подружка ревнует и пытается расстроить план нового обольщения, что только подстегнет его пуститься на охоту с большей ретивостью. Кроме того, с тех пор как она объявила

о своей помолвке, они с Эйнсли заключили пакт: не совать нос в любовные дела друг друга, хотя было совершенно ясно, что они не одобряли их по моральным соображениям. Если бы Мэриен даже намекнула Лену о намерениях Эйнсли, та нанесла бы ей успешный или, во всяком случае, неприятный контрудар. Нет уж, пусть с Леном случится то, что ему уготовила судьба, и он, нет сомнения, радостно с этим смирится. И еще Мэриен смущало, что она не знала в точности, то ли это ранних христиан бросали на растерзание львам, то ли, напротив, львов отдавали на растерзание ранним христианам. И была ли она, как поинтересовалась у нее как-то Эйнсли в ходе их обычной дискуссии за ужином, сторонницей созидательных сил жизни или нет?

Кроме того, надо было еще принять во внимание обитающую на первом этаже домовладелицу. Даже если она не будет дежурить у окна или выглядывать из-за бархатной занавески, когда Лен придет к ним в гости, она все равно прознает, что пара мужских ног поднималась по лестнице к ним на третий этаж, а в ее мире, в этой деспотичной империи, где правила приличия подчинялись непререкаемой власти закона всемирного тяготения, то, что поднялось вверх,

должно опуститься вниз — и предпочтительно до половины двенадцатого вечера. Правда, впрямую она об этом никогда не говорила: это было нечто само собой разумеющееся. И Мэриен надеялась, что Эйнсли хватит благоразумия закончить запланированное мероприятие вовремя и выпроводить Лена до наступления комендантского часа или, на худой конец, оставить его в квартире и просидеть там тихо всю ночь до самого утра, хотя она ума не могла приложить, как в таком случае поступить с ним утром. Может быть, его придется тайком вынести в мешке для прачечной. Даже если он сможет идти на своих двоих. Ну что ж, всегда можно снять другую квартиру. Но она терпеть не могла скандалов.

Мэриен вышла на станции рядом с прачечной. Рядом было два кинотеатра, на противоположных сторонах улицы. Она изучила сеансы в обоих. В одном шел иностранный фильм с субтитрами: на афишах были напечатаны чуть смазанные черно-белые фрагменты из восторженных газетных рецензий, изобилующих словами «взрослый» и «зрелый». Фильм получил несколько наград. В другом кинотеатре шел малобюджетный американский вестерн, который рекламировали цветные постеры с всадниками и умирающими

индейцами. Сейчас у нее совершенно не было настроения вникать в заумные диалоги с затяжными паузами и долгими крупными планами лица, которое нервно трогает рука. Для нее сейчас главным было посидеть в теплом и сухом месте и обрести нечто вроде забвения, поэтому она выбрала вестерн. Когда она добралась до своего места в полупустом зале, фильм уже начался.

Она развалилась, прижав затылок к спинке и уперев колени во впереди стоящее кресло, и слегка прикрыла глаза. Не слишком подобающая поза для женщины, но в темноте все равно никто не увидит, да и соседние места с обеих сторон свободны. Она специально проверила: ей не хотелось ловить на себе похотливые взгляды стариков. Мэриен помнила подобные случаи со школьных времен: тогда она еще мало что знала о нравах в кинотеатрах. Руки, как бы невзначай шарившие по коленям, и тому подобные проявления робкого рукоблудия, хотя и не пугавшие ее (надо было просто молча встать и пересесть подальше), но сильно смущавшие, потому что были искренними. Попытка общения, хотя бы и мимолетного, вот чего хотели эти приставалы.

Перед ней сменялись цветные кадры: мужчины в ковбойских шляпах занимали весь экран, сидя

на гигантских лошадях, деревья и кактусы высились на переднем плане или терялись позади, вместе с удаляющимся пейзажем, над землей стелился пороховой дым, из-под копыт взметались тучи пыли. Она не вслушивалась в загадочные реплики героев, не следила за развитием сюжета. Она и так знала, что тут должны быть плохие люди, замышляющие нечто коварное, и хорошие люди, которые пытаются их остановить, возможно, опередив их и захватив деньги (а еще были индейцы, их было очень много, как бизонов, и на них охотились все кому не лень), но ей было все равно, какие моральные качества воплощаются в мельтешащих на экране героях. По крайней мере это был не один из современных вестернов, в котором герои страдают психозами. Она с удивлением заметила, что следит за второстепенными персонажами и думает, чем заняты в свободное время безвестные актеры, которые исполняют их роли, — мечтают ли они о будущей славе кинозвезд.

В кадре наступила ночь — та фиолетово-голубая прозрачная ночь, которая бывает только в цветном кинофильме. Кто-то крался через луг на свидание с кем-то. Было тихо, слышалось только шуршание травы да стрекот нескольких цикад,

издаваемый неким прибором. Рядом с ней, слева, раздался тихий треск, потом что-то со стуком упало на пол. Тут на экране грохнул выстрел, завязалась борьба — и наступил рассвет. И она снова услышала треск.

Она повернула голову влево. В отблеске струящегося с экрана солнечного света она с трудом различила в темноте сидящего через два кресла от нее. Это был парень из прачечной самообслуживания. Он нахохлился в кресле, неотрывно глядя на экран. То и дело он запускал правую руку в пакет, который держал в левой, выуживал что-то оттуда и подносил ко рту, после чего раздавался тихий треск, и что-то с легким стуком падало на пол. Наверное, он грыз орешки, но не арахис. Арахисовые скорлупки издавали бы более тихий стук. Она пригляделась к его смутному профилю, различив во тьме нос, глаз и темное ссутулившееся плечо.

Мэриен снова перевела взгляд на экран и попыталась сосредоточиться на событиях фильма. Хотя она невольно обрадовалась, что этот парень так неожиданно материализовался в соседнем кресле, ее радость была совершенно иррациональной: она не собиралась вступать с ним в разговор и, более того, надеялась, что он не за-

метил и не заметит ее в зрительном зале. Он, похоже, был захвачен происходящим на экране, целиком поглощен событиями вестерна и своей едой — что же могло издавать этот противный сухой треск? — поэтому, если она будет сидеть тихонько, вряд ли он обратит на нее внимание. И все же ее охватило тревожное ощущение, что он прекрасно знал, кто сидит рядом, узнав ее задолго до того, как она его заметила. Она смотрела на бескрайнюю прерию перед собой. А рядом раздражающе мерно раздавалось тихое потрескивание.

Всадники переходили реку вброд, с ними еще была блондинка в мятом платье — и тут Мэриен ощутила, как ее левую руку пронзил странный импульс. Руке захотелось вытянуться влево и тронуть парня за плечо. Рука словно зажила независимой жизнью: ведь сама Мэриен этого вовсе не хотела. Она заставила пальцы вцепиться в подлокотник. «Не надо, — мягко укорила она руку, — а не то он еще закричит». Но у нее возникло опасение, что теперь, когда она старалась на него больше не глядеть, если ее рука потянется к нему, то наткнется лишь на темную пустоту или плюшевую обивку кресла.

Звуковая дорожка фильма ожила, и воздух наполнился возгласами и улюлюканьем: это отряд

индейцев выскочил из засады и бросился в атаку. Когда же атака была отбита, крики стихли и воцарилась тишина, она уже больше не слышала доносившегося слева монотонного, как тиканье часов, потрескивания. Она украдкой повернула голову: никого. Значит, парень ушел, или же его вообще тут не было, а может, это был вообще кто-то другой.

Огромный ковбой, затмивший собой весь экран, целомудренно прикоснулся губами ко рту блондинки.

— Хэнк, значит ли это, что… — прошептала она.

Скоро наступит закат.

А потом очень близко, так что Мэриен даже почувствовала дыхание на своих волосах, кто-то шепнул:

— Это тыквенные семечки.

Ее сознание смиренно зафиксировало эту информацию. Конечно, тыквенные семечки, мысленно повторила она, почему бы и нет?

Но ее тело вздрогнуло — и сразу же одеревенело. Когда же она справилась с этим чисто рефлекторным сокращением мышц и смогла обернуться, позади никого не было.

Она просидела весь финальный эпизод фильма,

не шелохнувшись, почти убедив себя, что стала жертвой изощренной галлюцинации.

«Значит, я просто схожу с ума, — думала она, — как и все вокруг. Какая досада. Хотя, наверное, теперь многое изменится».

И когда в зале, после короткого кадра с развевающимся флагом и бравурной музыкой, вспыхнул свет, она не поленилась и рассмотрела пол под креслом, где (вероятно) сидел парень. Там она обнаружила кучку белых скорлупок. Они были как примитивный знак, вроде горки камешков на дороге, или узора из палочек, или зарубок на стволе дерева, отмечающих маршрут или указывающих на некую цель впереди, но, внимательно разглядывая скорлупки несколько минут, пока группка зрителей протискивалась мимо нее вдоль кресел к выходу, она так и не смогла их расшифровать. «Но по крайней мере, — думала она, выйдя из кинотеатра, — на сей раз он оставил зримый след».

Она, не торопясь, добралась до дому. Ей не хотелось вторгаться в квартиру в разгар важных событий. Дом, насколько она могла судить со стороны, был объят темнотой, но когда она вошла в общую прихожую и включила верхний свет, из гостиной к ней выплыла фигура. Эта была домовладелица, старающаяся даже в бигуди и

в фиолетовом фланелевом халате выглядеть благообразно.

— Мисс Макэлпин, — начала она, нахмурившись, — я очень недовольна. Я уверена, что слышала… Сегодня вечером вместе с мисс Тьюс к вам поднялся мужчина, и я уверена, что не слышала, как он спустился. Разумеется, я вовсе не имею в виду, что… я знаю, что вы *обе* приличные девушки, но тем не менее ребенок…

Мэриен взглянула на часики.

— Ну, не знаю, — с сомнением протянула она. — Я *не думаю*, что могло произойти нечто подобное. Возможно, вы ошиблись. Во всяком случае, уже второй час ночи, и Эйнсли, когда она дома, обычно ложится спать раньше.

— Так я и подумала, то есть я хочу сказать, что сверху не было слышно голосов… не то чтобы я имела в виду…

«Вот мерзкая тетка, как же она любит все вынюхивать», — подумала Мэриен.

— Ну, значит, она *точно* легла спать, — весело резюмировала она. — И если кто-то и был у нее в гостях, то ушел на цыпочках, чтобы вас не побеспокоить. Но утром я с ней поговорю и передам ваши опасения.

Она улыбнулась, постаравшись максимально

обнадежить домовладелицу, и побежала вверх по ступенькам.

«Ах, Эйнсли, лицемерка несчастная, — думала она, поднимаясь по лестнице, — и я же еще ее и выгораживаю. Впрочем, как там говорится про соринку в глазу ближнего и про бревно в своем? И как же мы завтра утром проведем его или пронесем его останки, мимо этой зоркой стервятницы?»

На кухонном столе она нашли почти пустую бутылку виски. Галстук в зеленую и голубую полоску торжественно свисал с ручки плотно закрытой двери в ее спальню.

То есть придется расчистить себе местечко на кровати Эйнсли, сдвинув скомканные простыни, одежду, одеяла и книжки.

— Черт! — пробормотала она, снимая пальто.

15

На следующий день в полпятого вечера Мэриен шагала по больничному коридору в поисках нужной палаты. Чтобы уйти с работы на час раньше, она пожертвовала обеденным перерывом, заменив настоящую еду в ресторане сэндвичем с сыром и салатом — квадратик пластмассового сыра между двух кусков сухой губки с несколькими увядшими зелеными листочками в картонной коробке, — который принес в офис доставщик еды на вынос, и уже потратила полчаса на покупку роз и поездку в больницу.

Теперь на посещение Клары у нее оставалось только тридцать минут, и она тоскливо думала о предстоящей встрече: будет ли им с Кларой о чем побеседовать в течение получаса.

Двери палат были широко распахнуты, и, чтобы прочитать цифры на дверях, ей приходилось останавливаться у каждой. Из всех палат доносился многоголосый женский гомон. Наконец она нашла нужную палату ближе к концу коридора.

Клара, почти прозрачная, лежала в полусидячем положении на высокой белой койке с высоко поднятым изголовьем. На ней была фланелевая

больничная пижама. Ее туловище под тонкой простынкой показалось Мэриен неестественно худым: бледные волосы беспорядочно рассыпались по плечам.

— О, привет! — слабо проговорила она. — Наконец-то соизволила проведать усталую мамочку!

Мэриен, вместо того чтобы пробормотать что-то в свое оправдание, молча протянула букет роз. Клара неверными пальцами развернула зеленый бумажный конус и сняла его с цветов.

— Какие милые! — сказала она. — Надо будет попросить эту чертову медсестру поставить их в приличную вазу. А то если не проконтролировать, она их сунет в ночной горшок.

Покупая розы, Мэриен не была уверена, какие выбрать: темно-красные, розовые или белые. И теперь пожалела, что выбрала белые. Отчасти они были под стать Кларе, а отчасти совсем нет.

— Задерни мою шторку, — тихо попросила Клара.

В палате с ней лежали еще три женщины, и поговорить о личном было затруднительно.

Задернув тяжелые полотняные шторы, прилаженные кольцами к изогнутой металлической штанге, которая блестящим овалом тянулась над койкой Клары, и усевшись на стул, Мэриен

поинтересовалась:

— Как ты себя чувствуешь?

— Чудесно, просто чудесно! Я все видела, весь процесс, много крови и слизи, но должна признать: было увлекательно. Особенно когда маленькая засранка высунула головку, и я наконец увидела, как *выглядит* существо, которое так долго вынашивала; я так долго ждала этого момента — прям как в детстве на Рождество ты с нетерпением ждешь и ждешь, когда же можно будет развернуть подарки. Иногда, когда я раньше была беременна, мне ужасно хотелось, чтобы дети вылуплялись из яиц, как птицы. Но и этот метод хорош по-своему. — Она взяла одну розу и понюхала. — Тебе надо как-нибудь попробовать самой.

Мэриен не понимала, как Клара могла говорить об этом настолько буднично, словно речь шла о полезном совете опытной домохозяйки, как сделать пирог пышнее или выбрать эффективное средство для мытья посуды. Естественно, она планировала родить — когда-нибудь. Даже Питер начал делать намеки о своем будущем отцовстве. И в этой палате с лежащими под белыми простынями женщинами это «когда-нибудь» вдруг приблизилось. А тут еще Эйнсли.

— Не торопи меня, — с улыбкой сказала она.

— Конечно, больно жутко, — с некоторым самодовольством произнесла Клара. — И никаких обезболивающих, до самого последнего момента, из-за ребенка; но вот что интересно: потом ты уже не помнишь, как было больно. И сейчас я чувствую себя просто чудесно — и все гадаю, будет у меня послеродовая депрессия, как у многих женщин, или нет, но, похоже, нет; я это оттягиваю до того момента, как встану и поеду домой. Так приятно просто тут лежать: я, правда, чудесно себя чувствую, — и она толчками приподнялась на подушках.

Мэриен сидела и с улыбкой смотрела на нее. Она не могла придумать, что сказать. Жизнь Клары все больше и больше отдалялась от ее жизни, отделялась, превращалась в нечто, за чем Мэриен теперь могла только наблюдать из-за стекла.

— И как ты ее назовешь? — спросила она, подавив желание закричать, как будто Клара не услышит ее вопрос, заданный через невидимое стекло.

— Мы еще не решили. Мы подумывали о Вивиан-Линн, в честь моей бабушки и бабушки Джо. Джо хотел назвать ее как меня, но мне никогда не нравилось мое имя. Как здорово, когда есть

мужчина, который радуется рождению и сына, и дочери, многие мужчины совсем не такие, хотя, может, и Джо считал бы иначе, не будь у него сына.

Мэриен подняла взгляд над головой Клары и увидела, что стена палаты выкрашена тем же цветом, что и стены ее офиса. Она даже ожидала услышать стрекот пишущих машинок из-за задернутой шторки, но вместо этого до ее слуха донеслось бормотание трех женщин и их посетителей. Войдя в палату, она заметила, что одна из пациенток, совсем молоденькая, в кружевной розовой пижаме, сидела в кровати и рисовала картину-раскраску по номерам. Может быть, и ей стоило принести Кларе вместо ненужных цветов что-то такое, чем бы она могла занять себя: наверное, это ужасно утомительно — вот так валяться целый день и ничего не делать.

— Хочешь, принесу тебе книгу? — спросила Мэриен и сразу подумала, что говорит, словно член женского клуба, в чьи обязанности входит посещение сирых и убогих.

— Мысль хорошая. Но вряд ли я смогу сосредоточиться на чтении, сейчас никак, — ответила Клара слабым голосом. — Я лучше посплю или послушаю их разговоры. Наверное, это боль-

ничная атмосфера на них так действует, но они говорят только о своих выкидышах и болезнях. И после таких разговоров чувствуешь себя больной и начинаешь думать, когда же наступит *твой* черед заболеть раком груди, получить разрыв труб или выкинуть четверню одного за другим. Я не шучу: такое произошло с миссис Моуз — той здоровенной теткой в дальнем углу. И, представь, они при этом сохраняют полное спокойствие, и считают, что все эти кошмары — вроде как почетная награда: они с упоением рассказывают о них с жуткими подробностями, сравнивают их и, по-моему, прямо-таки *гордятся*! Тут у нас буквально идет соревнование по недугам. Я даже сама рассказала им о своих болячках, как будто мне не хотелось оставаться в стороне. Интересно, почему женщины такие отвратные?

— Ну, по-моему, мужчины тоже бывают отвратные, — заметила Мэриен.

Клара стала гораздо разговорчивее, чем обычно, и ее это удивило. На более поздней стадии беременности, когда Клара потяжелела и ослабла, она как-то подзабыла, что у подруги вообще есть разум или какие-либо органы чувств помимо простейшей способности впитывать, как губка, поступающие извне сигналы, потому что

она была сосредоточена исключительно на процессе набухания своего живота. И Мэриен была немало изумлена, услышав сейчас ее рассуждения и умозаключения. Вероятно, это была особая психическая реакция на нынешнее состояние, но, безусловно, не истерика: судя по всему, она сохраняла самообладание. Тут, по-видимому, дело в гормонах.

— Только не Джо, — радостно заявила Клара. — Если бы он не был таким неотвратным, не знаю, как бы я все это выдержала. Он и о детях заботится, и купает их, и стирает, так что я совершенно не боюсь оставить на него домашние дела, пока тут лежу. Я точно знаю: он справляется со всем не хуже меня, хотя бедняжка Артур доставляет нам немало беспокойства. Он приучен ходить в туалет и почти всегда пользуется горшком, но в последнее время ведет себя как какой-то скопидом. Скатывает какашки в шарики и прячет их в разных местах — в кухонном буфете, в комоде. За ним нужен глаз да глаз. Как-то я нашла его шарики в холодильнике, а Джо мне рассказал, что обнаружил целую коллекцию на окошке в ванной, за занавеской. Он ужасно расстраивается, когда мы их выкидываем. Просто не понимаю, почему он так делает. Может, когда вырастет,

станет банкиром?

— Ты не думаешь, что это как-то связано с новым ребенком? — спросила Мэриен. — Может быть, так проявляется его ревность?

— Возможно, — блаженно улыбнулась Клара, покручивая в пальцах белую розу. — Но что это я все про себя да про себя. — Она повернулась в кровати и теперь глядела прямо на Мэриен. — У нас не было возможности обсудить твою помолвку. Мы с Джо, конечно, очень рады за тебя, хотя мы почти *не знаем* Питера.

— Вот вернешься домой, придешь в себя, — ответила Мэриен, — и нам нужно будет собраться вместе. Уверена, он вам понравится.

— Ну, *внешне* он очень приятный! Конечно, человека узнаешь после того, как выйдешь за него замуж, немного поживешь с ним, и тебе откроются его неблаговидные стороны. Помню, как я расстроилась, когда вдруг поняла, что, в конце концов, Джо — не Иисус Христос. Не помню уж, что это было, но наверняка какая-то глупость: может, я узнала, что он без ума от Одри Хепбёрн. Или что он тайный филателист.

— Кто? — воскликнула Мэриен.

Она понятия не имела, что это такое, но слово прозвучало как страшное извращение.

— Коллекционер почтовых марок. Не серьезный, он просто отдирает их от конвертов. В любом случае мне пришлось с этим смириться. И теперь я считаю, что он скромный святой.

Мэриен не знала, что сказать. Отношение Клары к Джо казалось ей благодушным, и в то же время что-то ее смущало: оно было чересчур слащавым, как те любовные истории, которые публикуются в женских журналах. И еще ей показалось, что Клара пытается обиняками дать ей совет — что тем более ее смущало. Бедная Клара, она была последним человеком, к чьим советам стоило бы прислушиваться. Поглядеть только, в какую нелепицу она превратила собственную жизнь: молодая женщина — и уже трое детей! Они с Питером смотрели на это без иллюзий. Если бы Клара спала с Джо до брака, она смогла бы более ответственно относиться к своей жизни.

— Я считаю, Джо — изумительный муж! — великодушно признала Мэриен.

Клара коротко хохотнула и поморщилась.

— А, перестань нести чепуху! Меня от твоих слов просто воротит. Ничего ты не считаешь! Ты считаешь нас неряхами и лентяями, и ты бы свихнулась, если бы жила в таком кавардаке, как мы. Ты не представляешь, как мы умудрились

выжить в этом браке и не возненавидеть друг друга. — Клара говорила все это вполне добродушно.

Мэриен начала было возражать, считая, что со стороны Клары нечестно вынуждать их обеих говорить обо всем начистоту, но тут в палату заглянула медсестра и объявила, что время посещений истекло.

— Если хочешь посмотреть на ребенка, — сказала Клара на прощание, — спроси у дежурной, в каком боксе их держат. Ты сможешь посмотреть через стекло: они там все одинаковые, но, если попросишь, тебе покажут мою. Хотя я бы на твоем месте не стала париться, младенцы в этом возрасте совсем неинтересные. Похожи на красные сморщенные сливы.

— Тогда я, наверное, с этим подожду, — согласилась Мэриен.

Выйдя из палаты, она вдруг подумала, что в поведении Клары что-то привлекло ее внимание — а именно то, как она немного тревожно вздернула брови, раз или два; ее мимика выражала некую озабоченность — но по поводу чего именно, она не поняла, и теперь это не давало ей покоя. У нее было ощущение, что она вырвалась на волю, словно из глухого туннеля или пещеры. Как хорошо, что она не Клара!

Теперь надо было чем-то занять себя до конца дня. Она собиралась быстро перекусить в ближайшем к больнице ресторанчике, и к концу раннего ужина или позднего обеда, когда уличные пробки рассосутся, вернуться домой и собрать вещи для стирки. Но что у нее грязного? Наверное, найдется пара блузок. А плиссированную юбку можно отдать ему на глажку — одна такая у нее имеется, но по здравом размышлении Мэриен поняла, что так делать не стоит, и в любом случае это только все усложнит.

Предстоящие вечерние часы, как она чувствовала, окажутся для нее столь же тяжким испытанием, как и тот час в середине дня, когда Питер позвонил договориться об ужине, и они долго обсуждали — слишком долго, подосадовала она, — куда им пойти, а потом ей пришлось перезвонить ему и сообщить:

— Мне страшно неловко, дорогой, но тут возникли непредвиденные обстоятельства, мы можем отложить? Давай завтра?

Он взвился, но крыть ему было нечем, потому что днем ранее он проделал то же самое с ней.

Правда, ее непредвиденные обстоятельства отличались от его. В ее случае это был телефонный звонок.

Мужской голос в трубке произнес:

— Это Дункан.

— Кто?

— Мы встретились в прачечной.

— А! Ну да, — теперь она узнала голос, звучавший сейчас чуть более нервно, чем обычно.

— Прошу прощения, если напугал тебя в кинотеатре. Но я знаю, тебе смертельно хотелось узнать, что я ел.

— Вообще-то, да, — ответила она, поглядев на стенные часы, а потом в сторону стеклянного закутка миссис Богé. Сегодня она слишком долго провисела на телефоне.

— Это были тыквенные семечки. Ты же знаешь, я пытаюсь бросить курить, и они очень помогают. Во рту возникает приятное ощущение, когда их разгрызаешь. Я покупаю их в зоомагазине. Ведь это птичий корм.

— Ага, — сказала она, чтобы чем-то заполнить паузу.

— Кино было дрянь.

Мэриен стала гадать, не подслушивает ли их разговор девица на коммутаторе, за которой водилась такая привычка, а если подслушивает, то, что думает: теперь-то уж ей точно стало ясно, что это не деловой звонок.

— Мистер… Дункан, — нарочито официальным тоном произнесла она, — Я сейчас на работе, и нам не разрешено надолго занимать телефон; ну, то есть на разговоры со знакомыми и тому подобное…

— А… — Он как будто стушевался, но не предпринял попытки исправить ситуацию.

Мэриен представила его себе на другом конце провода: угрюмого, с ввалившимися глазами, терпеливо ждущего ее голоса. Она понятия не имела, зачем он позвонил. Может быть, он нуждался в ней, хотел с ней поболтать.

— Но я бы *хотела* с вами поговорить, — ободряюще добавила она. — В другое, более удобное, время.

— Вообще-то, сказать по правде, ты мне нужна. Прямо сейчас, — сказал он. — То есть мне нужно что-то погладить. Я тут уже начал гладить и выгладил все, что было в доме, даже кухонные полотенца, и подумал, может, мне можно прийти к тебе домой и погладить что-то из твоих вещей.

Она представила себе, как миссис Богé сверлит ее взглядом.

— Ну, конечно, — отрывисто произнесла она.

Но тут же поняла, что по какой-то причине для нее это будет катастрофой, если Питер или Эйнс-

ли столкнутся с этим парнем. Кроме того, Мэриен не знала, что стряслось в квартире уже после того, как она на цыпочках выскользнула из дома, оставив Лена в объятиях порока за закрытой дверью с висящим на ней галстуком. Эйнсли не звонила ей целый день, что могло быть как хорошим, так и плохим знаком. И даже если Лену удалось благополучно ускользнуть, гнев домовладелицы, в отсутствие надлежащей мишени, вполне мог обрушиться на невинную голову гладильщика, представлявшего все мужское племя.

— А может быть, я сама принесу кое-какие вещи тебе домой? — предложила она.

— Вообще-то, я бы предпочел именно это. Потому что тогда я смогу воспользоваться своим собственным утюгом. Я к нему привык. Мне неприятно гладить чужими утюгами. Но поторопись. Мне это очень надо. Срочно!

— Хорошо, но не раньше, чем закончится мой рабочий день, — заявила она, стараясь успокоить и его, и офисные уши, и добавила, как будто записывалась на прием к стоматологу: — В районе семи вечера.

И только положив трубку, осознала, что придется снова откладывать ужин с Питером; но ведь его она могла увидеть в любой вечер. А вот

встреча с другим была вызвана чрезвычайными обстоятельствами.

К тому моменту как Мэриен удалось все уладить с женихом, ей казалось, что она вырвалась из пут всех телефонных проводов города. Эти провода были как цепкие пальцы, как клубок змей, они были способны обвить тебя по рукам и ногам и не выпускать никогда.

…По больничному коридору ей навстречу шла медсестра, толкая перед собой тележку на резиновых колесиках — на тележке стояли подносы с едой. Хотя голова Мэриен была занята другими мыслями, ее глаза заметили белую фигуру, явно лишнюю в этой части здания. Она остановилась и огляделась: куда фигура направляется? Явно не к выходу из больницы. Она настолько углубилась в лабиринт своих мыслей и планов, что, видимо, вышла из лифта не на том этаже и оказалась в коридоре, как две капли воды похожем на тот, из которого только что вышла, вот только все двери в палаты были закрыты. Мэриен поглядела на номер палаты: 273. Все ясно: она вышла этажом раньше, чем нужно.

Она развернулась и двинулась в обратном направлении, пытаясь вспомнить, где лифт; похоже, ей надо было несколько раз свернуть за

угол. Медсестра с тележкой исчезла. Теперь от дальнего конца коридора к ней шагал мужчина в зеленой куртке и белой маске, скрывавшей нижнюю часть лица. И впервые за все время пребывания в больнице она ощутила в воздухе сильный запах антисептика.

Должно быть, это был врач. Она заметила у него на шее длинную черную трубку стетоскопа. Когда он подошел ближе, она его рассмотрела получше. Несмотря на белую маску, что-то в нем показалось ей знакомым; но она не сразу поняла, что же именно, и это ее слегка нервировало. Он прошагал мимо, глядя себе под ноги, с ничего не выражающим взглядом, открыл какую-то дверь справа и вошел. Когда врач повернулся к ней спиной, она увидела, что на затылке у него проплешина.

Во всяком случае, никто из моих знакомых мужчин не лысеет, мысленно успокоила она себя.

16

Она отчетливо помнила дорогу, хотя и название улицы, и номер дома забыла. Давненько она не была в этом районе — с того самого дня, как брала пивные интервью. Она шла и сворачивала за угол, где нужно, почти автоматически, как будто преследовала кого-то, полагаясь на свой инстинкт, и двигалась не по запахам или внешним приметам, а исключительно благодаря подсознательной способности ориентироваться на местности. Но маршрут был несложный: через парк с бейсбольным полем, вверх по асфальтовой эстакаде, и затем вдоль улицы с жилой застройкой, всего пара кварталов. Правда, теперь путь показался ей длиннее, потому что сейчас она шагала в темноте, озаряемой тусклыми уличными фонарями, а не ярким солнечным светом, как тогда. Хотя она шла торопливо, ноги все равно замерзли. Трава в парке была покрыта изморозью.

В те несколько раз, что она вспоминала его квартиру, в свободные минутки в офисе, когда ей нечего было делать, а только пялиться в белый лист бумаги перед собой, или когда она нагибалась поднять с пола упавший документ, она

не ассоциировала ее с каким-то конкретным городским районом. Она просто воображала себе интерьер квартиры, вид комнат, но не само здание. И вот теперь, когда из тьмы посреди улицы вдруг возникло это здание, прямоугольное, простое и безликое, на том же месте, где она его впервые увидела, ей стало не по себе.

Мэриен позвонила в квартиру номер шесть и, как только зажужжала механическая щеколда замка, проскользнула в стеклянную дверь подъезда. Дункан уже приоткрыл свою дверь и подозрительно глядел на нее. В полумраке его глаза сверкали под копной темных волос. Изо рта у него торчала недокуренная сигарета, огонек опасно тлел у самых губ.

— Принесла? — спросил он.

Она молча протянула ему свернутую одежду, которую несла под мышкой, и он отошел в сторону, пропуская ее внутрь.

— Тут немного, — заметил он, раскручивая вещи.

Мэриен принесла две недавно выстиранные хлопчатобумажные блузки, наволочку и несколько гостевых полотенец, расшитых цветочками, — подарок тетушки, — которые сильно замялись, долго пролежав на самом дне полки в

бельевом комоде.

— Извини, это все, что было.

— Ну, лучше, чем ничего, — невесело отозвался он, развернулся и двинулся к своей спальне.

Мэриен не знала, что делать: то ли пойти за ним следом, то ли, доставив то, что он просил, просто уйти.

— Можно я посмотрю? — спросила она, надеясь, что он не сочтет ее просьбу посягательством на его личное пространство. Ей не хотелось вот так просто отправиться обратно домой. Делать ей было нечего, да и, вообще-то, она пожертвовала свиданием с Питером.

— Конечно, если хочешь. Но смотреть будет особенно не на что.

Она прошла по коридору. В гостиной вроде бы мало что изменилась с того дня, как она тут впервые побывала, разве что прибавилось разбросанных по полу листов бумаги. Все три кресла по-прежнему стояли, где и раньше, но к подлокотнику красного был прислонен обрезок половицы. Из трех торшеров горел только один, стоящий возле голубого кресла. Из этого Мэриен заключила, что оба его соседа отсутствуют.

И комната Дункана была точно такой же, как она ее запомнила. Гладильная доска стояла прак-

тически в центре, а шахматные фигуры были расставлены на доске в стартовой позиции, сама же черно-белая доска теперь находилась на стопке книг. На кровати были разложены свежевыглаженные белые рубашки на проволочных плечиках. Прежде чем включить утюг, Дункан собрал рубашки и повесил в стенной шкаф. Мэриен скинула пальто и уселась на кровать.

Он загасил сигарету в одной из заваленных окурками пепельниц на полу, подождал, пока нагреется утюг, то и дело пробуя провести им по гладильной доске, и начал медленно утюжить блузку, очень аккуратно, особое внимание уделяя воротничку. Мэриен молча следила за его движениями, он явно не хотел, чтобы она его прерывала. Ей казалось странным наблюдать, как кто-то гладит ее одежду.

Эйнсли подозрительно поглядела на нее, когда она вышла из своей спальни в пальто, зажав под мышкой скомканную одежду.

— Куда это ты собралась с этим? — спросила Эйнсли.

Одежды было слишком мало для прачечной.

— Просто ухожу.

— А если Питер позвонит?

— Не позвонит. Но просто скажи, что меня

нет. — И она сбежала вниз по лестнице, не имея намерения ничего объяснять про Дункана, ни даже сообщать о его существовании. Она боялась, что это может нарушить баланс сил. Но Эйнсли и сама в тот момент не была способна ни на какие чувства, кроме ленивого любопытства: она благодушно наслаждалась вероятным успехом своей стратегической кампании, — и еще, как она выразилась, «зигзагом удачи».

Придя вечером домой и обнаружив Эйнсли в гостиной за чтением книжки про уход за новорожденными, Мэриен поинтересовалась:

— И как тебе удалось вывести беднягу отсюда утром?

Эйнсли расхохоталась.

— Головокружительный зигзаг удачи. Я была уверена, что наше ископаемое с первого этажа уже сидит в засаде за занавеской. Не знала, что делать. Даже подумывала навешать ей лапшу на уши — типа что мы вызвали телефонного мастера…

— Она пыталась устроить мне допрос вчера вечером, — перебила ее Мэриен. — Ей было известно, что он у нас наверху.

— Не знаю уж почему, но она *ушла*. Я сама увидела в окно, как она уходила. По чистой слу-

чайности. Можешь себе представить? Я понятия не имела, что она куда-то выходит по утрам. Сегодня я, само собой, не пошла на работу, торчала тут и курила. Но как только я увидела, что она ушла, растолкала Лена и по-быстрому его выпроводила, он еще толком даже не проснулся. У него было жуткое похмелье, он же почти всю бутылку прикончил вчера. В одиночку. Я так думаю, он и сам еще не понимает, что произошло, — и ее розовые губы разъехались в улыбке.

— Эйнсли, это безнравственно!

— Почему? Ему, по-моему, все понравилось. Хотя он все утро извинялся и нервничал, когда мы с ним завтракали в кафе, успокаивал меня, вроде как утешал. Мне даже неловко стало. А потом, когда он окончательно проснулся и протрезвел, ему стало невтерпеж отделаться от меня поскорее. Но теперь, — она обхватила себя обеими руками, — будем ждать и наблюдать, стоила ли игра свеч.

— Ладно, — сказала Мэриен. — Не хочешь поменять мне постель?

Вспомнив сейчас рассказ Эйнсли, Мэриен сочла дурным знаком, что домовладелица куда-то ушла утром. Это на нее было совсем не похоже. Она бы скорее ошивалась возле пианино или за бархатной занавеской, пока эти двое тихонько

спускались по скрипучей лестнице, и выскочила бы на них, прежде чем им удалось бы благополучно выйти за порог.

Дункан приступил ко второй блузке. Он, казалось, забыл обо всем на свете, не видя ничего вокруг, кроме мятой белой ткани, растянутой на гладильной доске, и внимательно ее разглядывал, точно это был ветхий манускрипт, который он тщился расшифровать. Раньше он казался ей низкорослым, возможно, из-за сморщенного детского лица или из-за того, что она его видела сидящим, но теперь она подумала, что, если бы он перестал сутулиться, то казался бы выше — на самом деле у него вполне приличный рост.

Сидя молча на кровати и наблюдая за ним, она ощутила сильное желание заговорить, пробиться сквозь белую завесу его сосредоточенности: ей не нравилось ощущать себя так, словно ее игнорируют. И чтобы подавить в себе это чувство, она взяла сумочку и ушла в ванную, намереваясь расчесаться, но не потому, что в этом была необходимость, а просто чтобы, как говорила Эйнсли, найти замену бездействию. Так белка начинает нервно чесаться, заметив вдруг подозрительные кусочки хлеба, до которых к тому же не может дотянуться. Ей захотелось поговорить с ним о

чем-нибудь, но она опасалась, что, заговорив, нейтрализует терапевтический эффект процесса глажки.

Ванная комната была самая обычная. На сушилке висели влажные полотенца, а на фаянсовых поверхностях громоздились бритвенные принадлежности и мужская косметика. Но зеркало над раковиной было разбито. По периметру деревянной рамы торчали осколки стекла. Она попыталась рассмотреть в одном из осколков свое отражение, но тот оказался настолько мал, что в нем ничего нельзя было увидеть.

Когда она вернулась к нему в комнату, он уже приступил к наволочке. Теперь он казался успокоенным: он водил утюгом широкими плавными движениями, а не теми короткими рывками, какими гладил первую блузку. Он поднял на нее взгляд.

— Наверное, думаешь, что произошло с зеркалом, — произнес он.

— Ну…

— Я его разбил. На прошлой неделе. Сковородкой.

— О, — проговорила она.

— Я устал бояться, что, войдя как-нибудь туда утром, не увижу в зеркале своего отражения.

И тогда я пошел на кухню, взял сковородку и шваркнул ею об зеркало. Они оба очень расстроились, — задумчиво добавил он. — В частности, Тревор, он делал себе омлет, и я ему все испортил. В сковороде осталась масса осколков. Но не вижу причины для беспокойства, это же был вполне объяснимый жест, символизирующий нарциссизм моей натуры, к тому же зеркало было старое и кривое. Но с тех пор они стали очень пугливыми. Особенно Тревор: он подсознательно считает себя моей матерью, и ему очень тяжело. Меня это не сильно трогает, я уже привык. Я убегал от самозванных мамочек, сколько себя помню, они вечно хлопотали вокруг меня, когда я их не просил, все старались меня оградить и спасти бог знает от чего, утешить меня да приголубить, накормить, отучить от курения — вот такая жизнь у сироты. И они пичкают меня цитатами великих: Тревор все цитирует Т. С. Элиота, а Фиш «Оксфордский словарь английского языка».

— И как же ты теперь бреешься? — спросила Мэриен.

Ей трудно было представить жизнь без зеркала в ванной. Она даже засомневалась, бреется ли он вообще. Она еще не изучала его щеки на предмет щетины.

— В каком смысле?

— В смысле — без зеркала.

— А, — усмехнулся он. — У меня есть маленькое зеркальце. Ему-то я могу довериться, я же знаю, что там увижу. Я терпеть не могу зеркала общего пользования. — Он, похоже, утратил интерес к этой теме и продолжал гладить в молчании. — Какая же это мерзость, — наконец произнес он, начав гладить гостевое полотенце. — Терпеть не могу вещей с вышитыми цветочками.

— Я тоже. Мы ими не пользуемся.

Он сложил полотенце и мрачно поглядел на нее.

— Я так понимаю, ты всему этому поверила.

— А… чему? — осторожно спросила она.

— Тому, что я разбил зеркало, и про мое отражение, и тому подобное. На самом деле я разбил его, потому что мне захотелось что-нибудь разбить. Беда с этими людьми: все всегда верят мне на слово. Для меня это как красная тряпка для быка. Никогда не могу преодолеть искушения. А эти мои блестящие догадки насчет Тревора — откуда *мне* знать, что они правдивые? Может быть, правда в том, что мне нравится думать, будто он думает, что он — моя мать. И вообще-то никакой я не сирота, у меня же есть какие-никакие роди-

тели, где-то там. Можешь ты в это поверить?

— А надо? — Она не могла понять, серьезно он все это или нет: выражение его лица не выдавало ни его эмоций, ни мыслей. Возможно, это был просто очередной лабиринт слов, и стоило ей сказать что-то не то или повернуть не туда, как она внезапно наткнулась бы на нечто, с чем не могла бы совладать.

— Как хочешь. Но настоящая правда в том, — он взмахнул утюгом, чтобы подчеркнуть особую значимость сказанного, — что меня подменили. Меня в младенчестве подменили на настоящего ребенка родителей, а они так и не узнали об этом мошенничестве, хотя должен сказать, они всегда что-то такое подозревали. — Он прикрыл глаза и слегка улыбнулся. — Они все повторяли, что у меня слишком большие уши; и на самом деле, никакой я не человек, я родился под землей… — Он открыл глаза и вернулся к своему занятию, но его внимание уже улетело куда-то прочь от гладильной доски. Он слишком близко поднес утюг к свободной руке и вскрикнул от боли. — Черт! — Поставил утюг и сунул палец в рот.

Первым побуждением Мэриен было вскочить и поглядеть на обожженный палец, предложить чем-то его намазать, сливочным маслом или

пищевой содой, но она одумалась. Вместо этого она продолжала сидеть молча.

Он смотрел на нее выжидающе и даже немного враждебно.

— Ты что же, не пожалеешь меня?

— Не думаю, что тебе это действительно нужно, — ответила она.

— Ты права. Но мне бы понравилось, — печально сообщил он. — И болит ужасно. — Он снова взялся за утюг.

Догладив последнее полотенце и выключив утюг из сети, Дункан заметил:

— Славная была глажка, спасибо за заботу. Но этого явно недостаточно. Надо будет еще что-то придумать для снятия напряжения. Я не фанат глажки, я этим не одержим, и это не вредная привычка, от которой надо избавиться, просто иногда на меня находит. — Он подошел, беззастенчиво плюхнулся рядом с ней на кровать и закурил. — Это последнее наваждение началось позавчера, когда я уронил свою работу в лужу на кухонном полу и мне пришлось ее высушивать и гладить утюгом. Я ее напечатал на машинке, и мне было влом перепечатывать ее заново, потому что, как только я начал бы продираться сквозь эти словесные заросли, мне бы захотелось все

переписать. А так все получилось в лучшем виде, текст не размылся, хотя сразу видно, что листы бумаги отглажены утюгом, потому что одну страницу я таки сжег. Но вряд ли на кафедре будут возражать, это же глупо, если они скажут: «Мы не можем принять статью, которая была выглажена утюгом». Ну, в общем, я ее сдал, а потом надо было как-то прийти в себя, проветрить мозги, поэтому я выгладил все чистое, что было в доме. Потом пошел в прачечную и постирал все грязное, вот почему меня занесло на тот дрянной фильмец, надо было убить время, пока белье сушится. Но меня утомило смотреть на их месилово, а это дурной знак, если мне скучно становится даже во время похода в прачечную, что же я буду делать, если мне вообще все наскучит? Я выгладил утром все, что постирал накануне, и убежал из квартиры.

— И потом позвонил мне, — закончила за него Мэриен.

Ее немного покоробило, что он рассказывал про себя, обращаясь к самому себе, как будто ее тут вообще не было.

— Ах да. Тебе. И тогда я позвонил тебе. Ну то есть я позвонил в твою компанию. Я запомнил название и, видимо, попал на коммутатор и описал

тебя девушке, которая сняла трубку, сказал, что ты не очень похожа на обычного интервьюера из маркетинговой компании, и она сразу поняла, о ком я. Ты же так и не представилась.

Мэриен даже не подумала, что не назвала ему своего имени. Она-то считала, что он откуда-то знал, как ее зовут.

Сменив тему, она похоже, вогнала его в ступор. Посасывая сигарету, он молча уставился в пол. Молчание ее нервировало.

— А почему тебе нравится гладить? — спросила она. — Ну то есть, помимо того, что это помогает тебе снять напряжение. Почему именно глажка? Почему, например, не боулинг?

Он подтянул тощие ноги вверх и обхватил колени ладонями.

— Глажка — дело простое и приятное. Я запутываюсь в гуще слов, когда сочиняю все эти бесконечные статьи, я сейчас, кстати, пишу очередную: «Садомазохистские мотивы у Троллопа», а глажка — тут надо просто все расправлять, делать плоским… Но, видит бог, это вовсе не потому, что я адепт порядка и аккуратист, но есть в плоских поверхностях какая-то… — Он изменил позу и теперь изучающе разглядывал Мэриен. — А что, если я слегка пройдусь по твоей блузке, пока утюг

еще не остыл? Только рукава и воротник. Такое впечатление, что ты забыла их прогладить.

— Ты говоришь о блузке, которая на мне?

— Именно. — Он отпустил свои колени и встал с кровати. — Можешь надеть пока мой халат. Не бойся, я не стану подглядывать.

С этими словами он вынул из стенного шкафа что-то серое, свернул и, передав ей, отвернулся.

Мэриен постояла немного, сжимая в руках серый сверток, не зная, что делать. Если поступить так, как он предложил, то она наверняка почувствует себя неловко и глупо, но если в ответ на его явно безобидное предложение сказать: «Спасибо, не стоит» — получится тем более глупо. И после минутного колебания она расстегнула пуговки на блузке и надела халат. Он был ей сильно велик, рукава свисали ниже кончиков пальцев, а края волочились по полу.

— Я всё.

Она с невольной тревогой смотрела, как он поднял горячий утюг. На сей раз его движения приковали к себе все ее внимание: утюг, как опасная длань, медленно двигался взад-вперед почти по ее телу, ведь эта ткань только что плотно прилегала к ее коже. «Если он ее сожжет, — подумала она, — я же могу надеть что-то вместо нее, выбрав

из кучи выглаженной им одежды».

— Ну вот, — сказал он, — готово!

Он снова вынул вилку утюга из розетки и повесил блузку на край гладильной доски. Словно забыл, что ей надо одеться. А потом неожиданно подошел к кровати, заполз на нее, вытянулся на спине с закрытыми глазами и заложил руки за затылок.

— Боже ты мой! Чем приходится себя отвлекать. Как дальше жить? Это как с аспирантскими работами: пишешь-пишешь, а никому это на фиг не нужно. Просто получаешь за нее оценку и выбрасываешь в мусорную корзинку, и тебе известно, что после тебя какой-нибудь бедолага опять будет писать такую же белиберду. Это такой же потогонный конвейер, как и глажка, гладишь одежду, потом носишь ее, она загрязняется и снова мнется…

— Но ты же ее снова можешь выгладить, — попыталась утешить его Мэриен. — Если бы одежда не мялась, тебе нечего было бы гладить.

— Может, я бы занялся чем-то более продуктивным. — Он все еще лежал с закрытыми глазами. — Производство-потребление. И задаешься вопросом: а не сводится ли это все просто к превращению одного вида барахла в другой вид

барахла. Человеческий разум стал последним объектом коммерциализации, но им удалось сделать из него великолепный товар: какая разница между библиотечным фондом и кладбищем автомобилей? Но самое тревожное то, что это никогда не кончается, ты не в состоянии что-либо завершить. У меня есть план, как сделать листву на деревьях вечной: какой смысл листьям каждый год отрастать заново, а? Да и если подумать, то им вовсе не надо быть зелеными, я бы сделал их все белыми. Черные стволы, белая листва. Я всегда жду не дождусь, когда пойдет снег, в этом городе летом слишком много зелени, от нее продыху нет, а потом листва опадает и лежит в сточных канавах. Знаешь, что мне нравится в моем родном городе, — а это шахтерский городок, там мало что есть, — то, что там очень мало зелени. Многим это не понравилось бы. Там сплошь литейные заводы, высоченные трубы дымят прямо в небо, по ночам дым становится красноватым, и химические испарения выжгли все деревья в радиусе многих миль, там сплошная безжизненная земля, ничего, кроме голых камней, на них даже трава не растет, и вокруг горы отвальной породы, и там, где во впадинах скапливается вода, она желто-коричневая от химических выбросов. Там

ничего не растет, даже если что-то выращивать. Я любил уходить за город, присаживался на камни, примерно вот в такое же время, и ждал первого снега…

Мэриен сидела на краешке кровати, чуть подавшись к его лицу, но едва вслушиваясь в его монотонно звучащий голос. Она изучала конфигурацию его черепа под тонкой кожей и удивлялась, что в таком тощем теле теплится какая-то жизнь. Ей уже не хотелось дотронуться до него, она даже чувствовала легкое отвращение, глядя на его глубоко запавшие глаза, угловатую линию нижней челюсти, которая двигалась в такт его речи.

Вдруг он раскрыл глаза и с минуту смотрел на нее неотрывно, словно забыл, кто она такая и как оказалась в его спальне.

— Эй, — произнес он изменившимся тоном, — а в этом ты немного смахиваешь на меня! — Протянув руку, он схватил ее за плечо и притянул к себе. Она не сопротивлялась.

Резкая смена интонации — куда подевался его ровный гипнотический голос? — и внезапное осознание, что он наделен крепкой плотью, таким же телом, как у других нормальных людей, поначалу ее испугало. Она ощутила, как рефлек-

торно протестуя, напряглось ее собственное тело и попыталось отпрянуть, но он уже обнимал ее обеими руками. Он оказался сильнее, чем она думала. Она не понимала, что происходит: где-то в дальнем уголке ее сознания шевельнулось подозрение, что на самом деле он ласкает свой халат, а она просто случайно оказалась внутри.

Мэриен отстранила голову и внимательно посмотрела на него. Его глаза были закрыты. Она поцеловала его в кончик носа.

— Думаю, я должна тебе кое-что сказать, — тихо произнесла она. — Я помолвлена.

В этот момент она не смогла бы в точности вспомнить, как выглядит Питер, но его имя, врезавшееся в память, укоризненно напомнило о себе.

Его темные глаза раскрылись и спокойно смотрели на нее.

— Но это твои трудности, — равнодушно заметил он. — Это все равно, как если бы я сообщил тебе, что получил «отлично» за работу о порнографии у прерафаэлитов — это интересно, но разве это имеет какое-то отношение к чему-нибудь? А?

— Имеет, — ответила она. Ситуация стремительно становилась моральной дилеммой. — Видишь ли, я собираюсь замуж. И мне здесь быть

не следует.

— Но ты же здесь, — с улыбкой возразил он. — Вообще-то, я рад, что ты мне это сказала. Так я в большей безопасности, — признался он откровенно. — Я бы не хотел, чтобы ты вообразила, будто это имеет какое-то значение. Это никогда не имеет никакого значения — для меня. На самом деле это происходит с кем-то другим. — Он поцеловал ее в кончик носа. — Ты просто очередная замена похода в прачечную.

Мэриен поразмыслила, стоит ли ей обидеться, но решила, что не стоит, наоборот, она даже почувствовала облегчение.

— Любопытно, а ты для меня замена чего, а? — спросила она.

— В этом мое преимущество. Я очень гибкий, я универсальная замена. — Он протянул руку над ее головой и выключил бра.

Вскоре открылась и хлопнула входная дверь, в прихожей кто-то тяжело затопал.

— Вот черт, — пробормотал он откуда-то из глубин своего халата. — Они вернулись. Он рывком поднял ее, включил бра, запахнул у нее на груди халат, соскочил с кровати, обеими руками зачесал волосы на лоб, а потом разгладил свой свитер. Он мгновение постоял посреди комнаты,

опасливо глядя на дверной проем, потом метнулся через комнату, схватил шахматную доску, положил ее на кровать и, сев лицом к Мэриен, начал торопливо расставлять фигуры на доске.

— Привет! — спокойно поприветствовал он кого-то, кто, вероятно, просунул голову в дверь. Мэриен боялась, что у нее слишком растрепанный вид, чтобы обернуться. — Мы тут играем в шахматы.

— О, удачно придумано, — с сомнением отозвался мужской голос.

— С чего это ты так всполошился? — удивилась Мэриен, когда вошедший отправился в ванную и закрыл за собой дверь. — Не о чем беспокоиться, это же все естественно. Если что, они сами виноваты, что без предупреждения ворвались к тебе. — Но сама она испытывала острое чувство вины.

— Ну, я же тебе говорил, — заметил он, разглядывая ровные ряды фигур на доске. — Они считают себя моими родителями. Знаешь, ведь настоящие родители никогда не понимают таких вещей. Они решат, что ты меня совращаешь. Их требуется оберегать от правды жизни. — Он протянул руку над шахматной доской и сжал ее ладонь. Его пальцы были сухие и холодные.

17

Мэриен смотрела на свое искаженное серебристое отражение в ложке: она была вверх ногами, с огромным торсом, резко сужавшимся к крошечной, почти булавочной, голове. Она начала поворачивать ложку, и ее лоб сначала стал выпуклым, а потом впалым. На душе у нее было легко.

Они сидели за столиком, покрытым белой скатертью, перед пустыми тарелками и свернутыми в трубочку салфетками. Мэриен бросила нежный взгляд на Питера. Поймав ее взгляд, он улыбнулся. Изгибы его лица подсвечивались оранжевым отблеском свечи под абажуром на столе, и тени утяжеляли его подбородок, который казался более мужественным, а черты лица более угловатыми. А ведь и правда, подумала она, если посмотреть на него непредвзято, то он исключительно красив. На нем был шикарный зимний костюм: темный пиджак и брюки, неброский, но дорогой галстук, не такой кричащий, как некоторые его молодежные комплекты, но более солидный. Эйнсли как-то шутливо назвала его «красиво упакованным», но теперь это свойство

внешности Питера представлялось Мэриен привлекательным. Он умел одновременно сливаться с толпой и выделяться. Есть мужчины, не умеющие носить темные костюмы: то у них на плечах перхоть, то спина лоснится, но у Питера не было перхоти, и его костюм никогда не блестел на локтях или коленях. В его присутствии даже в таком публичном месте она испытывала горделивое ощущение собственности, которое заставило ее потянуться к нему и взять за руку. Он накрыл ее руку своей.

Прибыл официант с бутылкой вина. Питер продегустировал и кивнул. Официант наполнил их бокалы и исчез во мраке.

Это была еще одна приятная особенность Питера. Он, как правило, принимал решения без усилий. В последний месяц или около того она выработала привычку позволять ему решать все вопросы за нее. И теперь она избавила себя от мучительных раздумий, которые обычно посещали ее при изучении меню: она никогда не могла точно сказать, чего ей хочется. А Питер сразу решал, что им заказать. Он обычно выбирал бифштекс или ростбиф, ко всяким изыскам вроде говяжьих щечек был равнодушен, а рыбу вообще терпеть не мог. Сегодня они заказали филе миньон. Было

уже довольно поздно, почти весь вечер они провели в квартире у Питера и, как оба признались друг другу, умирали с голоду.

В ожидании горячего они вернулись к разговору о достойном образовании детей, начатому раньше, когда они одевались к ужину. Питер рассуждал о детях чисто теоретически, как об особой социальной группе, аккуратно избегая любых упоминаний о своем потомстве. Но Мэриен прекрасно понимала, что речь шла именно об их будущих детях: вот почему этот разговор она считала таким важным. Питер был убежден, что детей следует наказывать — даже физически — за любое нарушение дисциплины. Конечно, уверял он, нельзя, разозлившись, бить ребенка; но самое главное — надо быть последовательным. Мэриен же опасалась нанести ребенку эмоциональную травму.

— Милая, ты не понимаешь, — говорил Питер. — Ты жила в тепличных условиях. — Он сжал ее руку. — А я видел плоды попустительства родителей. Суды завалены делами малолетних преступников, причем многие из них выросли в приличных семьях. Это очень сложная проблема. — И он сурово сжал губы.

Но Мэриен втайне считала себя правой, и ей

не нравилось, что он сказал, будто у нее была беззаботная жизнь.

— Но разве дети не заслуживают понимания, а не…

Он снисходительно улыбнулся:

— Ну, попробуй понять этих маленьких бандитов на мотоциклах, наркоманов, уклонистов от армии, сбежавших к нам из Штатов. Уверен, ты ни разу не сталкивалась с такими в реальной жизни. А у некоторых из них даже вши водятся! Ты считаешь, будто все проблемы мира можно разрешить одной доброй волей, но, Мэриен, так не бывает; у них же нет чувства ответственности, они все крушат, потому что это им нравится. Такими их воспитали, никто не выбивал из них дурь, как они того заслуживали. Они считают, будто весь мир перед ними в долгу за то, что они есть.

— Но, может быть, — упрямо возразила Мэриен, — кто-то выбивал из них дурь, когда они этого совершенно не заслуживали! Дети, знаешь ли, очень чутко реагируют на несправедливость!

— О, я целиком и полностью за справедливость! — заявил Питер. — Но как насчет справедливости для тех людей, чью собственность уничтожила эта шпана?

— Такой шпане, я полагаю, надо просто объяснить, что нельзя гонять на машине и портить живые изгороди на чужих лужайках.

Питер издал смешок. Ее неодобрение того случая и его ответный смешок только недавно стали символом их взаимоотношений в новом статусе. Впрочем, после этой подколки безмятежность Мэриен куда-то улетучилась. Она внимательно посмотрела на Питера, пытаясь поймать его взгляд, но он смотрел на свой бокал, вероятно, любуясь игрой рубиновой жидкости на фоне белоснежной скатерти. Он откинулся на спинку, и все его лицо теперь погрузилось в тень.

Интересно, подумала Мэриен, почему в таких ресторанах всегда царит полумрак. Наверное, чтобы посетители не видели лиц спутников во время еды. Ведь жевать и глотать пищу куда приятнее самим едокам, чем тем, кто за ними наблюдает, мысленно усмехнулась она, и наверное, от созерцания того, как твой партнер поглощает пищу, может разрушиться вся романтичная атмосфера свидания. Или ресторана. Она принялась рассматривать лезвие своего ножа.

Официант вынырнул из пустоты, подкрался к их столику, ступая по ковру по-кошачьи изящно и бесшумно, и поставил перед ней горячее на

деревянной доске: обрамленный полоской жареного бекона филе миньон шипел и источал сок. Оба любили мясо с кровью: уж это не стало бы проблемой в их совместной жизни. Мэриен так проголодалась, что готова была в один присест проглотить свой стейк.

Она начала отрезать от филе кусочки, жевать и отправлять в благодарный желудок. Поразмыслила о разгоревшейся дискуссии, пытаясь поточнее сформулировать, что она имела в виду под справедливостью. Вероятно, честность, но и это определение имело весьма расплывчатые очертания. Значит ли это «око за око»? Но какой смысл вырывать кому-то глаз, если ты уже потерял свои? А как же компенсация? В таких ситуациях, как автокатастрофа, речь всегда идет о денежной компенсации; можно даже возместить деньгами эмоциональные страдания. Однажды в трамвае она видела, как мамаша укусила своего малыша в отместку за то, что он укусил ее. Ей попался жесткий кусок, она его задумчиво пережевала и проглотила.

«Питер сегодня какой-то сам не свой», — подумала она. У него было очень сложное дело, которое потребовало массы подготовительной работы и непростого анализа; он изучил

кучу прецедентов и в конце концов пришел к неутешительному выводу, что решение всегда принималось в пользу противной стороны. Вот почему он и делал сейчас такие безапелляционные заявления: сложности вызвали у него досаду, ему требовалась простота. Впрочем, Питеру надо наконец осознать, что, если бы законы не были такими заковыристыми, он не смог бы зарабатывать.

Мэриен потянулась к бокалу с вином и бросила взгляд на Питера. Он наблюдал за ней. Он уже почти покончил со своим филе, а она и половины не съела.

— Задумалась о чем-то важном? — ласково поинтересовался Питер.

— Не совсем. Просто мысли о том о сем. — Она улыбнулась и вернулась к своему горячему.

В последнее время он разглядывал ее все более внимательно. Раньше, летом, ей казалось, что он на нее редко смотрит, а если и смотрит, то почти не видит; в постели, потом, он обычно вытягивался возле нее и утыкал лицо ей в плечо, а иногда засыпал. Но сейчас он частенько вглядывался в ее лицо, очень внимательно, как будто, если бы он смотрел на нее не отрываясь, то смог бы пронзить взглядом плоть, череп и попасть прямо

в машинное отделение мозга. Она не знала, что он пытался в ней найти, когда вот так сверлил ее взглядом. Этот взгляд приводил ее в смятение. Нередко, когда они, обессиленные, лежали рядом в кровати, она открывала глаза и приходила к выводу, что он так пристально смотрит на нее, возможно, надеясь прочесть в выражении ее лица какие-то сокровенные мысли. Потом он нежно проводил рукой по ее коже, бесчувственно, почти как врач, словно мог одним прикосновением выяснить то, что ускользало от его пытливого взгляда. Или словно пытался запомнить ее внешность. Вот тогда-то, когда ей начинало казаться, будто она лежит на смотровом столе врача, она хватала его за руку, заставляя прекратить.

Мэриен поковыряла вилкой в салате, перебирая ингредиенты в деревянной миске: ей хотелось выудить кусочек помидора. А может быть, Питер прочитал какое-то пособие по семейной жизни, и именно с этим связано его изменившееся поведение. «Это очень похоже на него», — подумала она с нежностью. Возникает в жизни новая ситуация — идешь, покупаешь книгу и вычитываешь из нее, как поступать в том или ином случае. Она вспомнила книги и журналы по фототехнике, которые занимали целую полку в спальне Пи-

тера — между книгами по юриспруденции и детективными романами. А справочник автолюбителя у него всегда лежал в бардачке. Так что, раз он собрался жениться, вполне в его логике было бы купить справочник по семейной жизни с наглядными диаграммами и таблицами. Ей стало смешно.

Она наколола вилкой черную оливку и отправила в рот. Да, видимо, в этом все дело. Он рассматривал ее так, как рассматривал бы новый фотоаппарат, стараясь разглядеть крошечные колесики и пружинки или найти возможные недостатки механизма, чтобы оценить потенциал его функциональности. Его интересовало, как она работает. Если интересовало именно это…

Мэриен мысленно улыбнулась. «Ну вот, я придумываю какие-то глупости», — подумала она.

Питер практически закончил. Она наблюдала, как его ловкие руки орудуют вилкой и ножом, отрезая с равномерным нажимом одинаковые кусочки филе. Он проделывал это ювелирно: ни лишних надрезов, ни рваных волокон. И тем не менее это был кровожадный акт, а кровожадность никак не ассоциировалась у нее с Питером. Как и с рекламой пива «Лось», которая начала появляться повсюду: в поездах подземки, на

уличных щитах, в журналах. Поскольку Мэриен участвовала в предварительном маркетинговом исследовании, она ощущала отчасти и свою ответственность за эту рекламу, хотя никакого вреда от нее не было. Изображение стоящего в воде рыбака с пойманной в сеть большущей форелью было слишком приглаженным: рыбак выглядел так, будто его перед съемкой тщательно причесали, а пара выбившихся на лоб прядей подчеркивали, что дует сильный ветер. И рыбина была какой-то ненастоящей: ни слизи на чешуе, ни зубов, ни запаха: она смахивала на механическую игрушку из покрытого эмалью металла. И убивший оленя охотник тоже стоял в неестественной позе и был чересчур уж чистеньким: ни прилипшей к голове веточки, ни крови на руках. Разумеется, в рекламной картинке и не должно быть ничего неприятного или уродливого: к примеру, ни в коем случае нельзя изображать мертвого оленя с вывалившимся языком.

Она вспомнила о репортаже на первой странице сегодняшней газеты, который мельком пробежала, не особенно углубляясь в детали. Там речь шла о молодом парне, который, похоже, спятил, взял винтовку, начал палить из окна верхнего этажа и убил девять человек, после

чего его обезвредила полиция. В газете поместили его портрет: бледный, в светлой одежде, с мрачным взглядом исподлобья, между двумя полицейскими в темной форме. Он не производил впечатления человека, который мог ударить кого-то не то что ножом, но и кулаком. Но решив учинить кровопролитие, он выбрал, так сказать, удаленный вариант, воспользовавшись для этого специальным инструментом; сам он никого пальцем не тронул, но его палец стал направляющим прибором, и он смотрел на совершенное им убийство, на разлетающиеся ошметки плоти и струи крови издалека. Это был акт кровожадности сознания — почти как магический ритуал: подумал об этом — и оно произошло…

То, как Питер легко расправляется со стейком, отрезая ровный ломтик, а потом разделывая его на аккуратные кубики, напомнило ей схему разделки коровьей туши в кулинарной книге: силуэт коровы с пунктирными линиями и надписями с названиями той или иной части туловища. Филе миньон, которое они заказали сейчас, отруб откуда-то со спины, и она невольно подумала: резать по пунктиру. Она представила себе ряды рубщиков мяса в большом зале мясницкого училища, все сидели за длинным столом, покрытом

белоснежной скатертью, с садовыми секаторами в руках, которыми они вырезали из лежащих перед ними картонных коровьих туш стейки, ребра и ростбифы. Корова в той кулинарной книге, насколько она помнила, была нарисована с глазами, рогами и выменем. Она безмятежно стояла как будто на лужайке, совершенно не встревоженная странными линиями и надписями на ее шкуре. «Может быть, — подумала Мэриен, — после долгих экспериментов ученым-селекционерам удастся наконец вывести особую породу коров, чьи туловища с рождения будут покрыты пунктирными линиями в нужных местах».

Она взглянула на свой недоеденный стейк и внезапно осознала, что это кусок мышцы. Кроваво-красного цвета. Частица настоящей коровы, которая некогда жила, ела и была убита — получила удар по голове, отстояв очередь на бойню, как человек стоит в очереди на трамвай. И, само собой, все это знают. Просто стараются по возможности об этом не думать. В супермаркете части коровы лежат упакованные в целлофановые пакеты с этикетками и ценниками, и это все равно как купить банку арахисового масла или бобов, и даже когда ты заходишь в мясную лавку, тебе быстро и сноровисто заворачивают куски

мяса, и все это происходит деловито и в обстановке чистоты. Но вот кусок мяса лежал прямо перед ней, не маскируясь в обертки: плоть, кровь, стейк легкой прожарки, а она его пожирала. И наслаждалась.

Мэриен отложила нож и вилку. Почувствовав, как вдруг побледнела, она понадеялась, что Питер этого не заметил.

«Это же просто смешно, — мысленно увещевала она себя. — Все едят коров, это же так естественно. Ты ешь, чтобы не умереть, мясо тебе полезно, в нем много белка и минералов».

Она снова взяла вилку, наколола кусочек, поднесла ко рту — и положила обратно на тарелку.

Питер, улыбнувшись, поднял голову.

— Боже, как же я проголодался, — проговорил он. — С таким наслаждением отправил этот стейк внутрь. Хорошая еда всегда помогает ощутить себя настоящим человеком.

Она кивнула в ответ и вымученно улыбнулась. Он перевел взгляд на ее тарелку.

— Что с тобой, милая? Ты не доела.

— Нет, — подтвердила она. — Что-то я уже наелась. Больше не лезет. — Она сказала это таким тоном, чтобы намекнуть, будто у нее слишком маленький желудок, и ей не справиться с такой

горой мяса. Питер с улыбкой пошевелил губами, обрадовавшись мысли, что ему под силу съесть гораздо больше.

«Боже, — подумала она, — надеюсь, это только временно. Не то я умру с голоду».

Печально теребя в пальцах салфетку, Мэриен смотрела, как Питер отправляет в рот последний кусок своего стейка.

18

Мэриен сидела за кухонным столом, обреченно поедая ложкой арахисовое масло из банки и листая толстенную кулинарную книгу. На следующий день после филе миньона она не смогла съесть свиную отбивную, а еще через несколько недель принялась экспериментировать. В ходе этих экспериментов она обнаружила, что не может есть куски, изображенные не только на схеме разделки туши коровы, но также и на схеме разделки свиной и бараньей туш. И какая бы сила — явно не мозг — ни заставляла ее делать выбор, она отвращала ее от поедания всего, что имело отношение к костям, сухожилиям и мышечной ткани. А все то, что представляло собой продукты переработки: фарш и полуфабрикаты вроде хот-догов, гамбургеров, котлет из баранины и свиных сарделек — она прекрасно могла есть, если только не разглядывала их слишком внимательно. Рыба тоже входила в круг разрешенной пищи. Она боялась прикасаться к курице: когда-то она обожала курятину, но у этих птиц имелся ярко выраженный скелет, а кожа, как она предполагала, будет сильно напоминать

ей руку, покрытую гусиной кожей. Во избежание дефицита белка она налегала на омлеты, арахис и поедала в больших количествах сыр. При чтении кулинарной книги — сейчас она перешла в раздел «Салаты» — ее охватил тихий ужас от мысли, что этот подсознательный отказ рта принимать животную пищу окажется злокачественным: он распространится и дальше, и круг, отделяющий съедобную пищу от несъедобной, будет неумолимо сужаться, а список дозволенных продуктов — постоянно сокращаться.

«Я превращаюсь в вегетарианку, — печально думала она про себя, — в одного из этих чудиков. Скоро я буду обедать в кафе здорового питания».

Она с отвращением прочитала колонку, озаглавленную «Советы по употреблению йогурта»: «Для усиления вкуса посыпьте йогурт измельченными орехами», — радостно увещевал автор книги.

Зазвонил телефон. Она не сразу поднялась, чтобы снять трубку. Ей сейчас не хотелось ни с кем разговаривать, и она с усилием оторвалась от рецепта легкого салата из свежих листьев латука и кресс-салата с пикантными травами.

— Мэриен? — послышался голос Леонарда Слэнка. — Это ты?

— Да, привет, Лен! Как дела?

Они уже давно не виделись и даже не перезванивались. Лен был взволнован.

— Ты одна? В смысле, Эйнсли с тобой?

— Нет. Она еще не вернулась с работы. Сказала, что пройдется по магазинам.

Наступила пора рождественских распродаж; правда, она длилась вроде бы уже несколько месяцев: все магазины работали до девяти вечера.

— Я передам, чтобы она тебе перезвонила, как только вернется.

— Нет-нет, не надо! — поспешно возразил он. — Мне надо с тобой поговорить. Я могу заехать?

В тот вечер Питер работал над очередным делом, так что, строго говоря, она была свободна и не смогла сразу придумать какую-то отговорку.

— Ну конечно, Лен!

Значит, Эйнсли ему все рассказала, поняла Мэриен. Идиотка! Ну и зачем, спрашивается, она это сделала?

В последние недели Эйнсли словно летала на крыльях. С самого начала она была уверена, что забеременела, и ее сознание парило над ее телом и внимательно анализировало все его импульсы, как ученый-химик наблюдает за экспериментальной реакцией в пробирке и ждет

предсказанный результат. Она проводила на кухне больше времени, чем обычно, пытаясь определить, возникли ли у нее странные вкусовые предпочтения, пробовала массу разных продуктов, желая убедиться, что они разные на вкус, и докладывала Мэриен о своих открытиях: чай, говорила она, кажется теперь горьким, яйца отдают серой. Она заходила к Мэриен и вставала на кровать перед зеркалом — у Мэриен зеркало было большое — и изучала очертания своего живота. Бродя по квартире, она напевала себе под нос — непрерывно, невыносимо; как-то утром Эйнсли, к ее немалой радости, вырвало прямо в кухонную раковину. Наконец-то пришло время посетить гинеколога, и вот вчера она взлетела вверх по ступенькам и с сияющим лицом ворвалась в гостиную, размахивая конвертиком: тест на беременность оказался положительным!

Мэриен ее поздравила, но не столь сурово, как могла бы еще несколько месяцев назад. В то время ей пришлось бы столкнуться с массой сопутствующих проблем, например, где Эйнсли жить: домовладелица, ясное дело, не потерпела бы у себя квартиросъемщицу с растущим животом, — и где ей самой найти новую соседку, но в таком случае, решив покинуть Эйнсли, она бы

не мучилась чувством вины, а если бы решила остаться, то, кто знает, смогла бы она справиться со всеми сложностями, которые неизбежно возникли бы у нее при совместной жизни с матерью-одиночкой и ее младенцем. Но теперь это уже была не ее забота, и она могла позволить себе почти искренне порадоваться за Эйнсли. В конце концов, скоро она сама выйдет замуж и съедет.

Ей не понравился звонок Лена потому, что она не хотела встревать в их отношения. Судя по его интонации, Эйнсли, вероятно, что-то ему сболтнула, но из их короткого разговора она так и не поняла, что именно ему известно. Мэриен приняла решение оставаться в стороне. Она, конечно, выслушает — как-никак уши у нее есть — все, что он ей наговорит (а что он может сказать, он уже сыграл свою роль); но помимо этого, что еще она могла сделать? Она была бессильна изменить ситуацию, которая ее и так раздражала: если Лен хотел с кем-то поговорить, то ему бы надо обратиться к Эйнсли. Только она могла ответить на любые его вопросы.

Мэриен съела еще ложку арахисового масла, причем ей было неприятно ощущать, как ореховая масса липнет к нёбу, и чтобы как-то убить время, перешла в раздел моллюсков и внимательно

но прочитала советы по разделке креветок (кто, недоумевала она, сегодня покупает живых креветок), а потом рецепт приготовления черепашьего супа — в последнее время ее заинтересовали черепахи, хотя она толком еще не поняла, чем именно. Надо было держать живую черепаху в картонной коробке неделю, ухаживать за ней и кормить гамбургерами, чтобы вывести из черепашьего организма всякую нечисть. А потом, когда черепаха уже начнет привыкать к тебе и доверять и, может быть, уже будет ползать за тобой по кухне, как сонный преданный спаниель, тебе надо будет положить ее в кастрюлю с холодной водой (там черепаха, само собой, будет радостно плавать и нырять), после чего поставить кастрюлю на плиту и медленно довести до кипения. Описанная процедура заставила ее вспомнить о судьбе первых христиан-мучеников. Какие же жестокости творятся на кухнях по всей стране во имя приготовления пищи! Но единственной альтернативой в данном случае оказывались разрубленные на куски, расфасованные и упакованные в целлофан, пластик и картон суррогаты. Это замена животной пищи или ее маскировка? Во всяком случае, если тут имело место убийство, оно искусно совершалось неизвестно кем

и заранее.

Коротко взвизгнул дверной звонок. Мэриен напряглась и прислушалась. Ей не хотелось спускаться, если в этом не было необходимости. Снизу донесся шелест голосов и стук закрываемой входной двери. Домовладелица была начеку. Мэриен вздохнула, закрыла кулинарную книгу, облизнув в последний раз ложку, бросила ее в раковину и закрутила крышку на банке с арахисовым маслом.

— Привет! — сказала она Лену, открыв ему дверь. Он был бледен и к тому же запыхался, поднимаясь по лестнице. Выглядел он так себе. — Входи, садись. — И, поглядев на часы, которые показывали только половину седьмого вечера, добавила: — Ты уже ужинал? Хочешь есть?

Она хотела приготовить ему что-нибудь, хотя бы сэндвич с беконом и помидором. С тех пор как ее отношение к еде приобрело неясный характер, у нее вдруг появилась извращенная тяга наблюдать за тем, как едят другие.

— Нет, спасибо, — ответил Лен. — Я не голоден. Но я бы выпил, если у тебя есть что.

Он прошел в гостиную и тяжело плюхнулся на диванчик, словно его тело было мешком, который он утомился носить.

— У меня только пиво — сойдет? — Она ушла на кухню, откупорила там две бутылки и принесла их в гостиную. С близкими друзьями, как Лен, она не озабочивалась бокалами.

— Спасибо, — кивнул он и поднес пузатую приземистую бутылку ко рту. Его губы сложились бутоном, крепко обхватив горлышко. В этот момент он напомнил ей ребенка. — Боже, как же мне это было нужно! — воскликнул он, ставя бутылку на журнальный столик. — Полагаю, она тебе уже рассказала.

Мэриен потягивала пиво, не спеша с ответом. Это было пиво «Лось»: она купила несколько бутылок из любопытства. На вкус оно ничем не отличалось от других сортов пива.

— Ты имеешь виду, что она беременна? — безразличным тоном спросила Мэриен. — Да, конечно.

Лен застонал. Он снял очки в роговой оправе и прикрыл ладонью глаза.

— Господи, я просто опустошен. Она была в шоке, когда мне сообщила… Боже ты мой, я просто позвонил ей пригласить на чашку кофе, потому что после той ночи она меня как будто избегала. Наверное, случившееся ее потрясло, но когда она огорошила меня *этим* по телефону… Я весь

день не мог работать. Я бросил трубку посреди разговора, уж не знаю, что она обо мне подумала, но я просто не мог этого слышать. Она же совсем юная *девочка*, Мэриен! Со взрослыми женщинами все по-другому! Ну подумаешь, получай, что заслужила, грязная стерва, и не сказать, что со мной такого не бывало раньше… Но она же совсем *юная*! И само ужасное, я просто не помню, что в тот вечер произошло. Мы вернулись сюда выпить кофе, мне было неловко, а тут эта бутылка виски на столе, ну я и схватил ее. Конечно, не стану отрицать, что я к ней приставал, но, черт побери, я такого не ожидал, то есть я не был готов, то есть мне надо было бы вести себя аккуратнее. Ну и влип же я. И что мне теперь *делать*?

Мэриен сидела и молча наблюдала за ним. Значит, Эйнсли даже не успела изложить ему свои мотивы. И подумала, а не попробовать ли ей самой распутать этот клубок ради Лена или стоит предоставить заняться этим самой Эйнсли, коли она заварила кашу.

— То есть я, конечно, мог бы на ней *жениться*, — тоскливо проговорил Лен. — Но муж из меня никакой, я же еще слишком *молод*, чтобы жениться, ты вот можешь представить меня мужем и тем более *отцом*? — Он издал всхлип

и судорожно прижал бутылку пива ко рту. — Рождение, — фальцетом произнес он и добавил обреченно: — Рождение ребенка меня пугает. Это же отвратительно. Я не могу даже подумать о том, чтобы иметь, — он содрогнулся, — ребенка!

— Но, понимаешь, ведь не тебе придется рожать, — резонно заметила Мэриен.

Лен повернул к ней страдальчески искаженное, умоляющее лицо. Контраст между этим мужчиной с жалкими глазами, лишенными привычного заграждения в виде стекол в роговой оправе, и тем немного развязным, остроумным, слегка насмешливым Леном, которого она знала, был ей неприятен.

— Мэриен, прошу тебя, ты можешь ее уломать? Если она решится на аборт, я, разумеется, его оплачу. — Лен нервно сглотнул. Она увидела, как запрыгал его кадык. Ей и в голову не могло прийти, что он может быть таким несчастным.

— Боюсь, она не согласится, — мягко сообщила она. — Понимаешь, все дело в том, что она сознательно *хотела* забеременеть.

— Она что?

— Она это специально подстроила. Ей хотелось забеременеть.

— Но это же смешно! — не поверил Лен. — Ни-

кто *не хочет* забеременеть. Никто бы в здравом уме так не поступил!

Мэриен улыбнулась. Он, оказывается, такой простодушный, чем вызвал у нее какое-то сентиментальное умиление. Ей даже невольно захотелось усадить его себе на колени и назидательно произнести: «А теперь, Леонард, пришла пора рассказать тебе самое главное про жизнь».

— Ты удивишься, — возразила она, — очень многие хотят. В наши дни, знаешь ли, это модно; и Эйнсли много читает; в колледже ей особенно нравился курс антропологии, и она убеждена, что любая женщина не имеет права считать, что выполнила свое женское предназначение, если не родила ребенка. Но ты не волнуйся, тебя никто не заставит быть отцом. Она не хочет мужа, только ребенка. Так что ты свой вклад уже внес.

Лен явно не верил своим ушам. Он надел очки, поглядел сквозь них на Мэриен и снова снял. Наступила очередная пауза, пока он пил пиво.

— Значит, она закончила колледж. И как это я не понял? Так вот зачем, — негодующе заявил он, — женщины учатся. Чтобы иметь нелепые идеи.

— Ну уж не знаю, — колко заметила Мэриен. — Есть мужчины, которым высшее образование

тоже не идет на пользу.

Лен поморщился.

— Имеешь в виду меня, конечно. Но откуда мне знать? *Ты* же мне ничего не сказала. А еще друг, называется.

— С чего бы? Вот уж не думала, что мне придется учить тебя уму-разуму, — с досадой воскликнула Мэриен. — Но с чего тебе волноваться теперь, когда ты все знаешь. Тебе-то *ничего* не надо делать! Она все сама сделает как надо. Поверь мне, Эйнсли вполне способна позаботиться о себе.

Настроение Лена менялось на глазах: от отчаяния к гневу.

— Ах, эта маленькая шлюшка, — пробормотал он сквозь зубы. — Во что меня втянула…

На лестнице послышались шаги.

— Тихо! — шикнула Мэриен. — Это она. Сохраняй спокойствие.

И она пошла в небольшую прихожую встретить Эйнсли.

— Приветик! Только погляди, что я *достала*! — крикнула Эйнсли, преодолевая последний пролет. Она вбежала в кухню, свалила пакеты на стол и, снимая пальто и не переводя дыхание, продолжила тараторить: — Там было полно народу, но кроме продуктов — мне же теперь надо

есть за двоих, да? — я взяла себе витамины и еще купила такие чудненькие вещички, сейчас покажу! — Она вынула из пакета книгу по вязанию и несколько мотков голубой пряжи.

— Значит, будет мальчик, — сделала вывод Мэриен.

Эйнсли вытаращила глаза.

— Ну, конечно. Ну, то есть, я думала, лучше бы это…

— Тогда, может, стоит обсудить это с будущим отцом, прежде чем что-либо предпринимать. Он в гостиной и, похоже, очень недоволен, что ты с ним не проконсультировалась. Дело в том, — коварно добавила Мэриен, — что он, возможно, хотел девочку.

Эйнсли отбросила огненно-каштановую прядь волос со лба.

— О, Лен здесь, да? — спросила она преувеличенно холодно. — Да. Когда мы говорили по телефону, он мне показался слегка расстроенным.

Она отправилась в гостиную. Мэриен пока не решила, кто из них больше будет нуждаться в ее моральной поддержке или кому ее оказать в случае необходимости. Мэриен шла следом за Эйнсли и думала, что, если разыграется буря, она

просто самоустранится — правда, еще не знала, каким образом.

— Привет, Лен, — беззаботно произнесла Эйнсли. — Ты бросил трубку, и я не успела тебе все объяснить.

Лен даже не посмотрел на нее.

— Мэриен уже все мне объяснила, спасибо!

Эйнсли обиженно надула губки. Ей явно хотелось это сделать самой.

— Что ж, кому-то надо было взять на себя эту обязанность, — строго заявила Мэриен, сжав губы, точно пресвитерианская монахиня. — Он страдал.

— Может быть, мне вообще не стоило тебе об этом рассказывать, — сказала Эйнсли, — но я и правда не могла держать эту тайну в себе. Только представь: я собираюсь стать матерью! Я так счастлива!

Лен, постепенно придя в себя, ощетинился и насупился.

— Ну, я-то не так счастлив, — рявкнул он. — Все это время ты меня просто *использовала*! Какой же я был идиот, решив, что ты мила и невинна, а ты, оказывается, уже и колледж успела окончить! А, все вы одинаковые! Тебя совершенно не интересовал *я*! Единственное, что тебе от меня было

нужно, это мое тело!

— А что тебе было нужно от меня, а? — проворковала Эйнсли. — Во всяком случае, я получила то, что хотела. Остальное получил ты. И можешь быть спокоен, я не собираюсь угрожать тебе иском об отцовстве!

Лен вскочил и нервно мерял шагами комнату, старясь держаться от Эйнсли подальше.

— Спокоен. Ха! Нет уж, ты меня втянула. Ты втянула меня психологически. Теперь мне придется считать себя отцом, это же неподобающе, и все из-за тебя! — Он задохнулся: это была новая для него мысль. — *Ты* соблазнила *меня*! — Он махнул пивной бутылкой в ее сторону. — Теперь я буду мысленно связан по рукам и ногам «рождением». «Фертильностью». «Беременностью». Ты хоть понимаешь, во что это меня превратит? Это же мерзко, эта слизь…

— Не будь идиотом… — сказала Эйнсли. — Это все совершенно естественно и прекрасно. Отношения между матерью и еще не рожденным ребенком — самая желанная и самая тесная связь в мире. — Она остановилась в дверях и посмотрела в окно. — Чудесная, взаимно сбалансированная…

— Тошнотворно! — перебил Лен.

Эйнсли злобно вскинулась.

— Ты демонстрируешь классические симптомы зависти к материнскому чреву. А сам-то *ты*, черт побери, откуда взялся? Ты же не с Марса сюда попал, знаешь ли, и может быть, для тебя это новость, но твоя мать не нашла тебя в капусте на огороде. Ты лежал, скрючившись, в ее *матке* девять месяцев, как и все прочие, и…

У Лена перекосилось лицо.

— Заткнись! Не напоминай мне! Я не могу это слышать, меня сейчас вырвет! И не подходи! — взвизгнул он, когда Эйнсли шагнула к нему. — Ты нечистая!

Мэриен решила, что у него истерика. Он присел на подлокотник диванчика и закрыл лицо руками.

— Она меня заставила, — бормотал он. — Моя собственная мать. Мы ели вареные яйца на завтрак, я очистил свое и засунул в него ложку, и я клянусь, внутри был крошечный цыпленок, он еще не родился, и я не хотел его трогать, но она не *видела*, не видела, что там, и сказала мне: «Не глупи! По-моему, это самое обычное яйцо», но оно не было обычным, не было, и она заставила меня его съесть. А я точно знаю, что там был и клювик, и коготки, и все прочее… — Его всего трясло. —

Ужасно, ужасно, я не могу… — стонал он, и его плечи начали конвульсивно вздрагивать.

Мэриен от смущения покраснела, но Эйнсли озабоченно закудахтала и бросилась к диванчику. Она села рядом с Леном и, обхватив его за плечи, потянула вниз, так что он бессильно прилег у нее на коленях, уперев голову ей в плечо.

— Тихо, тихо, — по-матерински утешала она его. Ее волосы упали им на лица, точно вуаль или, подумала Мэриен, как паутина. Эйнсли слегка покачивалась на диванчике. — Тихо, тихо. Это будет не цыпленочек, а милый ребеночек. Милый ребенок.

Мэриен ушла на кухню. Она была вне себя от возмущения: оба вели себя как малые дети. «Душа Эйнсли уже покрылась жиром, — подумала она, — гормоны творят чудеса». А скоро она превратится в сердобольную толстуху. И Лен тоже внезапно выплеснул нечто скрытое, нечто, чего она раньше никогда не видела. Он вел себя как белый червяк, вырытый из подземной норы на дневной свет. И, ослепленный, он начал бешено извиваться. Но ее удивило, что понадобилось так мало усилий, чтобы низвести его до такого жалкого состояния. Его панцирь оказался не таким уж толстым и огрубевшим, как ей пред-

ставлялось. Это было очень похоже на детский фокус: сжимаешь концы яйца ладонями, а оно не трескается — надо так его сбалансировать, чтобы оказывать давление на самого себя. Но стоит слегка сдвинуть яйцо и снова нажать, как оно сразу же трескается и вытекает тебе на обувь.

И вот теперь, когда хрупкий баланс прочности Лена был нарушен, он треснул, как то самое яйцо. Ей было любопытно, как ему так долго удавалось избегать этой болезненной темы, убеждая себя в том, будто его хваленые сексуальные похождения уж точно никак не связаны с деторождением. И как бы он поступил, если бы ситуация оказалась ровно такой, какой он себе представил: если бы Эйнсли *забеременела* от него по чистой случайности? Смог бы он отделаться, мотивируя это своей неподсудностью в отсутствие намерения нанести вред, смог бы избавиться таким образом от вины и выйти сухим из воды?

Эйнсли не могла предвидеть его реакцию. Но приняв свое решение, она несла ответственность за случившееся. И как она теперь с ним поступит? Что ей *придется* сделать?

«Ну, — подумала Мэриен, — это их трудности, пусть они их и решают. Меня это не касается». Она вошла к себе в спальню и закрыла за собой

дверь.

Но на следующе утро, когда она сняла скорлупу со сваренного всмятку яйца и увидела яркий желток, вперивший в нее серьезный укоризненный взгляд, у нее невольно сжался рот, точно испуганная морская анемона. Он же живой, сообщили ей глотательные мышцы и инстинктивно сократились. Она отставила яйцо в сторону. Ее сознание уже свыклось с процедурой отказа. Со вздохом она смирилась — и вычеркнула из своего мысленного списка еще один продукт.

19

— Вот эти с джемом, эти с лососиной, тут с арахисовым маслом и медом, а вот с яичным салатом, — перечисляла миссис Грот, ставя блюдо сэндвичей прямо перед носом у Мэриен, — не потому, что она была грубой, а потому что Мэриен сидела на диванчике, а миссис Грот стояла, и сочетание негнущегося позвоночника, тугого корсета и развитой от длительного сидения за письменным столом мускулатуры удерживало туловище миссис Грот в вертикальном положении, не позволяя ей сгибаться слишком низко.

Мэриен отодвинулась от стола и устроилась поудобнее на мягких ситцевых подушках.

— О, желе, спасибо! — сказала она, и взяла с блюда желатиновый куличик.

В офисе справляли Рождество, и праздник устроили в столовой для сотрудников, где всем было, как выразилась миссис Гандридж, «уютненько». Правда, ощущение уюта, разлитое в этом довольно тесном помещении, скрадывалось благодаря ощутимой толике скрытого недовольства, испытываемого присутствующими. Рождество в этом году выпало на среду, а значит, всем придет-

ся вернуться на работу в пятницу: всего одного дня не хватило, чтобы насладиться чудесными длинными выходными. И исключительно от осознания этого факта, не сомневалась Мэриен, очки миссис Грот весело поблескивали, а сама она преисполнилась преувеличенного оживления, помогавшего ей выдержать столь необычную в стенах этой компании раздачу сэндвичей и салатов. «Это все потому, что она хочет тщательнее изучить наши офисные страдания», — подумала Мэриен, глядя, как негнущаяся фигура миссис Грот движется по комнате.

Корпоративный праздник, по большому счету, свелся к совместному чревоугодию и обсуждению текущих проблем и сделок. Еду сегодня принесли сами офисные дамы: все договорились принести из дома что-то свое. Даже Мэриен вынуждена была пообещать сделать шоколадные кексы, которые на самом деле она купила в кондитерской лавке и переложила в свой пакет. В последнее время у нее душа не лежала к готовке. Всю еду выложили на стол в углу столовой — еды было куда больше, чем они могли осилить: салаты и сэндвичи, кексы и десерты, печенье и торты. И раз все что-то принесли, всем и пришлось съесть всего понемногу, чтобы никого не обидеть. Время

от времени кто-то из сотрудниц вскрикивал: «О, Дороти, я *не могу* не попробовать твой апельсиново-ананасовый пирог!» или «Лина, твой фруктовый бисквит выглядит очень аппетитно!» — и мчался со своей картонной тарелкой к столу с угощением. Мэриен догадалась, что праздники здесь не всегда проходили так. Старожилы вспоминали о временах, уже ставших легендарными, когда офисные корпоративы устраивались на широкую ногу для всех сотрудников компании — но в те времена и сама компания была куда меньше. В те далекие дни, уклончиво сообщала миссис Боге́, к ним спускались мужчины сверху, и на стол даже выставлялось спиртное. Но со временем офис разросся, и наступил момент, когда уже никто не знал всех сотрудников, и корпоративные вечеринки начали выходить за рамки приличий. К молоденьким офисным девушкам из отдела копирования приставали заблудшие с верхнего этажа старшие менеджеры, и неловкие разоблачения похотливых посягательств и проявления взаимной враждебности настолько обрыдли возрастным дамам, что они даже устраивали истерики. И вот в интересах поддержания высокого морального духа в компании разные отделы стали проводить собственные праздники,

и миссис Гандридж днем высказала мнение, что будет куда уютнее, если сегодня вечером соберется одно только женское общество, и ее слова были встречены вязким ропотом одобрения.

Мэриен сидела зажатая с двух сторон офисными девственницами, а третья уселась на подлокотник диванчика. В таких ситуациях все трое держались вместе из чувства самосохранения: у них не было ни детей, чьи фотографии они могли бы сравнивать, ни семейных очагов, так что они не могли обсуждать меблировку, ни даже мужей, на чьи эксцентричные замашки или дурные привычки можно было бы пожаловаться друг другу. Они обожали обсуждать других, хотя Эмми для поддержания разговора иногда делилась с подругами рассказами о своих болезнях. Мэриен прекрасно знала, что ее статус считался в этой троице сомнительным: им было известно, что ей рукой подать до замужества, поэтому они не относились к ней как к по-настоящему одинокой девушке, ведь она больше не могла принимать близко к сердцу их проблемы, но, даже невзирая на некоторую холодность их отношения к ней, она предпочитала находиться в их компании, нежели в какой-то другой. В столовой все как будто замерло. За исключением тех, кто переда-

вал друг другу тарелки с едой, дамы в основном сидели группками в разных частях помещения, то и дело меняясь местами, освобождая и занимая стулья. Одна только миссис Боге́ постоянно циркулировала по комнате, раздавая направо и налево то милые улыбки, то знаки внимания или печенье. Это был ее долг.

Она усиленно его исполняла, потому что в середине дня случилось непредвиденное. Сегодня утром должен был стартовать общегородской опрос о новом растворимом томатном супе, запланированный еще на октябрь, но с тех пор постоянно откладывавшийся и доводившийся до ума. Рекордное число интервьюеров — практически все имеющиеся в наличии у компании — должно было десантироваться к дверям чуть ли не всех домов в городе и появиться перед ничего не подозревающими домохозяйками с картонными лоточками на шее, как девчонки, раздающие бесплатные сигареты в рамках промокампании (Мэриен в разговоре с Люси пошутила, что их лучше было бы обрядить в перья и чулки-сеточки), только на лоточках у них должны были стоять два картонных стаканчика: один с натуральным томатным соком, другой — с порошковым томатным супом, а рядом —

кувшинчик с водой. Домохозяйка должна была сперва отпить сок, потом интервьюер у нее на глазах смешивал порошковый томатный суп с водой и давал продегустировать, и респондентка должна была изумиться быстроте приготовления супа и натуральности его вкуса: «Добавь воды, размешай — и суп готов!» — гласил предварительный вариант рекламного слогана. Но если бы этот опрос провели в октябре, все могло бы получиться лучше некуда.

К несчастью, снег, который и без того уже лежал пять необычно пасмурных дней, в десять утра сегодня повалил снова — и не порхающими белыми хлопьями, не короткими снежными зарядами, а буквально стеной. Миссис Боге́ пыталась вымолить у начальства согласие опять отложить опрос, но тщетно.

— Мы же работаем с людьми, а не с машинами! — заявила она в телефонную трубку достаточно громко, так что ее голос был слышен во всем отделе даже из-за закрытой двери ее застекленной кабинки. — В такую метель просто невозможно выйти на улицу!

Но сроки поджимали, а опрос уже и так несколько раз переносили, и откладывать его было никак нельзя, к тому же сейчас отсрочка даже на один

день будет равноценна трехдневному простою — а все из-за неудобного Рождества. И вот весь выводок миссис Боге́ жалобно кудахча, побрел сквозь густой снегопад.

Все утро офис напоминал базу поисково-спасательной операции в зоне бедствия. Телефоны разрывались от звонков несчастных интервьюеров. Их автомобили, не заправленные антифризом и не оснащенные зимними шинами, глохли и застревали в снежных заносах, замерзшие дверцы прищемляли пальцы, а крышки багажников падали на головы. Картонные стаканчики сметались с лоточков порывами морозного ветра и катились по дорожкам и лужайкам, расплескивая кроваво-красное содержимое по снегу и на интервьюеров, а если интервьюеры уже успевали позвонить в дверь, то и на домохозяек, вышедших за порог. У одной интервьюерши лоток сорвался с шеи и взмыл ввысь, точно бумажный змей; другая пыталась укрыть свой лоток от ветра под пальто, но оба стаканчика опрокинулись и вымочили ее всю до нитки. А после одиннадцати утра в офисе появились и сами интервьюеры, всклокоченные, вымазанные красными потеками, чтобы — в зависимости от темперамента — отказаться от задания, объяснить свою неудачу

или удостовериться в собственной значимости как эффективного научного инструмента анализа общественного мнения; а миссис Боге́ вдобавок приходилось принимать на себя взрывы гнева обитателей корпоративного олимпа, не признававших никаких снежных бурь помимо учиненных по их воле. Следы недавних разбирательств все еще виднелись на ее лице, когда она лавировала между жующими сотрудницами. Притворяясь разгневанной или расстроенной, она на самом деле сохраняла благодушие, но сейчас, излучая благодушие, она напомнила Мэриен надменную даму в широкополой шляпе, которая выступает с благодарственной речью перед членами женского клуба, а сама чувствует, как по ее ноге ползет сороконожка.

Мэриен перестала прислушиваться сразу к нескольким разговорам и позволила звукам голосов, наполняющих помещение, слиться в бессмысленную мешанину слогов. Она доела сэндвич с джемом и отправилась за куском торта. Вид снеди на столе возбудил у нее чувство голода: все эти горы еды, эти меренги, и сахарная глазурь, и шоколадный крем, и все эти вредные сочетания жира и сахара, это изобилие сытных лоснящихся яств… Когда она вернулась с куском бисквита,

Люси, только что беседовавшая с Эмми, уже болтала с Милли, поэтому стоило Мэриен снова сесть на свое место, как ей пришлось волей-неволей слушать их беседу.

— …естественно, они понятия не имеют, что с этим делать, — говорила Люси. — Не станешь же ты просить кого-то: «А будь добр, прими ванну!» То есть это не слишком вежливо.

— И в Лондоне так грязно, — сочувственно произнесла Милли. — Вечером встречаешь мужчин, а у них белые воротнички черные от грязи, буквально черные. Там везде сажа.

— Да, это уже давно так, и становится все хуже и хуже, и зашло так далеко, что им стыдно даже просто попросить друзей…

— Это вы о ком? — спросила Мэриен.

— Об одной *девчонке*, которая жила у моих знакомых в Англии, она вообще перестала *мыться*. А так нормальная девчонка, вот только не мылась, даже *волосы* не мыла, и не меняла одежду и вообще, и так продолжалось очень-очень долго, но они не хотели ей делать замечаний, потому что в остальном она была совершенно *нормальная*, но скорее всего она просто была *больная* на всю голову.

Эмми сразу же повернула к ним свое остро-

клювое узкое лицо, и для нее рассказ пришлось повторить с самого начала.

— И что было потом? — спросила Милли, слизывая с кончиков пальцев шоколадный крем.

— Ну, — начала Люси, лениво куснув пирожное, — потом стало совсем ужасно. В смысле, она носила одну и ту же *одежду*, вообще не снимая. И так месяца три или четыре.

Эти слова были встречены изумленными возгласами: «Не может быть!» — и тогда она поправилась:

— Ну, может, два. И они уже решили потребовать: либо пусть примет ванну, либо пускай съезжает. А вы бы не потребовали? И вот она как-то вернулась, сняла с себя эту одежду и всю сожгла, потом приняла ванну, помылась, и с тех пор стала совершенно нормальной. Вот так просто.

— Хм, да она чокнутая, — разочарованно протянула Эмми.

Она ожидала услышать, что та девушка перенесла тяжелую болезнь или даже операцию.

— И конечно, они *там* все ужасно грязные! — изрекла Милли тоном повидавшей всякое на своем веку женщины.

— Но ведь сама она была *отсюда*! — восклик-

нула Люси. — То есть она получила нормальное воспитание, выросла в хорошей семье и все такое; это же не то что бы у них в доме не было *ванны*, ее *родители* всегда были очень чистоплотными!

— Может, с ней произошло то, через что мы все проходим, — философски заметила Милли. — Может, она просто была незрелая, и, оказавшись вдали от дома, одна, она…

— А я думаю, она была *больная* на всю голову, — не согласилась Люси.

Она выковыривала изюминки из рождественского кекса, чтобы потом их съесть.

Мэриен привлекло слово «незрелая», и она стала размышлять над ним, мысленно поворачивая его разными гранями, как найденный на берегу необычный камешек. Это слово ассоциировалось у нее с недозрелым зернышком кукурузы и вообще с овощами или фруктами. Ты сначала зеленая, а потом созреваешь, становишься зрелой. Зрелую фигуру отличает особое облачение. Другими словами, слой жира.

Она осмотрелась по сторонам, оглядев присутствующих женщин с открывающимися и закрывающимися ртами, которые говорили или жевали. Эти женщины, сидя группками на рождественском корпоративе, утратили внешний лоск

официальности, в обычное время отделявший их от анонимной армии домохозяек, чье сознание они пытались изучать. Они и сами могли быть в домашних халатах и бигуди. Но так уж случилось, что они были облачены в одеяние зрелых фигур. Все они были зрелыми, а кое-кто из них и переспелыми, а кто-то уже начал скукоживаться. Они казались ей бутонами на высоких стеблях, прикрепленных к незримым ветвям, в разной степени расцвета и увядания. И в этом смысле сидящая рядом с ней худенькая стройная Люси пребывала еще в ранней стадии развития — как зеленая почка или цветок, формирующийся под золотистой чашечкой волос…

Она осматривала окружающие ее женские тела с любопытством, критически, так, будто никогда их до этого не видела. Отчасти так оно и было, они всегда находились у нее перед глазами в офисе, как телефонные аппараты, стулья и пишущие машинки: предметы, которые она воспринимала как очертания и поверхности — не более. Но теперь она обратила внимание на жировой валик, образованный на спине у миссис Гандридж краем корсета, на окорокоподобную ляжку под платьем и жировые складки вокруг шеи, и на ее мясистые щеки, и сетку варикозных вен на пухлой икре, и

еще она заметила, как трясутся ее желеобразные брыли, когда она жует, и что ее толстый свитер сидит на ее покатых плечах, точно вязаная грелка на заварном чайнике; под стать ей были и другие фигуры с похожей архитектурой, но с иными пропорциями и степенью рыхлости холмистых причесок и волнообразными контурами грудей, талий и бедер, чья подвижность и гибкость была укрощена — внутри скелетом, а снаружи панцирем одежды и косметики. Какие же необычные существа! И как нескончаемо у них перетекает то, что находится снаружи, внутрь и обратно, как они вбирают в себя предметы и исторгают их из себя, шевеля челюстями, будь то слова или картофельные чипсы, отрыжка, жир, волосы, младенцы, молоко, экскременты, печенье, рвота, кофе, томатный сок, кровь, чай, пот, алкоголь, слезы и мусор…

На мгновение ей почудилось, что все они, их души и даже их тела, накрыли ее с головой, точно волна морского прибоя. Наступит время, и она станет — да нет, уже стала такой же; она стала одной из них, ее тело все то же, ее собственное, но смешалось с массой других тел, которые наполнили помещение с расставленными повсюду цветами удушливо приторным органическим

ароматом; и она почувствовала, что задыхается в густом Саргассовом море женских особей. Она набрала полную грудь воздуха и постаралась мысленно вползти обратно внутрь своего «я» — так чуткое морское существо поспешно отдергивает щупальца; ей захотелось оказаться возле чего-то твердого, надежного, возле мужчины: ей захотелось, чтобы здесь был Питер, а она бы протянула к нему руку и крепко схватила, чтобы не быть всосанной в водоворот. У Люси на запястье был золотой браслетик. Мэриен пристально, сосредоточенно глядела на него, словно пыталась вползти в этот золотой обруч и туго затянуть на себе, чтобы воздвигнуть непробиваемую преграду между собой и бесформенной желеобразной массой тел.

Она отметила про себя, как тихо стало вокруг. Кудахтанье прекратилось. Она подняла голову: миссис Боге́ стояла в дальнем конце помещения у стола с вздернутой рукой.

— Сегодня, когда мы все здесь собрались в неофициальной обстановке, — начала она со сладкой улыбкой, — я хочу воспользоваться случаем и сделать приятное объявление. Мне тут недавно напела птичка, что одна из наших девушек собирается выйти замуж. Я уверена, мы

все хотим пожелать Мэриен Макэлпин большого счастья в новой жизни!

Раздались удивленные ахи и восторженные охи, а потом все как по команде вскочили и набросились на Мэриен, утопив ее в поздравлениях, засыпав вопросами вперемешку с шоколадными крошками, ароматной пудрой и радостными поцелуями. Мэриен пришлось встать, и она тут же оказалась прижатой к обширной груди миссис Гандридж. Она еле отлепилась от нее и, вжавшись в стену, запунцовела — но больше от гнева, нежели от смущения. Кто-то проболтался, кто-то на нее настучал. Должно быть, это мерзавка Милли.

Она повторяла: «Спасибо», «сентябрь» и «март» — единственные три слова, уместные для ответа на кучу вопросов, которыми ее забросали. «Чудесно!» и «Замечательно!» кричал хор голосов. Троица офисных девственниц стояла в стороне, жалобно улыбаясь. Миссис Богé тоже воздержалась от поздравлений. Судя по интонации, с какой она произнесла это сообщение, и исходя из того факта, что она сделала это публичное объявление без предупреждения или предварительной консультации с невестой, она ясно дала понять Мэриен, что та должна вскоре

уйти с работы, хочет она того или нет. Мэриен было известно, и из циркулировавших по офису сплетен, и после того, как молоденькую машинистку уволили почти сразу после зачисления в штат, что миссис Боге́ предпочитала, чтобы ее сотрудницы были либо незамужними, либо зрелыми ветераншами офисного труда, от кого давно уже не следовало ожидать внезапных беременностей. А новобрачные, как кто-то подслушал ее размышления, отличаются ненадежностью.

Миссис Грот из бухгалтерии тоже держалась особняком, и улыбка на ее губах казалась приклеенной и ядовитой. «Готова поспорить, что ее праздничное настроение вконец испорчено, — подумала Мэриен, — ведь на моем пенсионном плане можно теперь поставить крест».

Выйти из здания на холодный воздух было все равно что распахнуть окно в жаркой душной комнате. Ветер утих, почти стемнело, но ярко освещенные витрины магазинов и рождественские уличные украшения, все эти звезды, сосульки и снежинки, заставляли тихий падающий снег искриться подобно гигантскому искусственно подсвеченному водопаду. Под ногами снега было куда меньше, чем она ожидала. Многочисленные пешеходы превратили снеж-

ный покров на тротуаре в бурое месиво. Снежная буря началась уже после того, как Мэриен вышла из дому, оказавшись в итоге без резиновых сапог. Когда она дошла до станции подземки, ее ноги были насквозь мокрые.

Но несмотря на промокшую обувь, она решила не доезжать одну станцию. После офисного корпоратива она пока еще была не готова оказаться в квартире. Эйнсли наверняка припрется в гостиную и займется своим бесконечным вязанием; и еще надо поставить настольную рождественскую елочку с лазурно-серебристой пластиковой хвоей. И надо завернуть подарки, которые лежат у нее на кровати, и собрать чемодан: на следующее утро, очень рано, ей предстоит отправиться на автобусе в родной город на два дня — погостить у матери и повидаться с родственниками. Когда она о них вспоминала, а было это нечасто, ей казалось, что родные стали ей как чужие. И этот городок, и его обитатели ждали ее где-то далеко, за линией горизонта, застывшие, как серые изваяния, как побитые непогодой каменные руины исчезнувшей цивилизации. Она купила для них подарки на прошлой неделе, пробираясь сквозь толпы суетящихся и перекрикивающихся у прилавков покупателей, но у нее уже прошло

ощущение, что она что-то кому-то должна. Она даже уже не хотела и от них что-то получать и благодарить за совершенно не нужные ей вещи, которыми никогда не будет пользоваться, и было бесполезно уговаривать себя, как она делала всю жизнь, что главное — не сам подарок, а отношение дарящего к тебе. А самое ужасное были эти бумажные карточки со словом «Любовь». Та любовь, с которой вручались эти подарки, была ей совершенно не нужна и не доставляла никакой радости. Это была дань традиции, и эти уныло вычурные открытки хранились по какой-то непонятной ностальгической причине, как фотография давно умершего человека.

Она шагала в западном направлении куда глаза глядят, вдоль улицы, где один за другим тянулись магазинчики с элегантными манекенами в застекленных клетках витрин. Она миновала последнюю освещенную витрину и вступила в область тьмы. А дойдя до угла, поняла, что направляется прямиком в тот самый парк. Она пересекла улицу, свернула на юг и пошла параллельно потоку машин. Слева у нее остался музей, и яркие оранжевые прожекторы, которые в последнее время все чаще использовались для вечерней подсветки городских зданий, под-

черкивали выпуклости украшающих его фриз каменных скульптур.

Была проблема с подарком для Питера. Она еще не придумала, что ему купить на Рождество. Одежда исключалась: он любил выбирать ее себе сам. А что еще? Что-нибудь для квартиры, какой-нибудь полезный аксессуар, но это все равно что сделать подарок самой себе. Наконец она остановила свой выбор на прекрасно изданном справочнике о фотоаппаратах. Она в этом ничего не понимала, но поверила на слово продавцу и понадеялась, что у Питера такой книги еще нет. Хорошо, что у него есть хобби. С хобби, говорят, меньше вероятность заработать сердечную недостаточность после выхода на пенсию.

Она шла под раскидистыми ветвями деревьев, выросших за оградой уединенных уголков университета. Тротуар здесь был менее исхоженным, снеговой покров глубже: иногда она проваливалась по самые щиколотки. Ступни занемели от холода, и задумавшись, куда и зачем она идет, Мэриен снова пересекла улицу и оказалась в парке.

Он был похож на огромный тускло освещенный остров посреди ночной тьмы. Поток машин огибал его, двигаясь против часовой стрелки, на дальней границе острова раскинулись уни-

верситетские здания, которые, как ей казалось еще полгода назад, были ей хорошо знакомы, но теперь от них сквозь холодный воздух исходила смутно осязаемая враждебность — но враждебность сквозила от нее самой: эти здания почему-то вызывали в ней легкую зависть. Она бы не возражала, если бы они вообще исчезли после того, как она покинула университет, но они никуда не делись, а продолжали, как всегда, стоять, столь же безразличные к ее теперешнему отсутствию, как и к ее тогдашнему присутствию. Так ей казалось.

Она углубилась в парк, ступая по мягкому глубокому снегу. Там и сям снежный покров пересекали пунктирные линии шагов, местами уже заметенные снегом, но в основном выпавший снег лежал нетронутым, и стволы голых деревьев торчали из снежного покрова, словно он был полутораметровой глубины, и деревья были вставлены в него как свечки в сахарную глазурь торта. Черные свечки.

Мэриен подошла к круглому бетонному прудику, посреди которого летом бил фонтан, но сейчас воды в нем не было, и он постепенно заметался снегом. Она остановилась и вслушалась в далекие звуки города, которые, казалось, водили вокруг

нее хоровод. На душе у нее было легко и покойно. «Смотри, — предупредила она себя, — как бы тоже не перестать мыться!» Во время офисного праздника она почувствовала, что подступила к опасной грани, а теперь ее реакция показалась ей глупой. В конце концов, это всего лишь офисное мероприятие. Есть вещи, которые просто надо пережить, вот и все: поступки, люди, необходимые события. А потом все будет хорошо. Она уже была почти готова вернуться домой и начать заворачивать подарки, она даже так проголодалась, что смогла бы слопать полкоровы с расчерченными отрубями. Но ей хотелось постоять еще хотя бы минутку под тихим снегопадом на этом острове, посреди умиротворяющего безмолвия.

— Привет! — раздался голос за спиной.

Мэриен чуть вздрогнула от неожиданности и обернулась. На краю скамейки сидел человек, скрытый в тени каких-то хвойных деревьев. Она двинулась к нему.

Это был Дункан, он сидел, ссутулившись, с тлеющей сигаретой в пальцах. Он, видимо, сидел тут довольно давно. Снег запорошил ему волосы и плечи. Его рука, когда она, сняв перчатку, дотронулась до нее, была холодная и влажная.

Она села рядом на заснеженную скамейку.

Он отбросил сигарету и повернулся к ней, а она расстегнула пуговицы его пальто и прижалась к его груди, от которой пахло влажной тканью и застарелым табачным дымом. Он сцепил руки за ее спиной.

На нем был мохнатый свитер. Она гладила его свитер, который на ощупь напоминал пушистую звериную шкурку. Под свитером она нащупала его худое тело, костистое, как у исхудавшего животного в голодную пору. Он сунул мокрое лицо ей под шарф, потом уткнулся ей в волосы, потерся о меховой воротник пальто и о ее голую шею.

Они сидели неподвижно. И город, и время за пределами белого круга парка почти исчезли. Мэриен чувствовала, что ее тело постепенно немеет, а озябшие ступни даже болеть перестали. Она глубже зарывалась в пушистый свитер: снег падал не переставая. А у нее не было сил встать…

— Что-то ты долго, — пробормотал он наконец. — Я уж заждался тебя.

Ее затрясло.

— Мне надо идти, — шепнула она.

Она кожей почувствовала, как прижатое к ее шее лицо конвульсивно содрогнулось.

20

Мэриен медленно шла по проходу между полок, стараясь шагать в такт приятной тихой мелодии, которая обволакивала ее коконом.

— Бобы, — пробормотала она. Нашла сорт с наклейкой «Для вегетарианцев» и положила пару банок в тележку.

Звучащая в торговом зале умиротворяющая фоновая музыка сменилась энергичным вальсом; она медленно катила тележку, пытаясь сосредоточиться на своем списке покупок. Музыка ее раздражала: Мэриен прекрасно знала, почему она тут звучит. Музыкальное сопровождение в супермаркете имело целью убаюкать покупателей и ввести их в сладкий транс, снизить порог разумной сопротивляемости покупкам до уровня, когда ты хочешь купить все, что видишь. Всякий раз оказываясь в супермаркете и слыша льющуюся из потайных динамиков приятную мелодию, она вспоминала, как прочитала в одной статье, что у коров увеличиваются надои молока, если им в коровнике включать мелодичную музыку. И то, что она об этом знала, вовсе не означало, будто у нее есть иммунитет к такому манипулятивному

воздействию. В последнее время, если Мэриен ослабляла контроль над собой, она ловила себя на том, что катит тележку как сомнамбула, с застывшим взглядом, шагая чуть враскачку, а руки так и чешутся схватить с полки что ни попадя с яркой этикеткой. И она стала обороняться от импульсивных покупок с помощью заранее составленных списков, написанных крупными печатными буквами, чтобы не покупать ничего лишнего, какой бы соблазнительной ни была цена и как бы ни манила красивая упаковка, — а только то, что было в списке. А когда ее охватывала совсем уж неодолимая тяга к шопоголизму, она пользовалась дополнительным оберегом — карандашом, которым отмечала в списке купленные товары.

Но маркетологи в любом случае одерживали победу: они никогда не промахивались. Иногда тебя вынуждали хоть что-то да купить. Она ведь прекрасно знала по опыту, что выбор между, например, двумя брендами мыла или двумя брендами томатного сока никогда не бывает рациональным. Между этими продуктами, то есть самими товарами, на самом деле не было никакой разницы. И как же тогда тебе сделать свой выбор? Очень просто — довериться расслаб-

ляющей музыке и покупать наобум. И позволить интуиции, которая должна каким-то образом отреагировать на ту или иную упаковку, реагировать на что угодно. Возможно, выбор покупателя как-то связан с гипофизом. Какой из нескольких стиральных порошков имеет на упаковке более убедительный символ эффективности стирки? Какая коробка томатного сока выглядит наиболее сексуально, да и важно ли это? По большому счету, ей это должно быть важно; ведь в конце концов она же сделала выбор, поступив именно так, как и предсказал какой-то стратег в такой же, как у них, маркетинговой компании, запланировавший именно такое поведение потенциального покупателя. Мэриен уже не раз ловила себя на том, что смотрит на себя с отстраненным любопытством: ей было интересно, как же она поступит.

— Лапша, — проговорила она. И оторвала взгляд от списка как раз вовремя, едва не столкнувшись с упитанной дамой в облезлой ондатровой шубе. — Что такое? Они запустили новый бренд! — Она прекрасно знала подноготную макаронного бизнеса: провела не один вечер в отделах итальянской кулинарии, ведя учет бесчисленных разновидностей и брендов пасты. Она обвела

глазами полку с лапшой разных марок в неотличимых одинаковых целлофановых пачках, потом зажмурилась, протянула руку и взяла с полки одну упаковку — ей было все равно, какой бренд взять.

— Салат, редиска, морковка, лук, помидоры, петрушка, — читала она список.

Это легко: все овощи можно было различить по внешнему виду, хотя некоторые продавались расфасованными в пакетах или перетянутыми резинкой пучками, и подгнившие овощи аккуратно прятались среди хороших. А помидоры, тепличные розовые и безвкусные в это время года, фасовались по четыре штуки в картонных коробочках или целлофановых пакетах. Она направила тележку в овощной отдел, где над полками висела отшлифованная деревянная вывеска в деревенском стиле: «Садовый рынок».

Она равнодушно поковырялась в овощах. Она всегда очень любила овощные салаты, но в последнее время так часто их ела, что даже немного устала от них. Она казалась себе большим кроликом, не переставая жующим все листья подряд. Как же она мечтала вновь стать плотоядной, погрызть вкусную косточку! Рождественский ужин в родительском доме стал для нее пыткой.

— Что с тобой, Мэриен? Ты ничего не ешь! — сокрушалась мать, когда она даже не притронулась к своему куску индейки. Она сказала, что не голодна, а сама втихаря, пока никто не видел, торопливо уписывала малиновый соус, картофельное пюре и пирожки с ягодной начинкой. Мать связала ее необъяснимую потерю аппетита с перевозбуждением. Мэриен даже подумывала заявить, что стала последовательницей новой религии, запрещавшей есть мясо, — вроде йоги, или духоборчества, или еще чего-то такого, — но потом решила, что идея так себе: родня мечтала устроить ей свадьбу в семейной церкви. Впрочем, их реакцию на известие о ее предстоящем замужестве, насколько она могла вообще судить о реакциях людей, настолько от нее отдалившихся, можно было назвать не счастливым ликованием, а скорее тихим, если не сказать самодовольным, удовлетворением, словно их страхи о влиянии на ее судьбу университетского образования, никогда не высказываемые, но всегда очевидные, наконец-то улеглись. Вероятно, они опасались, что она станет учительницей средней школы, или старой девой, или наркоманкой, или бизнесвумен, или что с ее физическим обликом произойдут пугающие перемены — например разовьется

непомерная мускулатура или басовитый голос или тело покроется мхом. Она воображала, с каким жаром обсуждается все это за вечерним чаем. Но, как теперь красноречиво говорили их одобряющие взгляды, все обошлось. Они еще не видели Питера, но в их представлении он стал для нее буквально спасательным кругом. Правда, они любопытствовали, многократно упрашивая ее приехать с ним домой на выходные. А она, все эти два холодных дня навещая родственников и отвечая на их бесконечные вопросы, никак не могла заставить себя поверить, что на самом деле вернулась в родные пенаты.

— «Клинекс», — прочитала она. Она с отвращением взглянула на разноцветные батареи бумажных носовых платков разных брендов — ну какая разница, в какой из них сморкаться? — и на красиво оформленные рулоны туалетной бумаги: с цветочками, геометрическими узорами и в горошек. Скоро их будут выпускать позолоченными, как если бы они предназначены для других целей — например для упаковки рождественских подарков. Вот уж воистину: не осталось ни одной неприятной стороны человеческой жизни, которую маркетологи не обратили бы себе на пользу. И что плохого в просто белой туалетной бумаге?

По крайней мере, она выглядит чистой.

Мать и тетушки, конечно, с интересом обсуждали фасоны свадебного платья, текст приглашения и тому подобные вещи. Но сейчас, слушая вполуха пиликанье электронных скрипок и раздумывая над тем, какой бы из двух консервированных рисовых пудингов выбрать — у нее не было никаких предпочтений, все равно у всех один синтетический вкус, — она так и не вспомнила, к какому решению они пришли.

Она посмотрела на часики: времени было в обрез. К счастью, уже звучало танго. Она поспешно покатила тележку в отдел консервированных супов, стараясь избавиться от предательского блеска в глазах. Было опасно проводить в супермаркете слишком много времени. Рано или поздно она попадет тут в западню: пропустит время закрытия, и на следующее утро ее обнаружат здесь прижатой к одной из полок, в глубокой коме, в окружении множества тележек, доверху набитых покупками…

Она направилась к кассам. У них действовала очередная из бесчисленных поощрительных программ — промоакция-конкурс, победитель которого выигрывал трехдневный тур на Гавайи. На витрине за кассовой зоной висел гигантский

плакат с изображением полуголой девицы в травяной юбочке и в венке из цветов, а рядом с ней небольшой кадр: АНАНАСЫ, три банки — по 65 центов. Кассирша сидела в ожерелье из бумажных цветов, и ее оранжевый рот энергично двигался в такт челюстям: она жевала резинку. Мэриен не могла оторвать от нее глаз, наблюдая за гипнотизирующим движением челюстей, колыхающимися пухлыми щеками с темно-розовым макияжем, сухими губами, между которыми поблескивали желтоватые и крупные, как у грызуна, зубы, живущие, как казалось, собственной жизнью. Кассирша пробила ее покупки.

Оранжевый рот раскрылся.

— Пять долларов двадцать девять центов, — произнес рот. — Напишите на чеке ваше имя и домашний адрес.

— Нет, спасибо, — улыбнулась Мэриен. — Я никуда не хочу лететь.

Кассирша пожала плечами и отвернулась.

— Извините, вы забыли дать мне купоны, — заметила Мэриен.

«Купоны — это совсем другое дело», — подумала она, подхватывая мешок с покупками, и вышла через открывшиеся датчиком движения стеклянные двери в промозглые серые сумерки.

Раньше она принципиально отказывалась от купонов: для них это был тайный способ делать деньги. Но они все равно так или иначе делали деньги, все больше и больше денег; поэтому она начала брать купоны и прятать в ящике кухонного буфета. Сейчас Эйнсли копила деньги на детскую коляску, так что у нее появился повод собирать купоны. Это было меньшее, что она могла сделать для Эйнсли. Картонный гаваец в ожерелье из цветов проводил ее улыбкой.

Цветы. Всех интересовало, из каких цветов она хочет букет. Сама Мэриен предпочитала лилии. Люси предложила каскад чайных роз в обрамлении гипсофилы. Эйнсли высказалась ернически:

— Полагаю, тебе надо устроить традиционную свадьбу, ведь это Питер. Люди такие лицемеры в том, что касается цветов на свадьбе. Никто не хочет признать, что цветы — символ фертильности. А как насчет огромного подсолнуха или снопа пшеницы? Или каскада грибов и кактусов, они бы вполне выглядели как символы половых органов, что скажешь?

Питер не хотел принимать участие в обсуждении таких вопросов.

— Доверяю тебе все эти мелочи, — произносил он сладким голосом, отвечая на прямой вопрос.

В последнее время она видела Питера все чаще и чаще, но все реже и реже — одного. Теперь, когда она была официально с ним помолвлена, он с гордостью презентовал ее знакомым. По его словам, ему хотелось познакомить Мэриен кое с кем из своих друзей, поэтому он частенько брал ее с собой на коктейльные вечеринки с коллегами, на ужины и дружеские посиделки с близкими приятелями. Пару раз он даже приглашал ее на деловые обеды вместе с какими-то юристами, во время которых она сидела, улыбаясь и не проронив ни слова. Все без исключения его знакомые были элегантно одеты и на пути к большому успеху, и у всех у них были жены, тоже элегантно одетые и на пути к большому успеху. Все они были чем-то озабочены и подчеркнуто учтивы с ней. Мэриен было трудно связать этих лощеных мужчин с беззаботными охотниками и заядлыми любителями пива, которые жили в воспоминаниях Питера о прошлых деньках, но некоторые из них были именно теми самыми типами. Эйнсли обозвала их «мыльными мужиками», потому что однажды, когда Питер заехал за Мэриен, он появился с приятелем, работавшим в мыловаренной компании. Больше всего Мэриен боялась перепутать их имена.

Ей хотелось быть с ними милой — ради Питера, но их было так много, что она ощущала себя словно под бомбежкой, и поэтому решила, что пора бы и ей начать знакомить Питера хотя бы с кем-то из *своих* знакомых. Вот почему она пригласила Клару и Джо на ужин. Она и так чувствовала себя виноватой за то, что игнорировала их в последние недели; хотя, думала она, так забавно: женатые пары всегда считают, будто их игнорируют, если ты им не звонишь, а ведь они так закапываются в свои повседневные заботы, что даже не думают снять трубку и позвонить тебе. Питер был не в восторге: он все не мог забыть, как однажды его ужаснула гостиная Клары.

Уже пригласив их на ужин, она поняла, что с меню возникнут немалые сложности. Молока она им не сможет дать, арахисовое масло и витамины тоже, как и зеленый салат с творожным сыром, и рыбу не приготовишь: ее не любит Питер. И мясо нельзя — что они подумают, увидев, как она не притрагивается к нему? Она и не смогла бы им объяснить: коль скоро Мэриен и сама этого толком не понимала, нечего думать, что они поймут. За последний месяц пришлось исключить из рациона еще несколько видов еды, которые раньше принимал ее организм: гамбургеры —

после малоприятного рассказа Питера об одном своем знакомом, который шутки ради провел химический анализ гамбургера и обнаружил там измельченную мышиную щетину; свинину — потому что Эмми как-то в обеденный перерыв решила их позабавить рассказом о глистах и о своей знакомой, которая их заработала, — она даже произнесла, чуть не с благоговением, термин «трихинеллез» («Она съела недожаренную свиную отбивную в ресторане, я бы никогда не рискнула заказать что-то подобное в ресторане, вы только представьте себе: эти маленькие червячки размножились у нее в мышцах, и их теперь оттуда не выковырять!»); баранину и ягнятину — потому что Дункан поведал ей этимологию выражения «вертится на языке»: оно, мол, связано со словом «вертячка», а это вид бешенства у овец, вызываемый большими белыми червяками в овечьем мозгу. Даже о хот-догах пришлось забыть; в конце концов, рассудил ее желудок, в эти сосиски можно напихать черт знает что и поди знай, какая там дрянь намешана. В ресторанах она всегда могла ограничиться овощным салатом, но с гостями такой номер не пройдет, особенно если это званый ужин. И вегетарианские печеные бобы из банки она им тоже не могла предложить.

Мэриен остановила свой выбор на запеканке из грибов с фрикадельками по рецепту ее матери, в которой ингредиенты смешивались и маскировались до неузнаваемости. «Потушу свет, зажгу свечи», — подумала она, — напою их хересом до еды, и они ничего не заметят». Она намеревалась и себе положить небольшую порцию, выесть оттуда грибы, а фрикадельки закатить под салатный лист из гарнира. Решение было не слишком удачное, но ничего лучшего придумать она не смогла.

И теперь, поспешно шинкуя редиску для салата, она радовалась нескольким вещам: что сделала запеканку накануне вечером, поэтому теперь ее оставалось только разогреть в духовке, что Клара и Джо придут довольно поздно, после того, как уложат детей спать, и что она в любом случае может поесть салата. Ее все больше раздражало решение ее организма отказаться от некоторых продуктов. Она попыталась подойти к этой проблеме рационально, она осуждала свой организм за фривольные капризы, пыталась его заставить или уговорить, но он был непреклонен. А если она его принуждала, бунтовал. Ей хватило одного такого происшествия в ресторане. Питер, разумеется, отнесся к этому с пониманием: он

сразу отвез ее домой, довел под руку до квартиры, словно она была инвалидом, и уверенно предположил, что у нее желудочный грипп, правда, он перенервничал и (что понятно) был раздражен. Вот с того момента она и решила потакать своему организму. Она делала все, что он от нее требовал, и даже накупила витаминов, чтобы поддерживать нужный баланс белков и минералов. Ей не хотелось страдать от недоедания.

«Самое главное, — уверяла она себя, — сохранять полное спокойствие».

Временами, размышляя над тем, что с ней происходит, Мэриен делала вывод, что организм занял четкую этическую позицию. Он просто отказывался переваривать то, что некогда было или (как устрицы на половинке раковины) продолжало оставаться живым. И все же каждый день она возлагала слабую надежду на то, что ее организм еще передумает.

Она натерла деревянную миску половинкой дольки чеснока, положила туда нарезанный кольцами лук, шинкованную редиску и колесики помидоров, потом добавила разорванные салатные листья. В последний момент она решила добавить тертую морковь для придания салату яркости. Мэриен достала морковку из холодиль-

ника, после долгих поисков нашла овощечистку в хлебной корзинке и принялась чистить оранжевый конус, держа его за зеленый хвостик.

Она следила за руками, за овощечисткой и за срезаемой оранжевой спиралью кожуры и одновременно стала размышлять о моркови. Этот корнеплод растет в земле и выпускает наружу листья. Потом приходят люди и выдирают корнеплод из земли, и, может быть, он издает при этом звук, вскрик, слишком тихий, чтобы мы его услышали, но корнеплод не умирает сразу, а продолжает жить, он и сейчас еще живой…

Ей показалось, что морковка дернулась у нее в руках, и она уронила ее на стол.

— Ну нет! — воскликнула она, чуть не плача. — Что, еще и это?!

Когда наконец все ушли, в том числе и Питер, который на прощание поцеловал ее в щеку и шутливо шепнул: «Милая, мы *такими* не будем никогда!» — Мэриен отправилась на кухню, сбросила объедки в мусорное ведро и составила грязные тарелки в раковину. Зря она затеяла этот ужин. Клара и Джо не смогли найти няню и поэтому приехали к ним с детьми, донеся их наверх на руках и уложив спать — двоих — в комнате Мэриен и одну — у Эйнсли. Но дети почти сразу

же расплакались, а потом обкакались, и тот факт, что ванная находилась всего этажом ниже, делу не помог. Клара уносила их в гостиную успокоить и перепеленать — не испытывая ни малейшего смущения. Застольная беседа затухла. Мэриен суетилась, держала булавки для пеленок, стараясь быть полезной Кларе, а сама при этом думала, не будет ли это невежливо спуститься в ванную за хозяйским душистым репеллентом от комаров и разбрызгать его в гостиной. Джо тоже был при деле: насвистывая, он извлекал из сумки свежие пеленки. Клара бросала извиняющиеся реплики в сторону Питера: «Все младенцы делают так, это всего лишь какашки! Все вполне естественно. Мы тоже так делаем. С той лишь разницей, — добавила она, покачивая самую младшую на коленке, — что у нас все происходит строго по расписанию. Правда, какашечка моя?»

Питер демонстративно распахнул окно, и в комнате тотчас повеяло морозным холодом. Мэриен в отчаянии предложила всем хересу. На Питера все это произвело дурное впечатление, но что она могла поделать! Ей хотелось, чтобы Клара вела себя более скромно. Клара и сама говорила, что ее дети вечно обкакиваются, но не прилагала никаких усилий, чтобы не привлекать к этому

всеобщее внимание. Она просто это констатировала, даже этим бравировала, как будто хотела заслужить одобрение.

Когда же дети наконец были переодеты, успокоены и уложены — два на диванчике в гостиной, а малышка в коляске, — все сели ужинать. Ну теперь-то, понадеялась Мэриен, мы сможем побеседовать. Она старалась спрятать свои фрикадельки под салатными листьями и не собиралась задавать тему для беседы: она просто не могла придумать удачных реплик. Один раз рискнула обратиться к Джо: «Клара говорит, ты филателист», но тот почему-то ее не услышал; во всяком случае, не удостоил ответом. Питер бросил на нее вопросительный взгляд. А Мэриен сидела и теребила кусок булочки, чувствуя себя так, словно сморозила скабрезную шутку, а никто не засмеялся.

Питер и Джо заговорили о международном положении, и Питер тактично сменил тему, когда выяснилось, что у них разные политические взгляды. Он сообщил, что в университете ему пришлось записаться на спецкурс по философии, но он так и не понял Платона, и может быть, Джо сможет ему разъяснить. На что Джо ответил: «Вряд ли», потому что специализировался на Кан-

те, и задал Питеру юридический вопрос о налоге на наследство. Они с Кларой, пояснил он, состоят в кооперативном похоронном обществе[11].

— А я не знала, — тихо заметила Мэриен, повернувшись к Кларе и кладя себе вторую порцию вареной лапши. Ей чудилось, что ее тарелка выделяется среди посуды на столе и к ней прикованы взгляды сидящих, а спрятанные под салатными листьями фрикадельки торчат на виду, словно ребра на рентгеновском снимке. И тут пожалела, что зажгла на столе две свечи, а не одну.

— О да, — коротко ответила Клара. — Джо не доверяет похоронным компаниям.

Мэриен испугалась, что Питер сочтет это мнение слишком радикальным. «Беда в том, — печально подумала она, — что Джо идеалист, а Питер прагматик». Это было ясно даже по фасону их галстуков: у Питера галстук был темно-зеленый с узором в виде «огурцов», элегантный, функциональный, а у Джо… это даже был не галстук, а абстрактная идея галстука. Да и они сами осознавали свое различие: она заметила, как оба

[11] Примечания: 11

Возникшее в Англии и других странах в конце XVIII века общество взаимного страхования, члены которого создают фонд оплаты похорон; члены такого общества занимаются организацией погребения друг друга.

украдкой разглядывали галстуки друг у друга и, вероятно, при этом думали, что никогда бы не напялили на себя такое уродство.

Она составила бокалы в раковину. Ее беспокоило, что все вышло не так, как она планировала, и чувствовала, что сама в этом виновата, как бывало в школе, когда играли в салки на переменках и она оказывалась осаленной по собственной небрежности. «Хотя, — вспомнила она, — Питер отлично поладил с Леном». Но теперь это уже не имело никакого значения: Клара и Джо были из ее прошлой жизни, а Питер едва ли захочет подстраиваться под ее прошлое, ведь теперь только будущее имело значение. Она поежилась, в квартире по-прежнему было холодно после того, как Питер распахнул настежь окно. В воздухе как будто ощущался запах коричневого бархата и мебельного лака, а за спиной ей вроде бы послышалось шуршание и покашливание: вот сейчас она обернется и увидит множество наблюдающих за ней людей, их лица начнут стремительно надвигаться на нее сквозь дверной проем, и в воздух взметнется туча белых лоскутов: обрывки бумаги будут биться об их лица и, словно снег, покрывать волосы и плечи.

Она проглотила витаминку и открыла холо-

дильник, чтобы налить себе стакан молока. Ей или Эйнсли надо что-то придумать с холодильником. В последние пару недель негласный порядок мытья посуды дал сбой. Для званого ужина она навела порядок в общей гостиной и собиралась оставить в раковине грязную посуду, что значило, что Эйнсли поступит так же, и это будет продолжаться до тех пор, пока они не используют все чистое. А потом они начнут мыть посуду по мере необходимости, начиная с самой верхней тарелки, а прочее, составленное в раковине, останется нетронутым. Но холодильник… Его не только требовалось наконец разморозить, но и навести в нем порядок: на его полках скопилась масса всякого мусора — обрывков упаковки и остатков еды в баночках, в фольге и в бумажных пакетиках… Скоро оттуда начнет вонять. Она лишь надеялась, что гнилостный смрад, возникший внутри холодильника, не распространится на весь дом, по крайней мере, не доберется до первого этажа. Может быть, она успеет выйти замуж до начала эпидемии зловония.

Эйнсли не присутствовала на ужине. Она поехала в пренатальный центр, как делала каждую пятницу. Уже складывая столовую скатерть, Мэриен услышала, как Эйнсли поднимается по

лестнице. Она вбежала в квартиру, и через секунду раздался ее жалобный голос:

— Мэриен! Ты можешь ко мне подойти?

Она вошла в комнату Эйнсли и, продираясь сквозь груды разбросанной по полу одежды, добралась до кровати, на которую та рухнула.

— Что такое? — спросила она.

Эйнсли выглядела испуганной.

— Ох, Мэриен, — протянула она дрожащим голосом. — Все ужасно. Я сегодня была в центре. И я была так счастлива, я взяла с собой вязание, я слушала первого выступающего — он говорил о преимуществах грудного вскармливания. У них теперь есть даже специальная ассоциация. А потом выступал пси-пси-холог и говорил про образ отца. — Она была готова разрыдаться. Мэриен стала рыться в комоде, пока не нашла там пачку бумажных платочков — на всякий случай. Ей стало не по себе: Эйнсли была вовсе не плакса. — Он сказал, что младенцы должны расти в доме, где наличествует сильный образ отца, — выдавила она, справившись с волнением. — Это им необходимо, это обеспечивает их *нормальное* развитие, особенно если младенец — мальчик.

— Да, но ты же вроде как это и без него знала, разве нет? — спросила Мэриен.

— Нет, Мэриен, все куда сложнее. Он привел кучу статистических данных и прочей информации. Они все доказали научным образом. — Эйнсли всхлипнула. — Если у меня будет мальчуган, то он почти *наверняка* станет гомо-го-мосексуалистом! — При упоминании категории мужчин, которые никогда не испытывали к ней никакого интереса, большие голубые глаза Эйнсли наполнились слезами. Мэриен протянула ей бумажный платочек, но Эйнсли отмахнулась. Она села на кровати и отбросила волосы назад. — Должен же быть какой-то выход! — сказала она, отважно выпятив вперед подбородок.

21

Поднимаясь по широким каменным ступеням и входя в тяжелые двери, они держались за руки, но им пришлось разжать пальцы, чтобы пройти через турникет. Оказавшись внутри, она подумала, что снова взяться за руки было бы неуместно. Высокий купол с золотой мозаикой, под которым они стояли, создавал своего рода церковную атмосферу, не предполагавшую никаких телесных контактов, даже если они сводились только к прикосновениям пальцев, а седовласый охранник в синей униформе нахмурился, принимая у нее деньги. Его нахмуренные брови смутно напомнили Мэриен о двух предыдущих визитах сюда во время дневной автобусной экскурсии, когда она училась в начальной школе: возможно, суровое выражение лица охранника было включено в плату за вход.

— Пошли, — тихо, почти шепотом, произнес Дункан. — Покажу тебе свои любимые вещицы.

Они взобрались по винтовой лестнице, вившейся вокруг нелепого тотемного столба к куполу. Мэриен так давно не была в этой части музея, что все теперь представлялось ей воспоминаниями

о не очень приятном сне, похожем на тот, из которого пробуждаешься после наркоза, когда тебе вырезали гланды. В университете она была на одном занятии в подвальном помещении (по геологии — это был единственный способ избежать занятий по основам религии, и с тех пор у нее выработалось стойкое неприятие к всяким камням), а иногда ходила в кафе музея на первом этаже. Но она впервые поднималась по этим мраморным ступеням в чашеобразную пустоту, которая сейчас казалась почти осязаемой, пронзаемая пыльными копьями солнечного света всякий раз, когда тусклое зимнее солнце пробивалось сквозь узкие оконца далеко вверху.

Они на минуту остановились посмотреть вниз с балюстрады. Внизу змейка школьников скользила через турникет и направлялась к шеренгам складных стульев сбоку от ротонды; на таком расстоянии дети казались сильно уменьшенными. Их звонкие голоса приглушались толстыми круглыми стенами, поэтому звучали как будто совсем издалека.

— Надеюсь, они не станут сюда подниматься, — сказал Дункан, оттолкнувшись от мраморных перил. Он схватил Мэриен за рукав пальто, повернулся и увлек за собой в боковую галерею.

Они медленно шагали по скрипучему паркету мимо застекленных витрин.

В последние три недели она виделась с Дунканом довольно часто, причем по тайному сговору с ним, а не случайно, как это бывало раньше. Сейчас он писал статью на тему «Односложные слова у Мильтона», в которой намеревался провести глубокий лингвистический анализ в нестандартном ключе. Но уже две с половиной недели он не мог сдвинуться с первой фразы: «В высшей степени существенное значение имеет то, что…» — и, устав от частых походов в прачечную, нуждался теперь в другого рода спасительных передышках.

— Почему бы тебе не познакомиться с *аспиранткой*, специализирующейся по английской литературе? — поинтересовалась она как-то, увидев в витрине их отражение и поразившись, насколько же они разные. Себе она напомнила сиделку, нанятую, чтобы выводить его на прогулки.

— Но это не будет передышкой, — возразил Дункан, — они ведь тоже все пишут статьи. И нам пришлось бы это обсуждать. Кроме того, — заметил он меланхолично, — у них наблюдается дефицит грудей. — И выдержав многозначитель-

ную паузу, добавил: — Или переизбыток оных у некоторых.

Мэриен казалось, что ее, как говорится, «использовали», но она и не возражала быть используемой, покуда понимала, с какой целью это делается, ей даже нравилось, когда ее «использовали», если она отдавала себе в этом отчет. Разумеется, Дункан «претендовал» на ее время и внимание. Но не пугал ее тем, что собирался дать нечто непонятное взамен. Его абсолютная сосредоточенность на самом себе действовала на нее в каком-то смысле ободряюще. Поэтому, когда он бормотал, прижавшись губами к ее щеке: «А знаешь, ты мне даже не особенно-то и *нравишься*!» — ее это не смущало, потому что ей не надо было отвечать. Но когда Питер, заняв примерно такую же позу, шептал: «Я люблю тебя!» — и ждал ее отклика, ей приходилось выдавливать из себя ответные слова.

Мэриен казалось, что и она использовала Дункана, хотя не вполне понимала свои мотивы, как и многие другие свои мотивы в последнее время. Все эти долгие недели, что она жила так, будто плыла по течению (и было так странно сознавать, что она вообще продолжала двигаться: ей предстояло поехать домой через пару недель, сразу

после вечеринки, которую устраивал Питер, а еще через две недели — или три? — после этого она выйдет замуж), были, говоря по-простому, периодом ожидания, превозмогания времени без каких-либо событий и предвкушения некоего события в будущем, предопределенного неким событием в прошлом; но в то же время, когда она проводила время с Дунканом, ее засасывало в воронку момента: у них фактически не было никакого прошлого и уж точно никакого будущего.

Мэриен раздражало, что Дункана совершенно не интересовала ее предстоящая свадьба. Он выслушивал все, что она хотела ему про это рассказать, криво усмехался, когда она говорила, что выйти замуж — хорошая идея, а потом пожимал плечами и равнодушно сообщал, что ему как раз идея кажется ужасной, но она прекрасно справляется, и это в любом случае ее трудности. Потом он мягко переводил разговор на более сложную и всегда интересующую его тему — на самого себя. Его, похоже, вовсе не волновало, что будет с ней после того, как она выпадет из рамок его вечного настоящего: единственное сделанное им замечание по поводу перемен в его жизни после ее свадьбы свелось к тому, что ему придется где-то найти ей замену. И подобное отсутствие интереса

с его стороны действовало на нее успокаивающе, хотя ей даже не хотелось задумываться почему.

Они шли по залу азиатского искусства. Тут было выставлено множество бледных ваз и покрытых лаком и глазурью блюд. Мэриен смотрела на гигантский настенный ковер, испещренный маленькими золотыми изображениями богов и богинь, замерших вокруг исполинской фигуры в центре: тучного Будды, улыбающегося, точно миссис Боге́, которая своей божественной волей управляла, безмятежно и непостижимо, бесчисленной армией крошечных домохозяек.

Правда, Мэриен всегда радовалась, когда Дункан звонил ей и уже привычным голосом, взволнованным и удрученным, просил с ним встретиться. Для этих неотложных встреч они выбирали самые экзотические места: заснеженные парки, художественные галереи, случайный бар (но никогда не в «Парк-плазе»), где они могли обниматься как бы невзначай, тайно, холодно и где плотная зимняя одежда могла бы погасить внезапную страсть.

В то утро он позвонил ей в офис и предложил, а вернее, потребовал, сходить с ним в музей:

— Я хочу в музей! — заявил он безапелляционно.

Мэриен сбежала с работы пораньше, сославшись на запись к стоматологу. Но это не имело уже никакого значения: все равно через неделю она увольнялась, и ее сменщица уже проходила практику.

Музей был удачным местом для свидания: Питер туда никогда не ходил. Ее ужасала одна только мысль, что Дункан и Питер могут случайно столкнуться. Ужас был иррациональный, потому что, во-первых, убеждала она себя, нет причин, почему Питера такая встреча могла бы расстроить: его это никак не затрагивало, тут не могло возникнуть никакого соперничества, ни какого-либо другого столь же дурацкого чувства, а во-вторых, даже если бы они встретились, она всегда могла бы сказать, что Дункан — ее старинный приятель по колледжу, или придумать что-то подобное. Ей ничего не угрожало, но что ее реально пугало, так это перспектива уничтожения, нет, не ее отношений с Питером, а одного из них, хотя кто кого уничтожит и почему, она сказать не могла, и постоянно удивлялась, как это у нее вообще могли возникнуть такие смутные предчувствия.

Тем не менее именно в силу этих предчувствий Мэриен не осмеливалась приглашать Дункана к

себе. Это было слишком рискованно. Несколько раз она ходила к нему в гости, но всякий раз в квартире оказывался кто-то из его соседей, кто смотрел на нее с подозрением и нескрываемой враждебностью. Из-за этого Дункан нервничал больше обычного, и они долго там не задерживались.

— Почему я им не нравлюсь? — спросила Мэриен.

Они как раз остановились перед витриной с покрытыми искусной чеканкой доспехами китайского воина.

— Кому?

— Им. Они ведут себя так, словно я хочу тебя сожрать.

— Вообще-то, дело не в том, что ты им не нравишься. По правде говоря, они мне сказали, что ты милая девушка и почему бы мне как-нибудь не пригласить тебя к нам на ужин, чтобы узнать тебя получше. Но я им не сообщил, — добавил он, пряча улыбку, — что ты выходишь замуж. Просто они хотят к тебе присмотреться и решить, можно ли принять тебя в нашу семью. Они же стараются меня защищать. Они беспокоятся обо мне, и в этом источник их эмоциональных витаминов, они не хотят, чтобы меня совратили. По их мне-

нию, я еще слишком молод.

— Но почему они воспринимают меня как угрозу? От чего они тебя защищают?

— Ну, видишь ли, ты не учишься в аспирантуре факультета английской литературы. И ты девушка.

— А они что, раньше никогда не видели девушек? — негодующе воскликнула она.

Дункан задумался над ее словами.

— Это вряд ли. Сомневаюсь. Сам не знаю, мы же вообще мало что знаем про своих родителей. Нам кажется, что они пребывают где-то в мире первозданной невинности. У меня такое впечатление, что Тревор свято верит в принцип средневекового целомудрия, в духе Эдмунда Спенсера. Что же до Фиша, то, думаю, он считает, что теоретически об этом вполне можно рассуждать, и он только об этом и говорит, и ты бы послушала, что он пишет в своей семестровой статье на эту тему — там все сплошь про секс, но он уверен, что надо терпеливо ждать, пока не найдешь свою настоящую половинку, и вот тогда это будет как удар током. Подозреваю, он эти идеи почерпнул из «Нашего волшебного вечера»[12] или вычитал

---

[12] Примечания: 12

Сентиментальный шлягер из репертуара многих поп-исполнителей 1940–1960-х гг.

у Д.Г. Лоуренса или где-то еще. Он ждет уже целую вечность, ему ведь уже скоро тридцатник!

Мэриен невольно посочувствовала Фишу и принялась мысленно составлять список знакомых ей стареющих дев, кто мог бы стать ему подходящей парой. Милли? Люси?

Они двинулись дальше и, свернув за угол, оказались в новом зале, заставленном стеклянными витринами с экспонатами. И теперь Мэриен окончательно заблудилась. После лабиринтов коридоров, одинаковых просторных залов и бесконечных поворотов она перестала ориентироваться в пространстве. В этой части Музея было совершенно безлюдно.

— Ты не знаешь, где мы? — встревоженно спросила она.

— Знаю, — ответил он. — Мы почти пришли.

Они миновали еще одну арку. В отличие от многолюдных изобилующих золотом азиатских залов, которые остались у них за спиной, этот был серый и пустынный. Судя по настенным росписям, они попали в зал Древнего Египта.

— Я иногда прихожу сюда, — проговорил Дункан, как будто обращаясь к самому себе, — поразмышлять о бессмертии. Вот мой любимый саркофаг.

Мэриен посмотрела сквозь стекло на раскрашенное позолоченное лицо. Стилизованные глаза, обрамленные синими линиями, были широко раскрыты. Они глядели прямо на нее с выражением покойной безучастности. Спереди на фигуре, на уровне груди, была нарисована птица с распростертыми крыльями, причем каждое перышко было четко выписано, такая же птица была нарисована на бедрах и еще одна — под ступнями. Остальные украшения были куда мельче: несколько оранжевых солнц, позолоченные фигурки с коронами на головах сидели на тронах или в лодках, и повсюду виднелись одинаковые диковинные символы в виде глаза.

— Красивая, — произнесла Мэриен. И подумала, так ли она считает на самом деле. Лежащая под стеклом фигура устремила на нее пустые глаза, как утопленница из-под воды: позолоченная кожа, казалось, была покрыта легкой рябью.

— Думаю, там мужчина, — сказал Дункан и перешел к следующей витрине. — Иногда мне хочется жить вечно. Тогда не нужно было бы вообще беспокоиться по поводу времени. Ах, эта вечная изменчивость. Интересно, почему попыткам преодолеть время никогда не удается остановить перемены…

Она подошла посмотреть, что привлекло его взгляд. Это был еще один саркофаг, открытый так, чтобы можно было увидеть сморщенную фигуру внутри. Пожелтевший саван был развернут, голова оголена, так что был виден череп, обтянутый сухой серой кожей, с клочками черных волос на темени и с удивительно белыми зубами.

— Отлично сохранилась, — прокомментировал Дункан таким тоном, словно ему был ведом некий секрет о мумиях. — В наше время так не умеют бальзамировать, хотя десятки жуликов притворяются, будто умеют.

Мэриен содрогнулась и отошла в сторону. Она была заинтригована — не самой мумией (ей не доставляло никакого удовольствия разглядывать подобные предметы), а тем, в какой восторг пришел от нее Дункан. Невольно она подумала, что протяни она сейчас руку и дотронься до него, от ее прикосновения он бы тотчас рассыпался в прах.

— У тебя патология, — заметила она.

— А что тебе не нравится в смерти? — неожиданно громко спросил Дункан, и на его возглас в пустом зале ответило гулкое эхо. — В ней нет ничего патологического. Мы все, знаешь ли, умираем, это совершенно естественно.

— Но я не вижу ничего естественного в восхи-

щении смертью, — возразила она, развернувшись к нему. И увидела, что он усмехается.

— Не воспринимай меня слишком серьезно. Я же тебя предупреждал. А теперь иди сюда, я покажу тебе мой символ материнского чрева. Скоро я покажу его и Фишу. А то он все грозится написать небольшую монографию для журнала «Викторианские штудии» на тему «Символы чрева у Беатрис Поттер»[13]. Надо задушить эту идею на корню.

Он отвел ее в дальний угол зала. Поначалу в быстро сгущающихся сумерках она не смогла рассмотреть содержимое витрины. Там лежала вроде бы куча мусора. Но потом она поняла, что это скелет, местами все еще покрытый кожей, лежащий на боку с подогнутыми к животу коленями. Рядом с ним были положены глиняные плошки и бусы. Туловище было настолько маленькое, что походило на ребенка.

— Это захоронение эпохи до пирамид, — пояснил Дункан. — Труп сохранился в песках пустыни. Когда мне наскучит этот мир, я пойду и зароюсь куда-нибудь. Может быть, библиотека будет для этого в самый раз, вот только в этом го-

---

[13] Примечания: 13

Беатрис Поттер — английская детская писательница (1866–1943).

роде слишком сыро. Тут все очень быстро гниет.

Мэриен нагнулась над экспонатом в витрине. Скрюченное туловище вызвало у нее жалость: торчащие ребра, и хрупкие ножки, и выпирающие лопатки — эта фигурка напомнила ей фотографии голодающих жителей неразвитых стран или изможденных узников концентрационных лагерей. У нее, конечно, не возникло желания взять ее на руки, но ее охватило беспомощное чувство сострадания.

И когда она отвернулась от витрины и взглянула на Дункана, то невольно содрогнулась от ужаса, увидев, как он протягивает к ней руки. Теперь его тщедушность вовсе не казалась ей успокаивающей, как прежде, и она отшатнулась.

— Не беспокойся, я не собираюсь вставать из могилы, — сказал он и с печальной улыбкой провел ладонью по изгибу ее щеки. — Беда в том, что я не могу сконцентрироваться на поверхности, особенно когда я прикасаюсь к людям. Когда ты просто думаешь о поверхности, то все нормально и достаточно реально; но стоит начать думать о том, что под поверхностью…

Он наклонился, чтобы ее поцеловать, но она увернулась, уткнулась головой ему в плечо и закрыла глаза. Даже под зимним пальто его тело

казалось более щуплым, чем обычно, и ей стало боязно прижимать его к себе слишком сильно.

До ее слуха донесся скрип паркетных половиц, она открыла глаза и увидела, что в нее ввинтилась пара строгих глаз. Это был взгляд охранника в голубой униформе, который подошел к ним сзади. Он постучал по плечу Дункана.

— Прошу прощения, сэр, — произнес охранник вежливо, но твердо, — в Зале мумий… мм… запрещено целоваться.

— Да? — произнес Дункан. — Простите нас.

И они двинулись в обратный путь по лабиринту коридоров через залы, пока не достигли главной лестницы. Из галереи к ним навстречу струилась вереница школьников со складными стульями, и они попали в поток маленьких семенящих ног, который смыл их по лестнице вниз под шумное журчание смеха.

Дункан предложил выпить кофе, и вот они уже сидели в музейном кафе, окруженные группками застенчиво-сумрачных студентов. Мэриен настолько привыкла по рабочим дням пить кофе во время утренних перерывов на работе или в обеденный перерыв в ресторане, что в любой момент ожидала появления за их столиком троицы офисных девственниц.

Дункан помешал ложкой свой кофе и спросил:

— Сливки?

— Нет, спасибо, — помотала она головой, но тут же передумала и налила себе из молочника, решив, что сливки — это питательно.

— А знаешь, я тут подумал: может, нам переспать? — как ни в чем не бывало предложил Дункан, положив ложку на стол.

Мэриен возмутилась про себя. До сих пор она оправдывала себя за то, что происходило у нее с Дунканом (а что, собственно, *происходило*?), мотивируя это тем, что, согласно ее моральным стандартам, все было предельно невинно. Правда, в последнее время ей стало казаться, что невинность их отношений была каким-то непонятным образом связана с одеждой: с преградами, проложенными воротниками и длинными рукавами. Причем ее самооправдание всегда принимало форму мысленных бесед с Питером. Питер ревниво говорил: «До меня стали доходить слухи, что ты встречаешься с разными тощими университетскими умниками. Это так?» И она отвечала: «Не глупи, Питер, все предельно невинно. Мы ведь женимся через два месяца!» Или уже через полтора. Или через месяц.

— Не глупи, Дункан, — проговорила она, — это

невозможно. Я ведь выхожу замуж через месяц.

— Это твои трудности, какое это имеет отношение ко мне? Я подумал о себе: было бы неплохо *для меня*.

— Почему? — спросила она, не в силах сдержать улыбку. Было просто удивительно, насколько он мог игнорировать ее мнение.

— Ну, дело, конечно, не в тебе. Просто есть такое желание. То есть я хочу сказать, что ты лично не возбуждаешь во мне звериную страсть. Но я подумал, что тебе известны разные способы и ты обладаешь достаточной компетентностью, и вообще знаешь, как утихомирить позывы. В отличие от многих. И я думаю, было бы неплохо для меня преодолеть свои предубеждения о сексе. — Он высыпал немного сахара на стол и указательным пальцем стал рисовать узоры.

— Какие предубеждения?

— Такие, что, может, я латентный гомосексуал. — Он на мгновение задумался над сказанным. — Или, может, я латентный гетеросексуал. В любом случае я какой-то латентный. И если честно, сам не знаю почему. У меня, конечно, были попытки это выяснить, но я начинаю думать, что это все бесполезно, и опускаю руки. Может, все дело в том, что от тебя всегда ожидают чего-то, а

я после какого-то момента хочу одного — просто лежать и смотреть в потолок. Когда мне надо писать семестровую работу, я только и думаю что о сексе, или когда я наконец прижимаю в углу готовую на все милашку, или мы кувыркаемся в кустах, и обоим становится ясно, что все уже готово для нанесения *coup de grâce*[14], я вдруг вспоминаю о семестровой работе. Я понимаю, что и то и другое — отвлекающие маневры, то есть оба эти занятия являются, по сути, отвлекающими маневрами, но от чего именно я себя отвлекаю — вот в чем вопрос! К тому же все они ведут себя как литературные героини! А все потому, что прочитали мало книг. Если бы они читали больше, они бы поняли, что все эти сцены уже были разыграны раньше. То есть все знакомо *ad nauseam*[15]. И как они только могут быть такими пошлыми? Они корчат из себя обессиленных, и хитроумных, и страстных, они стараются изо всех сил, и я начинаю думать: бог ты мой, да она же просто жалкая имитация той, кто изображает жалкую имитацию… и я сразу теряю к ней интерес. Или, что хуже, меня разбирает хохот. А они

---

[14] Примечания: 14
Решающий удар (*франц.*).

[15] Примечания: 15
До тошноты (*лат.*).

закатывают истерику.

Он задумчиво слизал сахар с кончиков пальцев.

— А почему ты считаешь, что со мной у тебя будет по-другому? — Она вдруг почувствовала себя многоопытной и квалифицированной, прямотаки мудрой матроной. «Ситуация, — подумала она, — требует туфель на толстой подошве, накрахмаленных манжетов и кожаного мешка со шприцами».

— Ну, — вздохнул он, — вполне возможно, и не будет. Но раз я тебе все рассказал, ты, по крайней мере, не закатишь истерику.

Они молчали. Мэриен размышляла над его словами. Она сочла безличный характер его просьбы довольно оскорбительным. Но почему же она не почувствовала себя оскорбленной? Наоборот, она ощущала настоятельную потребность сделать что-нибудь полезное для его здоровья — типа того, чтобы измерить пульс.

— Ну… — начала она, взвешивая слова. И подумала: а не подслушивают ли их разговор? Она обвела взглядом кафе, и ее взгляд наткнулся на крупного бородатого мужчину за столиком у двери, который смотрел прямо на нее. Он был похож на профессора антропологии. Но в следующий

момент она его узнала: это был сосед Дункана по квартире. Сидящий с ним рядом блондин, спиной к ней, должно быть, второй сосед.

— Там один из твоих родителей, — заметила она.

Дункан резко развернулся.

— Ох ты, надо бы сходить поздороваться. — Он встал, подошел к их столику и сел на свободный стул. Завязалась оживленная беседа, после чего он встал и вернулся.

— Тревор спрашивает, не хочешь ли ты прийти к нам на ужин, — сообщил он ей тоном маленького ребенка, декламирующего заученный текст.

— А ты хочешь, чтобы я пришла? — спросила она.

— Я? Ну, конечно. Думаю, да. А почему нет?

— Тогда скажи Тревору, что я согласна. — Все равно Питер работал над очередным делом, а Эйнсли сегодня вечером будет в пренатальном центре.

Он отправился передать ее согласие. Через пару минут оба соседа Дункана встали и вышли из кафе. А сам он, чуть сутулясь, вернулся и сел.

— Тревор сказал, это обалденная новость, — доложил Дункан. — Сейчас он побежал домой по-быстрому что-нибудь запечь в духовке. Ничего

особенного. Нас ждут через час.

Губы Мэриен разъехались в улыбке, и она поспешно прикрыла рот ладонью, внезапно вспомнив обо всех продуктах, которые она была не в состоянии есть.

— А как думаешь, что он приготовит? — спросила она безучастно.

Дункан пожал плечами.

— Ну, я не знаю. Он любит готовить блюда на шпажках и поджигать их. А что?

— Просто я не могу есть массу вещей. В смысле, в последнее время не могу их есть. Например, мясо, яйца, некоторые овощи.

Дункана, похоже, это признание совсем не удивило.

— Ладно, но Тревор очень гордится своей стряпней. То есть мне-то все равно, я готов каждый день есть одни гамбургеры, но он обидится, если ты не притронешься к тому, что у тебя в тарелке.

— Ну, он еще больше обидится, если я все это сблюю, — угрюмо сказала она. — Может, мне лучше не приходить.

— А, перестань, что-нибудь придумаем! — В его голосе послышалась нотка коварного любопытства.

— Мне очень жаль, я сама не понимаю, почему

это со мной происходит, но я ничего не могу с собой поделать! — Она подумала: а если сказать, что я сижу на диете?

— А, — оживился Дункан, — может быть, ты представительница современной молодежи, восставшей против системы? Хотя едва ли правильно начинать борьбу с пищеварительной системы. Но почему бы и нет? — рассуждал он вслух. — Я, кстати, всегда считал процесс еды очень смешным. Если бы я мог, я бы от этого вообще отказался, хотя, как говорят, это необходимо, чтобы не помереть.

Они встали из-за столика и надели пальто.

— Лично я бы предпочел, — сказал он на пути к выходу, — чтобы меня кормили через внутривенный катетер. Если бы я знал нужных людей, уверен, это можно было бы организовать.

22

Когда они вошли в подъезд, Мэриен сняла перчатки, сунула руку в карман пальто и повернула помолвочное кольцо камушком вниз. Она сочла, что было бы невежливо щеголять этим красноречивым бриллиантиком перед соседями Дункана, которые проявляли такое трогательное участие в его судьбе. А потом и вовсе сняла кольцо. Но тут же подумала: «Что я делаю? Мне же замуж выходить через месяц! Почему бы им не узнать об этом?» — и надела обратно. А затем ей в голову пришла другая мысль: «Я же их никогда больше не увижу. Зачем все так усложнять?» — снова сняла кольцо и убрала его в сумочку для надежности.

Они поднялись по ступенькам и оказались перед дверью квартиры, которая раскрылась прежде, чем Дункан успел дотронуться до дверной ручки. Их встретил Тревор в фартуке. В нос ударили ароматы пикантных специй.

— А я слышал, как вы подошли, — пояснил он. — Входите. Ужин, боюсь, будет готов не раньше чем через несколько минут. Очень рад, что вы смогли прийти, э-э… — Его светло-голубые глаза

вопросительно поглядели на Мэриен.

— Мэриен, — представил ее Дункан.

— Ах да, — отозвался Тревор. — Кажется, мы еще не знакомы… официально. — Он улыбнулся, и на его щеках появились ямочки. — Сегодня у нас то, что нашлось в доме — ничего особенного. — Он нахмурился, понюхал воздух, издал тревожный вопль и ринулся в кухонный отсек гостиной.

Мэриен поставила ботинки на газетку при входе, а Дункан унес ее пальто к себе в спальню. Она прошла в гостиную и глазами поискала, где бы сесть. Ей не хотелось занимать пурпурное кресло Тревора или зеленое Дункана — тогда ему негде было бы сесть, — но и пристраиваться на полу среди вороха бумаг тоже не хотелось: ведь она могла бы перепутать страницы чьей-то диссертации, а Фиш уже сидел в своем красном кресле, забаррикадировавшись обрезком половицы, на которую положил лист бумаги и что-то там сосредоточенно писал. У его локтя стоял полупустой стакан. Наконец она умостилась на подлокотнике зеленого кресла и сложила руки на коленях.

Тревор вышел, напевая, из кухонного отсека с подносом, на котором стояли хрустальные бокалы для хереса.

— Благодарю, очень мило, — вежливо сказала Мэриен, принимая от него свою порцию. — Какой красивый бокал!

— Да, элегантный, не правда ли? Это фамильный хрусталь. Сейчас от былой элегантности мало что осталось, — произнес он, пристально глядя в ее правое ухо, словно мог увидеть там, внутри, безбрежные просторы седой, давно исчезнувшей древности. — Особенно в этой стране. Уверен, мы все должны внести свою скромную лепту в сохранение культурного наследия, вы согласны?

При появлении хереса Фиш отложил ручку. Он устремил немигающий взгляд на Мэриен, но не на лицо, а куда-то на живот в районе пупка. Она немного встревожилась и, чтобы отвлечь его, произнесла:

— Дункан рассказал мне, что вы пишете исследование о Беатрис Поттер. Это так увлекательно!

— Что? А, ну да. Я подумывал написать о ней, но сейчас увлекся Льюисом Кэрроллом, он гораздо серьезнее. Знаете, сейчас девятнадцатый век очень в моде. — Он откинул голову на спинку кресла, прикрыл глаза, и его слова заструились монотонно, как ритуальное песнопение, сквозь густую черную бороду. — Конечно, всем извест-

но, что «Алиса» — книга о кризисе сексуального самоопределения, но это старое восприятие, традиционное, общепринятое, а я бы хотел копнуть немного глубже. Ведь с чем мы имеем дело, если посмотреть на это внимательнее. Маленькая девочка низвергается в кроличью нору, то есть символически попадает как бы в пренатальное состояние и пытается осмыслить свое предназначение в жизни… — Он облизал губы. — Свое предназначение Женщины. Это достаточно очевидно. Одна за другой перед ней возникают разные сексуальные ролевые модели, но она, как кажется, не способна принять ни одну из них, то есть я хочу сказать, она буквально оказывается в тупике. Она отвергает Материнство, когда младенец, за которым она присматривает, превращается в свинку, и она не воспринимает позитивно доминирующую женскую роль Королевы и ее кастрирующий приказ «Отрубить ему голову!». И когда Герцогиня пытается оказать ей хитроумно замаскированные лесбийские знаки внимания, ты невольно думаешь: как же *сознательно* все это проделал старина Льюис: ведь, как бы там ни было, она не поняла и не заинтересовалась, и сразу после этого, вспомним, она беседует с Черепахой Квази, который

пребывает в панцире и грусти, — это же явный архетип доподросткового возраста; потом эти в высшей степени символические эпизоды, весьма многозначительные, например тот, где ее шея вытягивается и ее обвиняют в том, что она змея, пожирающая птичьи яйца, вы, конечно, помните, и она с негодованием отвергает эту недвусмысленно разрушительную фаллическую идентификацию; а вспомните ее негативную реакцию на диктаторские замашки Гусеницы, в которой всего-то шесть дюймов длины, а она самодовольно уселась на женственной шляпке гриба идеально круглой формы, обладающей силой уменьшать или увеличивать предметы, все это, по-моему, особенно интересно. Ну и, разумеется, эта одержимость идеей времени, одержимость, имеющая явно цикличную природу, а не линейную. Словом, она предпринимает массу попыток, но отказывается отдать чему-то предпочтение, так что к концу книги вы вряд ли скажете, что она достигла состояния, которое можно было бы назвать зрелостью. Впрочем, у нее все гораздо удачнее получается в «Зазеркалье», где, как вы помните…

Раздался приглушенный, но явственный смешок. Мэриен вздрогнула. Дункан, наверное, уже

какое-то время стоял в дверях: она не заметила, как он вернулся из спальни.

Фиш открыл глаза, заморгал и нахмурился на Дункана, но не успел и слова сказать, как в гостиную ворвался Тревор.

— Что, он опять завел свою занудную песню про все эти символы и модели? Я не одобряю такое литературоведение, куда важнее, по-моему, *стиль* прозы, а Фишер вечно впадает в этот венский бред, особенно когда выпьет. Он ужасен. И к тому же очень старомоден, — добавил он язвительно. — А современное прочтение «Алисы» требует отнестись к ней просто как к милой детской книжке — и точка. У меня почти все готово. Дункан, помоги мне накрыть на стол!

Фишер, утонув в своем кресле, молча смотрел на них. Они составили вместе два карточных столика, аккуратно разместив их ножки между разбросанными страницами рукописи и отодвигая листы — так, чтобы их не помять. Потом Тревор накрыл белой скатертью оба столика, а Дункан принялся раскладывать приборы и расставлять блюда. Фиш подхватил с доски свой бокал хереса и залпом его осушил. Заметив еще один ничейный бокал, он и его опрокинул себе в глотку.

— Ну вот! — воскликнул Тревор. — Сейчас будет подан ужин!

Мэриен встала с подлокотника. Глаза Тревора сверкали, а молочно-белые щеки зарделись румянцем. Одна прядь светлых волос выбилась и упала на высокий лоб. Он зажег свечи на столе и стал методично выключать все торшеры в гостиной. И в последний момент забрал у Фиша его доску.

— А вы садитесь там... э-э... Мэриен, — сказал он и отправился к плите.

Она села на указанный ей стул, но не смогла, как хотела, сесть поближе к столику, потому что ей мешали ножки. Она оглядела выставленные блюда, проверяя, что там: на закуску был креветочный коктейль. Это хорошо. И она с сомнением подумала, что еще будет предложено подходящего для ее организма. Ясное дело, будет подано еще что-то: на столе перед каждым лежала масса приборов. Она с любопытством разглядывала украшенную затейливой кованой гирляндой викторианскую солонку и со вкусом подобранную цветочную композицию между двух свечей. Это были живые цветы — хризантемы на продолговатом серебряном блюде.

Вернулся Тревор, сел на ближайший к кухон-

ному уголку стул, и все приступили к еде. Дункан сидел напротив, а Фиш слева от нее — во главе стола, как она предположила, а может, и нет. Мэриен была рада, что они ужинают при свечах: так ей будет легче в случае необходимости избавляться от неподходящей еды. Пока что она не имела ни малейшего понятия, как себя повести, если придется, и вряд ли тут Дункан ей чем-то поможет. Он, похоже, целиком ушел в себя: механически отправлял пищу в рот и, жуя, не отрываясь смотрел на пламя свечи, отчего его глаза были слегка скошены к переносице.

— У вас очень красивые столовые приборы, — сказала она Тревору.

— Да уж, это правда, — улыбнулся он. — Они фамильные. И фарфор тоже, по-моему, он бесподобен, гораздо изящнее того белого датского ширпотреба, которым сегодня все пользуются.

Мэриен стала рассматривать орнамент на тарелке. Это был богатый цветочный узор с сочными бутонами, изогнутыми стеблями и замысловатыми виньетками.

— Мило! — похвалила она. — Полагаю, вам приходится с них пылинки сдувать!

Тревор просиял. Она явно говорила то, что тот хотел услышать.

— О, ну что вы! Какие пылинки? Я уверен, что есть *красиво* — это очень важно, какой смысл есть, чтобы просто не умереть с голоду, как делает большинство людей? Кстати, рецепт соуса я сам придумал, вам нравится? — И, не дождавшись ее ответа, увлеченно продолжал: — Терпеть не могу все эти заправки в бутылках, они все одинаковые! Я же могу купить свежий хрен на фермерском рынке у озера, хотя, конечно, свежих креветок в этом городе достать трудновато… — Он склонил голову вбок, словно прислушивался к чему-то, потом вскочил со стула и, резко развернувшись, умчался на кухню.

Фишер, не проронивший ни слова с тех пор, как они расселись за столом, только сейчас открыл рот и начал вещать. Но поскольку он одновременно продолжал есть, то отправление еды в рот и извлечение изо рта слов, отметила про себя Мэриен, происходило ритмично, как чередование вдоха и выдоха, и, похоже, он не прилагал никаких усилий к тому, чтобы соблюдать эту ритмичность; что хорошо, подумала она, потому что стоило бы ему сделать паузу и задуматься, механическая мерность его действий тотчас бы разладилась, и еда, как говорится, попала бы не в то горло. А ведь это, наверное, очень неприят-

но, когда креветка забивает трахею, тем более креветка, приправленная домашним хреном. Она с изумлением смотрела на Фиша. Она могла это делать без всякого смущения, потому что большей частью Фиш сидел с закрытыми глазами. Вилка безошибочно находила его рот, но как, Мэриен не могла себе представить: вилка как будто направлялась по точной траектории то ли каким-то невидимым механизмом, то ли шестым чувством, а может быть, борода Фиша функционировала как антенна. Он не сбился с ритма даже когда Тревор, который начал убирать тарелки от креветочного коктейля, поставил перед ним тарелку с супом, правда, ему пришлось все же открыть глаза после неудачных попыток зачерпнуть суп вилкой.

— Что касается предложенной мной темы диссертации, — говорил он, — ее могут и не одобрить, они там все записные консерваторы, но даже если они отвергнут эту тему, я всегда могу написать статью для научного журнала, ведь ни одна мудрая мысль не должна пропасть даром; в любом случае в наши дни в науке действует принцип конкуренции: или опубликуйся, или погибни, и если я не смогу опубликоваться здесь, я всегда смогу сделать это в Штатах. Я подумываю

об очень революционной теме: «Мальтус[16] и художественная метафора», и Мальтус, разумеется, это всего лишь символ того, о чем я хочу написать, а именно о неотвратимой связи между ростом рождаемости в современную эпоху, скажем, в последние два-три века, а особенно с восемнадцатого века и до середины девятнадцатого, и изменениями в представлениях литературных критиков о поэзии и, соответственно, с изменениями в поэтическом стиле, да, и я совершенно спокойно смогу расширить границы анализа и охватить прочие виды искусства. Это будет междисциплинарное исследование, поверх слишком жестко установленных сегодня границ между сферами знания, скажем, экономикой, биологией и литературоведением. Люди слишком узко мыслят, слишком узко, они специализируются на очень узких областях и теряют способность видеть массу смежных вещей. Конечно, мне придется приводить много статистических данных, рисовать диаграммы, и пока что я только обдумываю основные положения, провожу предварительный анализ, по необходимости изучаю произведения древних и современных авторов…

---

[16] Примечания: 16

Томас Роберт Мальтус (1766–1834) — британский ученый, считал, что рост населения Земли приведет к экономическому кризису и голоду.

За супом все пили херес. Фиш потянулся к своему бокалу и едва его не опрокинул.

Мэриен теперь оказалась под огнем перекрестного допроса, потому что как только Тревор снова сел напротив Фиша, он тоже заговорил с ней, рассказывая про суп — прозрачный и с тонким ароматом специй: он подробно поведал ей, как сам готовит экстракты трав, шаг за шагом, и какой это трудоемкий процесс, и что суп надо томить на медленном огне… И поскольку он единственный из сидящих за столом смотрел на нее почти в упор, ей тоже пришлось из вежливости смотреть на него. Дункан вообще не обращал ни на кого внимания, и ни Фиша, ни Тревора, похоже, совершенно не смущал тот факт, что оба обращались к ней одновременно. Они явно привыкли так вести беседы. А она приспособилась время от времени кивать и улыбаться, глядя на Тревора и слушая Фиша, который продолжал вещать:

— …Дело в том, что численность населения, а особенно его плотность, тогда была низкой, а уровень детской смертности и смертности в целом высоким, вот почему так всегда ценилось деторождение. Человек был в гармонии со своим предназначением, с циклическим ритмом природы, и земля говорила: «Производите, произ-

водите! Плодитесь и размножайтесь», помните?

Тревор вскочил с места и забегал вокруг стола, убирая пустые суповые тарелки. Его речь и движения стали более торопливыми: он нырял в кухонный уголок и выбегал оттуда, как кукушка в настенных ходиках. Мэриен взглянула на Фиша. Он явно несколько раз пронес суповую ложку мимо рта: к его косматой бороде приклеились ошметки еды. Он напоминал бородатого младенца, сидящего на высоком стульчике, и Мэриен даже захотелось повязать ему слюнявчик.

Тревор принес чистые тарелки и снова удалился. Она слышала, как он возится на кухне, сквозь бормотание Фиша:

— ...И соответственно, поэт, который и себя воспринимал как своего рода естественного производителя, а свои стихи — как плоды, так сказать, зачатые в нем музой или, допустим, Аполлоном. Отсюда, кстати, и термин «вдохновение», то есть «вдувание воздуха внутрь». После этого поэт беременеет своим творением, у плода наступает период вызревания, довольно длительный, и когда этот плод готов увидеть свет, поэт в муках разрешается от своего бремени. В этом смысле сам процесс художественного творчества является подобием природного процесса,

который имел огромное значение для выживания всего человечества. Я имею в виду процесс деторождения. А с чем мы имеем дело сегодня?

Раздалось легкое шипение, и Тревор эффектно появился в дверном проеме с объятыми голубым пламенем клинками в обеих руках. Кроме Мэриен никто даже не взглянул в его сторону.

— Вот это да! — восторженно вскрикнула она. — Просто обалдеть!

— Правда? Я обожаю делать фламбе. Это, конечно, не кебаб, а скорее нечто с французским нюансом, но и не просто куски мяса на шампуре, как у греков.

Когда он ловко скинул со шпажки печеную еду на ее тарелку, она увидела, что это в основном мясо. Ну вот, ее загнали в угол. Надо что-то придумать. Тревор разлил всем вина, попутно рассказывая, с каким трудом смог найти в городе свежий тархун.

— …А сегодня мы имеем дело с обществом, чьи ценности противоречат идее деторождения. Все только и говорят о контроле за рождаемостью и талдычат: нам надо опасаться не атомного взрыва, а взрыва рождаемости. То же говорил и Мальтус, за исключением того, что война больше не является средством серьезного снижения чис-

ленности населения. И в этом контексте легко увидеть, что расцвет романтизма…

В других блюдах был рис с чем-то, и еще на столе появился ароматный соус к мясу и какие-то неизвестные овощи. Тревор пустил все это по кругу. Мэриен опасливо отправила в рот немного темно-зеленой овощной массы — так же робко, наверное, приносили жертвоприношения разгневанным богам. Но ее желудок принял этот дар благосклонно.

— …совпадает, что весьма поучительно, с резким приростом населения, который начался, конечно, чуть раньше, но который к тому времени принял чуть ли не эпидемический размах. И поэт уже не мог с изрядной долей самодовольства считать себя этаким суррогатом матери, дающим жизнь своим произведениям, рождая их для общества, точно младенцев. Он должен был стать иным символом, и что такое этот нынешний акцент на индивидуальном самовыражении, причем заметьте: речь идет о выражении, об экспрессии, о выдавливании, акцент делается на спонтанности процесса, на мгновенном творении! В двадцатом веке не только стало…

Тревор снова удалился на кухню. Мэриен с нарастающим отчаянием разглядывала куски мяса

на своей тарелке. Она подумывала незаметно засунуть их под скатерть — но они там обязательно найдутся. Она бы положила их себе в сумочку, но сумочка висела у нее за спиной на стуле. Может быть, удастся спрятать их за вырез блузки или в рукаве.

— …художники, которые расплескивают краску по холсту, испытывают выброс энергии сродни оргазму, но и писатели воспринимают себя точно в таком же ключе…

Она вытянула ногу под столом и слегка ткнула Дункана в голень. Он вздрогнул и поглядел на нее. Он ее не сразу узнал, но потом, вернувшись на землю, недоумевающе поднял брови.

Мэриен соскребла почти весь соус с куска мяса, взяла его двумя пальцами и перебросила Дункану поверх горящих свечей. Он поймал, положил себе в тарелку и стал аккуратно разрезать ножом. А она принялась соскребать соус с другого куска.

— …уже не как дарующего рождение; нет, долгие размышления и мучительное появление на свет — это все в прошлом. Природный акт, который современное искусство желает имитировать, точнее, *вынуждено* имитировать, — это собственно акт соития…

Мэриен перебросила второй кусок мяса, ко-

торый также был ловко пойман. «Может, нам просто поменяться тарелками», — подумала она; но тут же отказалась от этой идеи: сразу заметят, ведь Дункан все съел еще до того, как Тревор вышел из-за стола.

— …Нам необходим глобальный катаклизм, — продолжал вещать Фиш. Теперь его голос звучал нараспев, все громче и громче, и было впечатление, что он сознательно добивается крещендо. — Катаклизм. Новая «черная смерть», катастрофический взрыв, который сметет миллионы с лица земли и разрушит нашу цивилизацию под корень, вот тогда деторождение будет вновь цениться и мы сможем вернуться к племенной жизни, к древним богам, к темным богам земли, к богине земли, богине воды, богине рождения, роста и смерти. Нам нужна новая Венера, роскошная Венера тепла, и плодородия, и воспроизведения потомства, новая Венера, вечно брюхатая, полная жизни, изобильная, готовая дать жизнь новому миру во всем его богатстве, новая Венера, выходящая из моря…

Тут Фишер решил встать во весь рост, вероятно, чтобы придать дополнительный пафос финальным словам. Чтобы подняться, он оперся обеими ладонями о карточный столик, две склад-

ные ножки сразу подогнулись, и тарелка с едой соскользнула ему на брюки. И в этот же самый миг кусок мяса уже перелетевший через стол попал Дункану в висок, отскочил рикошетом вниз, поскакал по полу и остановился на стопке рукописных листков.

Тревор, держа в обеих руках тарелки с салатом, появился в дверях как раз вовремя и застал кульминационный момент. У него отвисла челюсть.

— Наконец я понял, кем хочу быть, — произнес Дункан в воцарившейся тишине. Он спокойно глядел в потолок, а в его волосах виднелись белесые потеки соуса с хреном. — Амебой.

Дункан предложил проводить ее домой — хотя бы до станции подземки: ему нужно было подышать свежим воздухом.

К счастью, ни одна из фамильных тарелок Тревора не разбилась, хотя кое-что пролилось на скатерть, и когда ножки столика выпрямили, а Фишер уселся на свой стул, что-то бормоча себе под нос, Тревор великодушно обратил инцидент в шутку, хотя остаток вечера, когда были предложены салат и фламбированные персики, кокосовые печенья и кофе с ликером, он обращался с Мэриен подчеркнуто холодно.

А сейчас, шагая по хрустящему снегу, они об-

суждали, как Фишер съел лимонную дольку, выудив ее из плошки с водой для ополаскивания рук.

— Тревора это бесит, — заметил Дункан, — а я ему как-то сказал, что если ему не нравится, как Фиш сжирает эти лимонные дольки, пусть не кладет их в плошку. Но он настаивает на том, что все нужно делать по правилам, хотя и признает, что никто этого не ценит. Я свой лимончик тоже всегда съедаю, но сегодня не стал: у нас же были гости.

— Все было очень… интересно, — сказала Мэриен.

Она обдумывала, почему на протяжении всего вечера никто не удосужился заинтересоваться ее статусом, хотя сама сочла, что ее пригласили, потому что оба соседа Дункана хотели получше ее узнать. Но теперь она склонялась к выводу, что им просто отчаянно хотелось расширить круг общения.

Дункан взглянул на нее с сардонической улыбкой.

— Ну теперь ты, по крайней мере, понимаешь, каково мне находиться дома.

— Но ты же можешь съехать, — предложила она.

— Ну нет. Мне там даже нравится. Кроме того, кто еще станет обо мне так заботиться? А они, представь себе, заботятся, когда не поглощены своими хобби или не находят себе какое-то новое увлечение. Они так много времени посвящают обсуждению моей личности, что мне уже можно забыть об этой проблеме. Рано или поздно наступит момент, когда они значительно облегчат мне превращение в амебу.

— А почему тебя так интересуют амебы?

— Ну, они же бессмертны, бесформенны и адаптивны. Быть личностью становится все сложнее.

Они дошли до начала асфальтовой эстакады, спускающейся к бейсбольному полю. Дункан сел на сугроб и закурил; ему, похоже, никогда не было холодно. Она постояла и села рядом. Но раз он не делал попыток ее обнять, она сама его обняла.

— Дело в том, что, — сказал он, помолчав, — мне нужно хоть что-то реальное. Не все, это невозможно, но хотя бы одна-две вещи. То есть доктор Джонсон опроверг теорию нереальности материи, пнув камень[17], но не могу же я пинать

[17] Примечания: 17

Имеется в виду аргумент английского философа XVIII века Сэмюеля Джонсона в споре с приверженцами субъективного идеализма Джорджа Беркли, заявлявшими об иллюзорности материи: он просто пнул ногой твердый камень.

своих соседей по квартире. Или своих преподавателей. Кроме того, может быть, моя нога сама нереальна. — Он отшвырнул окурок в снег и снова закурил. — И я подумал, может быть, ты мне поможешь. В смысле, если ты переспишь со мной — а то сейчас ты бог знает насколько нереальна, ведь я только и вижу, что многослойную шерстяную одежду, которая на тебе надета, это пальто и свитера, так что иногда я думаю, что ты вся целиком шерстяная и под вещами тебя нет. Вот было бы здорово узнать, что это не так…

Мэриен не могла не принять этот вызов. Она-то знала, что не шерстяная.

— Ладно, предположим, мы переспим, — сказала она задумчиво, — но в любом случае мы не можем пойти ко мне.

— И ко мне не можем, — отозвался Дункан, не выказав ни удивления, ни радости по поводу ее подразумеваемого согласия.

— Думаю, нам надо пойти в отель, — заключила она, — как мужу и жене.

— Нам никто не поверит, — печально возразил он. — Я не похож на мужа. Меня до сих пор в барах спрашивают, сколько мне лет: считают, что мне шестнадцать.

— А ты носишь свидетельство о рождении с

со-бой?

— Раньше носил. Но потом потерял. — Он повернулся к ней и поцеловал в нос. — Может, нам пойти в отель, где не нужно притворяться мужем и женой.

— То есть хочешь, чтобы я выдала себя за… проститутку?

— Ну да. А почему нет?

— Ни за что! — негодующе отрезала она. — Я не могу так!

— Я бы тоже не смог, — мрачно согласился он. — К тому же мотели расположены за городом, а я не вожу. Что ж, значит, облом. — Он закурил еще одну сигарету. — Ну в любом случае это правильно: ты же точно совратишь меня. Но, с другой стороны, — добавил он с легким ожесточением, — возможно, меня невозможно совратить.

Мэриен бросила взгляд на бейсбольное поле вдалеке. Ночь была ясная, воздух — прозрачный, звезды озаряли черное небо холодным сиянием. Чуть раньше выпал свежий снег, покрыв парк тонким ровным слоем белой пудры. И вдруг ей захотелось побежать, зарыться лицом в этот снег, испещрить белую гладь следами, протоптать на ней извилистые тропинки. Но она знала, что этого не произойдет и в следующую минуту она

сонно побредет к станции подземки.

Мэриен встала и, отряхнув снег с пальто, спросила:

— Еще немного проводишь меня?

Дункан тоже поднялся и сунул руки в карманы. На его лице, тускло освещенном уличным фонарем, играли тени и желтоватые блики.

— Не-а, — ответил он. — Еще, может, увидимся. — Он отвернулся, и его удаляющаяся фигура беззвучно растаяла в голубоватой тьме.

Дойдя до ярко освещенного прямоугольника станции метро, Мэриен достала кошелек и нащупала в куче мелочи свое кольцо.

23

Мэриен лежала с закрытыми глазами на животе, а пепельница балансировала на впадинке ее голой спины, там, куда ее поставил Питер. Он лежал рядом, курил и допивал виски из стакана. Из стереодинамиков приглушенно лилась ненавойливая музыка.

Хотя она старалась не морщить лоб, в голове у нее крутились тревожные мысли. Сегодня утром ее организм, после нескольких недель опасливого отторжения, наконец-то с благосклонностью принял в себя рисовый пудинг из банки. Какое же это было облегчение — понять, что она может на него положиться, ведь пудинг был очень питательный, и к тому же, как заверила ее диетолог миссис Уизерс, обогащен витаминами. Но стоило ей полить пудинг сливками, как в ее глазах он тотчас превратился в скопище крохотных коконов. А внутри этих коконов шевелились живые существа.

С тех пор как это началось, она все старалась сделать вид, будто с ней все нормально, что это неопасное заболевание, вроде чесотки, которая рано или поздно пройдет. Но теперь пришлось

взглянуть правде в глаза: она решила, что настала пора с кем-то посоветоваться. Она уже рассказала об этом Дункану, но напрасно: он похоже, счел, что все нормально, а ее как раз особенно тревожило подозрение, что быть может, с ней отнюдь не все нормально. Вот почему она боялась рассказать об этом Питеру: он мог решить, что она просто чудит или невротичка.

Ну и, само собой, он бы задумался, стоит ли вообще на ней жениться; он вполне мог предложить отложить свадьбу до тех пор, пока она не вылечится. На его месте она бы именно так и поступила. Она даже представить себе не могла, что же ей делать, если после свадьбы ничего не пройдет и она уже не сможет это скрывать от Питера. Возможно, им придется есть разные блюда.

Она пила кофе и смотрела на нетронутый рисовый пудинг, когда вошла Эйнсли, одетая в поношенное зеленое платье-балахон. В последнее время она больше не напевала и не вязала; вместо этого она много читала, стараясь, по ее словам, пресечь проблему в зародыше. Прежде чем сесть за стол, она выставила обогащенные железом дрожжи, витаминизированные хлопья, проростки пшеницы, апельсиновый сок и бутылку слабительного.

— Эйнсли, — обратилась к ней Мэриен, — как, по-твоему, я нормальная?

— Нормальная не то же самое, что обычная, — загадочно изрекла Эйнсли. — Никто не нормален. — Она раскрыла книгу и углубилась в чтение, подчеркивая что-то на странице красным карандашом.

От Эйнсли в любом случае проку было мало. Еще пару месяцев назад она бы заявила, что у Мэриен что-то не так с сексуальной жизнью, что было бы смешно. Или что дело в некоей детской травме, например в том, что она нашла в салате гусеницу, или познакомилась с Леном, или пожалела цыпленка. Но насколько помнила Мэриен, ничего подобного в ее прошлом не было. Она никогда не ковырялась в еде: ее с детства приучили есть все, что лежит в тарелке, она даже не отказывалась есть оливки, или спаржу, или моллюсков, которые, как говорят, нужно *научиться* любить. Впрочем, с недавних пор Эйнсли постоянно рассуждала о бихевиоризме. Бихевиористы, уверяла она, могут излечить любое отклонение вроде алкоголизма или гомосексуальности, если, конечно, пациенты сами хотят излечиться, демонстрируя им картинки, вызывающие ассоциации с их недугом, а затем давая им особые

таблетки, которые прерывают дыхание.

— Они говорят, что, в чем бы ни была причина поведения, корень проблемы в самом поведении, — наставляла ее Эйнсли. — Конечно, бывают и серьезные сбои. Если причина достаточно глубоко укоренена, пациенты попросту переключаются на новую зависимость, например с алкоголя на наркотики, или совершают самоубийство. Но мне нужно не лечение, а профилактика. Даже если его можно вылечить, если он *хочет* быть вылеченным, — сумрачно добавила она, — он все равно будет обвинять прежде всего меня за то, что я стала причиной болезни.

«Но бихевиоризм, — подумала Мэриен, — мне не поможет». Как он может повлиять на настолько неблагоприятное состояние? Если бы она была обжорой, тогда другое дело, но где же найти такие картинки, которые вызовут ассоциации с *не*-поеданием, и потом еще и прервать ей дыхание?

Она мысленно перебрала всех людей, с кем можно было бы об этом поговорить. Офисные девственницы будут заинтригованы и наверняка захотят услышать ее исповедь, но вряд ли сумеют дать конструктивный совет. Кроме того, стоит рассказать одной, как об этом тут же узнают все, и ты даже не поймешь, как это дошло до ушей

Питера. У нее были знакомые не только в офисе, но и в других городах, в других странах, и если изложить им ситуацию в письме, то это будет неопровержимый документ. Домовладелица… это самое ужасное. Она поведет себя как ее родня: напугается до смерти и не сможет посочувствовать. Они еще и начнут упрекать Мэриен во всех грехах за разлад естественных функций организма.

И она решила сходить в гости к Кларе и посоветоваться с ней. Надежда была слабой: Клара, понятное дело, не сможет предложить ей какое-то конкретное решение проблемы — но, по крайней мере, она ее выслушает. Мэриен заранее позвонила удостовериться, что подруга будет дома, и ушла с работы пораньше.

Клара сидела в манеже и играла со средней дочуркой. А самая маленькая спала в переносной люльке, стоящей на обеденном столе. Артура нигде не было видно.

— Я так рада, что ты зашла, — сказала Клара. — Джо сегодня в университете. Я сейчас выйду, сделаю нам чай. Элейн не нравится манеж, и я ее приучаю к нему.

— Давай я сама приготовлю чай, — предложила Мэриен. В ее представлении Клара была безна-

дежным инвалидом и ассоциировалась у нее с едой на подносе, которую приносят лежачим больным. — А ты оставайся тут.

Она не сразу нашла все, что нужно, но в конце концов выставила на поднос чайные чашки, нарезанный лимон и какие-то печенюшки, обнаруженные в корзине для белья, потом принесла поднос в гостиную и поставила на пол. Кларину чашку с чаем она передала ей в манеж.

— Так, — произнесла Клара после того, как Мэриен устроилась на ковре, чтобы сидеть вровень с подругой, — как успехи? Небось вертишься как белка в колесе со всеми свадебными приготовлениями?

Глядя на Элейн, жующую пуговку на маминой блузке, Мэриен немного позавидовала подруге — впервые за последние три года. Все, что должно было произойти в жизни у Клары, уже произошло: она стала той, какой и должна была стать. Не то чтобы Мэриен мечтала поменяться местами с Кларой, ей просто хотелось знать заранее, что ее ожидает, в каком направлении двигаться, чтобы подготовиться. Она боялась проснуться однажды утром и понять, что изменилась, сама того не осознавая.

— Клара, — начала она, — как ты думаешь, я

нормальная?

Клара знала ее тысячу лет, и ее мнение что-нибудь да значило. Та задумалась над ее вопросом.

— Да, я бы сказала, что ты — нормальная, — ответила она, вынимая пуговку изо рта малышки. — Я бы даже сказала, что ты ненормально нормальная, если ты понимаешь, о чем я. А что?

Мэриен ободрилась. Именно это она бы и сама про себя сказала. Но если она нормальная, то почему же *ее* одолели эти симптомы?

— В последнее время со мной происходит кое-что странное, — ответила она. — И я не знаю, что с этим делать.

— Да? И что же? Нет, поросенок, это мамина!

— Я не могу есть некоторые продукты. Мне противно! — Она не поняла, достаточно ли серьезно Клара отнеслась к ее словам.

— Мне знакомо это чувство, — ответила Клара, — я точно так же не могу есть печенье.

— Но я говорю о продуктах, которые раньше могла есть. И не то что бы мне не нравился их вкус, я их в целом не принимаю… — Ей трудно было объяснить.

— Мне кажется, это обычный невроз невесты. Перед свадьбой я целую неделю блевала каждое утро. И Джо тоже, — добавила она. — Это пройдет,

вот увидишь. А ты ничего не хочешь узнать про… секс? — Вопрос был задан с нарочитой тактичностью, что, по мнению Мэриен, в устах Клары звучало смехотворно.

— Нет, вообще-то, нет, спасибо, — ответила Мэриен.

Хотя объяснение Клары было не очень-то убедительным, оно ее немного успокоило.

Пластинка снова заиграла с середины. Она открыла глаза. С того места на кровати, где она лежала, можно было разглядеть зеленый пластиковый авианосец в круге света от настольной лампы. У Питера появилось новое хобби: он собирал миниатюрные модели кораблей. Он говорил, что это успокаивает нервы. Она помогала ему собирать этот авианосец, читая вслух инструкцию по сборке и передавая ему детали в нужном порядке.

Не отрывая головы от подушки, она повернула лицо к Питеру и улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ, и его глаза сверкнули в полумраке комнаты.

— Питер, скажи, я — нормальная?

Он рассмеялся и похлопал ее по ягодице.

— Исходя из своего ограниченного опыта, могу сказать, что ты изумительно нормальная,

милая!

Мэриен вздохнула: она вовсе не это имела в виду.

— Я бы еще выпил, — сказал Питер. Так он обычно просил ее налить ему стаканчик. Убрал пепельницу с ее спины. Она перевернулась и села, завернувшись в простыню. — И заодно, будь добра, переверни пластинку.

Мэриен перевернула пластинку. Даже завернутая в простыню, даже с опущенными жалюзи на окнах, она отчетливо чувствовала свою наготу, стоя посреди просторной пустоты спальни. Потом она ушла на кухню и налила в стакан обычную порцию Питера. Она была голодна — за ужином она почти ничего не съела — и вынула из коробки тортик, который купила днем на обратном пути от Клары. Вчера был День святого Валентина, и Питер послал ей в офис дюжину роз. А она чувствовала себя виноватой: она ведь тоже могла ему что-нибудь подарить, но не знала, что именно. Торт — не бог весть какой подарок, так, символический презент. Он был в виде сердца с розовой глазурью и скорее всего несвежий, но главное — форма.

Мэриен вытащила из буфета две тарелки, две вилки, две бумажные салфетки и разрезала торт.

Она с удивлением обнаружила, что и внутри он был розовый. Наколола кусок на вилку и, отправив в рот, стала медленно пережевывать; на языке бисквит казался губчатым и ячеистым, как крошечные взорванные легкие. Она невольно содрогнулась и выплюнула недожеванный кусок в салфетку, а остатки соскребла с тарелки в мусорное ведро, после чего вытерла губы краешком простыни.

Она вошла в спальню, неся в одной руке тарелку Питера, а в другой — стакан виски.

— Я принесла тебе торт, — сказала она.

Сейчас устрою тест — не для Питера, а для себя. Если он не сможет съесть этот кусок, значит, она — нормальная.

— Ты просто прелесть! — Он взял у нее тарелку и стакан и поставил на пол.

— Ты не съешь его? — На мгновение у нее в душе вспыхнула надежда.

— Потом, потом, — ответил он, сдергивая с нее простыню. — Ты замерзла, милая. Иди сюда, я тебя согрею.

Его рот имел вкус виски и сигарет. Он положил ее на себя сверху, белая простыня зашуршала под ними, и Мэриен захлестнула волна хорошо знакомого чистого аромата его мыла. В ее ушах

упрямо мурлыкала музыка.

Потом Мэриен отдыхала на животе, а на ложбинке ее спины снова балансировала пепельница Питера. Но на этот раз она лежала с открытыми глазами и наблюдала, как Питер ел торт.

— У меня разыгрался аппетит, — сказал он, игриво усмехаясь. Торт не показался ему противным, он даже не поморщился.

24

Неожиданно настал день последней вечеринки Питера перед свадьбой. Мэриен провела вторую половину дня в салоне красоты: Питеру захотелось, чтобы она сделала какую-нибудь необычную укладку. И намекнул, что неплохо бы ей купить себе новое платье, не такое, как он выразился, мышиное, как другие ее платья, и она послушно купила. Платье было красное, короткое и с блестками. Она сочла его не вполне в своем вкусе, но продавщица ее убедила.

— Как будто специально пошили для вас, дорогая! — произнесла она безапелляционным тоном.

Платье требовалось немного подогнать по фигуре, так что она забрала его после парикмахерской и теперь несла в розово-серебристой картонной коробке, шагая по скользкой дороге к дому. Она держала голову ровно, как жонглер, удерживающий на макушке хрупкую золотую чашу. Даже в вечернем морозном воздухе ощущался приторный искусственный аромат лака для волос, с помощью которого стилист закреплял каждую прядь. Она просила его не перебарщивать с ла-

ком, но эти стилисты никогда не делают того, чего от них хотят. Они обращаются с твоей головой как кондитеры с тортом: закрепляют укладку, как будто глазируют и украшают свое изделие.

Обычно она сама укладывалась, поэтому ей пришлось спросить название салона у Люси, которая наверняка знала, куда стоит сходить, но, возможно, в этом и состояла ее ошибка. Лицо и фигура Люси требовали искусственной обработки: маникюр, макияж и изысканная укладка отлично сочетались, становясь неотъемлемой частью ее облика. И без них она выглядела как будто с содранной кожей или с ампутированными руками; а Мэриен всегда считала, что на ее теле все эти ухищрения выглядели избыточными, прилепленными к ее внешности как заплаты или куски пластыря.

Как только она вошла в просторный розовый зал салона — здесь все было выдержано в розовых и сиреневых тонах, и ей было удивительно, как фривольная женственная отделка помещения могла одновременно выглядеть настолько же функциональной — ее охватила пассивная покорность, точно ее доставили в больницу для операции. Она сверила назначенное ей время у сиреневоволосой девушки, которая, несмотря

на накладные ресницы и переливающиеся локоны, имела тревожное сходство с деловитой медсестрой, после чего ее провели к ожидающему персоналу.

У мойщицы волос, одетой в розовый халатик с пятнами пота под мышками, были сильные профессиональные руки. Мэриен закрыла глаза и легла затылком на операционный стол, и ее череп тут же начали намыливать шампунем, скрести и ополаскивать водой. Она даже подумала, что здешним пациентам неплохо бы делать анестезию, чтобы они спали, пока с ними производят все необходимые манипуляции: ей не понравилось ощущать себя куском плоти, предметом обработки.

Потом ее привязали к креслу — ну, не буквально привязали, но она не могла встать и выбежать на морозную улицу с мокрыми волосами и с хирургической простынкой вокруг шеи — и к делу приступил врач: молодой мужчина в белом халате с ловкими тонкими пальцами, от которого исходил тонкий аромат одеколона. Из-под халата торчали ноги в остроносых ботинках. Она сидела неподвижно, передавая ему зажимы для волос, зачарованная видом его фигуры, отражающейся в зеркале с золоченой овальной рамой, и шерен-

гой блестящих инструментов и бутылочек со всякими снадобьями на столике перед ней. Она не видела, что он делает у нее за спиной. Ее тело было странным образом словно парализовано.

Когда наконец все зажимы, прищепки, бигуди и булавки были размещены на своих местах, а ее голова стала смахивать на ощетинившегося дикобраза-мутанта с волосяными отростками вместо игл, ее отвезли в сторону и, поместив под сушильный аппарат, включили электромотор. Она искоса поглядела на женщин, сидящих рядком в одинаковых сиреневых креслах под одинаковыми грибовидными колпаками урчащих сушилок. Но видела она только ряд странных существ с ногами разных форм и размеров, рук, держащих журналы, и голов в металлических куполах. Все были неподвижны, абсолютно неподвижны. Она тоже превратилась в одну из них, став таким же безвольным существом и безвольной машиной? В электрический гриб.

Мэриен смирилась с тем, что ей нужно просто сидеть и ждать, и взяла из стопки журнал с новостями кинематографа. С задней обложки к ней взывала блондинка с огромными грудями: «Девчонки! Добейтесь успеха! Если хотите посещать классные места, увеличьте грудь…»

После того как одна из сиреневых медсестер объявила, что волосы высушены, ее вернули к креслу врача снять швы; Мэриен удивило, что ее не подкатили обратно к операционному столу. Она миновала шеренгу сидящих под металлическими колпаками женщин, ожидавших окончания процедуры, и скоро ее голову избавили от бигуди, расчесали и уложили феном, после чего улыбающийся врач поднес к ее голове зеркало так, чтобы она смогла увидеть свой затылок. Она посмотрела. Он умудрился воздвигнуть из ее прямых волос диковинную конструкцию, украшенную множеством тугих кудельков, а на скулах выложил два похожих на слоновьи бивни жестких завитка.

— Ну… — с сомнением протянула она, хмурясь в зеркало, — для меня это немного… м-м-м… чересчур.

— Но вам надо носить такую прическу чаще! — воскликнул он с итальянским энтузиазмом, хотя выражение восторга на его лице слегка увяло. — Вам нужно пробовать новые стили. Вам нужно быть *дерзкой*, да? — Он шаловливо рассмеялся, демонстрируя бессчетное количество ровных белых зубов и две золотые коронки; изо рта у него пахло мятным ополаскивателем.

Она хотела было попросить его зачесать некоторые из слишком дерзких завитков, но передумала, отчасти потому, что ее смущала больничная обстановка, профессиональный инвентарь и его убежденность опытного стоматолога, — он уж точно знал, что хорошо, а что плохо, как-никак это же его специальность, — а отчасти потому, что она была не очень уверена в себе. В конце концов, она же сама решила прыгнуть в клетку — и вошла по своей доброй воле в эту золоченую дверь, смахивающую на крышку от коробки шоколада, а теперь пожинала плоды своего решения, так что лучше ей смириться. Питеру, наверное, понравится. «В любом случае, — подумала она, — прическа будет гармонировать с платьем».

Все еще находясь как бы под действием наркоза, она нырнула в ближайший универмаг, намереваясь через цокольный этаж срезать дорогу к станции подземки. Она быстро прошла через отдел домашней утвари, мимо прилавков со сковородками и сотейниками, мимо выставленных рядком пылесосов и стиральных машин. Эта выкладка сразу вызвала у нее малоприятное воспоминание о сюрпризе, который устроили ей девчонки в офисе накануне, в ее последний рабо-

чий день в компании: на прощание ей подарили чайные полотенчики, набор ковшиков и украшенные ленточками фартуки, а еще надавали кучу советов. Кроме того, она вспомнила о полученных недавно тревожных письмах от матери, в которых та настоятельно просила ее поделиться наконец своими соображениями относительно фарфора, хрусталя и столовых приборов, потому что люди интересуются, что подарить на свадьбу. Чтобы на чем-то остановить свой выбор, Мэриен несколько раз прошлась по магазинам, но так ничего и не решила. А завтра ей уже предстоит автобусная поездка домой. Ну ладно, позднее решит что-нибудь.

Она обогнула прилавок с пластиковыми цветами и пошла по центральной аллее, которая вела непонятно куда. Невысокий суетливый дядечка стоял на возвышении и демонстрировал новую модель терки для овощей со специальной насадкой для удаления сердцевины яблока. Он ловко натирал разные овощи и одновременно безостановочно лопотал, показывая зрителям пригоршни тертой морковки и яблоко с аккуратной цилиндрической прорезью в серединке. Группка женщин с сумками молча смотрела, следя за его действиями недоверчивыми взглядами:

мол, нас не проведешь! В тусклом освещении цокольного этажа их тяжелые шубы и резиновые боты казались уныло одинаковыми.

Мэриен на секунду задержалась и встала позади них. Суетливый дядька тем временем с помощью еще одной насадки превратил редиску в красно-белую розочку. Кто-то из женщин обернулся и окинул ее оценивающим взглядом. Фифу с такой легкомысленной укладкой, наверное, подумали они, едва ли по-настоящему могла бы заинтересовать такая вещь, как терка. Интересно, сколько лет должно пройти, чтобы женщина приобрела эту патину небогатой домовитости, а мех ее шубы стал таким вот потертым, и ткань на манжетах и вокруг пуговиц выносилась чуть не до прозрачности, а кожа сумочки иссохла и потрескалась; и такие сжатые губы с опущенными уголками, и такой насмешливо-оценивающий взгляд, а самое главное — особый незримый ореол, похожий на застарелый запах или на подкладку, вылезшую из-под затхлой мебельной обивки, благодаря чему эти тетки в универмаговской преисподней чувствовали себя как дома, а она на их фоне выглядела чужой. Будущие доходы Питера совсем не предполагали покупку таких терок. Здесь, среди них, она ощущала себя дилетанткой.

Суетливый дядечка принялся превращать картофелину в горку бесформенной массы. Мэриен потеряла интерес и пошла дальше искать желтую вывеску станции метро.

Когда она открыла входную дверь, на нее обрушился гомон женских голосов. В прихожей она стянула резиновые сапоги и поставила на газетку, которая лежала тут как раз для этой цели. Здесь же стояло еще несколько пар женских сапог, частью на толстой подошве, частью отороченных черным мехом. Пройдя мимо проема в общую гостиную, она заметила за бархатной занавеской строгие платья, шляпки и ожерелья. Домовладелица устроила званое чаепитие, вероятно, для членов ордена дочерей империи, а может, это были члены «Союза христианок за трезвость». Ее дочь в сиреневом бархатном платьице с кружевным воротником предлагала кексы.

Мэриен поднялась по ступенькам, изо всех сил стараясь не шуметь. Она почему-то еще не предупредила домовладелицу, что скоро съезжает. Надо было поговорить с ней об этом несколько недель назад. Задержка могла обернуться взиманием месячной платы за несвоевременное уведомление. Но может быть, Эйнсли захочет снимать эту квартиру с кем-то из знакомых, хотя

вряд ли. Через несколько месяцев это станет просто невозможно.

Одолев второй пролет, она услышала, как Эйнсли с кем-то разговаривает в гостиной. Ее голос звучал жестче, настойчивее и злобнее, чем обычно: Эйнсли обыкновенно не теряла самообладания. Ее перебивал, отвечая или возражая, другой голос. Это был Леонард Слэнк.

«Только не это!» — подумала Мэриен. Похоже, они ссорились. Ей точно не хотелось ввязываться. Она намеревалась тихо войти в квартиру, проскользнуть к себе в комнату и закрыть дверь, но Эйнсли, наверное, услышала ее шаги на лестнице: из гостиной сначала показались космы рыжих волос, а уж затем и все тело. Вид у нее был растрепанный, а лицо заплаканное.

— Мэриен! — то ли умоляющим, то ли приказным тоном воскликнула она. — Иди сюда и поговори с Леном. Заставь его внять голосу *разума*. Мне нравится твоя прическа, — добавила она невпопад.

Мэриен поплелась за ней в гостиную, ощущая себя деревянной игрушкой, которую ребенок волочет за собой на веревочке, но она не знала, какой найти повод, моральный или еще какой-либо, чтобы отказаться. Лен стоял в центре

комнаты и выглядел куда более расстроенным, чем Эйнсли.

Мэриен села на стул, не снимая пальто, точно намеревалась его использовать как амортизатор для удара. Оба молчали и с гневной мольбой взирали на нее.

И тут Лен взревел:

— Боже ты мой, теперь ей, видите ли, взбрело в голову, чтобы я на ней *женился*!

— Да что с тобой такое! — завопила Эйнсли. — Ты хочешь, чтобы твой сын вырос гомосексуалистом, а?

— Черт побери! Я вообще не хочу никакого сына! Я его и не хотел, это ты все подстроила, тебе надо было от него избавиться, есть же какие-то таблетки!

— Дело совсем не в *этом*, не будь смешным! Дело в том, что у меня будет ребенок, но он должен расти в идеальных условиях, и ты несешь ответственность за то, чтобы обеспечить ему отца. Ему нужен образ отца! — Теперь Эйнсли попыталась применить немного более миролюбивый и хладнокровный подход.

Лен забегал по комнате.

— Сколько они могут стоить? Я тебе куплю! Все что угодно. Но я на тебе *не женюсь*, черт побери! И

хватит мне рассказывать про ответственность, я никакой ответственности не несу. Это была твоя затея, ты нарочно напоила меня, ты меня соблазнила, ты практически *завалила* меня в койку…

— Насколько я помню, все было совсем по-другому, — возразила Эйнсли, — и я была в таком состоянии, что я помню все намного яснее, чем ты. Словом, так, — продолжала она с неумолимой логикой, — ты думал, что ты меня соблазняешь. И в конце концов, это ведь тоже очень важно, не правда ли? Твои мотивы. Предположим, что ты меня и впрямь *соблазнил*, и я случайно забеременела. И что бы ты тогда делал? Ведь ты безусловно понес бы ответственность за то, что случилось, разве нет? Так что в любом случае вся ответственность лежит на *тебе*!

У Лена исказилось лицо, он выдавил улыбку, казавшуюся жалкой пародией на циничный сарказм.

— Ты так же, как все они, демагогически жонглируешь словами, — заявил он дрожащим от злости голосом. — Ты выворачиваешь правду наизнанку. Давай-ка придерживаться фактов, моя дорогая! В действительности я тебя не *соблазнял*, это была просто…

— А это *неважно*! — прикрикнула Эйнсли. — Ты

же *думал*, что ты…

— Бога ради, ты можешь мыслить *здраво*? — завизжал Лен.

Мэриен сидела молча, переводя взгляд то на него, то на нее, думая о том, что оба ведут себя как невменяемые. Но теперь она встряла в их перепалку:

— Вы не могли бы чуть потише? Наша домовладелица на первом этаже все услышит.

— Да *насрать* на вашу домовладелицу! — завопил Лен.

Эта новая идея прозвучала настолько кощунственно и в то же самое время смехотворно, что Эйнсли и Мэриен, не сговариваясь, испуганно и весело захихикали. Лен свирепо посмотрел на них. Это было уж слишком — его возмутило проявление женского высокомерия: мало того, что она с ним учудила, так еще и насмехается! Он сдернул пальто со спинки дивана и зашагал к выходу.

— Ты со своим проклятым поклонением культу плодородия можешь идти к черту! — заорал он, сбегая вниз по лестнице.

Эйнсли, видя, как образ отца пустился от нее наутек, изобразила на лице мольбу и бросилась за ним.

— О, Лен, вернись! Давай поговорим обо всем серьезно! — крикнула она.

Мэриен побежала за ними, подчиняясь не разумному желанию что-то исправить или чем-то помочь, а скорее стадному инстинкту. Если уж все стадо прыгает в пропасть, то и ей не хотелось отставать.

Побег Лена несколько застопорился, когда он едва не потерял равновесие на лестничной площадке второго этажа. Он чуть было не завертелся волчком, но, вцепившись в перила, удержался и громко выругался. Однако к тому моменту, как он смог бежать дальше, Эйнсли его настигла и схватила за рукав, а пришедшие на чаепитие дамы, чуткие к любым симптомам скандала, как паук к сотрясению паутины, высыпали из общей гостиной на лестницу и наблюдали за происходящим с тревожным злорадством. Среди них была и девчонка: она стояла, держа блюдо с кексами, выпучив глаза и раскрыв рот. Домовладелица в черном шелковом платье и жемчужном ожерелье горделиво маячила позади.

Лен бросил взгляд через плечо, потом на лица внизу. Путь к отступлению был перекрыт. Он оказался во вражеском окружении, и ему ничего не оставалось, как отважно ринуться вперед.

Итак, помимо прочего, за его бегством еще и наблюдала толпа зрителей. Его глаза закатились, как у обезумевшего спаниеля.

— Вы — проклятые, мерзкие, кровожадные сучьи шлюхи, идите вы ко всем чертям! Вы все! И вы там внизу! — взвыл он, как невольно подумала Мэриен, хорошо поставленным голосом театрального актера.

Лен выдернул рукав из ладони Эйнсли.

— Ты меня не заманишь! — взвизгнул он, бросившись вниз по ступенькам, с развевающимися, точно крылья, полами пальто, врезался в стайку дам, которые с гомоном рассыпались веером, взметнув платья с набивными узорами и бархатными цветочками. Добежав до входной двери, Лен толкнул ее, выскочил из дома, и дверь с грохотом захлопнулась за ним. Пожелтевшие предки в застекленных рамах задрожали на стене.

Эйнсли и Мэриен вернулись к себе, подгоняемые жалобным блеяньем и чириканьем дам в общей гостиной. Их перекрывал зычный голос домовладелицы, пытавшейся успокоить остальных рассудительным доводом:

— Этот молодой человек явно нетрезв.

— Так, — коротко произнесла Эйнсли, когда обе вернулись в свою гостиную, и, проявив присущую

ей практичность, вынесла вердикт: — Полагаю, на этом все.

Мэриен не поняла, кого она имела в виду — Лена или домовладелицу.

— Что «все»? — уточнила она.

Эйнсли откинула волосы назад и одернула блузку.

— Думаю, он больше не вернется. Но оно и к лучшему: вряд ли из него получился бы хороший отец. Нужно найти другого, только и всего.

— Да, наверное, ты права, — уклончиво сказала Мэриен.

Эйнсли решительной походкой удалилась в свою спальню и закрыла за собой дверь. Вопрос был закрыт, но ощущение тревоги обострилось. Эйнсли, похоже, уже вынашивала новый план, но Мэриен не хотела даже гадать, в чем он состоит. В любом случае гадать было бесполезно. Какой бы оборот ни приняло дело, она уже никак не могла предотвратить его исход.

25

Мэриен вошла в кухню и взяла свое пальто. Потом проглотила витаминку и вспомнила, что она сегодня вообще не обедала. Надо чем-то наполнить желудок.

Она открыла холодильник посмотреть, нет ли там чего-то съедобного. Морозилка так обросла ледяной коркой, что ее дверца уже не закрывалась. Там стояли две ванночки с кубиками льда и три сомнительного вида картонных коробки с замороженной едой. Полки холодильника были заставлены всякой всячиной: стеклянными банками, тарелками, накрытыми плошками, разными бумажными пакетами. Стоящие ближе к задней стенке находились там с незапамятных времен. Некоторые уже начали попахивать. Единственное, что ее заинтересовало, так это оковалок желтоватого сыра. Она сняла его с полки. Одна сторона оковалка слегка заплесневела. Она положила его обратно и закрыла холодильник. Ей легче было убедить себя в том, что она совсем не голодна.

— Может, выпить чашку чаю, — пробормотала она себе под нос и заглянула в буфет, где у них

хранилась посуда. Там было пусто. Значит, ей придется помыть себе чашку. Она подошла к раковине.

Там было полно немытой посуды: пирамида тарелок, стаканы с недопитой водой, миски с остатками непонятной еды. Там же стоял сотейник, в котором некогда лежали макароны с сыром; дно было покрыто слоем голубоватой плесени. Стеклянное блюдо для десерта стояло в луже воды в сковородке, покрытое серой склизкой пленкой, напоминающей ряску в пруду. Чашки тоже громоздились в раковине, все, одна в другой, с засохшими чайными и кофейными потеками и остатками сливок на стенках. Даже белая фаянсовая поверхность раковины подернулась коричневатым налетом. Она не стала нарушать конструкцию грязной посуды из опасений обнаружить в самом низу нечто ужасное: бог знает, какие полчища невидимых бактерий ботулизма копошились там на дне.

— Какая мерзость, — произнесла она.

Ее вдруг охватило острое желание все вымыть, полностью включить оба крана и залить гору грязной посуды моющим средством, и ее рука даже дернулась к бутылке, но тут же остановилась. А может быть, плесень имеет такое же право на

жизнь, как и она. Эта мысль ее не обрадовала.

Она пошла к себе в спальню. Было еще слишком рано одеваться на вечеринку. Но она не могла придумать, чем бы заполнить свободное время. Она достала новое платье из коробки и повесила в стенной шкаф. Потом надела домашний халатик и собрала принадлежности для душа. Ей предстояло спуститься вниз, на территорию домовладелицы, и надо было набраться отваги для встречи с ней. «Но, — подумала она, — я скажу, что не имею никакого отношения к скандалу, пусть домовладелица разбирается с Эйнсли».

Когда ванна стала наполняться водой, Мэриен почистила зубы и потом тщательно осмотрела их в зеркале над раковиной — убедиться, что ничего не пропустила. У нее давно вошло в привычку чистить зубы среди дня и проверять, хорошо ли она их почистила, даже когда перед этим ничего не ела. «Просто удивительно, — подумала она, — как много времени приходится стоять перед зеркалом с зубной щеткой и полным ртом пены и разглядывать собственную глотку». Тут она заметила, что справа от брови выскочил крошечный прыщик. А все потому, что я неправильно питаюсь, решила она: у меня нарушился обмен веществ, или кислотно-щелочной баланс, или

что-то там еще. Пока она пристально разглядывала красное пятнышко, ей показалось, что оно чуть сдвинулось. Надо бы проверить зрение, а то предметы стали размываться. «Может быть, это астигматизм», — с тревогой подумала она, сплевывая в раковину.

Мэриен сняла с пальца помолвочное кольцо и положила в мыльницу. Кольцо было ей великовато — Питер даже предложил его немного ужать, но Клара отсоветовала и сказала, что надо оставить как есть, потому что пальцы утолщаются с возрастом, особенно во время беременности, — и теперь она все боялась, что кольцо слетит и провалится в сливное отверстие. Питер рассвирепеет: кольцо ему очень нравилось. Потом она перелезла через старомодно высокий бортик ванны и погрузилась в теплую воду.

Она начала себя намыливать. Теплая вода действовала на нее расслабляюще, усыпляюще. Времени у нее было полно. Она вполне могла позволить себе понежиться в ванне, прислонив покрытую слоем лака голову к фаянсовому краю и позволив воде нежно омывать ее тело. С этой точки ее глаза могли скользить по вогнутой белой стенке ванны и по полупрозрачной поверхности воды, по виднеющимся над водой

островкам своего тела, с его возвышенностями и ложбинами — вниз, к подвижному полуострову ног с торчащими рифами пальцев, и еще дальше, к проволочной мыльнице и двум кранам смесителя.

Кранов было два, один для горячей воды и другой для холодной, у каждого была округлая, грушевидная серебристая основа, а между ними изогнутый носик, откуда вытекала вода. Мэриен присмотрелась: в каждой из трех серебристых грушевидных полушарий отражалась какая-то странная розоватая штучка. Она села, слегка взбурлив воду, посмотреть, что там такое. И не сразу поняла, что это искаженное, как в кривом зеркале, отражение ее притопленного в воде тела.

Она двинулась — и три отражения тоже задвигались. Они были совсем не одинаковые: два боковых были слегка наклонены к центральному. «Как странно видеть сразу три отражения самой себя», — подумала Мэриен. Она качнулась назад и потом вперед, наблюдая, как разные части ее тела в серебристых зеркалах неожиданно укрупнялись или скукоживались. Она чуть не забыла, что хотела принять ванну. Протянула руку к крану, надеясь увидеть, как рука увеличи-

вается в размере.

За дверью раздались шаги. Пора выходить: это, должно быть, домовладелица хочет попасть внутрь. Она принялась смывать с себя остатки мыльной пены. Переведя взгляд на воду, заметила, что поверхность подернулась пленкой кальцинированной взвеси грязи и мыла, и ей почудилось, что лежащее в воде тело — чье-то чужое. И тут ее обуял страх, что она начинает растворяться, распадаться слой за слоем, как кусок картона в придорожной луже.

Она торопливо выдернула затычку из слива и вылезла из ванны. На сухой поверхности холодного кафельного пола ей было не так боязно. Она снова надела кольцо на палец, и на мгновение этот твердый обруч показался ей надежным талисманом, оберегающим ее от распада.

Но пока она поднималась по лестнице, панический страх ее не покидал. Она страшилась идти на вечеринку, видеть всех этих людей: друзья Питера были милые люди, но они ее плохо знали и наверняка весь вечер не будут спускать с нее недоуменных глаз, и она боялась рассыпаться у них на глазах, размазаться, больше не в силах себя сдерживать, и начать (и это было бы самое ужасное) болтать без удержу, заговаривать со все-

ми подряд, расплакаться… Она мрачно оглядела праздничное красное платье, висящее в стенном шкафу. «Что же мне делать?» — повторяла она про себя, сев на кровать.

Мэриен так и сидела на кровати, бездумно покусывая бахрому на поясе халата, погруженная в тупую невнятную печаль, которая, как казалось ей теперь, закупорила ей мозг давным-давно — а когда, она и сама не могла припомнить. Придавленная тяжким бременем этой печали, она, вероятно, никогда не наберется сил встать с кровати. «Интересно, который час? — произнесла она вполголоса. — Надо собираться».

С комода не нее глазели две ее старые куклы, которых она так и не удосужилась выкинуть. Она посмотрела на них, и под ее взглядом их лица смазались, потом снова обрели четкость и несколько злобное выражение. Ее раздражало, что они сидят вот так неподвижно по обе стороны от зеркала и пялятся на нее, не предлагая никакого практичного совета. Но приглядевшись к куклам повнимательнее, заметила, что только кукла с темными волосами, та, у которой краска начала облезать, смотрит на нее. А блондинка вроде бы даже ее не видела: круглые голубые глаза на каучуковом лице глядели сквозь нее.

Она выпустила изо рта бахрому халата и стала грызть ноготь. А может быть, это была такая игра, заключенный ими уговор. Она смотрела на свое отражение в зеркале между обеими куклами так, словно находилась у них внутри, сразу внутри обеих, и глядела оттуда наружу: вот она, чуть смазанная влажная фигура в мятом халате, не в фокусе, и глаза куклы-блондинки замечают ее укладку, ее обгрызенные ногти, а взгляд куклы-брюнетки устремлен куда-то вглубь, на что-то невидимое, и эти два накладывающиеся образа отдаляются друг от друга, так что в центре зеркального отражения скоро останется одна пустота. Силой своего зрения куклы как будто старались разодрать ее надвое.

Больше она не могла здесь оставаться. Она вскочила с кровати, бросилась в коридор и в следующее мгновение, склонившись над телефонным аппаратом, уже набирала номер. В трубке после нескольких гудков раздался щелчок. Она затаила дыхание.

— Алло! — раздался печальный голос.

— Дункан? — неуверенно произнесла она. — Это я.

— О, — наступила пауза.

— Дункан, ты можешь прийти сегодня на ве-

черинку? К Питеру. Я понимаю, что поздновато спрашивать, но…

— Вообще-то, у нас сегодня аспирантский диспут по английской литературе. Мы идем всей семьей.

— Ну, может, ты сможешь попозже прийти. Можешь даже привести их всех с собой.

— Даже и не знаю…

– *Прошу тебя*, Дункан! Я никого там не знаю. Мне *очень нужно*, чтобы ты пришел, — произнесла она с необычной для себя настойчивостью.

— Нет, не нужно, — ответил он. — Но может быть, мы и зайдем. Все равно на нашей вечеринке будет скукотища, они там вечно обсуждают устные экзамены, а мне было бы интересно увидеть наконец того, за кого ты собираешься замуж.

— Спасибо тебе! — искренне воскликнула она и продиктовала ему адрес.

Положив трубку на рычаг, она успокоилась. Вот и ответ: ей надо было устроить так, чтобы на вечеринку к Питеру пришел хоть кто-то ей знакомый. Это создаст благоприятную обстановку, и она будет чувствовать себя в своей тарелке. Она набрала еще один номер.

Мэриен проговорила по телефону не меньше получаса, и за это время обзвонила достаточное

количество знакомых. Клара и Джо обещали прийти, если найдут няньку для детей, с ними набралось пятеро: их двое плюс три офисные девственницы. После недолгих сомнений, вызванных, как можно было догадаться, слишком поздним приглашением, она заручилась твердым обещанием всех троих прийти, мотивировав свой запоздалый звонок тем, что, мол, она думала, что на вечеринке будут только женатые пары, а как оказалось, туда придут несколько холостяков без спутниц, и они могли бы оказать ей огромную услугу, согласившись к ним присоединиться. Теперь ее гостей было восемь человек. Напоследок она пригласила и Эйнсли — ей ведь нужно выйти развеяться, — и та, к ее удивлению, согласилась, хотя подобная вечеринка была совсем не в ее вкусе.

Хотя ее посетила мысль пригласить еще и Леонарда Слэнка, она все же сочла, что это вряд ли было бы мудрым решением.

Теперь Мэриен чувствовала себя гораздо лучше и могла со спокойной душой одеваться. Она облачилась в новый корсет, купленный специально для этого платья, отметив, что за последнее время совсем не похудела: наверное, слишком часто питалась лапшой. Она вовсе и не собиралась

покупать корсет, но продавщица, которая порекомендовала ей это платье, сама туго затянутая в корсет, сказала, что он нужен, и предложила ей подходящую модель с атласными оборками и бантиком спереди.

— Вы, дорогая, разумеется, довольно *худенькая*, и корсет вам в принципе не нужен, но раз уж это платье *в обтяжку*, ни у кого не должно возникнуть впечатления, что на вас нет корсета, правда? — И продавщица вздернула нарисованные карандашом тонкие брови. В этот момент речь словно шла о моральном выборе. И Мэриен поспешно ответила:

— Нет, конечно, нет. Я возьму.

Втиснувшись в красное платье, она поняла, что не может нагнуться назад и дотянуться до молнии на спине. Она постучалась к Эйнсли.

— Застегни мне молнию, пожалуйста!

Эйнсли была еще в комбинации. Она начала краситься, но пока что успела только подвести черным карандашом один глаз, а брови отсутствовали вовсе, что придавало ее лицу странную асимметричность. Застегнув молнию и верхний крючочек на платье, она отошла на шаг и окинула ее критическим взглядом.

— Хорошее платье, — вынесла она вердикт, —

но с чем ты будешь его носить?

— Как «с чем»?

— Оно слишком яркое. Тебе нужны тяжелые серьги или что-то в этом роде, чтобы его немного оттенить. У тебя есть?

— Не знаю, — задумалась Мэриен.

Она ушла к себе и вернулась со шкатулкой, в которой лежали всякие побрякушки — подарки родственников. Все они были в одном стиле: замысловатые композиции из искусственного жемчуга, раковин в пастельных тонах, металлических и стеклянных цветочков и милых зверушек. Эйнсли порылась в них.

— Нет, — заявила она с решительностью истинного знатока. — Это все не подойдет. Но у меня есть сережки, которые годятся.

После долгих поисков, порывшись в разных ящиках шкафа и перевернув весь хлам на бюро, она вынула массивные золотые подвески на болтиках, которые ввинтила Мэриен в мочки ушей.

— Вот так лучше, — сказала она. — Улыбнись!

Мэриен вымученно улыбнулась. Эйнсли покачала головой.

— Красивая прическа, но дай-ка я сама сделаю тебе макияж. Ты не сумеешь накраситься как надо. Как обычно, подведешь чуть-чуть глаза и

будешь похожа на маленькую девочку, которая надела мамины туфли и платье.

Она усадила Мэриен на стул, заваленный одеждой разной степени загрязненности, и повязала ей на шею полотенце.

— Сначала я накрашу тебе ногти, чтобы они сохли, пока я занимаюсь лицом, — и начав подпиливать ногти пилочкой, недовольно добавила: — Похоже, ты их опять грызла.

Когда ногти Мэриен были покрыты перламутровым белым лаком, и она замахала ими в воздухе, чтобы быстрее высохли, Эйнсли приступила к ее лицу, выуживая баночки и бутылочки из груды косметических средств на туалетном столике.

В продолжение процедуры, когда Эйнсли проделывала очень странные ухищрения сначала с ее кожей, потом с глазами, а затем и с бровями, Мэриен сидела, как мышка, наслаждаясь тем, с какой профессиональной ловкостью Эйнсли трудилась над ее внешностью. Это напомнило ей школьные спектакли, когда заботливые мамочки за кулисами гримировали своих дочерей-подростков. И она лишь на секунду подумала об опасности подхватить микробы.

Наконец Эйнсли вооружилась кисточкой для

губ и нанесла несколько слоев яркого блеска.

— Ну вот, — заключила она, передавая Мэриен ручное зеркальце, чтобы та полюбовалась результатом. — Так-то лучше. Но поосторожнее с накладными ресницами — дождись, пока клей высохнет.

Мэриен с любопытством вгляделась в блестящие, как у египетской мумии, веки и сочно подведенные глаза на незнакомом ей лице. Она даже моргнуть боялась из опасения, что это чужое лицо треснет и осыплется при сокращении мышц.

— Спасибо, — неуверенно произнесла она.

— А теперь улыбнись! — скомандовала Эйнсли.

Мэриен повиновалась. Эйнсли нахмурилась.

— Не *так*! Ты должна *целиком* отдаться улыбке. Слегка прикрой веки.

Мэриен смутилась: она не знала как. Она немного поэкспериментировала, глядя в зеркальце, пытаясь понять, какая группа лицевых мышц произведет желаемый эффект, но добилась лишь того, что ее полуприкрытые веки выглядели скорее как прищур, и тут они услышали шаги за входной дверью: кто-то поднимался по лестнице. Через секунду в дверях появилась домовладели-

ца. Она тяжело дышала.

Мэриен сдернула с шеи полотенце и встала со стула. Но чуть прикрыв веки, она теперь не могла их открыть, как обычно, полностью. И она никак не могла, в этом нарядном красном платье, с этим накрашенным лицом, вести себя с привычной непринужденной учтивостью, которой, по-видимому, настоятельно требовала ситуация.

Домовладелица прямо задохнулась при виде нового облика Мэриен — с голыми руками, в обтягивающем платье, с покрытым макияжем лицом, — но настоящей целью ее визита была Эйнсли, которая стояла, босоногая, в одной комбинации, с одним подведенным глазом и с рассыпавшимися по плечам огненно-каштановыми локонами.

— Мисс Тьюс, — начала домовладелица. На ней все еще было выходное платье и жемчужное ожерелье, надетые для чаепития. Всем своим видом она пыталась изобразить оскорбленное чувство собственного достоинства. — Я должна была успокоиться прежде, чем поговорить с вами. Я не потерплю никаких неприятных инцидентов. Я всегда старалась избегать публичных сцен, но теперь, я полагаю, вам нужно съехать. — Она отнюдь не была спокойна, ее голос дрожал. И

Мэриен заметила, что она сжимает в руке кружевной платочек. — Вы постоянно пьете. Я точно знаю: все эти пустые бутылки — ваши, и я убеждена, что мисс Макэлпин не пьет, или не более, чем позволительно. — Она опять скользнула взглядом по платью Мэриен: ее убежденность пошатнулась. — Но вы хотя бы старались не привлекать внимания к алкоголю, который приносили в этот дом. Я уж не говорю о беспорядке и грязи, но я достаточно терпима и всегда полагала, что поведение человека в его жилом пространстве — это его личное дело. Но я стала смотреть на это другими глазами после того, как тот молодой человек — и я в этом абсолютно уверена, и не пытайтесь мне лгать! — переночевал здесь, и мне даже пришлось на следующее утро уйти из дома, чтобы избежать неприятной сцены. Хорошо хоть ребенок ничего не узнал. Но вы сделали это достоянием публики… — вскричала она дрожащим осуждающим голосом. — Вы вытащили своих недостойных пьянчуг-друзей на всеобщее обозрение, чтобы их *увидели* все… Какой дурной пример для ребенка!

Эйнсли свирепо сверкнула на нее глазами, точнее, одним подведенным глазом.

— Итак, — заявила она таким же осуждающим

тоном, откинув назад огненно-каштановые космы и пошире расставив босые ноги на полу, — я всегда подозревала, что вы лицемерка, и теперь я это знаю. Вы — буржуазная фальшивка, у вас нет никаких убеждений, вас беспокоит только то, что скажут про вас соседи. И ваша драгоценная репутация! А я вот считаю это аморальным! И чтобы вы знали: у *меня* тоже будет ребенок, и я, конечно, ни за что не хочу, чтобы он рос в *этом* доме! Вы научите его быть бесчестным! Это вы будете для него дурным примером! И позвольте вам сказать: вы — главный образчик нетворческих сил жизни из всех, кого я знаю. И я с превеликим удовольствием съеду от вас — и чем скорее, тем лучше. Я не хочу, чтобы вы оказывали негативное влияние на мой плод!

Домовладелица побледнела, как полотно.

— О, — еле слышно произнесла она, хватаясь за свое жемчужное ожерелье, — ребенок! О! О! О! — Она развернулась и, издавая тихие вскрики негодования и ужаса, засеменила вниз по лестнице.

— Думаю, тебе придется съехать, — сказала Мэриен.

Ей было приятно сознавать, что она находится на безопасном расстоянии от эпицентра внезап-

но возникшего скандала. Завтра она в любом случае уедет домой к матери. И теперь, когда сама домовладелица по собственной инициативе затеяла конфликт, она уже не понимала, отчего так побаивалась ее раньше. Как же легко оказалось сбить с нее спесь!

— Естественно! — смиренно ответила Эйнсли, села за туалетный столик и начала подводить второй глаз.

Внизу раздался звонок в дверь.

— Это, наверное, Питер, — сказала Мэриен. — Что-то он рановато. — Ей не верилось, что уже так поздно. — Мне нужно поехать с ним и помочь все приготовить. Мы могли бы и тебя захватить, но, думаю, времени нет тебя ждать.

— Ладно, — ответила Эйнсли, выписывая длинную, изящно изогнутую линию брови на том месте, где когда-то была ее собственная. — Подъеду позже. Мне все равно надо еще кое-что сделать. Если будет слишком холодно для ребенка, всегда смогу взять такси, это же недалеко.

Мэриен ушла на кухню за пальто. Надо что-нибудь съесть, сказала она себе, плохо пить на пустой желудок. Она услышала, как поднимается Питер, и проглотила еще витаминку. Таблетки были коричневые, продолговатые, заостренные

на концах и напоминали коричневые семена в твердой скорлупе. «Интересно — подумала она, глотая лекарство, — что за порошок они кладут сюда».

26

Питер отпер застекленную дверь своим ключом и зафиксировал замок, чтобы гости смогли беспрепятственно входить внутрь. Войдя в вестибюль, они прошли по кафельному полу к лестнице. Лифт в доме еще не работал, хотя Питер сказал, что его включат к концу недели. Грузовой лифт уже запустили, но рабочие держали его запертым.

Многоэтажка уже почти была достроена. Всякий раз, приходя сюда, Мэриен замечала небольшие перемены. Постепенно лежащие навалом строительные материалы, трубы, доски и цементные блоки исчезали, перемалываемые в ходе незримого процесса отделочных работ и превращаемые в блестящие поверхности холлов и стен здания, в недрах которого они и исчезали. Стены и шеренгу несущих колонн уже выкрасили в темный оранжево-розовый цвет; установили осветительные приборы, и интерьер здания купался в ярком холодном свете, потому что Питер для своей вечеринки включил в вестибюле все лампы. Высокие зеркала на опорах поставили тут недавно — Мэриен раньше их не видела; они

зрительно увеличивали пространство вестибюля и в ширину и в длину. Но ковровые покрытия и мебель (диваны из кожзаменителя, как она предполагала) и непременные филодендроны с широкими листьями, вьющиеся вокруг старых коряг, еще не прибыли. Это будет финальный штрих обстановки, который придаст ощущение мягкого, пускай и синтетического, уюта этому царству холодного света и металлического блеска.

Они стали подниматься по ступеням, и Мэриен прижималась к Питеру, подхватив его под локоть. В холлах на каждом этаже, которые они миновали, она видела перед каждой квартирой огромные деревянные ящики и покрытые брезентом продолговатые предметы: наверное, это была доставленная кухонная мебель, холодильники и плиты. Очень скоро Питер перестанет быть единственным жильцом в этом здании. И отопление наконец включат на полную мощность, потому что во всем здании, за исключением квартиры Питера, было холодно, как на улице.

Когда они дошли до пятого этажа и на минуту остановились перевести дыхание, она произнесла будничным тоном:

— Дорогой, у меня для тебя новость: я пригла-

сила нескольких своих знакомых. Надеюсь, ты не будешь возражать.

Всю дорогу, пока они ехали в машине, Мэриен размышляла, как ему это сказать. Было бы неловко, если бы все приехали одновременно с Питером, а он бы ничего об этом не знал заранее, хотя у нее было очень сильное искушение вообще ничего ему не говорить, а просто положиться на свою способность разруливать любую затруднительную ситуацию. В общей суматохе не придется объяснять, как ей вообще пришло в голову их позвать, а она и не хотела ничего объяснять, потому что не могла, и ее страшили вопросы, которые обязательно начнет задавать Питер. Она вдруг поняла, что напрочь утратила обычную способность заранее просчитывать его реакции. Он вдруг превратился в неизвестную переменную уравнения, и, если она начнет с ним говорить, его может с одинаковой вероятностью обуять как слепая ярость, так и слепой восторг.

Мэриен отступила от него на шаг и свободной рукой вцепилась в перила. Она понятия не имела, как он отреагирует. Но Питер только улыбнулся, и между его бровями возникла морщинка скрытого раздражения.

— Правда, милая? Ну что ж, чем больше народу,

тем веселее. Но надеюсь, их будет не слишком много? У нас не так много спиртного, а я терпеть не могу вечеринок на сухую.

Мэриен вздохнула с облегчением. Что ж, он сказал именно то, что она и ожидала услышать. И ее так обрадовала его предсказуемая реакция, что она в знак благодарности сжала его руку. Он обнял ее за талию, и они продолжили подниматься по лестнице.

— Да нет, человек шесть.

Вообще-то их было девять, но раз он так мило отнесся к ее новости, она проявила учтивость и намеренно приуменьшила число своих гостей.

— Я кого-нибудь знаю? — спросил он с любезной улыбкой.

— Ну… Клару и Джо, — ответила она, и ее мимолетная беззаботность улетучилась. — И Эйнсли. А вот других нет. Скорее, нет…

— Ух ты, ух ты! — насмешливо протянул он. — Я и не знал, что у тебя так много друзей, с кем я еще не знаком. Твои маленькие секреты, да? Мне надо будет с каждым из них познакомиться, чтобы узнать подробности твоей личной жизни! — И он нежно поцеловал ее в ушко.

— Ага, — отозвалась Мэриен с натужной веселостью. — Уверена, они тебе понравятся.

«Идиотка, — злобно подумала она. — Какая же я идиотка! И как можно было так сглупить?» Она заранее могла предсказать, чем все обернется. С офисными девственницами проблем не возникнет. Питер будет искоса их разглядывать, особенно Эмми, а с присутствием Клары и Джо просто смирится. Но вот остальные… Дункан ее не выдаст — или выдаст? Он, чего доброго, еще сочтет, что было бы забавно сделать какой-нибудь двусмысленный намек, или брякнет что-нибудь просто из любопытства. Когда он появится, его нужно будет отвести в сторону и попросить не болтать лишнего. А вот его соседи по квартире были неразрешимой проблемой. Вряд ли кто-то из них в курсе, что она помолвлена, и она представила себе удивленный возглас Тревора, когда он об этом узнает, и как он посмотрит на Дункана и скажет: «Но, дорогой мой, *мы-то* думали…» — и не договорив, погрузится в молчание, полное недомолвок, куда более опасных, чем правда. А Питер придет в ярость, решив, что кто-то посягает на его исключительные права собственности, и вообще ничего не поймет — и что тогда? И зачем только она их пригласила? Какая ужасная ошибка! Как сделать так, чтобы они не пришли?

Они добрались до седьмого этажа и свернули

по коридору к двери квартиры Питера. Перед дверью он расстелил несколько газет, где гости могли бы оставить обувь. Мэриен сняла сапоги и аккуратно поставила рядом с ботинками Питера.

— Надеюсь, они поступят так же, — сказал Питер. — У меня только что закончили полы. Не хочу, чтобы там наследили. — Стоящие в одиночестве две пары выглядели как черная приманка в огромной пустой газетной ловушке.

Они вошли в квартиру, и Питер помог ей снять пальто. Он положил ладони на ее голые плечи и поцеловал в шею, едва коснувшись кожи губами.

— М-м-м, — протянул он, — новые духи.

Вообще-то, эти духи одолжила ей Эйнсли, сама выбрав этот экзотический аромат к массивным серьгам.

Он снял пальто и повесил в стенной шкаф за входной дверью.

— Отнести свое пальто в спальню, милая, — попросил он, — а потом приходи на кухню, помоги мне все подготовить. У женщин ловчее получается с раскладкой закусок по тарелкам.

Мэриен пересекла гостиную, ступая по новому полу. Единственным недавним обновлением обстановки стало очередное кресло из гарнитура

современной датской мебели: в целом же просторная комната все еще пустовала. Это означало, что гостям в основном придется стоять: сидячих мест на всех не хватало. Гости Питера, естественно, не привыкли сидеть на полу, ну разве что, к концу вечера. Вот Дункан бы мог. Она представила, как он сидит, скрестив ноги, в центре пустой комнаты с сигаретой в углу рта, устремив мрачно-иронический взгляд на одного из «мыльных мужиков» или на ножки датского дивана, в то время как остальные гости аккуратно огибают его, не обращая особого внимания, но стараясь на него не наступить, словно это журнальный столик или декоративный элемент обстановки: нечто вроде подвижной конструкции из коряг и пергамента. Может, еще не поздно перезвонить им и попросить не приходить? Но телефон был на кухне — как и Питер.

В спальне было, как всегда, тщательно прибрано. Книги и ружья на своих обычных местах, а четыре модели кораблей, которые собрал Питер, теперь служили ему разделителями для книг. Два фотоаппарата, вынутые из футляров, лежали на письменном столе. Один из них со вспышкой: голубая лампочка была вкручена в серебристое блюдечко рефлектора. Еще несколько таких же

голубых лампочек лежали возле раскрытого журнала. Мэриен положила пальто на кровать. Питер сказал, что стенной шкаф слишком мал, чтобы вместить верхнюю одежду всех гостей, поэтому женщины будут оставлять свои пальто в спальне. Ее пальто, лежащее на кровати с чинно вытянутыми по бокам рукавами, играло важную функциональную роль: его можно было воспринять как своего рода приглашение для прочих пальто. Глядя на него, все сразу понимали бы, куда класть верхнюю одежду.

Она обернулась и увидела свое отражение в ростовом зеркале на дверце платяного шкафа. Немудрено, что Питер был так приятно поражен ее видом. «Милая, ты сегодня выглядишь просто изумительно!» — с чувством произнес он, увидев ее в платье. Как бы намекая, что ей следовало бы так выглядеть каждый день. Питер заставил ее повернуться перед ним, чтобы рассмотреть со спины, и был вполне удовлетворен увиденным. Но теперь Мэриен засомневалась, правда ли она выглядит так изумительно. Она мысленно повторила фразу несколько раз: но в ней не было ни необычного смысла, ни чувства. Что же это такое — выглядеть просто изумительно? Она улыбнулась зеркалу. Нет, не годится. Улыбнулась

по-другому, чуть прикрыв веки, но и это ей не понравилось. Тогда она слегка отвернулась и искоса оглядела свой профиль. Плохо, что она никак не могла оценить свой облик целиком — ее внимание привлекали какие-то внешние детали, которые были ей непривычны: накрашенные ногти, тяжелые серьги, замысловатая укладка, части лица, над которыми тщательно потрудилась Эйнсли. Она могла сосредоточиться только на чем-то конкретном. Но что скрывалось под внешней оболочкой и какая сила удерживала на поверхности и скрепляла отдельные детали ее внешности? Она протянула обе обнаженные руки к зеркалу. Это были единственные части ее тела, не прикрытые тканью, или нейлоном, или кожей, или лаком, но в зеркале руки тем не менее выглядели подделкой, изделиями из мягкого розовато-белого каучука или пластика, бескостные, гнущиеся…

Раздраженная тем, что она опять поддалась прежней панике, Мэриен раскрыла шкаф и принялась разглядывать висящую там одежду Питера. Раньше она часто все это видела, поэтому у нее не было никакой причины стоять тут, схватившись за дверцу, и всматриваться в темные недра шкафа… Одежда аккуратно висела на

плечиках, в том числе и все костюмы, в которых Питер появлялся перед ней прежде, кроме, разумеется, темного зимнего костюма, который был на нем сегодня: вот подборка одежды для летнего сезона, вот его повседневный твидовый пиджак, под который он обычно надевал серые фланелевые рубашки, далее одежда для других сезонов — от позднего лета до осени. Внизу выстроилась батарея обуви, соответствующей всем сезонам, с деревянными распорками в каждой паре. Она поймала себя на том, что рассматривает его одежду с чувством, близким к отвращению. И как все эти костюмы и рубашки могут так самодовольно висеть тут, излучая незримое и безмолвное превосходство. Но потом раздражение сменилось страхом. Она протянула руку, чтобы провести ладонью по ряду рукавов, и тут же ее отдернула: она побоялась обжечься.

— Милая, ты где? — позвал Питер из кухни.

— Иду, дорогой! — Она поспешно закрыла шкаф, мельком взглянула на себя в зеркало, убрала выбившуюся прядку волос и пошла к нему, осторожно шевелясь под слоем тщательно наложенной декоративной облицовки.

Кухонный стол был заставлен бокалами. Некоторые совсем новенькие, видимо, Питер купил

их специально для сегодняшней вечеринки. Что ж, они будут ими пользоваться после свадьбы. На столе и стойке выстроились разноцветные и разнокалиберные бутылки: шотландский виски, ржаной виски, джин. Похоже, и тут у Питера все было под контролем. Чистым чайным полотенчиком он натирал до блеска последние бокалы.

— Я могу чем-то помочь? — спросила она.

— Да, милая. Разложи вот это по тарелкам. Держи, я налил тебе выпить, виски с водой, дадим себе фору.

Сам он тоже времени не терял: на стойке стоял его стакан, уже полупустой. Она отпила, улыбаясь ему поверх кромки стакана. Крепковато получилось, напиток обжег ей горло.

— Ты, наверное, хочешь меня напоить, — сказала она. — Можно мне еще льда? — И с досадой заметила, что ее накрашенные губы оставили на краю стакана жирный след.

— В холодильнике полно льда! — отозвался он, радуясь, что ей понадобилось разбавить напиток.

Кубики льда лежали в большом ведерке. Был и еще запас — в двух полиэтиленовых пакетах. Остальное пространство камеры занимали бутылки: пивные лежали штабелями на ниж-

ней полке, высокие зеленоватые бутылочки имбирного лимонада и короткие бесцветные бутылочки содовой и тоника на верхней полке рядом с морозильником. «Его холодильник такой безупречно белый и чистый, и в нем идеальный порядок», — подумала она с чувством вины.

Она принялась раскладывать картофельные чипсы, соленые орешки, оливки и коктейльные грибочки по мисочкам и блюдам, на которые указал ей Питер, осторожно дотрагиваясь до еды кончиками пальцев, чтобы не запачкать свежий лак. Когда она уже почти закончила, сзади подошел Питер и одной рукой обхватил ее за талию. А другой рукой медленно расстегнул до середины молнию на платье. Потом снова застегнул. И снова расстегнул. Она ощущала на шее его теплое дыхание.

— Жалко, у нас нет времени запрыгнуть в постель, — сказал он. — Хотя я бы не хотел тебя разлохматить. Да ладно, потом для этого будет полно времени. — Он положил другую руку ей на талию.

— Питер, — произнесла она, — ты меня любишь?

Раньше она задавала ему этот вопрос шутливо, не сомневаясь в ответе. Но на этот раз, заме-

рев, ждала ответа. Его губы слегка коснулись ее серьги.

— Конечно люблю, не глупи! — ответил он преувеличенно ласково, и это следовало понимать так, что ему хочется сделать ей приятное. — Я собираюсь на тебе жениться, ты же знаешь. И я люблю тебя особенно сейчас, когда на тебе это красное платье. Тебе следует носить красное почаще. — Он отпустил ее, и она переложила последний маринованный грибочек из банки на тарелку.

— Зайди на минутку, милая! — послышался его голос из спальни. Она ополоснула руки, вытерла насухо и пошла к нему.

Питер включил настольную лампу, а сам сидел за письменным столом и возился с фотоаппаратом. Он с улыбкой взглянул на нее.

— Хотел сделать несколько снимков нашей вечеринки, так, для истории. Потом будет интересно их рассматривать. Это же фактически первая вечеринка, которую мы устраиваем вместе, чем не подходящий случай для исторических кадров? Кстати, ты уже выбрала свадебного фотографа?

— Не знаю, — ответила она. — Думаю, они выбрали.

— Я бы сам хотел выбрать, но это, наверное, уже невозможно, — со смехом сказал он и взял экспонометр.

Она нежно прижалась к его плечу, рассматривая разложенные на столе предметы, голубые лампочки для вспышки и серебристое блюдечко рефлектора. А он сверялся со статьей в журнале, испещренной его карандашными пометками. Статья называлась «Использование вспышки при фотосъемке в помещении». Рядом со статьей была подверстана рекламная фотография: девчушка с двумя хвостиками играет на пляже со спаниелем. Слоган под фотографией гласил: «Сокровище навсегда».

Мэриен подошла к окну и выглянула на улицу. Внизу лежал белый город с расчерченными узкими улицами и холодными зимними огнями. Она поднесла к губам стакан. Кубики льда с легким звяканьем ударились о стекло.

— Милая, — обратился к ней Питер, — скоро придут гости, но пока они не пришли, я хочу сделать пару твоих снимков, если не возражаешь. На этой пленке осталось всего несколько кадров, и для вечеринки я хочу заправить новую. На цветном слайде красное платье будет смотреться очень эффектно, а потом я сделаю еще несколько

черно-белых кадров.

— Питер, — засомневалась она — Я не думаю, что… — Его последнее предложение почему-то заставило ее занервничать.

— Ты что, оробела? — удивился он. — Встань вон там рядом с ружьями и чуть отклонись назад к стене.

Он развернул настольную лампу так, что луч осветил ей лицо, и направил на нее черный экспонометр. Мэриен попятилась к стене и встала в углу.

Питер поднял фотоаппарат, сощурившись, прижал глаз к окошку видоискателя и начал наводить объектив на резкость.

— Так, а теперь, — скомандовал он, — можешь стоять не так напряженно? Расслабься. И не сутулься, не своди плечи, давай, выстави грудь вперед и не смотри ты так испуганно, милая, держись естественно, ну и… *улыбочку*!

Но она оцепенела, тело стало словно каменным. Она не могла двинуться с места и стояла, глядя в круглый стеклянный глаз нацеленного на нее объектива, не в силах заставить себя изобразить улыбку, ей хотелось крикнуть, чтобы он не нажимал кнопку спуска, но она не смогла…

Раздался стук в дверь.

— Вот черт! — выругался Питер и положил фотоаппарат на стол. — Первые уже тут. Ну тогда потом, милая. — И поспешил открыть.

Мэриен медленно вышла из угла. Она прерывисто дышала. Вытянула руку и заставила себя дотронуться до нее другой рукой.

— Да что со мной такое? — пробормотала она. — Это же просто фотоаппарат.

27

Первыми на вечеринку прибыли три офисные девицы, сначала одна Люси, а потом, с пятиминутным опозданием, подтянулись Эмми с Милли. Они явно не ожидали увидеть здесь друг друга, и все трое были явно раздражены тем, что двух других тоже пригласили. Мэриен представила их Питеру и отвела в спальню, где три их пальто легли рядом с ее собственным. Каждая из них заметила, что Мэриен следует почаще носить красное, потому что красное ей идет. Каждая посмотрелась в зеркало, одернула одежду и поправила прическу, а уж потом вышла в гостиную. Люси к тому же обновила слой блеска для губ, а Эмми торопливо почесала затылок.

Они чинно присели на датский диван, и Питер выдал им напитки. Люси была в пурпурном бархатном платье, с серебристыми тенями на веках и с накладными ресницами. Эмми — в розовом шифоне, смутно напоминающем о не столь еще для нее далеких школьных торжествах. Ее чересчур налаченные пряди стояли колом, и из-под платья виднелась комбинация. Милли была затянута в голубой атлас, который топорщился

в неожиданных местах, в руках она вертела вечернюю сумочку с блестками и из всей троицы больше всех нервничала.

— Я так рада, что вы смогли выбраться, — сказала Мэриен, хотя в тот момент совершенно не была этому рада.

Все трое были чрезмерно возбуждены. Наверное, они ожидали чудесного явления Питера, который упадет перед Мэриен на одно колено и громогласно сделает предложение. Как же они отреагируют на появление Тревора и Фиша, не говоря уж о Дункане? Более того, как отреагируют Тревор и Фиш, не говоря уж о Дункане, на *их* присутствие? И Мэриен отчетливо представила себе, как обе троицы издадут вопли и ринутся прочь — одни в дверь, другие в окно. Что же я наделала? Но она уже почти перестала верить в прибытие сюда трех аспирантов, что с каждым часом и с каждым новым стаканом виски казалось все менее вероятным. Может, они вообще не придут.

Один за другим прибывали «мыльные мужики» с женами. Питер поставил на проигрыватель пластинку. В комнате стало шумнее и многолюднее. Всякий раз, когда раздавался стук в дверь, три офисные девственницы синхронно поворачивали головы к прихожей, и всякий раз, видя, что в

комнату горделивой походкой входит очередная успешная жена в компании холеного мужа, они разворачивали головы обратно и, чуть более демонстративно, чем следовало, припадали к своим напиткам и возобновляли приглушенный обмен едкими комментариями. Эмми нервно дергала свою сережку с фальшивым бриллиантом. Милли теребила отваливающуюся блестку на сумочке.

Мэриен, с чьих губ не слезала любезная улыбка, отводила новоприбывших жен в спальню. Гора пальто на кровати росла. Питер разносил всем напитки и о себе не забывал. Чипсы, орешки и прочие закуски передавались из рук в руки, а из рук отправлялись в рты. Гости в почти пустой комнате постепенно стали занимать стандартные позиции: женщины возле дивана, мужчины около музыкального центра, с невидимой ничейной территорией между ними. Офисные девственницы оказались в чужом лагере: им пришлось с кислым видом слушать болтовню жен. Мэриен в очередной раз ощутила угрызения совести. Но именно сейчас она не могла уделить девицам внимание: она как раз предлагала гостям маринованные грибочки. «Интересно, — подумала она, — почему опаздывает Эйнсли».

Входная дверь снова распахнулась, и в гостиную вошли Клара с Джо. За ними маячил Леонард Слэнк. У Мэриен сердце екнуло, и один грибочек упал с тарелки, которую она предлагала гостям, подпрыгивая, покатился по полу и в конце концов исчез под музыкальным центром. Она поставила тарелку на стол. Питер уже приветствовал их и с жаром тряс Лену руку. С каждым выпитым стаканом его голос звучал все громче.

— Как жизнь, старина? Черт возьми, очень рад, что ты пришел! Давно собирался тебе позвонить! — возбужденно говорил он. Лен только пошатывался и глядел на него остекленевшими глазами.

Мэриен решительно схватила Клару за рукав пальто и потащила в спальню.

— А что *он* здесь делает? — поинтересовалась она, позабыв об учтивости.

Клара сняла пальто.

— Надеюсь, ты не против, что мы его захватили. Думаю, не против, вы же как-никак старинные друзья. Но, вообще-то, мы решили, что так будет лучше, нам не хотелось никуда отпускать его одного. Как видишь, он в никудышной форме. Он пришел к нам сразу после няньки и выглядел просто ужасно. Явно перебрал. Он рассказал

какую-то путаную историю про женщину, с которой у него возникли проблемы, и, судя по всему, дело там серьезное, и он сказал, что боится возвращаться домой, не пойму почему. Кто же мог так с ним обойтись? Бедняга, мы его пока приютим в задней комнате на втором этаже. Это, вообще-то, комната Артура, но вряд ли Лен будет возражать против соседства с малышом. Нам его очень жалко, ему сейчас нужен кто-то, кто сможет окружить его домашней заботой, потому что сам он, похоже, с этим не справится…

— А он не сказал, кто она? — перебила ее Мэриен.

— Нет. — Клара удивленно подняла брови. — Он обычно никогда не называет имен.

— Пойдем я тебе налью чего-нибудь. — Мэриен вдруг показалось, как будто это происходит не с ней. Конечно, Клара и Джо не могли знать, что это за женщина, а иначе они ни за что бы не привели сюда Лена. Она была крайне удивлена, что он вообще пришел. Он же не мог не понимать, что есть большая вероятность столкнуться на этой вечеринке с Эйнсли, впрочем, наверное, он уже достиг такого состояния, что ему было на это наплевать. Но больше всего ее беспокоило то, какое впечатление его присутствие может произвести

на Эйнсли. Это могло бы ее сильно расстроить, не дай бог, она учудит что-нибудь совсем ужасное.

Когда они вышли в гостиную, Мэриен сразу поняла: офисные девственницы чутко зафиксировали, что Леонард один и доступен. Они обступили его, прижав к стене на нейтральной территории, причем две стояли по бокам, отрезав ему путь к отступлению с флангов, а третья оказалась прямо перед ним. Одной рукой он оперся о стену для равновесия, а в другой держал стеклянную кружку с пивом. В процессе разговора он постоянно скользил взглядом по трем лицам, словно не хотел слишком долго смотреть ни на кого из них. На его лице, которое приобрело бело-серый оттенок плохо пропеченной корочки пирога и непривычно одутловатый вид, застыло смешанное выражение подозрительности, скуки и тревоги. Но девицам, похоже, все же удалось выжать из него какие-то слова, потому что Мэриен услышала восторженный вопль Люси: «Телевидение! Это так интересно!» — и сдержанное хихиканье двух других. Леонард припал к кружке и отпил изрядный глоток пива.

Мэриен раздавала оливки, когда увидела, что к ней, покинув мужскую территорию, приближается Джо.

— Привет! — кивнул он ей. — Спасибо за приглашение! У Клары так редко получается вырваться из дома.

И они оба поглядели на Клару, которая, стоя около дивана, оживленно болтала с женой одного из «мыльных мужиков».

— Я о ней очень беспокоюсь, — продолжал Джо. — Мне кажется, ей приходится гораздо труднее, чем многим другим женщинам. Такая жизнь вообще очень трудна для любой женщины, окончившей университет. Она осознает, что у нее развитый ум, профессора прислушиваются к тому, что она им говорит, относятся к ней как к разумному человеку, но когда она выходит замуж, ее ядро подвергается вторжению…

— Ее что? — переспросила Мэриен.

— Ее ядро. Средоточие ее личности, то, что она создала, ее образ самой себя, если угодно.

— А, ну да, — кивнула Мэриен.

— Ее женская натура и ее ядро на самом деле находятся в противостоянии, ее женская натура требует от нее пассивности…

У Мэриен на секунду возникло видение огромного шарообразного пирога с шапкой из взбитых сливок и пьяных вишенок, парящего в воздухе над головой Джо.

— …и она позволяет мужу захватить ее ядро. А уж когда появляются дети, она просыпается в одно прекрасное утро и осознает, что внутри у нее ничего не осталось, она — полая, и ей уж не понять, кто она такая, потому что ее ядро разрушено. — Он слегка покачал головой и отпил из стакана. — Я вижу, как это происходит с моими студентками. Но предупреждать их об опасности бесполезно.

Мэриен оглянулась на увлеченную беседой Клару, одетую в простенькое бежевое платье, с длинными волосами желтовато-грушевого оттенка. «Интересно, — подумала она, — Джо когда-нибудь сообщал Кларе, что ее внутреннее ядро разрушено?» И у нее тут же возник образ яблока с червяками внутри. Она не отрывала взгляда от Клары, а та вдруг выразительно взмахнула рукой, и «мыльная жена» отшатнулась от нее с выражением ужаса на лице.

— Хотя, разумеется, осознание этого ничего не меняет, — продолжал разглагольствовать Джо. — Так происходит вне зависимости от того, осознаешь ты это или нет. Может быть, женщинам вообще надо запретить поступать в университеты, тогда потом у них и не возникнет сожалений по поводу того, чего они лишили себя

в плане интеллектуальной жизни. Например, когда я предлагаю Кларе заняться чем-нибудь, записаться, например, на вечерние курсы, она только с усмешкой смотрит на меня.

Мэриен посмотрела на Джо с нежностью, смешанной с пьянящей легкостью от выпитого. Она представила себе, как он хлопочет по дому, бегая в одной майке, размышляя об интеллектуальной жизни, моя посуду и небрежно отрывая марки от почтовых конвертов; интересно, а что он потом делает с этими марками. Ей захотелось обнять его, приголубить, утешить, убедить, что Кларино ядро на самом деле вовсе не разрушено и что все будет хорошо; ей захотелось чем-то вознаградить Джо взамен. И она протянула ему блюдо с оливками.

— Вот, возьми!

За спиной Джо распахнулась входная дверь, и в квартиру влетела Эйнсли.

— Прошу прощения, — бросила Мэриен, покидая Джо.

Она поставила блюдо на музыкальный центр и бросилась наперерез Эйнсли: надо было ее предупредить.

— Привет! — запыхавшимся голосом произнесла та. — Извини, что опоздала, но просто у меня

возникло желание начать паковать вещи…

Мэриен увлекла ее в спальню, надеясь, что Лен не заметил прихода Эйнсли. Бросив взгляд в угол комнаты, она удостоверилась, что тот по-прежнему плотно окружен девицами.

— Эйнсли, — начала она, когда обе оказались наедине с горой пальто. — Лен здесь и, боюсь, он сильно пьян.

Эйнсли разоблачилась: она была великолепна. На ней было зеленоватое, с бирюзовым оттенком, платье, и в тон платью подобраны тени для век и туфли; тщательно завитые локоны сияли. Кожа тоже сияла, подсвеченная обилием гормонов, живот еще не выпирал.

Прежде чем ответить, она придирчиво оглядела себя в зеркале.

— Да что ты? — произнесла она, иронически вытаращив глаза. — Знаешь, Мэриен, теперь это меня ни капельки не волнует. После нашего разговора днем я поняла, что мы во всем разобрались, и теперь можем оба вести себя как взрослые люди. Ему больше нечего сказать такого, что бы меня расстроило.

— Но, — продолжала Мэриен, — по-моему, он очень расстроен. Так говорит Клара. Видимо, он пока поживет у них в доме. Я видела его, когда он

вошел: выглядит ужасно! Так что надеюсь, ты не скажешь ничего, что еще больше расстроит *его*?

— Мне нет смысла, — беззаботно заявила Эйнсли, — вообще с ним разговаривать.

Тем временем в гостиной сгрудившиеся за невидимой оградой своей территории «мыльные мужики» разошлись вовсю. Оттуда то и дело слышались взрывы хохота: кто-то рассказывал неприличные анекдоты. Женский гомон тоже стал громче и возбужденнее, и отдельные женские арии, казалось, старались перекрыть баритоны и басы. Когда из спальни появилась Эйнсли, все присутствующие, не сговариваясь, подались к ней: некоторые из «мыльных мужиков» предсказуемо покинули свои позиции и поспешили знакомиться, а их жены, всегда оставшиеся начеку, вскочили с дивана и торопливо шагнули вперед, чтобы их опередить. Эйнсли безучастно улыбалась.

Мэриен отправилась на кухню налить стакан для Эйнсли, а заодно и обновить свой. Строгий порядок на кухне, где бутылки и стаканы еще недавно стояли стройными рядами, в процессе вечера был полностью нарушен. Раковина была завалена тающими кубиками льда и объедками с тарелок, гости не знали, куда девать косточки от

оливок, и тоже сбрасывали их в раковину, здесь же валялись осколки битого стекла; бутылки, полупустые и опорожненные, стояли повсюду — на кухонной стойке, и на столе, и на холодильнике, а на полу была лужа непонятно чего. Но чистые стаканы еще оставались. Мэриен наполнила один для Эйнсли.

Выйдя из кухни, она услышала голоса из спальни.

— Да ты даже симпатичнее, чем твой голос в телефоне!

Это был голос Люси. Мэриен сунула голову в спальню. Там стояла Люси, устремив взгляд из-под серебряных век на Питера. Он возвышался перед ней с фотоаппаратом в руках и с мальчишеской, правда, глуповатой ухмылкой на лице. Значит, Люси сняла осаду с Леонарда. Наверное, поняла, что это бесполезное занятие: она всегда была куда прозорливее в таких делах, чем другие две девицы. Но какими же умилительными выглядели ее потуги очаровать Питера, хотя нет, скорее, жалкими. Ведь Питер снят с аукциона окончательно и бесповоротно, как будто уже был женат.

Мэриен усмехнулась и удалилась, но не раньше чем ее заметил Питер и преувеличенно

радостным голосом, видимо, почувствовав себя виноватым, крикнул, взмахнув фотоаппаратом:

— Салют, милая! Вечеринка удалась на славу! Пора всем фотографироваться!

Люси с улыбкой обернулась к двери, и ее серебряные веки приподнялись, точно оконные жалюзи.

— Это тебе, — произнесла Мэриен, врезаясь в плотный круг «мыльных мужиков» и передавая Эйнсли стакан.

— Спасибо, — ответила та и взяла стакан с рассеянным взглядом, который, по мнению Мэриен, предвещал беду.

Она проследила за взглядом Эйнсли. С другого конца комнаты на нее в упор смотрел Лен, приоткрыв рот. Милли и Эмми упрямо продолжали удерживать его в плену. Милли теперь сместилась с фланга в центр, стараясь своей широкой юбкой блокировать ему пространство для маневра, а Эмми перемещалась взад-вперед, точно разыгрывающий защитник в баскетболе; но один фланг все же остался оголенным. Мэриен снова взглянула на Эйнсли — и как раз вовремя: та улыбнулась. Манящей улыбкой.

И тут раздался стук в дверь. «Пойду открою, — подумала Мэриен, — ведь Питер занят в спальне».

Она распахнула дверь, и перед ней возникло обомлевшее лицо Тревора. За его спиной стояли двое других и еще незнакомая фигура, вероятно, женская, в мешковатом пальто из шотландского твида, темных очках и длинных черных гетрах.

— Мы не ошиблись квартирой? — спросил Тревор. — Здесь живет Питер Уолландер? — Он явно ее не узнал.

Мэриен внутренне содрогнулась. Она напрочь про них забыла. Да ладно, в квартире было так шумно и царила такая суматоха, что Питер, может быть, и не заметит их появления.

— О, я рада, что вы пришли, входите! Кстати, я — Мэриен!

— Ха-ха-ха! Ну, конечно! — завопил Тревор. — Какой же глупец! Я тебя даже не узнал, дорогая, ты так элегантна! Тебе надо носить красное почаще!

Тревор с Фишем и незнакомка прошли внутрь, но Дункан так и остался стоять за порогом. Он взял ее за руку, вытянул в коридор и закрыл за ней дверь.

Некоторое время он стоял молча, глядя на нее исподлобья и изучая каждую новую деталь ее внешности.

— Ты не предупредила, что это маскарад, —

буркнул он наконец. — Ты в кого вырядилась, черт побери?

У Мэриен от отчаяния опустились плечи. Значит, она не выглядит «просто изумительно»?

— Ты просто раньше не видел меня в выходном наряде, — слабым голосом ответила она.

Дункан захихикал.

— Больше всего мне нравятся эти серьги. Из какой помойки ты их вытащила?

— Перестань! — жалобно воскликнула она. — Входи и выпей.

Он ее разозлил. А что, скажите на милость, ей надо было надеть? Он что, ожидал увидеть ее в рубище и с головой, посыпанной пеплом? Она распахнула дверь.

Из квартиры в коридор вырвались обрывки оживленных разговоров, взрывы смеха и громкие звуки музыки. Потом коротко вспыхнул яркий свет, и раздался торжествующий вскрик:

— Ага! Застиг вас врасплох!

— Это Питер, — сказала Мэриен. — Он фотографирует гостей.

Дункан отступил назад.

— Что-то мне не хочется туда входить, — пробурчал он.

— Но тебе *нужно*. Тебе нужно познакомиться с

Питером. Я этого хочу. — Она вдруг поняла, как ей важно войти вместе с Дунканом в квартиру.

— Нет, нет, — заупрямился он. — Не могу. По-моему, это плохая идея. Одному из нас придется испариться — и им, скорее всего, буду я. Кроме того, там очень шумно, я не вынесу.

— Ну, *пожалуйста*, — взмолилась она и протянула к нему руку, но Дункан уже развернулся и чуть не бегом бросился прочь по коридору.

— Ты куда? — умоляюще крикнула она ему вслед.

— В прачечную, — крикнул он в ответ. — Прощай, счастливой свадьбы!

Когда он завернул за угол, она мельком заметила его кривую усмешку. Потом до ее слуха донесся удаляющийся топот его ботинок на лестнице.

На какую-то долю секунды у Мэриен возникло побуждение побежать за ним: ей сразу расхотелось видеть разгоряченные лица в гостиной. «Но я должна», — сказала она себе. И вернулась.

Первое, что она увидела, войдя в гостиную, была широкая шерстяная спина Фишера Смайта. На нем был простецкий полосатый свитер грубой вязки с высоким горлом. Стоящий рядом Тревор был в безукоризненном костюме, в белой рубашке и при галстуке. Оба вели беседу с существом в

черных гетрах — что-то о символах смерти. Она ловким маневром обошла их, не желая объясняться по поводу исчезновения Дункана.

Мэриен оказалась позади Эйнсли и не сразу поняла, что прямо перед ее зеленовато-бирюзовой фигурой стоит Леонард Слэнк. Она не видела его лица, ей мешала пышная прическа Эйнсли, но она узнала руку, сжимающую стеклянную пивную кружку — снова наполненную, отметила она про себя. Эйнсли что-то внушала ему настойчивым тихим голосом. До ушей Мэриен донеслись его слова, произнесенные заплетающимся языком:

— Нет, черт побери! Ты меня не заманишь!

— Ну и ладно!

И прежде, чем Мэриен осознала, что собирается сделать Эйнсли, та вскинула руку и резко опустила, разбив об пол свой стакан вдребезги. Мэриен отпрыгнула назад.

При звоне разбитого стекла шум голосов разом стих, словно их кто-то выключил, выдернув вилку из розетки, и в воцарившейся тишине, которую нарушали лишь неуместные в данной ситуации тихие звуки скрипки, Эйнсли громко произнесла: «Мы с Леном приготовили для вас чудесную новость, — для пущего эффекта она

сделала паузу и, сверкнув глазами, продолжала. — У нас будет ребенок!» Ее голос звучал ровно. «Боже ты мой, — подумала Мэриен, — она таки продолжает гнуть свое».

Кое-кто из собравшихся около дивана довольно отчетливо ахнул. Кто-то хохотнул, а один из «мыльных мужиков» произнес: «Ну и Лен, ну и сукин сын, кто бы он ни был!» Теперь Мэриен увидела лицо Лена. Белый овал покрылся красными пятнами, нижняя губа задрожала.

— Ах ты мерзкая сука! — сдавленно пророкотал он.

Все снова замолчали. Чья-то «мыльная жена» торопливо заговорила о чем-то, но быстро осеклась. Мэриен наблюдала за Леном: она решила, что он ударит Эйнсли, но вместо этого он улыбнулся, обнажив зубы. И обратился к слушателям:

— Все верно, народ. И прямо сейчас, на глазах у всей честной компании, мы устроим обряд крещения. Крещение в утробе. Сим я нарекаю тебя своим именем. — Он выбросил вперед руку, схватил Эйнсли за плечо, поднял свою пивную кружку и медленно вылил все содержимое ей на голову.

«Мыльные жены» хором издали восторженный визг. «Мыльные мужики» закричали «Ура!». Ко-

гда последние пивные капли стекли из кружки на макушку Эйнсли, из спальни выбежал Питер, на ходу прилаживая вспышку к фотоаппарату.

— Замрите так! — крикнул он и щелкнул спуском. — Отлично! Это будет классный снимок! Ну и вечеринка! Мы и впрямь слетели с катушек!

Некоторые гости бросили на него раздраженные взгляды, но большинство просто не удостоило внимания. Все вдруг задвигались и загалдели одновременно. Из музыкального центра все еще неслись приторно-слащавые звуки скрипок. Эйнсли стояла, вся мокрая, и у нее под ногами по деревянному полу расползалась пенистая лужа. Ее лицо исказилось, покуда она соображала, стоит ли ей разрыдаться при всех. Лен отпустил ее. Он уронил голову и бормотал что-то невразумительное. У него был такой вид, словно он не отдавал себе отчета в том, что он наделал, и явно не знал, как поступить дальше.

Эйнсли развернулась и решительно зашагала в сторону ванной комнаты. Две или три «мыльных жены» бросились к ней, заботливо воркуя и стараясь привлечь к себе всеобщее внимание проявлением заботливого участия, но их всех уже кое-кто опередил. Это был Фишер Смайт. Он стащил свой толстый вязаный свитер и обнажил

мускулистую грудь, сплошь покрытую черными завитками волос.

— Позвольте, — обратился он к Эйнсли. — Вы же не хотите подхватить простуду? Особенно в вашем положении? — И он принялся вытирать ее свитером. Его глаза увлажнились, в них угадывалось искреннее волнение.

Прическа Эйнсли развалилась, и волосы рассыпались мокрыми прядями по плечам. Она улыбнулась ему сквозь капающие с ее накладных ресниц пиво или слезы.

— По-моему, мы не знакомы, — заметила она.

— Но кажется, я уже знаю, кто вы, — произнес он, нежно погладив ее живот полосатым шерстяным рукавом, явно придавая своему ответу символическое звучание.

Вечеринка каким-то чудесным образом обрела вторую жизнь и снова вышла на гладкую прямую, миновав прореху, проделанную недавней стычкой Эйнсли и Лена. Кто-то смел с пола осколки кружки и лужу пива, и в гостиной снова зажурчали потоки слов, музыки и спиртного, точно ничего не случилось.

На кухне, правда, царила полная разруха, как будто по ней пронеслось цунами. Мэриен копалась в посуде, пытаясь отыскать хоть один

чистый стакан; свой она куда-то поставила и теперь забыла куда, а ей приспичило выпить.

Но чистых стаканов уже не осталось. Тогда она взяла использованный, промыла под струей воды, а потом не торопясь аккуратно налила себе еще виски. Ее охватило безмятежное спокойствие, как бывает, когда лежишь на воде в штиль. Она подошла к двери и выглянула в гостиную.

— Я молодец, я молодец, — пробормотала она. Этот факт ее немного изумил, но и сильно обрадовал. Все гости были на месте (за исключением, отметила она, обведя людей взглядом, Эйнсли и Фиша, ах да, и Лена — интересно, куда они исчезли) и занимались тем, чем обычно и занимаются на вечеринках, и чем она в данный момент тоже занималась. Они ее поддерживали, и она могла спокойно плавать и не тонуть, ощущая свою водонепроницаемость, выталкиваемая на поверхность ощущением, что она — одна из них. И Мэриен испытывала теплоту и нежность ко всем, к их таким разным туловищам и лицам, которые она теперь видела куда явственнее, чем обычно, словно они освещались изнутри скрытыми прожекторами. Ей даже нравились «мыльные жены» и Тревор, жестикулирующий одной рукой, и офисные девственницы, смеющаяся Милли в

атласном голубом платье, и даже Эмми, не замечавшая вылезшую снизу заношенную кромку комбинации… Питер тоже был в толпе; он все еще носился с фотоаппаратом, то и дело подносил его к лицу и делал очередной снимок. Он напомнил ей рекламу домашних кинофильмов: отец семейства изводил горы кинопленки, запечатлевая самые обычные бытовые ситуации, потому что не мог решить, что интереснее: люди смеются за столом, люди чокаются, празднуют день рождения ребенка…

«Так вот кем он и был все время, — подумала она радостно, — он превращается в самого себя». И этот настоящий Питер, тот, кто прятался все это время внутри, не удивлял и не пугал ее, этот мужчина, обожающий походы на природу и скромные бунгало с узкими кроватями, этот любитель барбекю-вечеринок на заднем дворе. Мужчина с рекламы домашнего кино. «Именно его я в нем и пробудила, — подумала она, — его я вызвала к жизни». Она отпила виски из стакана.

Много же времени у нее ушло на поиски. Она мысленно стала отматывать ленту времени назад и пустилась обследовать коридоры и комнаты, длинные и огромные. Течение времени, казалось, замедлилось.

«Если это настоящий Питер, — думала она, бредя по длинному коридору, — то к сорока пяти у него вырастет пивное брюшко? А по субботам он будет надевать какое-то поношенное тряпье, например старые мятые джинсы, и все выходные проторчит в мастерской в подвале?» Представленный ею портрет казался обнадеживающим: у него же будут хобби, ему будет комфортно, он будет нормальным.

Она отворила правую дверь и вошла. За дверью был Питер, сорокапятилетний, лысеющий, но все еще узнаваемый, он стоял на ярком солнце возле угольной жаровни для барбекю с длинной стальной вилкой в руке. На нем был белый поварской фартук. Она оглядела сад, ища себя, но ее там не было, и это обстоятельство ее обескуражило.

«Нет, — подумала она, — должно быть, я не туда попала». Это не может быть последняя комната. И теперь она заметила еще одну дверь, прямо в зеленой ограде в дальнем конце сада. Она пошла по газону, прошла мимо неподвижной фигуры Питера, который, как она только сейчас заметила, держал в другой руке большой тесак, толкнула дверь и прошла внутрь.

Мэриен снова очутилась в гостиной Питера среди массы людей, среди шума, а сама она

стояла, прислонившись к дверному косяку, со стаканом в руке. Эти люди, которых она теперь видела яснее и резче, находились от нее далеко и двигались все быстрее и быстрее, и явно собирались расходиться по домам: вереница «мыльных жен» вышла из спальни уже в пальто, они, раскачиваясь, судорожно выпархивали из двери, следуя за своими мужьями, на прощанье чирикая «спокойной ночи», но кто эта крошечная плоская фигурка в красном платье, смахивающая на картинку в каталоге одежды, с улыбкой прощающаяся со всеми, суетящаяся в белой пустоте… Нет, этим не может все кончиться, должно быть еще что-то. Она бросилась к следующей двери и распахнула ее.

За дверью был Питер, одетый в шикарный зимний костюм. В руках он держал фотоаппарат. И только теперь она увидела, что это такое. Других дверей больше не было, ей в спину уперлась дверная ручка, она боялась отвести от него глаза, а он поднял фотоаппарат и, наведя на нее объектив, по-звериному осклабился. Затем ее ослепила вспышка света.

— Нет! — закричала она и закрыла лицо руками.

— Что такое, милая?

Она убрала руки от глаз. Рядом стоял Питер, настоящий. Она подняла руку и тронула его за лицо.

— Я испугалась, — сказала она.

— Алкоголь на тебя плохо действует, милая, — произнес он ласково, но в то же время с раздражением. — Неужели ты еще не привыкла? Я же весь вечер делал снимки.

— Это ты меня сейчас сфотографировал? — Мэриен примирительно улыбнулась. Она ощутила, что ее лицо расползлось вширь, истончилось, как бумага, и немного пожухло — точь-в-точь как у улыбающейся женщины на уличном рекламном плакате, который начал шелушиться и отваливаться кусками, и под ним проступила металлическая подложка…

— Вообще-то, Триггера в дальнем конце комнаты. Не волнуйся, я тебя позже сниму. И лучше тебе больше не пить, милая, ты уже шатаешься. — Он похлопал ее по плечу и удалился.

Но ей по-прежнему ничего не угрожало. Надо выбираться отсюда, пока не поздно. Она развернулась и поставила стакан на кухонный стол. От отчаяния в ее мозгу вдруг созрел хитроумный план. Теперь все зависело от того, удастся ли ей добраться до Дункана: он подскажет, что делать.

Мэриен оглядела кухню, подняла стакан и выплеснула его содержимое в раковину. Она будет действовать очень осторожно, она не оставит никаких следов. Она сняла телефонную трубку и набрала номер Дункана. Телефон в его квартире звонил и звонил: никто не ответил. Она положила трубку. В гостиной опять сработала вспышка, раздался смех Питера. Не надо было ей надевать красное платье: в нем она была слишком заметна.

Она потихоньку прокралась в спальню. Надо только ничего здесь не забыть, приказала она себе. Я же не смогу вернуться. Еще совсем недавно она воображала, как будет выглядеть их спальня после свадьбы, мысленно меняла ее обстановку и цветовую гамму. Теперь она поняла. Спальня будет всегда выглядеть в точности как сейчас. Мэриен порылась в груде пальто, ища свое, и не сразу вспомнила, какое оно, но в конце концов узнала и надела. Она понятия не имела, который сейчас час. Взглянула на запястье: там ничего не было. Ну конечно: она же сняла часики и оставила их дома, потому что Эйнсли сказала, что они не идут к ее наряду.

В гостиной Питер пытался перекричать общий шум:

— Ну давайте же, я сделаю групповой снимок! Вставайте все рядом!

Надо поторопиться. Осталось только пересечь гостиную. Нужно сделаться невидимой. Она снова сняла пальто и, сложив, прижала левой рукой к телу, рассчитывая, что красное платье сыграет роль камуфляжа, позволив ей слиться с местностью. Крадучись вдоль стены, она прошла к выходу сквозь чащу тел, прячась за стволами и кустами мужских спин и женских юбок. Питер в дальнем углу комнаты выстраивал гостей полукругом.

Она открыла входную дверь и выскользнула в коридор. Остановившись, чтобы опять надеть пальто и выудить свои сапоги из кучи обуви на газете при входе, она со всех ног бросилась по коридору к лестнице. На сей раз нельзя было позволить ему схватить ее. Стоило ему нажать на спуск, как она остановится, замрет в нелепой позе, окаменев, не в силах ни двинуться, ни переобуться.

Она остановилась на лестничной площадке шестого этажа, натянула обувь и продолжила сбегать вниз по ступенькам, крепко держась за перила, чтобы не упасть. Под оболочкой из ткани, металлических косточек и нейлона ее плоть,

казалось, занемела и сжалась, ей было трудно двигаться, приходилось прилагать для этого неимоверные усилия… «Наверное, я пьяна, — думала она. — Но странно: я совсем не чувствую, что пьяна, но ты же отлично знаешь, идиотка, что происходит с кровеносной системой пьяных, когда они попадают на холод. Но самое главное сейчас — просто убежать отсюда».

Мэриен спустилась в пустой вестибюль. Хотя ее никто не преследовал, ей почудились какие-то звуки сзади: так тонко звенит стекло, сосулька или подвеска канделябра. Это была чуть заметная электрическая вибрация сверкающего интерьера здания…

Она выскочила на улицу и побежала по снегу, ровным слоем накрывшему тротуар. Под ее ногами снег быстро-быстро, в такт ее с трудом передвигающимся ногам, хрустел, но зимой даже ровная поверхность таила опасность: не хватало еще грохнуться. Может быть, за ней вдогонку уже пустился Питер, ища ее на окрестных безлюдных улицах, так же не отставая от нее, как он молча преследовал гостей со своим фотоаппаратом, терпеливо дожидаясь удачного момента. Этот темный, хладнокровно глядящий в прицел охотник всегда в нем присутствовал, прячась

под разными оболочками, и теперь дожидался ее на позиции: маньяк-убийца со смертельным оружием в руках.

Она поскользнулась на заледеневшей лужице и чуть не упала. Устояв на ногах, обернулась. Никого.

— Спокойно, — пробормотала она. — Только не волнуйся.

Мэриен прерывисто дышала, и выдыхаемый ею воздух мгновенно застывал на морозе, превращаясь в белое облачка пара. Она перешла с бега на быстрый шаг. Поначалу она шагала куда глядят глаза, но теперь точно знала, куда направляется. «Все будет хорошо, — убеждала она себя, — только бы добраться до прачечной».

28

Ей даже в голову не пришло, что Дункана может не оказаться в прачечной. Когда Мэриен наконец до нее дошла и открыла стеклянную дверь, шумно дыша, но с чувством облегчения, что ей все-таки хватило сил на такое долгое путешествие, она с ужасом увидела, что там никого нет. Она поверить не могла своим глазам. Она стояла перед вереницей белых стиральных машин, не зная, куда же пойти. Ведь она не учла, сколько времени потеряла, торопясь на эту воображаемую встречу. И даже не думала, что может случиться помимо нее.

А потом заметила облачко дыма над стулом в дальнем конце зала. Наверняка это он! И бросилась туда. Дункан сидел, сильно сгорбившись, так что над спинкой стула торчала одна только его макушка, и устремив взгляд на круглое окошко стиральной машины прямо перед ним. Машина была пуста. Когда Мэриен села рядом, он даже не взглянул на нее.

— Дункан, — произнесла она. Он не ответил. Она сняла перчатки и, протянув руку, положила ему на запястье. Он подскочил. — Это я, — шеп-

нула она.

Он поглядел на нее. Его глаза запали глубже обычного, а лицо в свете флуоресцентных ламп казалось белым, как бумага.

— А, ты пришла. Алая женщина собственной персоной. Сколько времени?

— Не знаю. У меня нет часов.

— И что ты тут делаешь? Ты же должна быть на вечеринке.

— Я не могла там больше оставаться. Мне нужно было уйти и найти тебя.

— Зачем?

Она не смогла придумать ни одной причины, которая не показалась бы абсурдной.

— Потому что мне просто захотелось быть с тобой.

Он окинул ее подозрительным взглядом и затянулся сигаретой.

— Послушай, тебе надо туда вернуться. Это твой долг. Ты нужна этому как его…

— Нет, я нужна тебе больше, чем ему.

Стоило Мэриен произнести эти слова, как она поняла, что это чистая правда. И тотчас оценила свое благородство.

Он ухмыльнулся.

— Нет, не нужна. Ты считаешь, что меня надо

спасать, а меня не надо спасать. Во всяком случае, не хочу быть объектом экспериментов для доморощенных социальных работников. — И он снова уткнул взгляд в стиральную машину.

Мэриен теребила кожаные пальцы перчатки.

— Но я и не пытаюсь тебя спасти, — заметила она. И осознала, что этот хитрец все-таки заставил ее противоречить самой себе.

— Тогда, может быть, ты хочешь, чтобы я спас тебя? Но от чего? Я-то считал, что у тебя все в полном порядке. И кроме того, я же ни к чему не пригоден. — Ей показалось, что он немного бравировал своей беспомощностью.

— О, давай не будем говорить о спасении! — в отчаянии взмолилась Мэриен. — Мы можем куда-нибудь пойти? — Ей захотелось сбежать отсюда. Даже простая беседа была невозможна в этом зале с вереницей круглых окошек в белых дверцах и витающим в воздухе едким ароматом стирального порошка и отбеливателя.

— А здесь чем тебе плохо? — спросил он. — Мне тут даже нравится.

Мэриен захотелось его встряхнуть.

— Да я не это имею в виду!

— А! Ах это! Ты имеешь в виду провести ночь сегодня — сейчас или никогда!

Он выудил из пачки очередную сигарету и закурил.

— Ну, ко мне мы не можем пойти, ты же знаешь.

— Ко мне тоже не можем.

И сразу подумала: а почему бы и нет? Все равно она скоро съедет с квартиры. Правда, там может появиться Эйнсли. Или Питер…

— Если остаться здесь, — сказал он, — тогда могут возникнуть интересные варианты… Может, расположимся внутри стиральной машины? И вывесим твое красное платье, чтобы отпугивать грязных стариков…

— Перестань! — Она встала.

Он тоже встал.

— Ладно, я же сговорчивый. Думаю, пришла пора узнать правду. Куда мы идем?

— Наверное, нужно найти какой-нибудь отель.

Мэриен не имела ни малейшего представления, как осуществить эту затею, но была решительно настроена на то, чтобы довести дело до конца. И для этого имелся единственный вариант.

Дункан лукаво усмехнулся.

— То есть мне надо притвориться, будто ты моя жена? С такими-то серьгами? Да никто же не поверит. Тебя обвинят в совращении малолетнего!

— Мне все равно, — сказала она и принялась вывинчивать серьги из мочек.

— Постой, пусть еще повисят, — попросил Дункан. — Не стоить смазывать эффект.

Когда они вышли на улицу, Мэриен похолодела от ужасной мысли.

— Какой кошмар! — И она остановилась как вкопанная.

— Что такое?

— У меня нет денег! — Естественно, она и не предполагала, что на вечеринке ей понадобятся деньги. При ней была только вечерняя сумочка, которую она засунула в карман пальто. И она почувствовала, как мощный заряд энергии, который погнал ее по ночным улицам и заставил завести этот разговор, иссяк. Ее парализовало ощущение полного бессилия. Ей хотелось разрыдаться.

— Наверное, у меня найдется, — произнес Дункан. — Я обычно ношу с собой немного. На всякий пожарный случай. — Он стал шарить по карманам. — Ну-ка подержи! — И вложил ей в сложенные лодочкой ладони плитку шоколада, потом несколько аккуратно смятых серебряных оберток от шоколадных плиток, несколько тыквенных косточек, пустую сигаретную пач-

ку, обрывок резинки с завязанными на концах узелками, кольцо с двумя ключами, шарик жевательной резинки, завернутый в бумажку, и шнурок от ботинка. — Не тот карман!

Из другого кармана он вынул пригоршню мелочи, которая тут же раскатилась по тротуару, и несколько замусоленных банкнот. Дункан собрал монеты и сосчитал деньги.

— Ну, на «Хилтон» не хватит, но куда-нибудь заселиться сможем. Но только не здесь. Это богатый район, надо переместиться подальше от центра. Похоже, нас ждет черно-белое артхаусное кино, а не цветной приключенческий боевик.

С этими словами он рассовал обратно по карманам деньги и свой хлам.

Подземка уже не работала, и вход на станцию был перегорожен железной решеткой.

— Наверное, можно сесть на автобус, — предложила Мэриен.

— Не, очень холодно. Ждать на остановке придется долго.

Они свернули за угол и двинулись на юг по широкой пустой улице, мимо освещенных витрин. Машин было мало, пешеходов и того меньше. «Наверное, уже очень поздно», — подумала она и попыталась представить себе, что сейчас творит-

ся на вечеринке — или там уже все закончилось? А Питер понял, что ее там нет? Но она ничего не могла вообразить, кроме какофонии звуков и голосов, мельтешения лиц и ярких световых вспышек.

Она взяла Дункана за руку. Перчаток у него не было, поэтому она запихнула его руку в карман своего пальто. А он бросил на нее чуть ли не враждебный взгляд, но руку не отнял. Они шагали молча. Становилось все холоднее, у нее от мороза даже ступни заболели.

Они шли, как казалось, несколько часов в направлении замерзшего озера, хотя до него еще было довольно далеко, мимо нескончаемых кварталов кирпичных офисных многоэтажек и пустынных стоянок автомобильных салонов, украшенных гирляндами разноцветных огней и флажков, на которые они не обращали никакого внимания.

— По-моему, мы идем не по той улице, — заметил Дункан после долгого молчания. — Нам надо держаться правее.

И на перекрестке они свернули на перпендикулярную улицу. Тротуар был покрыт плотным слоем снега, на котором было легко поскользнуться, и вскоре улица вышла на ярко освещенный

неоновыми вывесками проспект.

— Похоже, мы там, где нужно, — предположил Дункан.

— И что теперь? — спросила она, осознавая, насколько жалобно прозвучал ее вопрос. Она не осмеливалась принять какое-то решение. Он сейчас, так сказать, был за главного. В конце концов, платить будет он.

— Черт, *я* и не знаю, как обычно действуют в таких случаях, — пробурчал он. — Со мной такого еще ни разу не было.

— Со мной тоже! — отозвалась она, словно оправдываясь. — В смысле, я не оказывалась в подобной ситуации.

— Есть, наверное, какая-то стандартная формулировка, — предположил он. — Но, думаю, все равно придется поступать по обстоятельствам. Будем обходить их все подряд, с севера на юг. — Он обвел взглядом улицу. — Такое впечатление, что чем южнее, тем отели ниже классом.

— Надеюсь, — простонала она, — это не совсем уж низкопробные клоповники!

— Не знаю, не знаю, может быть, с клопами будет даже занятно. Ладно, возьмем то, что предложат!

И он подошел к фасаду узкого краснокирпично-

го строения, зажатого с двух сторон агентством по прокату свадебных аксессуаров с изображением худющей невесты в витрине и обшарпанной цветочной лавкой. Болтающаяся над входом в отель неоновая вывеска гласила: «Ройял Мэсси». Под названием сиял герб.

— Жди тут, — сказал Дункан и поднялся на крыльцо.

Он вернулся сразу же.

— Дверь заперта.

Они пошли дальше по улице. Другой отель выглядел более многообещающим. Правда, он был совсем обшарпанный, с темно-серыми от копоти и грязи каменными колоннами в греческом стиле. На красной вывеске было начертано: «Онтарио тауэрс», причем первая «О» отсутствовала. В окне висело объявление: «Низкие цены». Дверь была открыта.

— Я войду и постою в вестибюле, — неуверенно проговорила Мэриен. У нее промерзли ноги. Кроме того, ей волей-неволей пришлось быть смелой: Дункан держался молодцом, и надо было оказать ему хоть какую-то моральную поддержку.

Она встала на истоптанном коврике, стараясь произвести достойное впечатление, при этом остро осознавая неуместность своих серег и пони-

мая, какую невероятную авантюру она затеяла. Дункан подошел к ночному портье, смахивающему на сморщенный огрызок яблока, чьи глаза с нескрываемой подозрительностью глядели на нее из складок морщин. Сморщенный портье вступил с Дунканом в беседу полушепотом, после чего Дункан взял ее под руку и они вышли на улицу.

— Что он сказал? — поинтересовалась она.

— Сказал, что у них не того пошиба заведение.

— Что он о себе возомнил! — насупилась Мэриен. Она была оскорблена и чувствовала себя лицемеркой.

Дункан прыснул.

— Идем! Не надо строить из себя уязвленную добродетель. Это означает, что нам надо найти заведение *того* пошиба — только и всего.

Они свернули за угол и зашагали в восточном направлении по улице, которая вроде бы была вполне подходящей. Миновав несколько заведений со следами былого приличия, подошли к совсем уж развалюхе без всяких признаков приличия. В отличие от соседних домов с фасадами из выщербленного красного кирпича, стена этого дома была покрыта розовой штукатуркой с крупно выведенными краской надписями: «КОЙКИ

ПО 4 ДОЛЛ/НОЧЬ», «ТВ В КАЖДОМ НОМЕРЕ». «ОТЕЛЬ «ВИКТОРИЯ И АЛЬБЕРТ», «ЛУЧШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ГОРОДЕ». Здание было длинное. Чуть дальше вдоль стены они заметили еще вывеску: «МУЖЧИНЫ» и «ДАМЫ И ЭСКОРТ», сообщавшую, что здесь находится пивной бар, там же располагалась и таверна, но оба заведения были, видимо, закрыты на ночь.

— Думаю, нам сюда, — сказал Дункан.

Они вошли. Ночной портье, зевая, снял с крючка ключ.

— Поздновато, приятель, а? — произнес он лениво. — С вас четыре.

— Лучше поздно, чем никогда, — заметил Дункан.

Он вытащил из кармана мятые бумажки и рассыпал монеты по ковру. Покуда он подбирал мелочь, ночной портье оглядел Мэриен с нескрываемой, но понимающей ухмылкой. Она потупила взгляд. «В конце концов, — мрачно подумала она, — я одета как проститутка и веду себя как проститутка, так почему бы ему не решить, что я и есть она самая?»

Они молча поднялись по застеленным тонкой дорожкой ступенькам.

Комната, в которой они наконец оказались,

размером была с большой комод, с железной кроватью в углу, одиноким стулом с прямой спинкой и туалетным столиком с облупившимся лаком. Высоко под потолком к стене был привинчен миниатюрный платный телевизор. На туалетном столике лежала пара тонких полотенец розового и голубого цвета. В узком окне напротив кровати виднелась голубая неоновая вывеска, чья надпись с мерным жужжанием то загоралась, то гасла. Рядом с входной дверью была еще одна дверь, ведущая в санузел размером с кладовку.

Дункан запер дверь.

— Ну, чем займемся? — спросил он. — Ты должна знать.

Мэриен разулась. Оттаивая в тепле, пальцы ее ног заболели. Она посмотрела на худощавое лицо, белеющее между поднятым воротником пальто и копной взлохмаченных волос: это лицо было мертвенно-белым, за исключением торчащего носа, красного от мороза. Она наблюдала, как он извлек из какого-то кармана мятую бумажную салфетку и высморкался в нее.

«Боже мой, — подумала она, — что я тут делаю? Как я вообще сюда попала? Что скажет Питер?» Она пересекла крошечную комнату и встала у окна, рассеянно глядя на улицу.

— Ух ты! — с энтузиазмом произнес Дункан за ее спиной. Она обернулась. Он нашел массивную пепельницу на туалетном столике позади стопки полотенец. — Настоящая! — Пепельница была из розового фарфора, в виде большой морской раковины с витыми краями. — Тут написано: «Дар от Бёркс-фолс»[18], — радостно сообщил он. Перевернул пепельницу вверх дном, и из нее на пол высыпались остатки пепла. — Сделано в Японии, — продолжал он.

Мэриен охватило отчаяние. Надо что-то делать.

— Послушай, — сказала она, — ради всего святого, поставь ты эту чертову пепельницу на место, раздевайся и лезь в кровать!

Дункан насупился, словно ребенок, которому устроили выволочку.

— Хорошо! — послушно бросил он. И стремительно скинул одежду, как будто расстегнул сразу все молнии в потайных местах или одну большую молнию — потому что одежда упала с него, как кожа. Он смял ее в комок и, швырнув на стул, юркнул в кровать, натянув простыню под подбородок. Оттуда он стал наблюдать за ней с плохо

---

[18] Примечания: 18

Бёркс-фолс — городок в Канаде, туристическая достопримечательность, получившая известность благодаря живописному водопаду.

скрываемым и не слишком доброжелательным любопытством.

Она решительно принялась избавляться от одежды. Было непросто стягивать чулки, сохраняя безрассудное равнодушие или его натужное подобие, когда два по-лягушачьи вытаращенных глаза пялятся на тебя из-под простыни. В поисках молнии она пошарила пальцами по платью сзади, но не смогла дотянуться.

— Расстегни меня, — бросила она.

Он повиновался. Мэриен бросила платье на спинку стула и выползла из корсета.

— Ого! — воскликнул он. — Настоящий корсет! Я такие видел в рекламе, но в реальной жизни никогда, и мне было интересно, как они действуют. Можно посмотреть?

Мэриен передала ему корсет. Он сел в кровати и стал его изучать, мять, вытягивать и сгибать косточки.

— Боже ты мой, да это же средневековье! Как ты в нем можешь ходить? Тебе приходится в нем быть весь день?

Он говорил о корсете так, словно это было какое-то неприятное, но необходимое хирургическое приспособление вроде шины или бандажа.

— Нет.

Она стояла в одной комбинации и раздумывала, что делать дальше. Она не стала, несколько малодушно, по ее мнению, снимать последнюю деталь одежды при свете, но он, похоже, настолько искренне наслаждался зрелищем, что она решила не торопить события. Но в номере было холодно, и через пару минут ее уже знобило.

Сжав зубы, она твердым шагом подошла к кровати. Это предприятие требовало от нее непреклонности духа. Если бы на ней сейчас была рубашка с длинными рукавами, она бы их закатала.

— Подвинься! — приказала она.

Дункан отбросил в сторону корсет и вполз под простыню, как черепаха в панцирь.

— Ну нет, — заявил он, — я не дам тебе лечь в постель, пока ты не сотрешь с лица эту штукатурку. Я не имею ничего против внебрачного блуда, но я не намерен встать с постели похожим на цветастые обои.

Она согласилась с его доводом. Вернувшись из ванны более или менее умытая, она выключила свет и шмыгнула в постель рядом с ним. Повисло молчание.

— Полагаю, теперь я должен стиснуть тебя в мощных объятиях, — прозвучал во тьме голос

Дункана.

Она провела ладонью вниз по его холодной спине. Он приник к ее голове и ткнулся носом ей в шею.

— Ты странно пахнешь, — пробормотал он.

Через полчаса Дункан сказал:

— Все бесполезно. Наверное, меня невозможно совратить. Я закурю.

Он встал, сделал несколько шагов в темноте и, нащупав свою одежду, порылся в карманах, нашел пачку и вернулся в кровать. Мерцающий огонек на кончике сигареты время от времени освещал часть его лица и фарфоровую раковину-пепельницу. Дункан сидел, привалившись к спинке кровати с железными завитками.

— Я сам не пойму, в чем дело, — говорил он. — Отчасти мне не нравится, что я не могу видеть твоего лица, но, может, было бы хуже, если бы я его видел. Но дело даже не в этом. Я себя чувствую как какое-то карликовое существо, ползающее по огромной горе плоти. Нет, ты не толстая, — добавил он, — вовсе нет. Просто для меня слишком много плоти. Она действует на меня удушающе.

Он откинул простыню вбок.

— Вот так лучше. — Он уперся локтем в кровать и поднес к лицу сигарету.

Мэриен встала на колени, обернувшись простыней, как шалью. Она едва различала очертания его длинного белого тела, слегка выделяющегося на фоне белоснежного постельного белья и слегка озаряемого голубоватой подсветкой с улицы. В соседнем номере спустили воду в унитазе, шумное журчание воды в трубах волной прокатилось в воздухе и со вздохом стихло где-то вдалеке.

Она вцепилась пальцами в простыню. Ее охватило нетерпение, а потом она ощутила сковывающий холодный ужас. В этот момент больше всего на свете ей хотелось вызвать какой-то отклик, получить какую-то реакцию — хотя она не могла даже предположить, чего ждать от этой, на первый взгляд, неподвижной поверхности, от белой бесформенной массы, вяло растянувшейся перед ней во тьме, шевелящейся, когда она сама шевелилась, всматриваясь в это существо без температуры, без запаха, неосязаемое и беззвучное, — но она была не в силах этого сделать. И это знание вызывало у нее ледяное отчаяние — куда хуже, чем страх. Всякое усилие воли здесь было бесполезно. Она не могла заставить себя снова протянуть к нему руку и дотронуться до его тела. Но и заставить себя отодвинуться тоже не могла.

Мерцающий кончик сигареты погас, послы-

шался тяжелый стук фарфоровой пепельницы, поставленной на пол. Она ощущала, как он улыбается во тьме, но какое у него при этом выражение на лице — сарказм, злорадство или даже нежность, не могла догадаться.

— Ляг! — сказал он.

Она вытянулась на кровати, не разворачивая простыни и согнув ноги в коленях.

Он обнял ее.

— Нет, ложись ровно. Не стоит принимать позу эмбриона. — И он стал ласково гладить ее ладонью, заставляя выпрямить ноги, так, словно утюжил ее, как одежду. — Я не могу по заказу. Просто позволь мне не торопиться…

И он приблизился к ней почти вплотную. Она ощущала его дыхание на своей шее, холодное и частое, а потом он прижался к ней холодным лицом и потерся, точно зверь мордой, с любопытством и не слишком дружелюбно.

29

Они сидели в кафе недалеко от отеля. Дункан пересчитывал оставшиеся деньги, чтобы понять, хватит ли им на завтрак. Мэриен расстегнула все пуговицы на пальто, кроме самой верхней. Ей не хотелось демонстрировать окружающим красное платье: оно слишком явно ассоциировалось с событиями вчерашнего вечера. Серьги, которые одолжила ей Эйнсли, она спрятала в карман. На зеленом пластиковом столике перед ними высилась груда грязных тарелок и чашек между крошек и жирных разводов, оставленных утренними посетителями, рискнувшими позавтракать пораньше за девственно чистыми зелеными столиками, которых еще не касались ножи и вилки человека, и оставившими после себя кучу вещей, не нужных этим путешественникам без багажа. Они же знали наверняка, что больше сюда никогда не вернутся. Мэриен с отвращением глядела на мусорный след ранних пташек, но старалась не заводиться по поводу предстоящего завтрака. Она просто надеялась, что ее желудок не станет возмущаться. «Съем тост, может быть, с джемом и выпью кофе. Наверняка организм это

вытерпит», — думала она.

Появилась взлохмаченная официантка и убрала со стола. После чего шваркнула перед обоими два меню в мятых обложках. Мэриен открыла свое и пробежалась глазами по столбику «Завтрак».

Вчера вечером, казалось, окончательно была поставлена точка, и даже воображаемое лицо Питера с жадными ищущими глазами размылось в невнятное белое пятно. Все обрело скорее простую ясность, а не радость, но все позабылось во сне, и когда она проснулась, разбуженная вздохами воды в трубах и голосами в коридоре, то не сразу поняла, где находится. Она тихонько лежала, стараясь напрячь память и понять, что же это было, глядя в потолок, испещренный потеками воды, но все бесполезно. Голова Дункана внезапно выползла из-под подушки — там он ее спрятал ночью на всякий случай. С минуту он недоуменно глядел на нее, словно не имел понятия, кто она такая и что он делает в этой комнате. Потом сказал:

— Пойдем-ка отсюда!

Она нагнулась над ним и поцеловала в губы, но когда отодвинулась, он облизнулся и, как будто ее поцелуй навел его на мысль, произнес:

— Я проголодался. Пойдем позавтракаем. — И добавил: — Ты выглядишь ужасно.

— Да и ты красотой не блещешь, — отрезала она.

Вокруг его глаз были темные круги, а волосы выглядели как воронье гнездо.

Они вылезли из постели, и Мэриен наскоро осмотрела себя в пожелтевшем неровном зеркале в санузле. Лицо осунувшееся, кожа сухая, бледная. И ведь правда: выглядела она ужасно.

Ей жутко не хотелось надевать вчерашнее платье, но выбора не было. Они молча оделись, неловко толкаясь в тесном номере, убогость которого при свете дня бросалась в глаза больше, чем вчера в сумерках, и крадучись спустились в вестибюль.

Она смотрела на него, сгорбленного, сидящего перед ней за столиком, снова наглухо укутанного в зимнюю одежду. Он курил и следил взглядом за вьющимся сигаретным дымом. Его глаза, такие близкие, смотрели не на нее, а куда-то вдаль. Отпечатавшееся в ее мозгу ощущение его длинного исхудалого тела, которое, как ей чудилось в темноте, состояло из острых выступов и углов, зыбкое воспоминание о его торчащих, как у скелета, ребрах, о костистом туловище, смахивающем

на стиральную доску, быстро таяло, бесследно исчезало, как любой слабый оттиск на мягкой поверхности. И какое бы решение она ни приняла вчера, все было уже позабыто, да и пришла ли она впрямь к какому-то решению? Это было только иллюзией, такой же, как голубые отсветы на их коже. Но в его жизни произошло нечто важное, думала она с чувством тоскливой удовлетворенности, и это служило ей хоть каким-то утешением, а вот в ее жизни так ничего важного и не произошло и ничего не завершилось. Питер никуда не делся, он остался, он был такой же реальный, как крошки на столике в кафе, и ей придется действовать сообразно этому факту. Ей придется вернуться. Она пропустила утренний автобус, но успеет на дневной, после разговора и объяснений с Питером. А лучше объяснений избежать. Объяснять было нечего, потому что объяснения предполагают обсуждение причин и следствий, а у этого происшествия не было ни того ни другого. Это произошло само собой и ни к чему не привело, оно просто оказалось вне цепочки событий. И вдруг ее осенило: она ведь даже не начала паковать вещи!

Мэриен стала читать меню. «Яичница с беконом». «Фирменные сардельки». Она сразу

подумала о поросятах и цыплятах и поспешно перешла к разделу «Тосты». Тошнота подступила к глотке. Она захлопнула меню.

— Ты что будешь? — спросил Дункан.

— Ничего. Я не могу есть. Даже не могу стакан апельсинового сока выпить. — Наконец это произошло. Ее организм объявил забастовку. Пищевой круг съежился до точки, до крошечной черной точки, оставив за своими пределами все, что только можно… Она изучала жирное пятно на обложке меню, чуть не плача от жалости к себе.

— Ты уверена? Ну ладно, — с энтузиазмом проговорил Дункан. — Значит, я могу все потратить на себя.

Когда официантка вернулась, он заказал яичницу с беконом, которую стал неторопливо, с аппетитом, поглощать, не извиняясь и не комментируя. Она глядела на него несчастными глазами. Когда он вилкой вспорол желтки, и желтая липкая масса медленно растеклась по тарелке, она отвернулась. Боялась, что ее вырвет.

— Так, — произнес Дункан, когда он расплатился и они вышли на улицу, — спасибо тебе за все. Мне пора домой, надо засесть за семестровую работу.

Мэриен подумала о противном запахе солярки

и застарелого сигарного дыма в салоне автобуса. Потом вспомнила о горе немытой посуды в раковине на кухне у Питера. В автобусе будет душно и не протолкнуться, когда она поедет по шоссе, а шины будут жалобно визжать перед остановками. А какие микробы, невидимые и отвратительные, копошатся среди грязных тарелок и стаканов? Нет, она не может туда вернуться.

— Дункан, пожалуйста, не уходи, — взмолилась она.

— Почему? Ты еще чего-то хочешь?

— Я не могу вернуться.

Он нахмурился.

— А от меня-то ты чего ждешь? Только не думай, что я что-то сделаю. Я хочу просто вернуться в свою раковину. С меня довольно так называемой реальной жизни.

— Тебе не надо ничего делать. Ты просто мог бы…

— Нет, — отрезал он. — Не хочу. Ты для меня больше не передышка. Ты слишком реальная. Тебя что-то гнетет, и ты хочешь об этом поговорить. И мне придется о тебе беспокоиться и все такое, но у меня на это нет времени.

Она опустила взгляд и стала разглядывать две пары их ног в слякоти на тротуаре.

— Я правда не могу вернуться.

Он внимательно поглядел на нее.

— Тебя что, сейчас стошнит? — спросил он. — Не надо!

Она стояла перед ним, понурившись. Ей нечем было обосновать просьбу побыть с ней. Для того ведь не было никакой причины: и чего она этим добьется?

— Ну ладно, — неуверенно произнес он. — Ладно. Только недолго, хорошо?

Она благодарно кивнула. Они зашагали на север.

— Ты же понимаешь, ко мне мы не можем пойти, — сказал он. — Они поднимут хай.

— Понимаю.

— А куда ты тогда хочешь пойти?

Она об этом не подумала. Возможного варианта не было. Она зажала уши ладонями.

— Я не знаю! — закричала она, на грани истерики. — Не знаю! Может быть, мне нужно вернуться…

— О, перестань! — добродушно возразил он. — Только без сцен! Пойдем прогуляемся. — И он отвел ее руки от ушей.

— Ладно, — согласилась Мэриен, позволяя ему позаботиться о себе.

Они шли по улице, взявшись за руки, и Дункан размахивал ими взад-вперед. Его настроение заметно изменилось: он уже не был таким сумрачным, как во время завтрака, а исполнился беззаботной веселости. Они поднимались по склону холма, прочь от озера; тротуары были запружены людьми, в основном дамами в меховых шубах, неутомимо плывущими от одного магазина до другого, точно айсберги во льдах, с целеустремленными лицами, сверкающими глазами, для равновесия держа в обеих руках по увесистому пакету. Мэриен и Дункан обгоняли их, размыкая руки, когда кто-нибудь упрямо двигался им навстречу, не собираясь сворачивать. Мчащиеся мимо автомобили плевались выхлопными газами и веером разбрызгивали грязь из-под колес. С неба падали чешуйки сажи, тяжелые и влажные, как снежинки.

— Мне нужен свежий воздух, — сказала Дункан после двадцатиминутной прогулки в молчании. — А то я здесь как рыбка в аквариуме, полном умирающих головастиков. Ты не против короткой поездки в подземке?

Мэриен кивнула. Чем дальше, тем лучше.

Они дошли до ближайшего зева, обложенного кафелем в пастельных тонах, спустились на плат-

форму. Надышавшись в вагоне сырой шерстью и нафталином, они поднялись по эскалатору вверх и вышли на улицу.

— А теперь сядем на трамвай, — предложил Дункан.

Похоже, он знал, куда идти, и Мэриен была ему за это благодарна. Он ее вел. Он был за главного.

В трамвае им пришлось стоять. Мэриен держалась за металлический поручень и чуть пригнулась, чтобы выглядывать в окно. Над шерстяной зелено-оранжевой шапкой-пирожком с пришитыми к ней золотыми блестками за окном мелькал незнакомый пейзаж: сначала магазины, потом жилые дома, потом мост и еще дома. Она понятия не имела, в какой они части города.

Дункан протянул у нее над головой руку и дернул за провод сигнала. Трамвай затормозил, они протиснулись к задней двери и вышли из вагона.

— А теперь пройдемся, — сказал Дункан и свернул в переулок. Здания здесь были пониже и чуть поновее, чем дома в районе, где жила Мэриен, но здесь они были темные и высокие, многие — с деревянными квадратными крылечками с навесом на столбах, фасады были выкрашены серой или грязно-белой краской. На придомовых лужайках

лежал совсем свежий снег. Они прошли мимо старика, который лопатой расчищал от снега дорожку к дому. Скрежет лопаты звучал преувеличенно громко в беззвучном воздухе. Здесь было необычно много кошек. Мэриен подумала, как же тут будет пахнуть весной, когда растает снег: землей, распускающимися почками, влажным деревом, перегнившей с прошлой осени листвой и подарками местных кошек, которые, роя себе в снегу ямки, небось считали себя чистюлями и мастерицами делать свои дела тайком. Из серых дверей выходили старики с лопатами, бродили по лужайкам, зарывали в снег мусор. Весенняя уборка: целенаправленные действия.

Они перешли через улицу и зашагали вниз по склону. И вдруг Дункан сорвался с места и побежал, потащив за собой Мэриен, как санки.

— Стой! — крикнула она, встревожившись, что получилось громко. — Я не могу бежать! — Ей почудилось, что во всех окнах, мимо которых они бежали, предательски задергались занавески, словно за ними стояли угрюмые соглядатаи.

— Нет! — крикнул в ответ Дункан. — Нам нужна передышка! Скорей за мной!

У нее треснул шов на рукаве платья. Она сразу представила себе, как ее красное одеяние распол-

зается на бегу, и за ее спиной красные лоскутки падают, как перышки, на снег. Они сбежали с тротуара и, скользя, помчались по проезжей части к забору. Там висел черно-желтый указатель «Опасно!». Она боялась, что они врежутся в забор и, разбив его в щепки, перевалятся через невидимую преграду, как в замедленной съемке автомобили срываются с обрыва в пропасть, но в последний момент Дункан свернул вбок и бросился вдоль забора, и они оказались на узкой цементной дорожке между двух высоких склонов. Впереди показался пешеходный мостик у подножия холма.

Он резко остановился, и она, поскользнувшись, наскочила на него. На бегу она наглоталась морозного воздуха, и теперь у нее болели легкие, а голова слегка кружилась. Они привалились к невысокой цементной стенке, огораживающей мостик с одной стороны, и Мэриен, положив руки на стенку, пыталась отдышаться. Она разглядывала верхушки деревьев и лабиринты ветвей, кончики которых, обсыпанные почками, уже желтели и краснели.

— Мы еще не пришли, — сообщил Дункан и подхватил ее под локоть. — Нам надо спуститься вниз.

Он увлек ее к концу мостика. Рядом десятками ног была протоптана тропинка в грязи. Они опасливо спустились по склону, ступая боком, — так малые дети учатся спускаться по ступенькам, шажок за шажком. С сосулек, свисающих с мостика, на них капала талая вода.

Когда они добрались до подножия склона и вышли на равнинную часть, Мэриен спросила:

— Ну, мы пришли?

— Еще нет, — ответил Дункан. И пошел прочь от мостика. Мэриен надеялась, что он ведет ее туда, где можно будет присесть.

Они оказались в одной из лощин, разрезавших город, но здесь она была впервые. Она любила гулять по оврагам, видневшимся из окна их гостиной, но это место было ей незнакомо. Лощина была глубокая и узкая, поросшая деревьями, которые были словно специально высажены здесь, чтобы сдерживать снежные сугробы на крутых склонах. Далеко вверху, на самой снежной кромке, играли дети. Мэриен перевела туда взгляд: она увидела их яркие курточки, синие и красные, и услышала обрывки смеха.

Они шагали друг за другом по протоптанной в снежном насте тропке. До них тут уже ходили люди, хотя и немногочисленные. Временами

она замечала на снегу отпечатки лошадиных копыт. Впереди шагал Дункан: она видела его сгорбленную спину и мерно поднимающиеся и опускающиеся ноги.

Мэриен хотелось, чтобы он обернулся к ней: от вида его унылого пальто ей было не по себе.

— Через минуту присядем отдохнуть, — объявил он, словно отвечая не ее невысказанный вопрос.

Но она не видела, где бы можно было присесть. Теперь они шли в зарослях высокого травостоя, и сухие негнущиеся стебли терлись об их одежду: золотарники, ворсянки, репейники и серые скелеты неведомых растений. На стеблях репейников виднелись гроздья коричневых шариков с колючками, а на ворсянках — шипастые серебристо-матовые головки, но взгляд скользил по ощетинившемуся сухотравью, ни на чем не останавливаясь. Вдоль зарослей сухой травы по обеим сторонам высились склоны лощины. На самой верхотуре виднелись дома, вытянувшиеся вдоль края, как будто вопреки опасности сползания в овраги, изрезавшие поверхность склона под действием эрозии почвы. А протекавший некогда по дну ручей давно был забран в подземный водосток.

Мэриен взглянула назад. Оказывается, лощина изгибалась, а она шла и даже не заметила этот изгиб. Впереди показался еще один мост — крупнее первого. Они продолжали шагать.

— Зимой мне тут нравится, — сообщил Дункан после продолжительного молчания. — Раньше я бывал здесь только летом. Тут все зарастает такой густой зеленью, травой и листвой, что в метре впереди ничего не видно, причем в основном растет ядовитый плющ. И народу полно. Старые алкаши приходят сюда и дрыхнут под мостами, дети играют. Где-то недалеко есть база верховой езды, по-моему, мы сейчас идем как раз по одной из конных троп. Я сюда частенько приходил, потому что тут прохладно. Но оказывается, здесь еще лучше, когда все в снегу. Под снегом мусора не видно. Знаешь, народ начинает все тут замусоривать и в первую очередь русло ручья. Не пойму, что их заставляет выбрасывать здесь свое барахло и уродовать пейзаж… Чего тут только не найдешь: старые покрышки, жестянки, бутылки…

Она не видела его рта, и голос доносился непонятно откуда: фразы были короткие, клочковатые и приглушенные, словно звучали из-под снежного покрова.

Лощина расширилась, и заросли сухостоя здесь поредели. Дункан свернул с тропы и пошел по снежному насту. Она следом. Так они вскарабкались по склону небольшого холма.

— Вот мы и на месте, — объявил Дункан. Он остановился, повернулся к ней и, обхватив ее обеими руками, резко притянул к себе.

Мэриен задохнулась от неожиданности и невольно шагнула назад: они стояли на самом краю высокого утеса. Их ноги едва балансировали между твердой почвой и бездной. Под ними почти ровным кольцом разверзся обрыв, по склонам которого змеилась спираль то ли проезжей дороги, то ли пешей тропы, спускаясь к заснеженной равнине на дне. Прямо напротив них, на другом краю обрыва, от которого их отделяла четверть мили пустоты, чернело длинное здание, похожее на большой сарай. Место было безлюдным, безжизненным.

— А что там? — спросила она.

— Кирпичный завод, — ответил Дункан. — Здесь месторождение глины. По этой дороге ездят экскаваторы и добывают глину.

— Я и не знала, что в этих ущельях есть нечто подобное, — удивленно протянула она. Ей было странно видеть эту исполинскую воронку,

выкопанную посреди города: воронка казалась бездонной. Белое дно ее тоже производило двойственное впечатление: оно не казалось твердым, а выглядело скорее полым, опасным, подернутым тонкой корочкой льда, и, если пройтись по нему, можно было бы провалиться.

— О, да тут масса чего интересного и полезного. Там вон где-то находится тюрьма.

Дункан присел на край обрыва, беспечно болтая ногами и, вынув сигарету из пачки, закурил. Постояв, она села рядом — с опаской, потому что здешняя почва не внушала ей доверия. Под ее весом мягкий грунт слегка продавился. Они молча смотрели в разверстую под их ногами гигантскую воронку.

— Интересно, который час, — подумала вслух Мэриен. И вслушалась в свои слова: ее голос утонул в бездонном пространстве.

Дункан не ответил. Он молча докурил сигарету, потом встал, прошелся по кромке обрыва туда, где грунт выровнялся и не росло ни единого растения, и лег в снег. Он так умиротворенно лежал на спине и глядел в небо, что Мэриен подошла к нему и прилегла рядом.

— Замерзнешь, — предупредил он и добавил: — Но если хочешь, лежи.

Она была на расстоянии вытянутой руки от него. Ей показалось неуместным лежать так близко от него именно здесь. Небо над ними было сплошь светло-серого цвета, чуть озаренное прячущимся где-то за тучами солнцем.

Дункан нарушил тишину:

— И почему же ты не можешь вернуться? В смысле, ты же собираешься замуж и так далее. Мне казалось, ты знаешь, что делаешь.

— Знаю, — печально ответила она. — Знала. Не знаю. — Ей не хотелось это обсуждать.

— Кто-то, конечно, скажет, что ты это себе вбила в голову.

— Это уж точно! — отрезала она с раздражением. Ну, не идиотка же она, в самом деле. — И как мне это оттуда выбить?

— Ну, тебе должно быть ясно, — произнес голос Дункана, — что я последний человек, у кого ты можешь просить совета. Мне говорят, что я живу в мире фантазий. Но во всяком случае, это в той или иной мере мои фантазии. Я их сам выбираю, и они мне, можно сказать, нравятся — иногда. Но вот тебя твои фантазии явно не радуют.

— Может, мне стоит обратиться к психиатру, — мрачно предположила Мэриен.

— О нет! Не надо! Они захотят что-нибудь под-

править в твоей голове.

— Но я и хочу, чтобы меня подправили, только и всего. Не вижу смысла оставаться такой неуравновешенной.

Тут ей пришло в голову, что также нет смысла морить себя голодом до смерти. Чего ей хотелось, осознала она вдруг, так это безопасности. Она-то думала, что все эти месяцы движется к ней, но на самом деле никуда она не двигалась. И ничего не добилась. В данный момент ее единственным осязаемым достижением был Дункан. Только это и давало ей точку опоры.

Вдруг она ощутила острую необходимость удостовериться, что он рядом, что он не растворился в воздухе и не провалился под белый покров. Ей требовалось веское подтверждение.

— Как тебе было ночью? — спросила она. Он еще ни слова об этом не обмолвился.

— Было что? Ах, это…

Дункан молчал несколько минут. А она с волнением ждала, что же он скажет, словно надеялась услышать глас оракула. Но когда Дункан наконец открыл рот, он сказал:

— Мне нравится это место. Особенно сейчас, зимой, когда все вокруг близко к абсолютному нулю. Тут я ощущаю себя живым человеком. По

сравнению с окружающим. Тропические острова мне не по вкусу, там слишком много живой органики и там я бы постоянно гадал, кто я — ходячее растение или гигантская амфибия. Но в снегу ты максимально приближен к небытию.

Мэриен была озадачена. При чем тут это?

— А ты бы хотела услышать от меня, что было умопомрачительно, да? Что это вынуло меня из моей раковины. Сделало меня мужчиной. Решило все мои проблемы.

— Ну…

— Конечно! И я бы мог это подтвердить. Мне нравится, когда люди приобщаются к моим фантазиям, и я обычно готов приобщаться к их фантазиям, до некоторой степени. Было чудесно. Было не хуже, чем обычно.

Его намек вошел в ее сознание легко, как нож в масло: значит, она у него не первая. Образ деловитой медсестры в накрахмаленном халате, который она себе придумала как последний оплот надежды, разбился вдребезги, и она пала духом настолько, что даже не могла злиться. Ее жестоко одурачили, как маленькую девочку. Могла бы догадаться заранее. Но хорошенько надо всем поразмыслив, пялясь в серое небо над головой, она не смогла прийти ни к какому решению.

Ведь нельзя исключать, что это его признание было таким же фальшивым, как и многие другие его откровения.

Мэриен встала, отряхивая снег с рукавов. Настала пора действовать.

— Ладно, ты все шутишь, — сказала она. Пусть сам поломает голову над тем, поверила она ему или нет. — Теперь мне надо решать, как поступить.

Он усмехнулся.

— Только меня не спрашивай! Это твоя проблема. Хотя тебе и впрямь надо что-то предпринять: если все время дубасить себя по щекам в безвоздушном пространстве, то рано или поздно это надоест. Но ты сама себя загнала в тупик, ты все это придумала, и тебе самой надо найти выход.

Он поднялся.

Мэриен была спокойна, но чувствовала, как ее вновь охватывает отчаяние, проникая в каждую клеточку тела, словно растворяющаяся в крови седативная таблетка.

— Дункан, ты не мог бы пойти со мной и поговорить с Питером? Вряд ли я могу сама, я не знаю, что ему сказать, и он вряд ли меня поймет…

— Ну, нет! Ты не можешь меня об этом просить. Какое я имею к этому отношение? Это же будет

иметь катастрофические последствия, понимаешь? В смысле — для меня. — Он обеими руками обхватил себя, выставив локти.

— Пожалуйста! — взмолилась она, зная, что он откажется.

— Нет, — твердо сказал он. — Это неправильно.

Он оглянулся и уставился на отпечатки их двух тел в снегу. Потом наступил на них — сначала на свой, а потом и на ее, разравнивая ногой снег.

— Иди сюда! Я покажу тебе, как вернуться!

И он повел ее дальше. Они вышли к дороге, которая сначала бежала вверх по склону, а потом резко уходила вниз. Внизу виднелось широкое, отлого поднимающееся шоссе, а вдалеке еще один, знакомый ей, мост, по которому двигался состав подземки. Теперь она поняла, где находится.

— Ты даже не проводишь меня туда?

— Нет. Я еще немного побуду тут. А тебе надо идти.

Он произнес эти слова так, словно прогонял ее. А сам повернулся и зашагал прочь.

Машины летели по шоссе. Пройдя по склону холма примерно половину пути до моста, Мэриен оглянулась. Она думала, что он уже исчез в белой пустоте лощины, но он еще виднелся там: черная

фигурка на снежном фоне, склонившаяся над краем пропасти и всматривающаяся вниз.

30

Мэриен недавно вернулась домой и возилась с молнией платья, пытаясь ее расстегнуть, когда зазвонил телефон. Она знала, кто звонил.

— Алло?

Голос Питера был ледяным, злым.

— Мэриен, где тебя черти носили? Я всех обзвонил. — Судя по голосу, у него было тяжкое похмелье.

— О, — как ни в чем не бывало проворковала она. — Я кое-где была. В смысле, не дома.

Тут он не выдержал:

— А какого черта ты сбежала с вечеринки? Ты мне испортила вечер, ясно? Я искал тебя, чтобы сделать групповой снимок, не нашел, и, конечно, не мог устроить скандал у всех на глазах, но когда все разошлись, начал тебя искать везде где только можно! Мы с твоей подружкой Люси сели в машину и объездили все улицы в округе и звонили тебе домой раз десять, мы очень беспокоились. Очень мило с ее стороны, что она приняла в этом участие, и как же приятно осознавать, что не перевелись еще *рассудительные* женщины…

«Уж это точно», — подумала Мэриен с мимолет-

ным чувством ревности, вспомнив серебряные веки Люси, но вслух сказала:

— Прошу тебя, Питер, не волнуйся. Я просто выскочила на минутку подышать свежим воздухом, и кое-что случилось, вот и все. Тебе не о чем волноваться! Никакой катастрофы не произошло.

— Что значит не волнуйся? — воскликнул он. — Нельзя шляться по улицам по ночам! Тебя же могли *изнасиловать*! Если ты и впредь собираешься выкидывать такие фортели, причем, бог свидетель, такое с тобой случается уже не в первый раз, тебе не грех подумать о других! По крайней мере, могла бы сказать мне, где ты, твои родители звонили мне по междугороднему, они с ума сходят, потому что они встречали твой автобус, а ты не приехала, и что я должен был им сказать?

«Ах да», — подумала она. У нее это напрочь вылетело из головы.

— Ну, я в полном порядке!

— И где же ты была? Когда стало ясно, что тебя нет дома, я начал опрашивать гостей, не видели ли они тебя, и должен сказать, этот зачарованный принц, твой приятель Тревор, или как там его зовут, поведал мне занятную историю. И кто же этот парень, о котором он рассказал?

— Пожалуйста, Питер! Я ненавижу обсуждать такие вещи по телефону.

У нее вдруг возникло желание рассказать ему все-все, но какой смысл, если она все равно ничего не докажет и ничего не добьется? И поэтому внезапно спросила:

— Который час?

— Полтретьего, — ответил он нейтральным тоном, видимо, удивившись, что она задала ему такой простой вопрос.

— Послушай, заезжай ко мне попозже. Скажем, в полшестого. На чай. И тогда мы все обсудим.

Мэриен заставила себя произнести эти слова ласково, примирительно. Она понимала, как коварно вела себя с ним. Она еще не приняла никакого решения, но чувствовала, что рано или поздно его примет, и для этого ей просто требовалось время.

— Ну, ладно, — ворчливо протянул он. — Но ты уж, будь добра, хорошенько все обдумай.

Они бросили трубки одновременно.

Мэриен ушла к себе и сняла платье. Потом спустилась и быстро приняла ванну. Внизу было тихо: домовладелица в своем сумрачном логове, вероятно, предалась раздумьям или молилась о скорейшем изничтожении Эйнсли небесными

громами и молниями. Преисполнившись духом веселого мятежа, Мэриен нарочно не смыла с боков ванны оставшийся после нее мыльный ободок.

То, что ей было нужно, не требовалось облекать в слова, она сейчас совсем не хотела что-то мучительно обсуждать. Ей и так стало ясно, что в ее жизни реально: это был тест, простой и мгновенный, как лакмусовая бумажка. Она оделась для разговора с Питером — простое шерстяное платье вполне сойдет — и набросила пальто, потом взяла сумочку и пересчитала деньги. Прошла на кухню, села за стол и принялась составлять список, но, написав несколько слов, отложила карандаш в сторону. Она и так знала, что нужно купить.

В супермаркете она методично ходила взад-вперед между открытых витрин, решительно обгоняя дам в ондатровых шубах, оттесняя в сторону зазевавшихся детишек и снимая с полок нужные ей вещи. Возникший в ее воображении образ обретал форму. Яйца. Мука. Лимоны для вкуса и аромата. Сахар, сахарная пудра для глазури, ванилин, соль, пищевой краситель. Ей хотелось купить все свежее и новое, она не собиралась использовать ничего из того, что можно было найти в доме. Шоколад… Нет, лучше какао.

Стеклянная колба с серебристыми полушариями для украшения выпечки, три вставленные одна в другую пластиковые мисочки, чайные ложки, кондитерский шприц для крема и форма для выпечки. «Какая удача, — подумала она, — что в супермаркетах сейчас можно купить почти все, что нужно». Она пошла домой, прижимая к груди огромный бумажный пакет с покупками.

У нее было два варианта торта: плотный или воздушный. Она решила сделать воздушный бисквит. Рецепт казался ей более подходящим.

Мэриен включила духовку. Это приспособление было одним из немногих на кухне, не покрытым липким слоем застывшего жира и грязи, потому что духовкой они почти не пользовались. Она надела фартук, ополоснула под водой новые миски и прочую утварь, но к грязной посуде даже не притронулась. Это подождет. А сейчас ей было некогда. Она обтерла вымытую посуду и принялась за тесто: разбила яйца и отделила белки от желтков, почти бездумно, обращая внимание исключительно на движения рук, а потом, когда начала взбивать, просеивать и месить, — на продолжительность каждой операции и на плотность теста. Чтобы замесить тесто для бисквитного торта, требовалась особая ловкость.

Она вылила тесто в форму для выпечки и принялась взбивать его вилкой, чтобы избавиться от крупных воздушных пузырьков. Когда Мэриен ставила форму в разогретую духовку, она тихонько напевала от удовольствия. Давненько она не пекла тортов.

Пока торт стоял в духовке, она снова перемыла миски и сделала крем. Обычный сливочный крем — будет в самый раз! Затем разложила кремовую смесь по трем мисочкам. Самую большую порцию она решила оставить белой, другую сделала ярко-розовой, почти красной, с помощью купленного в супермаркете красного пищевого красителя, а последнюю порцию — темно-коричневой, добавив туда какао.

Закончив возиться с кремом для торта, она подумала: на что же мне его выложить? Она выудила из груды грязной посуды в раковине длинное блюдо и тщательно отмыла его под струей горячей воды. На то, чтобы отдраить с него застарелую грязь, у нее ушло немало моющего средства.

Она открыла дверцу духовки и проткнула вилкой бисквит: готов. Она вытащила его и, перевернув вверх дном, оставила остывать.

Она была рада, что Эйнсли нет дома. Ей не

хотелось, чтобы кто-то мешал ей проделать задуманное. Вообще-то, судя по отсутствию следов Эйнсли, было ощущение, что она сегодня здесь и не ночевала. Во всяком случае, ее зеленого платья нигде не было видно. В ее комнате на кровати валялся чемодан нараспашку: наверное, она его оставила тут накануне вечером. Какое-то ее барахло, обычно раскиданное по полу, было вброшено внутрь, будто подхваченное воздушным вихрем. У Мэриен мелькнула мысль: и как Эйнсли вообще умудрится впихнуть свои пожитки, заполонившие всю эту комнату, в тесное прямоугольное пространство чемоданов.

Пока торт остывал, она ушла к себе и привела в порядок волосы, заколов наверх пряди, чтобы избавиться от любых следов своеволия парикмахера-стилиста. На душе у нее было легко, и голова слегка кружилась: наверное, от недосыпа или от голода. Она взглянула в зеркало и широко улыбнулась, обнажив два ряда зубов.

Бисквит остывал не слишком быстро. Но ей не хотелось ставить его в холодильник для ускорения процесса: там он пропитается дурными запахами. Она вынула его из алюминиевой формы, положила на чистое блюдо, распахнула кухонное окно и выставила на заснеженный

подоконник снаружи. Она знала, что произойдет, если горячий торт подмерзнет: оттаяв, его кремовое украшение растечется, а воздушный бисквит опадет и слипнется.

Интересно, который час. Ее часики так и лежали на туалетном столике, где она их оставила накануне, но завод кончился. Ей не хотелось включать радиоприемник Эйнсли — это ее слишком отвлечет. Она уже начала нервничать. Был один номер, по которому она всегда могла позвонить… но в любом случае надо поторапливаться.

Она сняла корж с подоконника, потрогала бок, чтобы понять, достаточно ли он остыл, а затем принялась действовать. Орудуя двумя вилками, она разделила его пополам по горизонтали. Одну половинку положила плоской стороной на блюдо, выскребла часть бисквита, вылепила из него голову и приложила сверху к оставшемуся куску, сдавив его с боков, — получилось туловище с талией. Вторую половинку коржа разрезала на полоски — бисквитные руки и ноги. Воздушный бисквит был очень податлив, лепить из него было легко. С помощью белого крема она приладила голову, ноги и руки к туловищу, а затем покрыла остатками крема получившуюся фигуру. Местами фигура получилась неровная, а на белую кожу

налипли какие-то крошки, но ничего страшного, и так сойдет. На всякий случай она закрепила ноги и ступни зубочистками.

Перед ней на блюде лежало голое белое тело. Выглядело оно, такое мягкое, сладкое и безликое, немного непристойно. И она принялась его одевать, наполнив кондитерский шприц розовым кремом. Для начала она нарисовала на теле розовые трусики-бикини. Но этого было явно недостаточно. Она провела розовую кремовую полоску на бисквитной груди. Теперь это был обычный раздельный купальник. Но все равно еще не совсем то, чего бы ей хотелось. Она продолжала колдовать над нарядом, добавляя детали сверху и снизу, пока у нее не получилось нечто вроде платья. В творческом порыве она даже добавила рюшки на вырезе платья сверху и рюшки по нижнему краю. Потом нарисовала улыбающийся пухлогубый розовый рот и в тон ему розовые туфли. Напоследок пририсовала по пять крошечных розовых ноготков на обеих бесформенных руках.

Бисквитная женщина выглядела странно: с губами, но без волос и глаз. Мэриен промыла шприц и наполнила его шоколадным кремом. Она нарисовала на лице нос и два больших глаза,

к каждому из которых присовокупила ресницы и брови. Для контраста она провела коричневую линию, отделяющую одну ногу от другой, а потом такие же линии, чтобы отделить руки от туловища. Работа над волосами отняла больше времени. Пришлось делать изощренные шоколадные завитки и кудельки на лбу и на макушке, пускать волнистые пряди по плечам.

Глаза все еще оставались пустыми. Мэриен решила сделать их зелеными — другими возможными вариантами были красный и желтый, больше никаких цветов у нее не имелось, и, вооружившись зубочисткой, она изобразила зеленым пищевым красителем две радужные оболочки. Теперь у нее остались только кондитерские украшения в виде серебристых полушарий. Она использовала два таких — для белков глаз. Из оставшихся выложила цветочные узоры на розовом платье и несколько полушарий вставила в волосы. Теперь бисквитная женщина стала похожа на антикварную фарфоровую статуэтку. И Мэриен даже пожалела, что не купила свечки для торта. Но куда же их вставить? Для них просто не осталось места. Образ был завершен.

Ее творение лежало, устремив на нее кукольное лицо, абсолютно бесстрастное, ну разве что

с серебристым блеском интеллекта в зеленых глазах. Мэриен работала над ней почти с радостью, но теперь, когда работа была закончена, она задумалась. Сколько же усилий потребовала эта дама, но что теперь будет с ней самой?

— Выглядишь ты очень вкусно! — обратилась она к бисквитной женщине. — Очень аппетитно. И я знаю, что с тобой будет. Вот что тебя ожидает, оттого что ты съедобная!

При мысли о пище ее желудок сжался. Мэриен стало немного жаль свое творение, но теперь она была бессильна что-либо предпринять. Судьба бисквитной женщины была предрешена. На лестнице уже послышались шаги Питера.

На мгновение Мэриен представила себе, какой грандиозной дурой, какой инфантильной и жалкой она может показаться со стороны любому разумному наблюдателю. И что за игру она затеяла? Но дело не в этом, нервно убеждала она себя, заправляя выбившуюся прядь. Хотя, если Питер сочтет ее выходку дурацкой, она ему поверит, она смиренно примет его версию самой себя, он посмеется над ней, и они сядут и спокойно выпьют по чашке чаю.

Она невесело улыбнулась Питеру, когда тот вошел в прихожую. Выражение его лица: взгляд

исподлобья, челюсть выпячена — говорило, что он все еще злится. И одет он был в соответствии со своим злобным настроением: шитый на заказ строгий костюм, в котором он казался недоступным, и галстук — с яркими «огурцами» на мрачноватом коричневом фоне.

— Ну, и что это все такое… — начал он.

— Питер, пройди в гостиную и присядь. Я тебе приготовила сюрприз. Потом мы сможем поговорить, если захочешь. — И она опять ему улыбнулась.

Он был явно озадачен и даже забыл сохранить нахмуренный взгляд: видимо, ожидал от нее сбивчивых извинений. Но безропотно повиновался. Она на мгновение замешкалась в дверном проеме, почти с нежностью глядя на его затылок, устало прижатый к спинке дивана. Теперь, когда она снова увидела его, реального Питера, основательного и непробиваемого, как всегда, все ее страхи по поводу вчерашнего вечера показались дурацкими и истеричными, а побег к Дункану — несусветной глупостью, наваждением, и теперь она даже с трудом могла вспомнить, как он выглядит. Питер же ей не враг, он просто нормальный человек, как и большинство людей. И ей захотелось потрогать его за шею и сказать, что

ему не о чем волноваться, что все будет хорошо. А Дункан — это так, опечатка.

Но его плечи были как-то странно напряжены. Наверное, он сидел, скрестив руки на груди. Лицо, которого она не видела, могло быть чьим угодно. И все мужчины носили одежду из настоящей ткани, и у всех были настоящие тела: и все те, о ком писали в газетах, те, кто был ей незнаком, только и дожидались удобной возможности прицелиться в нее из окна верхнего этажа. Мимо таких она каждый день проходила на улице. Легко было видеть в нем нормального и безвредного человека в дневное время, но это ничего не меняло. Ценой этого варианта реальности была проверка другого варианта.

Она ушла в кухню и вернулась, неся перед собой блюдо с бисквитной женщиной, осторожно и благоговейно, словно местом действия была театральная сцена и она изображала участницу религиозной процессии, которой доверили нести святыню — икону или корону на бархатной подушечке. Припав на колени, она опустила блюдо на кофейный столик перед Питером.

— Ты пытался меня уничтожить, — произнесла она. — Ты пытался поглотить меня. Но вот я сделала замену, которая понравится тебе гораздо

больше. Ты же именно такую всегда и хотел, да? Я дам тебе вилку, — добавила она будничным тоном.

Питер молча переводил взгляд с торта на Мэриен и обратно. Она уже не улыбалась.

В его расширенных глазах мелькнула тревога. Нет, она явно не казалась ему дурой.

Когда за ним закрылась дверь — а ушел Питер довольно быстро, они толком и не поговорили, потому что он был явно сконфужен и все время порывался уйти, даже от чая отказался, — она уставилась на бисквитную женщину. Все-таки Питер так и не съел ее. И как символ она не сыграла отведенной ей роли. Она вытаращила на Мэриен серебристые глаза, загадочная, насмешливая и аппетитная.

И тут Мэриен почувствовала голод. Зверский голод. Торт, в конце концов, — это же просто торт. Она подхватила блюдо, отнесла его на кухню и нашла вилку.

— Начну с ног, — решила она.

Она опасливо подержала во рту первый кусок. Странное было ощущение, но самое приятное — то, что она снова могла ощущать вкус еды, жевать и глотать. «Неплохо получилось, — подумала Мэриен оценивающе, — но нужно побольше

лимона».

В ее душе, не участвующей в процессе поедания торта, пронеслась волна ностальгии по Питеру — с таким же сожалением вспоминаешь о вышедшей из моды одежде и упрямо ищешь ее среди старья на вешалках в лавках Армии спасения. Он возник у нее перед мысленным взором: в самодовольной позе посреди шикарного зала с портьерами и канделябрами, безукоризненно одетый, со стаканом виски в руке; его нога покоилась на голове чучела льва, а один глаз был прикрыт черной повязкой. Под мышкой у него висел револьвер в кобуре. Картинку обрамляла золотая виньетка, а над левым ухом Питера виднелась канцелярская кнопка. Она задумчиво облизала вилку. Его несомненно ждет успех.

Она уже почти доела ноги, как на лестнице опять послышались шаги: в квартиру поднимались два человека. Затем в проеме кухонной двери показалась Эйнсли, а за ней — кудлатая голова Фишера Смайта. На ней все еще было вчерашнее голубовато-зеленое платье, но сильно помятое. Да и сама она выглядела не лучше: лицо утомленное, бледное, да и живот за истекшие двадцать четыре часа, похоже, заметно округлился.

— Приветик! — произнесла Мэриен, помахав

им в воздухе вилкой. Она как раз поддела кусок розового бедра и собиралась отправить его в рот.

Фишер, добредя до их лестничной площадки, привалился к стене и прикрыл веки, а Эйнсли вытаращилась на нее:

— Мэриен, что это у тебя? — Она подошла ближе, чтобы разглядеть получше. — Это же женщина! Торт в виде женщины! — Эйнсли бросила на Мэриен недобрый взгляд.

Та спокойно жевала кусок бисквита.

— Попробуй! — предложила она. — Получилось очень неплохо. Я испекла сегодня днем.

Эйнсли раскрыла рот и тут же закрыла, как рыба, словно пыталась постичь глубокий смысл увиденного.

— Мэриен! — в ужасе воскликнула она. — Ты же отрекаешься от своей женской природы!

Она перестала жевать и уставилась на Эйнсли, которая воззрилась на нее сквозь упавшие ей на глаза волосы со скорбным изумлением, почти осуждающе. И как ей это удавалось — с такой драматической серьезностью изображать уязвленное благородство? Эйнсли вдруг превратилась в защитницу морали не менее ревностную, чем их домовладелица.

Мэриен перевела взгляд на блюдо. Бисквитная

женщина лежала там все с той же застывшей улыбкой на розовых губах, но без ног.

— Чушь! — возразила она. — Это же просто торт.

И всадив вилку в туловище, она аккуратно отделила его от головы.

Часть третья

31

Я прибиралась в квартире. Мне потребовалось два дня, чтобы собраться для этого с силами, но наконец-то я приступила. Пришлось удалять грязь слой за слоем. Сначала надо было убрать мусор, лежащий на поверхности. Я начала с комнаты Эйнсли, рассовывая все, что она оставила, по картонным коробкам. Полупустые баночки из-под косметики и использованные тюбики губной помады, ворох старых газет и журналов на полу, засохшую банановую кожуру, которую я извлекла из-под кровати, брошенную ею одежду. Мои вещи, которые я тоже намеревалась выбросить, отправились в те же коробки.

Когда пол и мебель были вычищены, я вытерла пыль со всех видимых поверхностей, включая декоративные виньетки на дверях, все двери и все подоконники. Потом взялась за полы: подмела, помыла и натерла воском. Обилие грязи на полу поражало: такое впечатление, что под верхним слоем паркета был настлан еще один. Затем я перемыла всю посуду, после чего постирала кухонные занавески. И сделала перерыв на обед. После обеда я разморозила холодильник. Я

не стала внимательно изучать весь тот кошмар, который успел образоваться внутри. Но, поднеся одну за другой стеклянные банки к свету, удостоверилась, что открывать их лучше не стоит. Все, что лежало внутри, давно обросло густыми волосами, мехом или перьями, в зависимости от содержимого, и я вполне могла представить себе, как все это воняло. Я аккуратно сложила все банки в мешок с мусором. Морозильник пришлось обрабатывать ножом для колки льда, и я быстро обнаружила, что снежная шуба, смахивающая на седой губчатый мох, становилась чем глубже, тем тверже, как гранит, так что пришлось оставить его немного оттаять, чтобы потом откалывать кусок за куском.

Я только-только приступила к мытью окон, как зазвонил телефон. Это был Дункан. Удивительно: я уже почти забыла о нем.

— Ну и? — спросил он. — Что происходит?

— Все сломалось. Я поняла, что Питер пытался меня уничтожить. И теперь я ищу новую работу.

— Хм, вообще я не то имел в виду, — сказал Дункан. — Меня больше волнует Фишер.

— А, — разочарованно бросила я. Могла бы догадаться.

— То есть, мне кажется, я понимаю, что произо-

шло, но не совсем понимаю почему. Знаешь, он пренебрегает своими обязанностями.

— Какими обязанностями? Ты имеешь в виду учебу в аспирантуре?

— Нет, я имею в виду заботу обо мне. И что же мне теперь делать?

— Ни малейшего представления! — Я разозлилась на него за то, что он не хотел обсуждать мое будущее. Теперь, когда я снова стала думать о себе в первом лице единственного числа, я считала, что моя жизненная ситуация гораздо интереснее, чем его.

— Перестань, — сказал Дункан. — Мы не можем вести себя одинаково. Один из нас должен играть роль сострадающего слушателя, а другой испытывать душевные терзания и неуверенность. В прошлый раз ты испытывала душевные муки и неуверенность.

«Посмотри правде в глаза, — подумала я, — тебе у меня не выиграть».

— Ладно. Забегай чуть позже на чашку чаю. Но имей в виду, — добавила я извиняющимся тоном, — в квартире бедлам.

Когда он пришел, я заканчивала мыть окно в гостиной: стоя на стуле, смывала тряпкой белую пену средства для мытья стекол. Мы не мыли

окна довольно давно, и они покрылись довольно толстым слоем грязи, и мне было любопытно: смогу ли я их отмыть настолько, чтобы они снова стали прозрачными. Меня беспокоило, что на внешней стороне стекол осталась грязь, до которой я никак не могла дотянуться: сажа и засохшие потеки дождевой воды. Я не слышала, как вошел Дункан. Он, наверное, какое-то время стоял в дверях и смотрел на меня, прежде чем объявил наконец о своем приходе:

— Я тут!

Я так и подпрыгнула.

— А, привет! Я скоро. Только закончу с этим окном.

Он исчез на кухне.

В последний раз отполировав окно рукавом, отодранным от брошенной Эйнсли блузки, я без большой охоты слезла со стула — когда я за что-то берусь, то люблю это доводить до конца, а несколько окон в квартире так и остались невымытыми; кроме того, перспектива обсуждать любовную жизнь Фишера Смайта не слишком меня увлекала, — и вошла на кухню.

Дункан сидел на стуле и с отвращением и тревогой смотрел в раскрытый холодильник.

— Чем тут воняет? — спросил он, принюхи-

ваясь.

— Разным, — беззаботно ответила я. — Воском для пола, жидкостью для мытья стекол и еще кое-чем.

Я распахнула кухонное окно.

— Чай или кофе?

— Все равно, — сказал он. — Ну так, что на самом деле произошло?

— Тебе следует знать, что они поженились.

Заварить чай было бы проще, но, порывшись в буфете, я не нашла заварки. И насыпала молотого кофе в кофеварку.

— Ну, это я уже понял. Фиш оставил нам какую-то невнятную записку. Но как это случилось?

— А как такие вещи вообще случаются? Они познакомились на вечеринке. — Я включила кофеварку и села. Меня так и подмывало поводить его за нос, но у него на лице нарисовалось страдальческое выражение. — Есть, конечно, кое-какие осложнения, но, думаю, все устаканится.

Накануне днем Эйнсли вернулась после долгого отсутствия и собрала чемоданы, пока Фишер ждал в гостиной, откинув голову на спинку диванчика и закрыв глаза, а его косматая борода шевелилась, словно жила своей жизнью. Буквально несколькими фразами она дала мне понять, что

на медовый месяц они ездили к Ниагарскому водопаду и что, по ее мнению, из Фишера выйдет, как она выразилась, «классный отец».

Я, как могла, все это изложила Дункану. Мой рассказ его не испугал, не привел в восторг и даже не удивил.

— Ну что ж, — произнес он, — думаю, это пойдет Фишеру на пользу. Человечество не может вытерпеть переизбытка фантазий. А вот Тревора это выбило из колеи. Нервы у него совсем расшатались. Он целыми днями валяется в постели с головной болью и даже отказывается готовить. А значит, мне придется оттуда съезжать. Ты же знаешь: распавшаяся семья оказывает разрушительное воздействие на психику, а я бы не хотел, чтобы моя личность деформировалась.

— Надеюсь, это пойдет на пользу и Эйнсли! — И я не кривила душой. Я радовалась, что она все-таки подтвердила мою пристрастную веру в ее способность постоять за себя: ведь настал момент, когда я стала сомневаться. — По крайней мере, Эйнсли получила то, что, как ей кажется, она и хотела, а это, я думаю, уже немало.

— Вброшен, как игральная кость, обратно в большой мир, — задумчиво произнес Дункан, грызя ноготь большого пальца. — Интересно, что

из меня выйдет. — Но этот вопрос его не сильно интересовал.

Упоминание об Эйнсли заставило меня вспомнить о Леонарде. Я позвонила Кларе почти сразу же после того, как мне стало известно о замужестве Эйнсли, так что теперь она могла сообщить Лену, что опасность миновала и он может больше не прятаться. Она мне перезвонила.

— Он меня беспокоит, — сказала Клара. — Он явно не испытывает облегчения, а ведь должен. Я думала, он сразу вернется к себе в квартиру, а он говорит, что не хочет. Лен боится выйти из дома, и, похоже, ему вообще ничего не надо, пока он безвылазно сидит в комнате у Артура. Дети его обожают, и должна тебе сказать, это просто здорово, что в доме появился человек, который может хоть немного освободить меня от детей, но беда в том, что он целыми днями играет с игрушками Артура, и из-за этого они иногда даже ссорятся. И он перестал ходить на работу, он даже туда не позвонил и не сообщил, где он. Если он останется у нас дольше, я не знаю, как его выдержу.

Тем не менее ее голос звучал деловито и не так нервно, как обычно.

В холодильнике что-то с грохотом упало. Дункан подскочил, вынув палец изо рта.

— Что это такое?

— Ничего, вероятно, кусок льда отвалился, — объяснила я. — Я размораживаю холодильник.

Запахло свежим кофе. Я поставила на стол две чашки и наполнила их.

— Ну что, ты начала снова есть? — поинтересовался Дункан после паузы.

— Как ни странно, да. На обед у меня был стейк. — Последнюю фразу я произнесла с гордостью. Мне все еще казалось чудом, что я рискнула совершить такую дерзость, и моя попытка увенчалась успехом.

— Здоровее будешь! — одобрил Дункан. И впервые с того момента, как вошел в квартиру, взглянул на меня в упор. — И ты стала лучше выглядеть. Появился живой блеск в глазах, и вообще ты как-то повеселела. Как тебе это удалось?

— Я же тебе сказала. По телефону.

— Ты про то, что Питер якобы пытался тебя уничтожить?

Я кивнула.

— Но это же смехотворно, — сумрачно произнес он. — Питер вовсе не пытался тебя уничтожить. Ты все это придумала. На самом деле, это ты пыталась уничтожить его.

У меня сердце упало.

— Ты так думаешь?

— А ты покопайся в себе. — И он бросил на меня гипнотический взгляд сквозь упавшие на глаза волосы. Он отпил кофе, дав мне время подумать над его словами, а потом добавил: — Но правда в том, что дело не в Питере. Дело во мне. Это я пытался тебя уничтожить.

Я нервно рассмеялась.

— Прекрати говорить ерунду!

— Ладно. Всегда пожалуйста. Может быть, Питер пытался уничтожить меня, а может быть, я пытался уничтожить его, или мы оба пытались уничтожить друг друга, как тебе такое? Да какая разница, ты же вернулась к так называемой реальной жизни, ты теперь опять поедатель.

— Кстати, — вспомнила я. — Хочешь торта? У меня осталась половина туловища и голова.

Он кивнул. Я дала ему вилку и принесла тарелку с останками бисквитной женщины и, предварительно сняв с нее пищевую пленку, пояснила:

— Уцелела только голова.

— Я не знал, что ты умеешь печь торты, — произнес он, отправив в рот первый кусок. — Не хуже, чем у Тревора!

— Спасибо, — скромно поблагодарила я. — Я

люблю готовить, если есть свободное время.

Я села и стала наблюдать, как исчезает мой торт: сначала улыбающиеся розовые губы, потом нос, потом один глаз. Через мгновение от лица ничего не осталось, кроме последнего зеленого глаза, а потом и он исчез в мгновение ока. И Дункан принялся поедать волосы.

Мне доставляло особое чувство удовлетворения глядеть, как он ест: словно в доказательство того, что мои труды не пропали даром — хотя торт был им проглочен без выражения восторгов и даже без видимого удовольствия. Я сидела с довольной улыбкой.

Дункан не улыбался. Он был целиком занят своим делом.

Он поддел вилкой последний шоколадный завиток и отодвинул пустую тарелку.

— Спасибо, — сказала он, облизав губы. — Было вкусно.

Перевод с английского Олега Алякринского